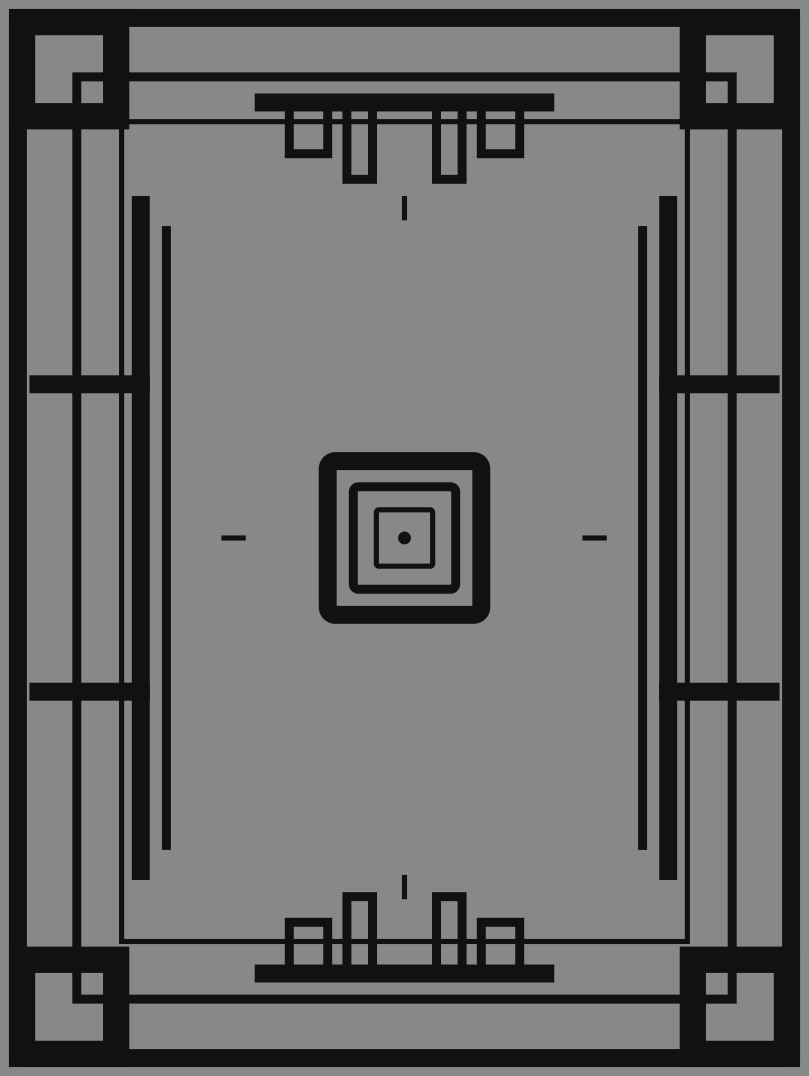

Парк Горького

Мартин Круз Смит

Аннотация
Мартин Круз СМИТ. ПАРК ГОРЬКОГО
Москва
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
Шатура
1

2
3
Нью-Йорк
1
2
3
4

Аннотация

При подготовке перевода и редактировании романа Мартина Круза Смита «Парк Горького» редакторы стремились, по возможности, не отходить от авторского текста, несмотря на массу неточностей и фактологических ошибок, допущенных автором. Это в первую очередь касается его знания географии Москвы (при всем желании из Парка Горького нельзя увидеть ни Донского монастыря, ни Министерства обороны), советской юриспруденции (следователей в ЦК КПСС не было, контролем за исполнением постановлений правительства прокуратура непосредственно не занимается, а прокуроры не носят мундиров с генеральскими погонами на плечах), наконец, повседневных реалий советской жизни (трудно поверить чтобы к следователю обращались просто по должности, без обязательного прибавления «товарищ»).

Разумеется, читатель и сам без труда заметит все эти огрехи, однако мы сочли своим долгом предупредить о них.

Мартин Круз СМИТ
ПАРК ГОРЬКОГО

Москва

1

Если бы ночи всегда были такими темными, зимы такими мягкими, а свет фар так ослепительно ярок…

Милицейский фургон резко тормознул и заскользил по снегу. Из машины выбралась бригада по расследованию убийств — будто выкроенные по одному шаблону неуклюже туповатые на вид милиционеры в овчинных полушубках и худощавый, бледный, в штатском — старший следователь. Он с интересом выслушал рассказ офицера, обнаружившего в снегу трупы — тот наткнулся на них глубокой ночью, сойдя с тропинки парка, — закоченел от холода, захотелось отлить — расстегнулся и тут увидел их.

Группа двинулась в направлении света фар. Следователь полагал, что бедняги сбросились на троих и, веселясь, замерзли насмерть. Водка в стране всегда была «жидкой валютой». Цена ее постоянно росла. Считалось, что бутылка на троих удачно сочетала экономические возможности и желаемый результат. Великолепный пример первобытного коммунизма.

Осветилась другая сторона поляны, по снегу

побежали тени от деревьев, затем наконец появились две черные «Волги». Из машин вышла группа сотрудников КГБ в штатском во главе с коренастым энергичным майором по фамилии Приблуда. Милиционеры и агенты КГБ топали ногами, чтобы согреться. Изо ртов валил пар. На шапках и воротниках мерцал иней.

Милиция, служба МВД, регулировала уличное движение, гоняла пьяных и ежедневно подбирала трупы. На Комитет государственной безопасности, КГБ, возлагались более важные обязанности — борьба с внешними и внутренними заговорщиками, контрабандистами, недовольными. Хотя сотрудникам комитета полагалась форма, они предпочитали ходить в штатском, чтобы быть незаметными. Майор Приблуда, расточая улыбки, беспрестанно отпускал грубоватые шутки, довольный, что тем самым сглаживает профессиональную неприязнь, которая отравляла «сердечные» отношения между милицией и Комитетом государственной безопасности. Он разглядел следователя.

— Ренко!

— Так точно. — Аркадий Ренко сразу направился к трупам. Приблуде оставалось идти следом.

Оставленные на снегу следы милиционера,

обнаружившего трупы, кончались на полпути к выдавшим трагедию сугробам в центре поляны. Старшему следователю полагалось бы курить хорошие сигареты, но Аркадий закурил крепкую дешевую «Приму» и глубоко затянулся — как всегда, когда он имел дело с мертвецами. Как и говорил милиционер, было три трупа. Они мирно, будто уложенные заботливой рукой, покоились под тающей ледяной коркой. Тот, что в центре, лежал на спине со сложенными как для похорон руками. Другие два — скорчившись подо льдом, будто виньетки по углам дорогой почтовой бумаги. На всех были коньки.

Приблуда плечом оттеснил Аркадия.

— Начнете, когда смогу убедиться, что здесь не затронуты вопросы государственной безопасности.

— Безопасности? Майор, да здесь три пьяницы в общественном парке…

Но майор уже махал рукой одному из своих сотрудников с фотоаппаратом. При каждом щелчке затвора снег вспыхивал голубым светом, а трупы будто парили в воздухе. Иностранная камера проявляла снимки почти моментально. Один из них фотограф с гордостью показал Аркадию. Отраженный снегом свет вспышки смазывал

изображения трупов.

— Ну как?

— Быстро. — Аркадий вернул фотографию. Снег вокруг трупов все больше затаптывали. Чтобы унять раздражение, он снова закурил. Провел длинными пальцами по гладким темным волосам. Заметил, что ни майор, ни фотограф не догадались надеть сапог. Может быть, промокшие ноги заставят кагэбистов заняться своими делами. Что касается трупов, то он рассчитывал найти поблизости в снегу пустую бутылку — другую. Позади него, за Донским монастырем, постепенно рассеивалась ночная мгла. На краю поляны он увидел Левина, патологоанатома из милиции, с презрением наблюдавшего за происходящим.

— Похоже, что трупы лежат здесь давно, — сказал Аркадий. — Через полчаса наши специалисты смогут очистить их ото льда и исследовать при свете.

— В один прекрасный день и ты станешь таким, — Приблуда указал на ближайший труп.

Аркадий не был уверен, не ослышался ли он. В воздухе мерцали льдинки инея. Не мог он так сказать, решил Аркадий. Лицо Приблуды с хитрым выражением, будто он что-то задумал, то

появлялось в свете фар, то исчезало. Сверкали его маленькие темные глазки. Внезапно он стал стягивать перчатки.

— Мы здесь не для того, чтобы вы нас учили. — Приблуда, раскинув ноги, уселся прямо на трупы и начал по-собачьи разгребать снег налево и направо.

Человек порой думает, что привык к виду смерти; Аркадию приходилось бывать в жарких кухнях, забрызганных кровью от пола до потолка, он специалист, ему известно, что летом бывает слишком много крови, поэтому он предпочитает закоченевшие в зимнее время трупы. И вот из снега показалась маска смерти. Старший следователь подумал, что он никогда не забудет это зрелище. Он еще не знал, что оно станет решающим событием его жизни.

— Убийство, — сказал Аркадий.

Приблуда был невозмутим. Он тотчас стал сметать снег с других голов. Они выглядели так же, как и первая. Затем он сел верхом на тело, лежавшее посредине, и начал колотить по замерзшему пальто, а потом разодрал его. Затем он содрал с тела нижнюю одежду.

— Та-ак, — рассмеялся он. — Можно констатировать, что это баба.

— Ее застрелили, — сказал Аркадий. Между мертвенно-белых грудей чернела рана. — Вы уничтожаете следы, майор.

Приблуда разломал одежду на двух других трупах.

— Застрелены, все застрелены! — Он ликовал, как удачливый грабитель могил.

Фотограф Приблуды озарял его действия вспышками, фиксируя, как тот приподнимает смерзшиеся волосы, выковыривает из черепа одного из трупов сплющенную пулю. Аркадий заметил, что, кроме обезображенных лиц, у всех трех жертв отсутствовали последние фаланги пальцев.

— У мужиков, кроме того, прострелены головы, — Приблуда вытер снегом руки. — Три трупа, счастливое число, следователь. Теперь, когда я сделал за вас грязную работу, мы квиты. Хватит, — приказал он фотографу. — Поехали.

— Вы всегда делаете грязную работу, майор, — сказал Аркадий, когда фотограф удалился.

— Что вы хотите сказать?

— В снегу три убитых и изуродованных человека. Это работа для вас, майор. Вы же не хотите, чтобы расследованием занимался я. Кто знает, куда это может привести?

— Куда же?

— Всякое случается, вы же сами знаете. Почему бы вам и вашим людям не взять расследование на себя, а я бы со своими людьми отправился домой?

— Насколько я вижу, здесь нет признаков государственного преступления. Просто дело несколько сложнее, чем обычно, только и всего.

— Более сложное из-за того, что кто-то уничтожил следы.

— Протокол и фотографии вам пришлют, — Приблуда изящными движениями надел перчатки, — так что мой труд пойдет вам на пользу. — Он заговорил громче, чтобы было слышно всем, кто находился на поляне. — Само собой разумеется, если вы обнаружите что-нибудь относящееся к компетенции Комитета государственной безопасности, пусть прокурор немедленно сообщит мне. Вам ясно, следователь Ренко? Через год или через десять лет, но как только вы что-то узнаете, дайте знать.

— Так точно, — так же громко ответил Аркадий. — Можете рассчитывать на наше полное сотрудничество.

«Гиены, воронье, навозные мухи, черви, — думал следователь, глядя на покидающий поляну

автомобиль Приблуды. — Темные твари». Занималась заря; он чуть ли не физически ощущал, как земля ускоряет вращение навстречу восходящему солнцу. Снова закурил, чтобы выбросить из головы Приблуду. Курение — отвратительная привычка, как и пьянство, также порождение государственной монополии. Все на свете — государственная монополия, включая его самого. В первых проблесках утра уже заискрился снег. На краю поляны милиционеры все еще удивленно таращили глаза. Они уже увидели эти выступающие из снега кровавые маски.

— Расследование поручили нам, — объявил Аркадий своим сотрудникам. — Так что пора браться за дело.

Он приказал поскорее огородить место происшествия, а сержанту поручил вызвать по рации еще одну машину с людьми, лопатами и металлоискателями.

— Значит, мы…

— Продолжаем, сержант. До дальнейших указаний.

— Хорошенькое утро, — усмехнулся Левин.

Патологоанатом был старше других по возрасту. По виду — еврей с карикатуры в форме капитана милиции. Он равнодушно наблюдал

за Таней, выездным экспертом, которая не могла оторвать глаз от изуродованных лиц убитых. Аркадий отвел ее в сторону и распорядился для начала набросать план поляны, а потом попробовать изобразить положение трупов.

— До или после того, как на них напал милый майор? — спросил Левин.

— До, — сказал Аркадий. — Как если бы майора вовсе здесь не было.

Судмедэксперт группы начал искать в снегу вокруг трупов следы крови. Похоже, сегодня будет чудесная погода, подумал Аркадий. Он увидел, как первый луч солнца заиграл в окнах на здании Министерства обороны на том берегу Москвы-реки — единственные минуты, когда оживали его бесконечные серые стены. Вокруг поляны, как пугливые олени, из темноты возникали деревья. Снежные узоры засверкали розовыми и голубыми лентами. Наступал день, когда, казалось, зима начала наконец уступать место весне.

— Черт, — взгляд его снова остановился на трупах.

Фотограф следственной группы спросил, не фотографировали ли уже сотрудники КГБ.

— Да, но уверен, что их фотографии годятся только на сувениры, — сказал Аркадий, — никак

не для следствия.

Польщенный фотограф рассмеялся.

«Давай, — подумал Аркадий, — смейся громче».

В служебной машине — откатавшем пять лет «Москвиче», а не в сияющей, как у Приблуды, «Волге» — приехал следователь Паша Павлович. Щегольски одетый мускулистый романтик, Паша был наполовину татарин.

— Три трупа. Двое мужчин и женщина. — Аркадий сел в машину. — Замерзшие. Может быть, им неделя, может, месяц, а может, и пять. Нет никаких документов, никаких вещей, ничего. Все убиты выстрелами в сердце, у двоих, кроме того, раны в головах. Пойди взгляни на их лица.

Аркадий остался ждать в машине. Просто не верилось, что зима заканчивалась, могла бы и подольше не раскрывать всего этого ужаса. Если бы не вчерашняя оттепель да не переполненный мочевой пузырь милиционера и лунный свет на снегу, Аркадий все еще дремал бы в постели.

Вернулся негодующий Паша.

— Какой идиот мог натворить такое?

Аркадий жестом поманил его в машину.

— Здесь был Приблуда, — сказал он, когда Паша забрался внутрь.

Говоря это, он видел, как едва уловимо изменилось поведение сыщика, — при этих немногих словах он как-то сжался, бросая взгляд то на поляну, то снова на Аркадия. Эти три загубленные души были не столько жертвами страшного преступления, сколько создавали щекотливую проблему, нередкую во взаимоотношениях с КГБ. Но Паша принадлежал к порядочным людям и больше, чем кто-либо другой, принимал все близко к сердцу.

— Это дело не для нас. — добавил Аркадий, — Мы поработаем здесь немного, а потом они заберут его от нас, не беспокойся.

— Все-таки в Парке Горького… — растерянно пробормотал Паша.

— Да, очень странно. Делай то, что я скажу, и все будет хорошо. Поезжай в местное отделение милиции и достань план конькобежных дорожек. Составь списки всех милиционеров и буфетчиц, работавших зимой в этой части парка, а также дружинников, которые могли крутиться здесь. Главное — побольше активности, — Аркадий вышел из машины и наклонился к окну. — Кстати, дали мне еще кого-нибудь из следователей?

— Фета.

— Я его не знаю.

Паша сплюнул в снег и сказал: «Птичка по лесу летала, что услышит, повторяла…»

— Ну и ладно. — В таком деле к нему обязательно должны были прицепить стукача, следователь смирился с этим обстоятельством. — Хоть какая, да помощь.

Паша уехал. Подъехали два грузовика с курсантами школы милиции с лопатами. Таня разбила поляну на квадраты, так, чтобы можно было убирать снег метр за метром, точно обозначать места, где будут обнаружены вещественные доказательства. Правда, Аркадий не надеялся найти что-нибудь, учитывая срок, прошедший со времени убийства. Однако нужно было создать видимость работы. Если это удастся, к концу дня, возможно, заглянет Приблуда. Во всяком случае, физический труд не повредит милиционерам. Они были даже рады немного размяться. В остальном же у них не было особых причин радоваться. В милицию набирали деревенских парней прямо из армии, соблазняя их обещаниями московской прописки, в чем порой отказывали даже физикам-ядерщикам. Потрясающе! В результате москвичи считали милицию чем-то вроде оккупационной армии бездельников и скотов. Милиционеры в свою очередь видели в своих

согражданах законченных диссидентов и тунеядцев. Однако ни один из них не вернулся в деревню.

Солнце было высоко, живое, теплое, уже не тот мертвый диск, каким оно появлялось зимой. Курсанты слонялись под теплым весенним ветерком, отводя глаза от середины поляны.

Почему в Парке Горького? Укрыть трупы было бы гораздо легче в парках побольше — в Измайлове, в парке Дзержинского, в Сокольниках. Парк Горького был всего два километра длиной и меньше километра поперек в самом широком месте. Правда, это был первый парк, открывшийся в столице после революции и пользовавшийся наибольшей любовью москвичей. На юге своим узким концом он почти доходил до университета. На севере за излучиной реки открывалась панорама Кремля. Сюда приходили все: служащие со своими завтраками, бабушки с детьми, юноши и девушки. Там были чертово колесо, фонтаны, детские театры, уютные тропинки и павильоны для игр. Зимой были открыты четыре катка и ледяные дорожки.

Приехал следователь Фет. Он был почти одного возраста с курсантами, сквозь очки в металлической оправе смотрели голубые шарики глаз.

— Займитесь снегом, — Аркадий жестом показал на растущие груды. — Растопите и исследуйте.

— В какой лаборатории, товарищ старший следователь, провести это исследование? — спросил Фет.

— Думаю, это можно сделать горячей водой прямо на месте. — Подумав, что это, возможно, прозвучало недостаточно внушительно, Аркадий добавил: — И чтобы ни одной снежинки не осталось.

Аркадий сел в желто-красную милицейскую машину Фета и въехал на Крымский мост. Замерзшая река вот-вот должна была вскрыться. Девять часов. Два часа как его подняли с постели. Он еще не завтракал, только курил. Спускаясь с моста, он помахал красным удостоверением регулировщику на перекрестке и промчался мимо остановившихся машин. Служебная привилегия…

Аркадий не питал особых иллюзий в отношении своей работы. Он был старшим следователем по расследованию убийств в стране, где совершалось мало хорошо организованных преступлений и не было талантливых преступников. Обычной жертвой простого русского была женщина, с

которой он спал, а потом, напившись, бил ее по голове топором, к тому же и попал-то только на десятый раз. Короче говоря, преступники, с которыми имел дело Аркадий, прежде всего были обыкновенными пьяницами, а потом уже убийцами. Из своего опыта он вынес убеждение, что практически не было ничего опаснее, нежели быть приятелем или женой пьяницы, а полстраны не просыхало от пьянства.

С крыш свисали мокрые сосульки. Пешеходы шарахались от мчавшейся машины следователя. Но все же было лучше, чем два дня назад, когда машины и люди расплывчатыми тенями передвигались в клубах тумана. Обогнув Кремль, он выехал на проспект Маркса, повернул на Петровку и через три квартала подъехал к желтому шестиэтажному зданию — Управлению московской милиции. Поставив машину в подвальном гараже, он поднялся на лифте на третий этаж.

Газеты обычно писали об оперативном штабе милиции как о «настоящем мозговом центре Москвы, готовом в считанные секунды среагировать на сообщения о несчастных случаях или преступлениях в самом безопасном для жизни городе мира». Одна из стен представляла собой огромную карту Москвы, разделенную на

тридцать районов и усыпанную лампочками, обозначавшими сто тридцать отделений милиции. На пульте связи — ряды переключателей. Отсюда офицеры связываются с патрульными машинами («Пятьдесят девятый», ответьте «Волге») или по кодовому названию — с отделениями («Омск», ответьте «Волге»). Едва ли во всей Москве был другой такой зал, где царили бы столь продуманный порядок и спокойная атмосфера — порождение электроники и тщательно организованного процесса просеивания информации. Существовали определенные квоты. Участковому милиционеру полагалось официально докладывать только об определенном числе преступлений; иначе он поставил бы своих коллег с других участков в нелепое положение — им пришлось бы докладывать об отсутствии преступлений вообще. (Все признавали, что хоть какая-то преступность должна быть.) После этого отделения милиции друг за другом подгоняли свою статистику, с тем чтобы показать надлежащее сокращение убийств, разбойных нападений и изнасилований. Это была эффективная система, которая требовала спокойствия и добивалась его. На большой карте сейчас мигала только одна лампочка, означавшая, что за последние двадцать четыре

часа в столице, насчитывающей семь миллионов жителей, отмечен всего лишь один значительный акт насилия. Лампочка мигала там, где был Парк Горького. В центре оперативного зала, глядя на лампочку, стоял комиссар милиции, крупный широколицый мужчина в отделанном золотыми галунами сером генеральском мундире с орденскими колодками во всю грудь. С ним были два полковника, заместители комиссара. Аркадий в своей будничной одежде имел затрапезный вид.

— Товарищ генерал, докладывает старший следователь Ренко, — согласно ритуалу представился Аркадий. «Побрился ли?» — подумал он про себя, удерживая желание провести рукой по подбородку.

Генерал едва кивнул в ответ.

— Генералу известно, — сказал полковник, — что вы специалист по расследованию убийств.

— Генерал хочет знать ваше предварительное мнение по этому делу, — сказал другой полковник. — Можно ли рассчитывать на то, что дело будет раскрыто быстро?

— Я уверен, что с нашей лучшей в мире милицией и при поддержке народа мы сможем разыскать и задержать виновников, — убежденно ответил Аркадий.

— Тогда почему, — спросил первый полковник, — в отделениях милиции нет сводки с информацией о жертвах?

— На трупах не было документов. Они в замороженном состоянии; трудно сказать, когда они умерли. Кроме того, они изуродованы. Установить их личность обычным путем не представляется возможным.

Бросив взгляд на генерала, другой полковник спросил:

— На месте преступления был представитель Комитета государственной безопасности?

— Да.

— В Парке Горького… Просто в голове не укладывается, — в конце концов вставил свое слово и генерал.

В управлении Аркадий позавтракал, выпив кофе с булочкой, затем, опустив двухкопеечную монету, позвонил из автомата.

— Можно товарища Ренко, учительницу?

— Товарищ Ренко на совещании в райкоме партии.

— Мы собирались вместе пообедать. Передайте товарищу Ренко… передайте ей, что муж будет вечером.

Весь следующий час он просматривал досье

молодого сыщика Фета. Удостоверившись, что тот занимался только делами, представлявшими особый интерес для КГБ, Аркадий покинул управление через двор, выходящий на Петровку. Милицейские служащие и женщины, возвращавшиеся после долгого хождения по магазинам, пробирались между стоявшими у подъезда машинами. Помахав дежурному в будке, он направился в лабораторию судебной экспертизы.

В дверях прозекторской Аркадий остановился и закурил.

— Что, боишься блевануть? — взглянул на него Левин, услышав, как чиркнула спичка.

— Нет, просто не хочу мешать работе столь высокооплачиваемых специалистов, — парировал Аркадий, намекая, что патологоанатомы получали на 25 процентов больше обычных врачей, имевших дело с живыми людьми. Это была «надбавка за вредность» да постоянную опасность заразиться от трупного яда.

— Всегда есть риск, — сказал Левин. — Одно неосторожное движение ножом…

— Они заморожены. Единственное, чем они могут тебя наградить, — это простуда. Кроме того, ты никогда не ошибаешься. — Аркадий несколько раз глубоко затянулся, пока носоглотка и легкие

как следует не пропитались дымом.

Подготовившись таким образом, он шагнул в атмосферу, насыщенную запахом формальдегида. Эти три жертвы при жизни были абсолютно разными людьми, но смерть сделала их какими-то страшными близнецами. Белые как мел тела, лишь легкая синева на ягодицах и плечах, покрытых гусиной кожей, у каждого — отверстие против сердца, обрубленные пальцы и безликие головы. От линии волос до подбородка и от уха до уха вся плоть была срезана, остались только костяные маски в запекшейся крови. Глаза выколоты. В таком виде их достали из-под снега. Ассистент Левина, страдающий насморком узбек, еще больше разукрашивал трупы, вскрывая дисковой пилой грудные полости. Чтобы согреть руки, узбек время от времени откладывал пилу. Крупный труп мог оставаться куском льда целую неделю.

— Как же ты раскрываешь убийства, если не выносишь вида покойников? — спросил Аркадия Левин.

— Я арестовываю живых людей.

— И гордишься этим?

Аркадий взял со стола предварительные заключения и прочел:

"Мужчина. Европеоид. Шатен. Цвет глаз неизвестен. Возраст приблизительно 20-25 лет. Смерть наступила от 2 недель до 6 месяцев назад. Замерз до начала заметного разложения. Причина смерти — огнестрельные ранения. Мягкие ткани лица и третьи фаланги пальцев обеих рук отсутствуют ввиду умышленных повреждений. Два смертельных ранения. Рана "А" — от произведенного в упор выстрела в рот, раздробив верхнюю челюсть, пуля прошла под углом 45 градусов через мозг и вышла через затылочную кость. Рана "Б" — от выстрела в область сердца в 2 сантиметрах левее грудины с разрывом аорты. Пуля, обозначенная ПП-Б, извлечена из грудной полости".

"Мужчина. Европеоид. Шатен. Цвет глаз неизвестен. Возраст приблизительно 20-23 года. Смерть наступила приблизительно от 2 недель до 6 месяцев назад. Мягкие ткани лица и третьи фаланги отсутствуют из-за умышленных повреждений. Два смертельных ранения. Рана "А" от произведенного в упор выстрела, раздробившего верхнюю челюсть и

выбившего передние зубы. Пуля, обозначенная ПГ2-А, с отклонением прошла через мозг и застряла в задней стенке черепа, в 5 см выше мозговой пазухи. (ПГ2-А была пулей, которую выковырял Приблуда.) Вторая рана в 3 см левее грудины, проникающая в область сердца. Пуля, обозначенная ПГ2-Б, извлечена из левой лопатки".

«Женщина. Европеоид. Шатенка. Цвет глаз неизвестен. Возраст приблизительно 20-23 года. Смерть наступила приблизительно от 2 недель до 6 месяцев назад. Причина смерти — сквозное огнестрельное ранение в сердце с разрывом правого желудочка и верхней полой вены, входное отверстие в 3 см левее грудины, выходное — в спине, между третьим и четвертым ребрами на 2 см левее позвоночника. Лицо и руки повреждены, как у мужчин ПГ1 и ПГ2. Пуля, обозначенная ПГ3, обнаружена в одежде под выходным отверстием. Признаки беременности отсутствуют».

Прислонившись к стене и накурившись до

головокружения, Аркадий сосредоточенно читал эти бумаги.

— Как ты определил возраст? — спросил он.

— По зубам.

— Значит, зубные формулы уже сделал?

— Да, но от них мало толку. У второго толстенная стальная коронка на коренном зубе, — пожал плечами Левин. Узбек передал формулы и коробку с выбитыми передними зубами, помеченными номерами пуль.

— Одного не хватает, — Аркадий пересчитал зубы.

— Рассыпался в порошок. Что осталось — в другом контейнере. Но, если хочешь взглянуть, есть очень интересные вещи, не отмеченные в предварительном заключении.

Он снова отчетливо увидел мрачные бетонные стены, пятна вокруг водостоков, мигающие лампы дневного света, белую плоть и лобковую растительность. Следователь старался смотреть и не видеть, но… Три мертвеца. Взгляни на нас, говорили маски. Кто нас убил?

— Как видишь, — сказал Левин, — у первого массивный скелет и хорошо развитая мускулатура. Второй — хрупкого телосложения. У него был сложный перелом левой голени. И что самое

интересное, — Левин протянул между пальцами похожий на перья хохолок, — он красил волосы. Их естественный цвет — рыжий. Все это будет зафиксировано в окончательном заключении.

— Жду с нетерпением, — Аркадий вышел.

Левин нагнал Аркадия у лифта и вслед за ним проскользнул в кабину. Когда-то он был главным хирургом Москвы, пока Сталин не тряхнул врачей-евреев со своих мест, и с тех пор держал в кулаке свои эмоции.

— Это дело не по твоей части, — сказал он Аркадию. — Тот, кто резал лица и руки, настоящий специалист. Он это делал и раньше. Снова все, как на Клязьме…

— Если ты прав, майор завтра же заберет это дело к себе. И они не дадут ему ходу, только и всего. Ты чего так волнуешься?

— Ты-то почему спокоен? — Левин открыл дверь и, прежде чем она закрылась, повторил: — Снова все, как на Клязьме.

Помещение баллистической лаборатории почти целиком было занято четырехметровым резервуаром с водой. Аркадий оставил пули и направился в центральную лабораторию — большой зал с паркетными полами, мраморными столами, зелеными грифельными досками и

высокими, по колено, пепельницами, поддерживаемыми свинцовыми нимфами. Одежда каждой из жертв лежала на отдельном столе, и разные группы работали над ее мокрыми остатка-ми. Эту лабораторию возглавлял полковник милиции с прилизанными волосами и пухлыми ручками по фамилии Людин.

— Пока что ничего, кроме крови, — сияя улыбкой, доложил Людин.

При появлении следователя сотрудники подняли головы. Один из подчиненных Людина пылесосил карманы, другой счищал грязь с коньков. Позади них, как конфетки, переливались всеми цветами радуги стеклянные сосуды с реактивами, кристаллами йода, растворами нитрата серебра, гелями агара.

— Откуда одежда? — спросил Аркадий. Ему хотелось увидеть высококачественные заграничные шмотки, которые бы свидетельствовали о том, что троица была связана со сбытом контрабанды, а это уже в компетенции КГБ.

— Вот, посмотрите, — Людин указал на этикетку на внутренней стороне одной из курток. На ней было слово «jeans». — Нашего шитья. Все здесь барахло, которое можно купить в любом магазине. Взгляните на бюстгальтер. — Он кив-

нул на другой стол. — Не французский, даже не немецкий.

Аркадий увидел под рабочим халатом Людина широкий цветастый галстук. Он заметил его потому, что широкие галстуки были недоступны простой публике. Полковник радовался разочарованию Аркадия по поводу одежды убитых — важность криминалистов возрастала прямо пропорционально разочарованию следователя.

— Правда, нам еще нужно применить газовую хроматографию, спектрометрию, выборочную нейтронную активацию, но для трех отдельных комплектов одежды это обойдется в копеечку, — Людин беспомощно развел руками. — Не говоря уж о машинном времени на ЭВМ.

«Цену набивает», — подумал про себя Аркадий.

— Полковник, для правосудия средства не ограничены, — сказал он.

— Верно, верно, но, видите ли, если бы у меня было что-нибудь с подписью, указание провести полную гамму, анализов…

Аркадий в конце концов подписал бланк. Конечно, полковник Людин впишет в него ненужные анализы, которые он и не собирается проводить, а неиспользованные химикаты сбудет налево. Но специалист он классный — грех

жаловаться.

Когда Аркадий вернулся в баллистическую лабораторию, эксперт, согнувшись над микроскопом, проводил сравнительный анализ пуль.

— Видите?

Аркадий прильнул к окулярам. Одна пуля из Парка Горького была под левым, другая под правым окуляром. Одна пуля была сильно повреждена при прохождении сквозь кость, но обе имели одинаковую левую нарезку. Поворачивая их, Аркадий насчитал примерно дюжину признаков сходства в нарезке.

— Из одного пистолета.

— Все из одного пистолета, — согласился специалист. — Все пять. Калибр 7,65 довольно редкий.

Аркадий принес от Левина только четыре пули. Он вынул из-под микроскопа две пули. Одна из них не была помечена.

— Только что привезли из парка, — пояснил эксперт. — Обнаружили металлоискателем.

Три человека были убиты на открытом пространстве с близкого расстояния спереди из одного оружия. Застрелены, а потом изуродованы.

…Приблуда… Река Клязьма…

Московская городская прокуратура располага-

лась на Новокузнецкой улице, среди построенных еще в прошлом веке магазинов и мастерских. Само здание прокуратуры делилось на две половины — желтую двухэтажную пристройку и серый трехэтажный корпус. Следователи в пристройке видели из окон унылый крошечный садик, где на скамейках обычно сидели сгорбленные фигуры — вызванные на допрос граждане. Его украшали клумба размером с могильный холмик и пустые бетонные вазоны для цветов. Прокурор сидел в основном здании, выходившем окнами на спортплощадку.

Аркадий вошел в здание, где помещались следователи, и через ступеньку взбежал на второй этаж. В вестибюле ему встретились следователь по особо важным делам Чучин и Белов, специалист по хозяйственным преступлениям.

— Тебя искал Ямской, — предупредил Чучин.

Аркадий, не замечая его, прошел в свой кабинет. Белов вошел следом. Белов, старейший из следователей, питал к Аркадию, как он сам говорил, «бесконечную привязанность». Кабинет размером три на четыре метра с двойным окном был обставлен простой сосновой мебелью. Бурые стены украшены планами городских магистралей и фотографией Ленина, сидящего в летнем

плетеном кресле.

— Зачем ты так с Чучиным? — заметил Белов.

— Из-за таких, как он, нас и зовут легавыми.

— Он делает нужное дело, — Белов почесал свой редеющий ежик. — Все мы на чем-то специализируемся.

— Я не говорил, что ищейки не нужны.

— Вот и я говорю. Ведь ему приходится иметь дело с отбросами общества.

Как всегда, Всеволод Белов, был одет в потертый пиджак и брюки с пузырями на коленях. Великая Отечественная война, как пулеметная очередь на стене, оставила в его сознании глубокие выбоины. Его пальцы рук были изуродованы старостью. Он был великодушным, отзывчивым человеком, но реакционером в душе. Если Белов бормотал про себя о «китайских бандитах», Аркадий знал, что на границе повышенная боеготовность, а коль Белов упоминал «хаимов», значит, закрывали синагоги. Если у Аркадия появлялись сомнения по политическим вопросам, он всегда мог обратиться к Белову за советом.

— Дядя Сева, кто красит волосы и носит спортивные куртки с поддельными иностранными этикетками?

— Не повезло тебе, — посочувствовал Белов. —

Похоже, что это либо музыканты, либо хулиганы. Панки или что-то вроде этого. С этим народом не очень-то поладишь.

— Любопытно. Значит, по вашему, хулиганы?

— Тебе видней. Но, судя по всему, такие атрибуты, как крашеные волосы и фальшивая этикетка, наводят на мысль о хулиганах, да еще с музыкальными наклонностями.

— Трое убиты из одного пистолета. Изуродованы ножом. Никаких документов. Приблуда первым обнюхал трупы. Это вам ничего не напоминает?

Белов как-то сразу сник.

— Частные разногласия между органами правосудия не должны мешать делу, — сказал он.

— Помните?

— Думаю, — уклонился от ответа Белов, — в данном случае можно говорить о войне между шайками хулиганов.

— Какие войны между шайками? Да слыхали ли вы о таких войнах в Москве? Возможно, в Сибири или в Армении, но здесь?

— Я знаю, — настаивал на своем Белов, — что следователь, который пренебрегает сплетнями и опирается на факты, никогда не ошибается.

Аркадий положил руки на стол и улыбнулся.

— Спасибо, дядя Сева. Я всегда дорожил вашим мнением.

— Так-то лучше, — Белов с облегчением направился к двери. — Давно не виделся с отцом?

— Давно. — Аркадий разложил на столе протоколы вскрытия и пододвинул пишущую машинку.

— Когда увидишь, передавай привет. Не забудь.

— Обязательно.

Оставшись один, Аркадий напечатал предварительное заключение:

"Московская городская прокуратура. Москва. РСФСР.

Преступление: убийство. Жертвы: 2 мужчин и 1 женщина, личность которых не установлена. Место: Парк культуры и отдыха имени Горького, Октябрьский район. Сообщение поступило от милиции.

В 6.30 при обходе юго-западной части Парка имени Горького милиционер обнаружил три трупа на поляне приблизительно в 40 метрах к северу от аллеи между Донской улицей и рекой. В 7.30 три

промерзших трупа были обследованы сотрудниками милиции, Комитета государственной безопасности и мною.

Ввиду того что трупы находились в замороженном состоянии, в настоящее время можно лишь утверждать, что жертвы были убиты нынешней зимой. Все трое убиты выстрелом в сердце. У обоих мужчин, кроме того, прострелены головы.

Все 5 извлеченных пуль — из пистолета калибра 7,65 мм. Гильзы не обнаружены.

На всех убитых были коньки.

Документов, денег и других предметов в карманах не обнаружено. Опознание будет затруднено из-за телесных повреждений, в результате которых уничтожены ткани лица и кончики пальцев рук. Заключения экспертов в области серологии, одонтологии, баллистики, хроматографии, аутопсии и протокол о дополнительном обследовании места преступления будут получены позже. Начались поиски лиц, которые могут располагать сведениями о жертвах, и возможных очевидцев преступления.

Можно предположить, что налицо заранее обдуманное преступление. В центре одного из самых многолюдных парков города за короткое время из одного оружия убиты три человека. Изъяты все личные вещи. Приняты все возможные меры, чтобы помешать опознанию убитых.

Примечание: У одного из убитых выкрашены волосы, а на другом — куртка с поддельной иностранной этикеткой, что может служить признаком их антиобщественного поведения.

А. В.Ренко, старший следователь".

Когда Аркадий перечитывал свое предварительное донесение, постучавшись, вошли Павлович и Фет. Паша был с портфелем.

— Сейчас вернусь, — Аркадий надел пиджак. — Паша, ты знаешь, что делать.

Чтобы попасть на прокурорскую половину, Аркадию нужно было выйти на улицу. Прокурор обладал огромной властью. Он осуществлял надзор за расследованием всех уголовных дел, представляя при этом и государство и подсудимого, давал санкции на арест, рассматривал приговоры суда и мог их обжаловать по своему

усмотрению. Он мог при желании сам возбуждать иски, давал заключения о законности постановлений местных органов власти и в то же время выносил решения по искам и встречным искам на миллионы рублей, когда, скажем, один завод поставлял другому гайки вместо болтов. Не важно, каким было дело, крупным или малым, все они — преступники, судьи, мэры и директора держали ответ перед ним. Сам он отвечал только перед Генеральным прокурором.

Прокурор Андрей Ямской был у себя. Гладко выбритый розовый череп являл собой разительный контраст со специально пошитым на его могучий торс темно-синим мундиром с генеральскими золотыми звездами. Мясистые переносица и скулы, толстые бледные губы довершали облик прокурора.

— Подождите, — бросил он, продолжая читать лежавшую перед ним бумагу.

Аркадий стоял на зеленом ковре в трех метрах от стола. Отделанные деревянными панелями стены были увешаны фотографиями: Ямской во главе делегации прокуроров на официальной встрече с Генеральным секретарем Брежневым. Генеральный секретарь пожимает Ямскому руку. Ямской выступает на международной конфе-

ренции прокуроров в Париже. Ямской купается в Серебряном Бору. Совершенно уникальный, замечательный снимок, опубликованный в «Правде», — Ямской на коллегии Верховного суда опротестовывает приговор по делу рабочего, несправедливо обвиненного в убийстве. Сквозь окно с темно-бордовыми шторами из итальянского бархата проникали солнечные лучи и падали на блестящий череп Ямского, покрывая его крупными бурыми пятнами.

— Да? — Ямской перевернул бумагу и взглянул на посетителя светлыми, водянистыми глазами. Как всегда, он говорил так тихо, что собеседнику невольно приходилось быть очень внимательным. Аркадию уже давно было известно, что внимание — ключ к расположению Ямского.

Аркадий сделал шаг к столу, положил свой отчет и отошел в сторону. Будь собранным — помни, кто ты такой и о чем хочешь сообщить, точно знай свое место в служебной иерархии.

— Там был майор Приблуда. Вы об этом не упоминаете.

— Ему не хватало только помочиться на трупы. Наломал дров и укатил. Он что, звонил, чтобы меня отстранили от расследования?

Ямской внимательно посмотрел на Аркадия.

— Аркадий Васильевич, вы старший следователь по расследованию убийств. С какой стати ему нужно, чтобы вас отстранили?

— Недавно у нас с этим майором были трудности.

— Какие трудности? КГБ забрал дело себе, и тем самым вопрос был закрыт.

— Извините, но сегодня мы обнаружили трупы трех молодых людей, с которыми разделался в общественном парке опытный убийца, пользовавшийся пистолетом калибра 7,65 мм. Москвичи могут достать только пистолеты армейского образца калибра 7,62 или 9 мм, не имеющие ничего общего с орудием убийства. Кроме того, жертвы были изуродованы. Пока что в моем заключении не содержится никаких предположений.

— Предположений о чем? — удивленно поднял брови Ямской.

— Вообще никаких, — помолчав, ответил Аркадий.

— Благодарю вас, — сказал Ямской, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Аркадий был уже в дверях, когда прокурор, будто что-то вспомнив, заговорил снова.

— Все необходимые юридические нормы в этом деле будут соблюдены. Не придавайте значения

исключениям, которые лишь подтверждают правило.

Аркадий, кивнув, вышел.

Фет и Паша развесили план Парка имени Горького, сделанный Левиным набросок места преступления, снимки трупов и заключения о вскрытии. Аркадий тяжело опустился на стул и открыл пачку сигарет. Закурил он только с третьей спички. Две сломанные и одну обгоревшую спичку он положил посреди стола. Фет хмуро смотрел на него. Аркадий поднялся, сорвал со стены снимки убитых и бросил в ящик стола — ему не хотелось глядеть на них. Снова сел и стал перебирать спички.

— С кем-нибудь говорил?

Паша открыл блокнот.

— Опросил десять милиционеров, которые ничего не знают. Коли на то пошло, я сам за зиму раз пятьдесят пробегал на коньках мимо этой поляны.

— Ладно, попробуй поговорить с буфетчицами. Эти бабки замечают многое из того, чего не видит милиция.

Фет был явно не согласен. Аркадий взглянул на него. Теперь, когда Фет был без шляпы, его уши, подумалось Аркадию, торчали именно под таким

идеально выверенным углом, какой необходим для того, чтобы поддерживать очки в металлической оправе.

— Вы были там, когда нашли последнюю пулю? — спросил его Аркадий.

— Так точно. ПП-А была обнаружена в земле точно в том месте, где находился череп первого мужчины, ПГ1.

— О черт, может быть, все-таки назовем их как-нибудь вместо этих «один», «два», «три».

Паша стрельнул у Аркадия сигарету.

— Так как? — спросил Аркадий.

— Можно спичку? — попросил Паша.

— Парк Горького-один, Парк Горького-два… — начал было Фет.

— Не то, — затряс головой Паша. — Спасибо, — поблагодарил он Аркадия, выдыхая дым. — Скажем, Парк Горького-один. Это здоровый парень. Пусть будет Боров.

— Не совсем литературно, — заметил Аркадий. — Зверь. Женщину назовем Красоткой. Зверь — здоровый парень, Тощий — тот, что поменьше.

— Вообще-то у него рыжие волосы, — сказал Паша. — Рыжий.

— Красотка, Зверь и Рыжий. Наше первое важ-

ное решение, Фет, — сказал Аркадий. — Кто знает, как у криминалистов идут дела с коньками?

— Может быть, коньки для отвода глаз? — предположил Фет. — Трудно поверить, что в Парке Горького можно застрелить трех человек так, чтобы никто не услышал. Возможно, их убили где-то в другом месте, потом надели на них коньки, а ночью перетащили в парк.

— Согласен, трудно поверить, что можно убить трех человек так, чтобы никто не услышал, — сказал Аркадий. — Но невозможно надеть на мертвого коньки. Попробуйте как-нибудь. К тому же в Парк Горького нельзя незаметно переправить три мертвых тела.

— Я просто хотел узнать, что вы думаете о такой возможности, — ответил Фет.

— Ладно, — сказал Аркадий. — Теперь давайте посмотрим, что нового у Людина.

Он набрал номер лаборатории в Кисельном переулке. На двадцатом гудке коммутатор ответил, и его соединили с Людиным.

— Полковник, я… — успел произнести он, прежде чем его разъединили. Набрал снова. Кисельный переулок не отвечал. Он посмотрел на часы. Четыре двадцать — время, когда телефонисты выключают коммутатор и собираются

домой. Работа заканчивается в пять. Скоро начнут собираться и сыщики. Паша пойдет работать со штангой. А Фет? Домой к маме или сперва к Приблуде?

— Возможно, их убили в другом месте и ночью перенесли в парк, — следователь сдвинул спички в сторону.

Фет аж подскочил.

— Вы же только что говорили, что так не могло быть. Кстати, последнюю пулю мы нашли там. Значит, там их и убили.

— Это говорит лишь о том, что там стреляли в голову пострадавшего, живого или мертвого. — Аркадий вернул одну спичку на середину стола. — Не обнаружено ни одной гильзы. Если пользовались автоматическим пистолетом, то гильзы летели бы в снег.

— Он мог их подобрать, — возразил Фет.

— Для чего? Чтобы установить огнестрельное оружие, достаточно пуль.

— Возможно, он стрелял с большого расстояния?

— Нет, — сказал Аркадий.

— Может быть, он решил подобрать гильзы, потому что, обнаружив их, стали бы искать тело?

— Стреляные гильзы, раскаленные во время

выстрела, глубоко ушли бы в снег задолго до того, как тела засыплет снегом. Однако любопытно, — Аркадий взглянул на Фета, — почему вы решили, что убийца был один?

— Налицо один пистолет.

— Нам пока известно, что стреляли из одного пистолета. Можете представить, как трудно одному убийце заставить три жертвы стоять рядом и не двигаться, пока он их убивал… если только он был один? Почему они считали свое положение настолько безнадежным, что даже не пытались бежать? Ладно, этого убийцу мы поймаем. Мы только начинаем. Всегда найдутся какие-нибудь улики. Мы поймаем этого жирного сукина сына.

Фет не спросил, почему жирного.

— Во всяком случае, — заключил Аркадий, — мы хорошо поработали. Ваша смена закончилась.

Первым ушел Фет.

— Маленькая птичка улетела, — бросил Паша, уходя следом.

— Надеюсь, что он всего лишь попугай.

Оставшись один, Аркадий позвонил на Петровку и попросил дать ему сведения об убийствах из огнестрельного оружия по европейской части республики. Только для того, чтобы успокоить комиссара милиции. Потом он снова позвонил в

школу. «Учительница товарищ Ренко, — ответили ему, — проводит родительское собрание и не может подойти к телефону».

Следователи заканчивали работу. По лицам видно, что мыслями они уже дома. Потом стали натягивать пальто. Солидные пальто, подумал Аркадий, глядя вниз с лестничной площадки. Советского производства, но лучше, чем у рабочих. Он не был голоден, но решил поесть, лишь бы чем-нибудь заняться. Ему захотелось пройтись пешком. Он взял пальто и вышел на улицу.

Он почти дошел до Павелецкого вокзала и забрел в кафетерий, где в буфете была маринованная селедка с картошкой. Аркадий подошел к стойке и заказал пива. На соседних стульях сидели железнодорожники. Молоденькие солдаты молча пили шампанское — угрюмые лица в окружении зеленых бутылок.

Вместе с пивом перед Аркадием появился бутерброд с клейкой серой икрой.

— Это откуда?

— Бог послал, — ответил заведующий.

— Бога нет.

— Зато есть мы, — улыбнулся заведующий, сверкнув во весь рот стальными зубами. Он пододвинул икру поближе к Аркадию.

Из кухни вышла крохотная женщина в белом халате — жена заведующего. Увидев Аркадия, она расплылась в широкой, во все щеки, улыбке, глаза радостно заблестели, что делало ее почти красавицей. Муж горделиво стоял рядом.

Это были Ф. Н. Висков и И. Л. Вискова. В 1946 году они создали «антисоветский центр», говоря другими словами, держали магазин книжных раритетов, где укрывали книги таких презренных писак, как Монтень, Аполлинер и Хемингуэй. «Допросы с пристрастием» сделали Вискова калекой, а его жена стала немой (выпила щелок, пытаясь покончить с собой). Им дали, как тогда шутили, по «четвертному» — двадцать пять лет в лагерях строгого режима (юмор относился к временам, когда госбезопасность и милиция составляли одно учреждение). В 1956 году Висковых освободили и даже предложили снова открыть магазин, правда, они отказались.

— Мне казалось, что вы работаете в кафетерии рядом с цирком, — сказал Аркадий.

— Оказалось, что мы с женой, работая вместе, нарушали инструкцию. Сюда она просто приходит помогать мне, когда есть время, — подмигнул Висков. — Иногда приходит помочь сын.

— Спасибо вам, — одними губами произнесла

товарищ Вискова.

Боже, подумал Аркадий, аппарат обвиняет двух невинных людей, бросает их в каторжные лагеря, подвергает пыткам, лишает лучших лет жизни, а когда кто-то из аппарата проявляет по отношению к ним элементарную порядочность, они прыгают от счастья. Имеет ли он право хотя бы на одно их доброе слово? Он съел икру, выпил пиво и, посидев для приличия еще немного, покинул кафетерий.

Пройдя несколько кварталов, он замедлил шаг. Наступило его любимое время — мягкая вечерняя мгла. Яркий свет горел в окошках, и такими же светлыми были лица прохожих. В этот час он мог представить себя в Москве любого из последних пяти веков и ничуть не удивился бы, услышав шлепанье копыт по уличной грязи. Убогие куклы в витрине магазина изображали маленьких образцовых пионеров; вокруг лампы в форме луны, украшенной призывом смотреть в будущее, вращался работающий от батарейки спутник.

Вернувшись в кабинет, Аркадий сел у шкафа и стал просматривать папки с делами. Начал с преступлений с применением огнестрельного оружия.

Убийство. Придя домой, токарь застает жену в

постели с морским офицером. В последовавшей драке рабочий убивает офицера из его же пистолета. Суд принял во внимание, что офицер не должен был иметь с собой оружия, что профсоюз характеризует подсудимого как старательного работника и что он раскаивается в содеянном. Приговор: десять лет лишения свободы.

Убийство при отягчающих обстоятельствах. Двое спекулянтов ссорятся при дележе прибыли. К удивлению обоих, сработал ржавый пистолет Нагурина. Один из них смертельно ранен. Спекуляция — отягчающее обстоятельство. Приговор: высшая мера.

Вооруженное нападение. (Ничего себе — нападение!) Мальчишка с деревянным пистолетом отбирает у пьяного два рубля. Приговор: пять лет.

Аркадий просмотрел имевшиеся у него дела об убийствах, стараясь отыскать преступления, о которых он, возможно, забыл, убийства, которые были тщательно подготовлены и хладнокровно исполнены. Однако во всех этих убийствах — ножом, топором, дубинкой, руками за горло — не могло быть и речи о какой-то подготовке. За три года в должности помощника следователя и два года работы старшим следователем ему встрети-

лось не более пяти убийств, которые выходили бы за пределы элементарной глупости или после которых убийца, по-пьяному хвастаясь или раскаиваясь, не сдался бы милиции. Убийца в России твердо верит в неотвратимость того, что его поймают. Единственное его желание — пережить свой звездный час. Русские выигрывали войны, потому что бросались под танки. Такие поступки не согласуются с образом мыслей преступника высокого класса.

Безнадежное занятие, подумал Аркадий и захлопнул папку.

— Мальчик, — позвал Никитин, просунув голову в открытую без стука дверь. Войдя в комнату, он уселся на стол Аркадия. Круглолицый, с редеющей шевелюрой, старший следователь Никитин ведал контролем за соблюдением постановлений правительства. Когда он был пьян и улыбался, его глаза, как у жителя Востока, превращались в узенькие щелки. — Так поздно?

Хотел ли Никитин этим сказать, что Аркадий работает чересчур много, впустую или успешно, молодец он или дурак? Понимай как угодно.

— Как и ты, — заметил Аркадий.

— Я не работаю — проверяю тебя. Порой мне кажется, что ты ничему у меня не научился.

Илья Никитин был старшим следователем по делам об убийствах до Аркадия. Когда тот был трезв, Аркадий не мог представить себе лучшего следователя. Если бы не водка, он давно был бы прокурором, но, применительно к Никитину, говорить «если бы не водка» было все равно что говорить «если бы не вода и пища». Раз в год его, желтого от разлитой желчи, посылали на курорт в Сочи.

— Знаешь ли, Васильич, мне всегда известно, что ты задумал. Я все время присматриваюсь к вам с Зоей.

Как-то в выходной, когда Аркадий был в отъезде, Никитин пытался затащить Зою в постель. Как только Аркадий вернулся, Никитин улизнул в Сочи и ежедневно слал оттуда длинные покаянные письма.

— Хочешь кофе, Илья?

— Кто-то должен уберечь тебя от самого себя. Извини, Васильич, — Никитин снисходительно называл его по отчеству, — но я, как бы сказать… знаю, что ты не согласишься… я немного умнее и опытнее тебя или по крайней мере ближе к высоким сферам. Это не упрек тебе, потому что как работник ты себя зарекомендовал хорошо и вряд ли можно желать лучшего. — Никитин на-

клонил голову набок, влажная прядь прилипла к щеке. Он ухмылялся, источая, как дурной запах, лицемерие. — Просто ты не умеешь смотреть на вещи широко.

— Спокойной ночи, Илья, — Аркадий надел пальто.

— Я только хочу сказать, что есть головы поумней твоей. Смысл нашей работы состоит в том, чтобы примирять, согласовывать. Каждый день я привожу государственную политику в соответствие с социалистической законностью. Скажем, поступает указание снести дома рабочих под строительство кооперативных домов, где квартиры рабочим не по карману. Внешне нарушаются права рабочих. Со мной советуется Ямской, просят совета городской комитет партии и мэр Промыслов, потому что я знаю, как примирить это кажущееся противоречие.

— А разве нет противоречия? — Аркадий направился к выходу, Никитин за ним.

— Между рабочими и государством? Это же государство рабочих. Что идет на пользу государству, полезно и рабочим. Снося их дома, мы охраняем их права. Разве не ясно? Никаких противоречий.

— Мне не ясно, — Аркадий запер дверь.

— При правильной точке зрения нет никаких противоречий, — хрипло прошептал Никитин, спускаясь по лестнице. — Этого тебе никогда не понять.

Аркадий сел в служебную машину и по Садовому кольцу поехал в северном направлении. «Москвич» — тихоходная, маломощная машина, но он не возражал бы иметь такую свою. К этому времени на улицах остались почти сплошь такси. Мысли вернулись к майору Приблуде, который пока еще не забрал дело к себе. В свете фар ярко вспыхивали снежинки.

Такси повернули к вокзалам на Комсомольской площади. Аркадий поехал дальше, на Каланчевскую улицу, 43, к Московскому городскому суду. Игра света и теней от уличных фонарей на кирпичных стенах старого здания создавала впечатление, что оно разваливается на части. В городе было семнадцать народных судов, но серьезные преступления рассматривались в городском суде, посему он удостоился военной охраны. На лестнице Аркадий предъявил удостоверение двум совсем молодым солдатам. Спустившись в подвал, он вспугнул спавшего на столе сержанта.

— Я иду в «клетку».

— Сейчас? — сержант спрыгнул со стола и застегнул шинель.

— Да, если можно, — Аркадий протянул сержанту автоматический пистолет, который тот оставил на столе, и взял ключи.

«Клеткой» называли огороженное металлической решеткой подвальное помещение, где хранились судебные архивы. Аркадий выдвинул ящики картотеки с делами за декабрь и январь. Сержант, наблюдая, стоял за дверью по стойке смирно — как-никак старший следователь имел звание капитана.

— А не вскипятить ли нам чайку? — предложил Аркадий.

Он искал щепку, которую можно было бы загнать в зад Приблуде. Одно дело найти три трупа и подозревать майора; совсем другое — отыскать следы трех заключенных, которых из городского суда передали в руки КГБ. Он перебирал карточку за карточкой, отбрасывая слишком молодых и слишком старых, обращая внимание на место работы и семейное положение. Прошло несколько месяцев, но никто не заметил исчезновения убитых — ни на работе, ни в семье.

С чашкой горячего чая в руках он перешел к февральским делам. Одна из трудностей за-

ключалась в том, что, хотя все дела о крупных преступлениях — убийствах, разбойных нападениях и грабежах — слушались в городском суде, некоторые из них, к которым КГБ также проявлял интерес, такие, как политическое инакомыслие и паразитический образ жизни, иногда разбирались народными судами — там легче контролировать публику. На стенах подвала мерцали капли воды. Город был покрыт кружевом рек — Москва, Сетунь, Каменка, Сосенка, Яуза, Клязьма.

Полтора месяца назад на берегу Клязьмы в двухстах километрах к востоку от Москвы близ села Боголюбово были обнаружены два трупа. Ближайшим городом был Владимир, но никто из владимирской прокуратуры не взялся за расследование — все «заболели». Генеральный прокурор поручил следствие старшему прокурору по делам об убийствах из Москвы.

Стояли холода. Погибшие — двое молодых людей. Мертвенно-белые лица, припушенные инеем ресницы, плотно сжатые кулаки на заиндевевшей земле, перекошенные рты. Пальто и грудные клетки разрезаны, в страшных ранах почти не было крови. Проведенное Левиным вскрытие показало, что убийца вынимал пу-

ли, которые и были причиной смерти. Кроме того, Левин обнаружил на зубах убитых следы резины и красной краски, а в крови — аминат натрия <Сильный транквилизатор.>. Аркадию стала понятной деликатная болезнь, поразившая местных следователей. В стороне от села Боголюбобо, не отмеченный на картах, но вмещающий больше обитателей, чем само село, находился Владимирский изолятор — тюрьма для политических заключенных, чьи идеи были слишком заразны, чтобы содержать их в обычных лагерях. Аминат натрия применялся в изоляторе, чтобы успокаивать эти опасные души.

Аркадий пришел к заключению, что убитые были обитателями изолятора, которых после освобождения убили члены их собственной организации. Когда администрация тюрьмы отказалась отвечать на его телефонные звонки, он мог поставить на деле пометку «не закончено» и передать его владимирской прокуратуре. Это никак не отразилось бы на его послужном списке. Вместо этого он надел форму старшего следователя, явился в тюрьму и потребовал журнал регистрации освобожденных из заключения. Он обнаружил, что, хотя в последнее время никто из заключенных не был освобожден, за день до

того, как были найдены тела, двое заключенных были переданы майору Приблуде для допроса в КГБ. Аркадий позвонил Приблуде, но тот начисто отрицал передачу ему заключенных.

Следствие снова можно было бы приостановить. Вместо этого Аркадий вернулся в Москву, направился в ветхое здание одной из служб КГБ, что на Петровке, где работал Приблуда. На столе майора он нашел два красных резиновых мяча со следами эллиптической формы. Аркадий взял под расписку мячи и направил их в криминалистическую лабораторию. Следы на мячах совпадали со слепками зубов убитых.

Должно быть, Приблуда привел двух оглушенных наркотиком обитателей тюрьмы прямо на берег реки, заткнул им рты резиновыми мячами, чтобы заглушить крики, застрелил, подобрал стреляные гильзы, потом с помощью длинного ножа удалил пули. Возможно, он хотел создать впечатление, что их зарезали. Но они были уже мертвы, и крови от ножевых ранений почти не было. Растерзанные тела быстро окоченели.

Санкцию на арест мог дать только прокурор. Аркадий пошел к Ямскому с выдвинутым против Приблуды обвинением в убийстве и ходатайством о выдаче разрешения на обыск кабинета и

квартиры Приблуды с целью изъятия огнестрельного оружия и ножа. Аркадий был у прокурора, когда по телефону сообщили, что по соображениям безопасности КГБ берет на себя расследование убийства на берегу Клязьмы. Все заключения и вещественные доказательства было предложено передать майору Приблуде.

По стенам, как слезы, стекала вода. Кроме рек, текущих на поверхности, под городом пробивали себе путь древние подземные реки, потерявшие направление. Бывало, зимой половина московских подвалов сочились водой.

Аркадий поставил ящики на место.

— Нашли, что искали? — шевельнулся сержант.

— Нет.

Сержант, прощаясь, ободряюще улыбнулся.

— Говорят, утро вечера мудренее.

По правилам Аркадий должен был вернуть машину на служебную стоянку, но он поехал домой. Было за полночь, когда он въехал во двор неподалеку от Таганки. На втором этаже выступали грубые деревянные балконы. В окнах его квартиры было темно. Аркадий вошел в подъезд, поднялся по лестнице и, стараясь не шуметь, открыл дверь.

Он разделся в ванной, почистил зубы и вышел, забрав с собой одежду. Спальня была самой большой комнатой в квартире. На столе стоял стереопроигрыватель. Аркадий снял пластинку и в призрачном свете, падающем из окна, прочел название: «Aznavour a L'Olympia». Рядом с проигрывателем стояли два стакана и пустая винная бутылка.

Зоя спала. Длинные золотистые волосы заплетены в косу, от простыней пахнет духами «Подмосковные вечера». Когда Аркадий тихо ложился в постель, Зоя открыла глаза.

— Поздно.

— Прости. Убийство. Три убийства.

Он увидел, что ее глаза наконец приняли осмысленное выражение.

— Хулиганье, — пробормотала она. — Вот почему я говорю школьникам, чтобы они не жевали резинку. Сперва резинка, потом рок-н-ролл, марихуана и…

— И что потом? — Он ожидал, что она скажет «секс».

— Потом убийство. — Голос затих, глаза сомкнулись, мозг, едва пробудившись, снова впал в безмятежное забытье. Зоя была загадкой, с которой он спал.

Спустя минуту усталость одолела следователя и он тоже уснул. Ему снилось, что он ровными мощными гребками все глубже уходит в темную воду. Как только он решил подниматься на поверхность, рядом с ним появилась красивая женщина с бледным лицом и длинными темными волосами. Облаченная в белые одежды, она, казалось, легко парила, опускаясь ко дну. Она взяла его за руку. Это была загадка, которая всегда являлась ему во сне.

2

Зоя, совсем голая, чистила апельсин. У нее было по-детски округлое лицо, невинные голубые глаза, узкая талия, маленькие груди с крошечными, как оспинки, сосками, мускулистые ноги, резкий и громкий голос. Волосы на лобке подбриты, только узкая светлая полоска — Зоя занималась гимнастикой.

— Специалисты утверждают, что в будущем главной отличительной чертой советской науки станет индивидуальность и самобытность. Родители должны признать, что новые учебные планы являются большим шагом вперед на пути строительства еще более прекрасного общества, — она остановилась. Аркадий глядел на нее, сидя на подоконнике с чашкой кофе. — Ты бы занимался зарядкой.

Хотя Аркадий был высок и худощав, когда он расслаблялся, под нижней рубашкой вырисовывалась жирная складка. Нечесаные волосы спадали на лоб. Такие же ленивые неряхи, как их обладатель, подумал он.

— Я специально сохраняю себя в такой форме, чтобы было с кем сравнивать жителей еще более

прекрасного общества, — ответил он.

Она наклонилась над столом, пробегая глазами подчеркнутые места в «Учительской газете» и безостановочно шевеля губами. В руке она зажала дольки апельсина вперемежку с кожурой.

— Но индивидуальность не должна порождать эгоизм или карьеризм, — она внезапно остановилась и взглянула на Аркадия. — Как, по-твоему, звучит?

— Выброс карьеристов. Ты будешь выступать как раз перед ними.

Она, нахмурившись, отвернулась. Аркадий погладил ее по спине вдоль глубокой канавки позвоночника.

— Не надо. Мне нужно закончить речь.

— Когда выступать? — спросил он.

— Сегодня вечером. Райком партии выбирает кандидата для выступления на городском собрании на следующей неделе. Во всяком случае, не тебе критиковать карьеристов.

— Таких, как Шмидт?

— Да, — помедлив, ответила она, — таких, как Шмидт.

Она удалилась в ванную. Сквозь открытую дверь он видел, как она чистит зубы, подкрашивает губы. Она обратилась к зеркалу.

— Родители! Ваши обязанности не кончаются с окончанием рабочего дня. Не прививается ли ребенку эгоизм в вашей семье? Знакомы ли вы с последними данными относительно эгоистичности единственного ребенка в семье?

Аркадий слез с подоконника посмотреть, что это за статья, которую она так разукрасила карандашом. Заголовок гласил: «Нужны большие семьи». А в ванной у Зои лежали противозачаточные пилюли. Польские. Она не пользовалась спиралью.

Русские, размножайтесь! — требовала статья. Умножайте славное племя молодых великороссов, дабы все низшие нации, темнолицые турки и армяне, пронырливые грузины и евреи, вероломные эстонцы и латыши, полчища невежественных желтокожих казахов, татар и монголов, отсталых и неблагодарных узбеков, осетин, черкесов, калмыков и чукчей своими стоячими органами не нарушили нужное соотношение между белыми образованными русскими и темными…

«Итак, вы видите, что бездетные семьи и семьи с одним ребенком, на первый взгляд соответствующие нуждам работающих родителей в городских центрах европейской части России,

не отвечают высшим интересам общества, ибо в будущем мы испытаем нехватку русских руководителей».

Будущее без русских! Немыслимо, подумал Аркадий. Зоя повисла на гимнастической перекладине.

— …школьника, который познакомился с основами самобытности, мы тем более должны решительно подвергнуть идеологической обработке. — Она подняла к перекладине правую ногу. — Смело. Решительно.

Он представил себе, как толпы несчастных азиатов бредут, спотыкаясь, по улицам к Дворцу пионеров и, воздев руки, восклицают: «Пришлите нам русских!» «Извините, — раздается голос из опустевшего дворца, — у нас самих нет русских».

— …четыре, раз, два, три, четыре, — Зоя касается лбом колена.

На стене над кроватью, висит неоднократно подклеенный плакат с изображением троих детей — негритенка, русской девочки и китайца — и лозунгом: «Пионер — друг детей во всем мире!». Зоя позировала для изображения русской девочки. Вместе с плакатом стало широко известным и ее простое милое русское личико. Аркадий первый раз обратил внимание на Зою в

университете, когда кто-то показал ему «ту самую девочку с пионерского плаката». Она и теперь была похожа на девочку.

— Единство противоположностей, — она сделала несколько вдохов. — Самобытность в сочетании с идеологией.

— Зачем тебе выступать с речью?

— Кому-то из нас надо подумать о карьере.

— Разве у нас так уж плохо? — Аркадий подошел поближе.

— Ты получаешь сто восемьдесят рублей в месяц, я — сто двадцать. Мастер на заводе получает вдвое больше. А ремонтник на стороне подрабатывает в три раза больше. У нас нет телевизора, стиральной машины. У меня ничего нового из одежды. Могли бы достать в КГБ подержанную автомашину — ведь можно было!

— Мне не понравилась модель.

— Если бы ты поактивнее работал в парторганизации, то был бы уже следователем Центрального Комитета.

Он дотронулся до ее бедра, и тут же ее мышцы напряглись, стали твердые как камень. Груди белые и крепкие с твердыми розовыми кончиками… Само такое сочетание сексуальности и партийности служило наглядной иллюстрацией

к тому, как сложилась их семейная жизнь.

— Зачем ты принимаешь эти пилюли? За последние месяцы мы ни разу не перепихнулись.

Зоя с силой вцепилась в его руку и отвела ее в сторону.

— На случай, если изнасилуют, — бросила в ответ.

Они вышли во двор. Окружившие деревянного жирафа детишки в зимних комбинезончиках и теплых шапках смотрели, как Аркадий с Зоей садились в машину. С третьей попытки мотор завелся, и они выехали на Таганку.

— Наташа просила нас приехать к ним завтра за город, — Зоя смотрела прямо перед собой. — Я сказала, что мы будем.

— Я говорил тебе об этом приглашении неделю назад, но ты не хотела ехать, — ответил Аркадий.

Зоя закутала шарфом нижнюю часть лица. В машине было холоднее, чем снаружи, но она терпеть не могла открытых окон. Она сидела, закованная в тяжелую шубу, кроличью шапку, шарф, сапоги и… молчание. Остановившись на красный свет, он протер запотевшее лобовое стекло.

— Прости, что не мог вчера встретиться за обе-

дом, — сказал он. — Как сегодня?

Не поворачивая головы, она посмотрела на него сузившимися глазами. Было время, вспоминал он, когда они проводили часы под теплым одеялом, глядя на замерзшее окно. Правда, он не мог вспомнить, о чем они тогда разговаривали. Кто изменился? Он сам? Или она? Кому можно верить?

— У нас совещание, — наконец ответила она.

— Совещание всех учителей и на весь день?

— Нет, у меня с доктором Шмидтом. Об участии нашего гимнастического клуба в параде.

А, Шмидт… Конечно, у них так много общих дел. В конце концов, он секретарь райкома партии. Помогает Зоиному комитету комсомола. Занимается гимнастикой. Совместная работа, естественно, вызывает взаимное расположение. Аркадий боролся с желанием достать сигарету, потому что этот штрих завершил бы портрет ревнивого мужа. Когда они подъехали к школе № 457, туда гуськом спешили школьники. Хотя детям полагалось приходить в форме, большинство надевали красные пионерские галстуки на скромные рубашки и платьица.

— Я буду поздно, — Зоя выпрыгнула из машины.

— Хорошо.

Она на мгновение задержалась у дверцы.

— Шмидт говорит, что мне, пока я могу, лучше развестись с тобой, — добавила она и захлопнула дверцу.

Ее звали стоявшие у входа школьники. Зоя оглянулась на машину и увидела, как Аркадий закуривает сигарету.

Советская теория явно переворачивается вверх ногами, подумал он. От единства к противоположности.

* * *

Мысли следователя вернулись к трем убийствам в Парке Горького. Он решил подойти к ним с позиций советского правосудия. Правосудие учит не хуже любой школы.

Вот вам примеры. Обычно пьяных забирали на ночь в вытрезвитель, а потом вышибали домой. Когда же, несмотря на рост цены на водку, в канавах стало валяться слишком много пьяниц, началась воспитательная кампания против страшных последствий алкоголизма, то есть пьяниц стали бросать в тюрьму. Мелкие хищения на предприятиях были постоянным явлением и приобрели огромные масштабы — советская

промышленность оборачивалась здесь своей частнопредпринимательской стороной. В обычных условиях, если директор предприятия был настолько глуп, что попадался, ему спокойно давали пять лет, но во время кампании против хищений во всеуслышание объявлялось о его расстреле.

КГБ в этом смысле не был исключением. Владимирский изолятор был предназначен для воспитания закоренелых диссидентов, но «горбатого только могила исправит», так что для злейших врагов государства предусматривалась высшая мера. Аркадий в конечном счете узнал, что двое убитых, чьи тела были обнаружены на Клязьме, были неисправимыми агитаторами, самыми опасными фанатиками — Свидетелями Иеговы.

В религии было что-то такое, от чего государство превращалось в бешеного пса. «И возрыдал Господь», — повторял про себя Аркадий, хотя не знал, откуда пришли к нему эти слова. Подъем религиозных настроений, спрос на иконы, восстановление церквей вызывали у правительства припадки паранойи. Сажать проповедников в тюрьму просто-напросто значило увеличивать армию обращенных в веру. Уж лучше дать же-

стокий урок, заткнуть рот красным мячиком, так чтобы тайная расправа породила зловещие слухи.

Правда, Парк Горького — это не далекий берег Клязьмы, он расположен в самом центре города. Даже Приблуда, наверное, бывал в Парке Горького — сначала упитанным ребенком, потом участником шумных пикников, воркующим на ушко соблазнителем. Даже Приблуда должен знать, что Парк Горького — не подходящее место для таких акций. К тому же трупы находились здесь не несколько дней, а несколько месяцев. Такой урок был бы беспредметным, он никого не взволнует — прошло слишком много времени. Это не было похоже на то привычное Аркадию «правосудие», к которому он питал отвращение.

* * *

Людин, сияя самодовольством, поджидал его за столом, уставленным аппаратами для просмотра слайдов и фотографий с образцами анализов, будто фокусник с кучей колец и шарфов.

— Отдел криминалистической экспертизы сделал для вас все возможное, старший следователь. Результаты — восторг!

И неплохой навар, предположил Аркадий.

Людин затребовал столько химикатов, что их хватило бы на то, чтобы заполнить собственный склад, что, видно, он и сделал.

— Сгораю от нетерпения.

— Вам известен принцип газовой хроматографии?

— Конечно, — ответил Аркадий. — Так что там?

— Итак, — вздохнул начальник лаборатории, — если коротко, то с помощью хроматографа на одежде всех трех жертв обнаружены мельчайшие частицы гипса и опилок, а на брюках ПГ-2 — следы золота. Мы обработали одежду люминолом, и флюоресцентное свечение в темноте показало наличие крови. Как и ожидалось, это в основном была кровь убитых. Однако кроме человеческой обнаружены крошечные пятна куриной и рыбьей крови. Кроме того, что касается одежды, то мы обнаружили еще одну любопытную вещь, — Людин показал фото, изображающее одетые трупы в том положении, в каком они были обнаружены. На груди лежащей навзничь женщины и на обращенных кверху руках и ногах лежащих на боку мужчин были видны затемненные участки. — В этих затемненных участках, и только там, мы обнаружили следы угля, животных жиров

и дубильной кислоты. Другими словами, после того как тела припорошило снегом, возможно в пределах сорока восьми часов, их слегка покрыло пеплом от случившегося поблизости пожара.

— Пожар на кожевенном заводе имени Горького, — заметил Аркадий.

— Без сомнения, — Людин не смог сдержать улыбку. — Третьего февраля, когда горел кожевенный завод, пеплом покрыло значительную часть Октябрьского района. Первого и второго февраля выпало тридцать сантиметров снега. С третьего по пятое — двадцать сантиметров. Если бы нам удалось сохранить снег на поляне, мы могли бы обнаружить нетронутый слой пепла. Во всяком случае, это, по всей видимости, указывает на время преступления.

— Отличная работа, — сказал Аркадий. — Теперь уж вряд ли нужен анализ снега.

— Мы также исследовали пули. Во всех вкраплены частицы одежды и ткани убитых. Кроме того, пуля, обозначенная ПГ1-Б, содержит следы выделанной кожи, не относящейся к одежде убитого.

— Следы пороха?

— Никаких на одежде ПГ-1, но слабые следы на куртках ПГ-2 и ПГ-3. — Свидетельство того, что в

них стреляли с близкого расстояния, — добавил Людин.

— Нет, свидетельство того, что их убили после ПГ-1, — сказал Аркадий. — Как с коньками?

— Никаких следов крови, гипса или опилок. Сами коньки не очень высокого качества.

— Я об идентификации. Бывает, что владельцы выцарапывают на коньках свое имя. Может быть, почистить и посмотреть?

* * *

Аркадий снова у себя в кабинете на Новокузнецкой.

— Это поляна в Парке Горького. Ты, — обратился он к Паше, — Зверь. Вы, Фет, — Рыжий, тот тощий парень. А это, — он поставил между ними стул, — Красотка. Я — убийца.

— Вы же говорили, что убийца мог быть не один, — заметил Фет.

— Верно, но на этот раз мы попробуем представить все с начала до конца, а не подгонять факты под версию.

— Хорошо. К тому же я слабоват в теории, — откликнулся Паша.

— Сейчас зима. Мы все вместе катаемся на коньках. Мы друзья, по крайней мере, знакомые.

С дорожки мы уходим на поляну. Поляна рядом с дорожкой, но ее загораживают деревья. Для чего уходим?

— Поговорить, — предположил Фет.

— Перекусить! — воскликнул Паша. — Ради этого, собственно, и ходят кататься. Можно постоять, съесть пирожок с мясом, сыру, хлеба с вареньем и, конечно, пустить по кругу бутылку водки или коньяка.

— Я угощаю, — продолжал Аркадий. — Я выбрал место. Принес с собой закуску. Мы отдыхаем, немножко выпили, нам хорошо.

— И тут вы нас убиваете? Стреляете сквозь карман пальто? — спросил Фет.

— Попробуй, и всадишь пулю себе в ногу, — ответил Паша. — Аркадий Васильевич, вы сейчас думайте о следах кожи на одной из пуль, не так ли? Давайте так — вы принесли закуску. Не принесешь же столько еды в кармане. В кожаной сумке.

— Я достаю еду из сумки.

— А я ничего не подозреваю, когда вы поднимаете сумку близко к моей груди. Я первый, потому что самый здоровый, со мной трудней всего справиться, — Паша кивнул головой, словно выталкивая мысль наружу. — И тут — бах!

— Правильно. Вот почему есть частицы кожи на первой пуле и нет следов пороха на куртке Зверя. Последующие выстрелы были сделаны через дыру в сумке.

— А шум выстрелов? — возразил Фет, но от него отмахнулись.

— Рыжий и Красотка не видят оружия, — возбужденно закивал головой Паша. — Они не понимают, что происходит.

— Особенно если предположить, что мы друзья. Я быстро поворачиваю сумку в сторону Рыжего, — палец Аркадия упирается в Фета. — Бах! — Он целится в стул. — У Красотки есть время поднять крик. Но так или иначе я знаю, что она не закричит и даже не попытается убежать, — он вспомнил тело девушки, лежавшее между телами двух мужчин. — Я ее убиваю. Потом я простреливаю вам головы.

— Чтобы добить. Чистая работа, — одобрил Паша.

— Лишний шум, — вспыхнул Фет. — Что бы вы там ни говорили, слишком много шума. Во всяком случае, выстрелом в рот не приканчивают.

— Вы правы, Фет, — Аркадий отвел палец. — Значит, я стреляю по другой причине, достаточно веской, чтобы сделать два лишних выстрела.

— Что же за причина?

— Хотел бы сам знать. Теперь я достаю нож и срезаю кожу на ваших лицах. Вероятно, садовыми ножницами отстригаю пальцы. Складываю все в сумку.

— Вы пользовались автоматическим пистолетом, — на Пашу нашло вдохновение. — Меньше шума, чем от револьвера, а гильзы выбрасывались прямо в сумку. Потому-то мы не нашли ни одной в снегу.

— Время суток?

— Поздний вечер, — сказал Паша. — Меньше вероятности, что кто-нибудь остановится вблизи поляны. Может быть, шел снег. Он еще больше заглушал звуки выстрелов. Да и был ли этой зимой хотя бы один день без снега? Так что, когда вы покидаете парк, на улице темно и идет снег.

— И меньше вероятности, что кто-нибудь увидит, как я выбрасываю сумку в реку.

— Верно! — захлопал в ладоши Паша.

Фет продолжал сидеть.

— Река замерзла, — заметил он.

— А, черт! — опустил руки Паша.

— Пойдем поедим, — предложил Аркадий. Впервые за два дня у него появился аппетит.

В кафетерии у станции метро на другой стороне

улицы для следователей держали свободный стол. Аркадий взял селедку, огурцы со сметаной, картофельный салат, хлеба и кружку пива. К ним подсел старина Белов и стал рассказывать о войне и об отце Аркадия.

— Это было в начале войны, до того как мы «перегруппировали свои силы». — Белов подмигнул. — Я возил генерала на БА-20.

Аркадий знал эту историю. БА-20 был устаревшим броневиком на шасси «форда» с похожей на минарет пулеметной башней. В первый месяц войны подразделение из трех БА-20 под командой его отца попало в окружение и находилось в ста километрах от линии фронта. Они не только вырвались, но и привезли с собой уши и погоны командующего соединением эсэсовцев.

История с ушами была весьма необычной. К насилию и убийствам русские относились, как к нормальным атрибутам войны. Они наивно верили, что американцы снимают скальпы, а немцы едят детей. Но сама мысль о том, что русский тоже способен взять в качестве трофея частицу человеческого тела, приводила в ужас нацию революционеров. Хуже этого ничего нельзя было представить: в глазах непобедимого, хотя и слегка обеспокоенного ходом войны про-

летариата это было самым позорным пятном — свидетельством бескультурья. После войны слухи об этих ушах испортили карьеру генералу.

— Слухи про уши неверны, — заверил сидящих за столом Белов.

Сам же Аркадий помнил эти уши. Они, похожие на засохшие витые печенья, висели на стене в кабинете отца.

— Так вы действительно хотите, чтобы я опросил всех буфетчиц и лоточниц? — спросил Паша, беря на вилку кусок холодного мяса. — Они лишь твердят, что мы выгнали из парка цыган.

— С цыганами тоже потолкуй. Теперь мы знаем время — начало февраля, — сказал Аркадий. — И узнай насчет музыки из громкоговорителей.

— Вы часто видитесь с генералом, вашим отцом? — перебил Фет.

— Не очень.

— Я думаю об этих бедолагах из отделения милиции в парке, — сказал Паша. — Уютное помещение — настоящая изба с теплой печкой, лучше не придумаешь. Неудивительно, что они не знали, что на поляне полно трупов.

Аркадий прислушался к разговору Белова с Фетом. К его удивлению, эти родственные души вовсю поносили культ личности.

— Вы о товарище Сталине? — спросил он.

Фет побледнел.

— Мы говорим об Ольге Корбут.

Подошел Чучин. Старший следователь по особо важным делам воплощал собой все самое заурядное: не человек, а примитивная схема. Он сказал Аркадию, что звонил Людин и сообщил имя, выцарапанное на коньках.

На краю Ленинских гор возвышалась студия «Мосфильм». В стране были и другие студии: «Ленфильм», «Таджикфильм», «Узбекфильм». Но ни одна из них не была такой масштабной и престижной, как «Мосфильм». Чтобы попасть туда, лимузину с именитым гостем нужно проехать вдоль пастельно-оранжевой стены, въехать в ворота, повернуть налево в сторону сада, потом круто вправо — к главному входу в центральный съемочный павильон, где уже выстроились для приветствия администраторы, знаменитые режиссеры (неизменно в очках в массивной оправе и с сигаретой в зубах) и актрисы с букетами цветов. Вокруг множество других огромных павильонов со своими декорациями, просмотровых залов, помещений для сценаристов, администраторов, студий для подготовки эскизов декораций, лабораторий для проявки кинопленки, складов,

а также площадка для реквизита и бутафории, заполненная татарскими кибитками, танками и космическими кораблями. В сущности, это был настоящий город с собственным растущим населением, состоящим из техников, художников, цензоров и участников массовок — бесчисленного множества участников массовок, ибо советское кино отдавало предпочтение показу толпы потому, что, не испытывая нужды в деньгах, это можно было себе позволить и потому, что для многих молодых людей получить пропуск на «Мосфильм», хотя бы в качестве участника массовок, было очень престижно.

Аркадий не был знаменитостью, и его никто не приглашал, поэтому он сам пробирался между центральным павильоном и сугробами снега перед административным корпусом. Сердитая девица высоко подняла черную доску, на которой было мелом написано: «Тихо!». Он видел, что стоит возле декорации, где деревца в обложенных дерном кадках изображали яблоневый сад. Цветные фильтры софитов создавали впечатление мягкого осеннего заката. В саду за белым столом на витых железных ножках с книгой в руках сидел мужчина в щёгольском костюме конца прошлого века. Позади него сквозь распах-

нутое окно декоративной стены виднелся рояль, на котором стояла керосиновая лампа. Второй мужчина в грубой одежде и картузе на цыпочках прокрался вдоль стены, достал револьвер с длинным стволом и прицелился.

— Боже мой! — подскочил читавший книгу.

Что-то, как всегда, шло не так, и дубли повторялись один за другим. Режиссер и операторы в модных кожаных куртках были в дурном настроении и ругали ассистенток, хорошеньких девушек в афганских дубленках. Атмосфера была пронизана раздражением и скукой. А толпа смотрела с интересом. Все, у кого не было особых дел, — электрики, шоферы, монголы в гриме, маленькие балерины, пугливые, как породистые собачонки, — сгрудившись вокруг и молча с восхищением следили за полным драматизма процессом съемки, намного более интересным, нежели то, что снималось.

— Боже мой! Как вы меня напугали! — повторил свою реплику актер с книгой.

Стараясь не выделяться, Аркадий стоял возле передвижного генератора. У него было время отыскать взглядом ассистента по реквизиту. Это была высокая темноглазая девушка с нежной белой кожей. Каштановые волосы сзади собра-

ны в пучок. Ее афганская дубленка была более потертой, чем у ее подруг, из коротких рукавов торчали запястья. Она стояла неподвижно, как на фотографии, с текстом сценария в руках. Как бы почувствовав взгляд Аркадия, она посмотрела в его сторону. У него было такое ощущение, будто она на миг озарила его своим взглядом. Потом она отвернулась, но прежде он разглядел пятнышко на ее правой щеке. На снимке в милиции оно было серым. Теперь он видел, что оно было синеватым, хотя и небольшим, но бросавшимся в глаза, потому что лицо девушки было поразительно красивым.

— Боже мой! Как вы меня напугали! — актер с книгой заморгал под дулом пистолета. — У меня и без того нервы расстроены, а вы лезете со своими дурацкими шутками!

— Обед! — объявил режиссер и покинул площадку. Эта сцена тоже проигрывалась не раз, так что актеры и съемочная группа не задержались ни на минуту. За ними разошлись и зрители. Аркадий наблюдал, как ассистент по реквизиту накрыла чехлами садовый столик и стулья, поправила поникший цветок и привернула лампу на рояле. Дубленка была совсем ветхая; из-за обилия закрывавших афганский орнамент за-

платок она стала похожа на лоскутное одеяло. Шея свободно обмотана дешевым оранжевым шарфом. На ногах красные виниловые сапожки. Не самый лучший ансамбль, но она держалась так уверенно, что иная женщина при виде ее сказала бы: «Вот как надо одеваться!» Без света прожекторов сад выглядел уныло.

— Вы Ирина Асанова? — спросил Аркадий.

— А вы кто? — низкий голос, округлый сибирский говорок. — Я уверена, что мы незнакомы.

— Сдается, вы знаете, что мне нужно поговорить именно с вами.

— Не вы первый, кто надоедает мне на работе. — Все это с улыбкой, будто не было сказано ничего обидного. — Останусь без обеда, — вздохнула она, — будем считать, что я на диете. У вас есть закурить?

Несколько прядей выбилось из аккуратного пучка волос. Из дела в милиции Аркадий помнил, что Ирине Асановой двадцать один год. Когда он поднес спичку к ее сигарете, она накрыла его руку длинными прохладными пальцами. Это соблазняющее прикосновение было настолько прозрачным намеком, что он испытал разочарование, когда увидел по глазам, что она над ним смеется. Самая невзрачная простушка, имей она

такие выразительные глаза, выглядела бы весьма привлекательной.

— Должна сообщить вам, что у сотрудников особого отдела сигареты лучше, — сказала она, глубоко затягиваясь. — Все еще продолжаете добиваться моего увольнения? Выгоните меня отсюда — найду другую работу.

— Я не из особого отдела и не из КГБ. Смотрите, — Аркадий предъявил удостоверение.

— Невелика разница, — она вернула удостоверение. — Что же угодно старшему следователю Ренко?

— Мы нашли ваши коньки.

Поначалу она не поняла.

— Ах, коньки! — засмеялась она. — Вы в самом деле их нашли? Они пропали несколько месяцев назад.

— Они были на трупе.

— Да ну! Так ему и надо. Значит, есть еще справедливость. Пожалуйста, не возмущайтесь. Знали бы вы, сколько времени я копила, чтобы купить эти коньки! Посмотрите на мои сапоги. Ну, глядите же.

Он увидел, что у ее красных сапожек отпарывалась молния. Ирина Асанова вдруг оперлась на его плечо и стала стягивать сапог. У нее были

длинные стройные ноги.

— В них нет даже стелек, — она растерла голые пальцы. — Видели режиссера этой картины? Он обещал мне итальянские сапожки на меху, если я с ним пересплю. Как, по-вашему, стоит?

Вопрос был по существу.

— Зима почти кончилась, — заметил он.

— Вот именно, — она надела сапог.

Не говоря уж о ножках, Аркадия поразило ее безразличие к тому, какое впечатление производят ее слова и поступки: казалось, ей было на это наплевать.

— Значит, на трупе, — сказала она. — Как вы знаете, я заявляла о краже коньков. И на катке, и в милиции.

— Да, вы заявили о пропаже четвертого февраля, хотя, по вашим словам, потеряли их тридцать первого января. Значит, вы четыре дня не знали о том, что потеряли их?

— Обычно так и случается — узнаешь, что потерял вещь, когда она тебе понадобится. Наверное, даже с вами такое бывает. Пока вспомнила, где я могла их оставить… Потом побежала на каток. Слишком поздно.

— Может быть, с тех пор вы вспомнили что-нибудь, о чем не сообщили милиции, когда заявили

о пропаже коньков? Кто, по-вашему, мог взять коньки?

— Я подозреваю… — она замолкла и закончила со смехом, — всех!

— Я тоже, — серьезно ответил Аркадий.

— Между нами даже есть что-то общее, — она залилась смехом. — Подумать только!

Когда же засмеялся он, она резко его оборвала.

— Старший следователь не пришел бы сюда только для того, чтобы сказать мне о коньках, — бросила она. — Я тогда все рассказала милиции. Что вам надо?

— Девушку, на которой были ваши коньки, убили. С ней еще двоих.

— При чем здесь я?

— Я подумал, что вы могли бы мне помочь.

— Мертвым не поможешь. Поверьте, я ничем не могу вам помочь. Я училась на юрфаке. Если вы собираетесь меня арестовать, с вами должен быть милиционер. Ну как, собираетесь вы меня арестовать?

— Нет…

— Тогда, если вы не хотите, чтобы я потеряла работу, уходите. Люди боятся вас, они не хотят вас здесь видеть. Надеюсь, вы больше сюда не придете.

Аркадий удивился, что позволил какой-то глупой девчонке устроить ему сцену. С другой стороны, он понимал, каково студентке, которую вышибли из университета и которая держится за любую работу, лишь бы не потерять московскую прописку. Иначе отправят домой. А ей придется ехать аж в Сибирь.

— Хорошо, — согласился он.

— Спасибо, — ее серьезный взгляд сменился на практичный. — Пока не ушли, дайте еще сигаретку.

— Возьмите пачку.

Участники съемок не спеша возвращались на площадку. Актер с револьвером был пьян и целился в Аркадия. Ирина Асанова спросила вдогонку:

— Кстати, что вы думаете об этой сцене?

— Похоже на Чехова, — ответил он через плечо, — но плохо.

— Это и есть Чехов, — сказала она, — но получается сплошная мура. А вы, оказывается, наблюдательны.

* * *

Когда Аркадий вошел в кабинет патологоанатома, Левин сидел над шахматной доской.

— Вот вам вкратце история нашей революции, — произнес Левин, не отрывая глаз от черных и белых фигур. — Однажды человек позволяет себе убить другого, со временем ему ничего не стоит украсть, дальше он переходит к сквернословию и безбожию, а потом входит в дверь без стука. Ход черных.

— Не возражаете? — спросил Аркадий.

— Валяйте.

Аркадий расчистил центр доски и положил там три черные пешки.

— Красотка, Зверь и Рыжий.

— Что вы натворили? — воскликнул Левин при виде такого разгрома.

— Кажется, вы что-то упустили.

— Что вы имеете в виду?

— Начну с начала. Три жертвы, все трое убиты с первых же выстрелов — в грудь.

— У двоих, кроме того, прострелены головы, так что откуда вы знаете, какие выстрелы были первыми?

— Убийца все как следует продумал, — перешел к делу Аркадий. — Он забирает все документы, удостоверяющие личность, очищает карманы своих жертв, сдирает кожу с их лиц и отрезает кончики пальцев, чтобы ликвидировать отпе-

чатки. В то же время он идет на лишний риск, делая еще два выстрела в лица мужчин.

— Чтобы быть уверенными, что они мертвы.

— Он знает, что они мертвы. Но у одного из мужчин есть примета, которую надо уничтожить.

— Но может быть и так, что он сначала выстрелил им в голову, а потом уж в сердце.

— Тогда почему бы заодно и не девушке? Нет, он стреляет в лицо одному убитому, потом осознает, что обнаруживает свои намерения, и стреляет во второго.

— Тогда возвращаю вопрос, — Левин встал. — Почему же заодно не в девушку?

— Не знаю.

— Как эксперт, каковым вы не являетесь, говорю вам, что пуля такого калибра не может так обезобразить, что нельзя было бы опознать человека. К тому же этот мясник начисто срезал их лица.

— Как эксперт, скажите, чего он достиг этими выстрелами?

— Если оба мужчины были уже мертвы, — скрестив руки на груди, ответил Левин, — главным образом локализованных повреждений в области зубов, которыми мы уже занимались.

Аркадий промолчал. Левин рывком открыл

ящик и достал коробки, помеченные «ПГ-1» и «ПГ-2». Из коробки ПГ-1 он вытряхнул на ладонь два почти целых передних зуба.

— Крепкие зубы, — заметил Левин. — Такими можно грызть орехи.

Зубам в коробке ПГ-2 не повезло. Один разбитый вдребезги резец и в отдельном пакетике мелкие осколки и пыль.

— Почти все остатки одного зуба пропали в снегу. Но анализ все же показывает эмаль, дентин, цемент, обезвоженную пульпу, налет табака и следы свинца.

— Пломба? — спросил Аркадий.

— Девять граммов, — ответил Левин, имея в виду пулю. — Удовлетворены?

— Значит, это Рыжий, парень, который красил волосы?

— ПГ-2, черт вас побери!

…Рыжий находился внизу, в холодильнике. Тело привезли в прозекторскую. Аркадий нещадно задымил.

— Отойдите от света, — оттолкнул его локтем Левин. — Мне казалось, что вы терпеть не можете таких вещей.

В середине верхней челюсти зияла дыра, по краям которой торчали прокуренные боковые

резцы. Левин выковыривал кусочки челюсти и складывал на влажное стекло. Когда кусочки покрыли его, он зашагал к стоящему на столе микроскопу.

— Знаете ли вы, что ищете, или просто догадываетесь? — спросил он Аркадия.

— Догадываюсь, но никто не станет грабить заведомо пустой сейф.

— Вы правы, — патологоанатом наклонился к микроскопу, двигая кусочки кости на стекле. Начав с десятикратного увеличения, он вращал линзы окуляра. Аркадий подвинул стул и сел спиной к трупу. Левин по одной снимал со стекла крупинки кости.

— Я послал к вам заключение, которое, возможно, вы еще не видели, — сказал Левин, — Кончики пальцев срезаны большими ножницами. На обеих сторонах ран отчетливо видны вдавлины. Ткани лица удалены не скальпелем, разрезы не такие тонкие, на кости глубокие царапины. Я бы сказал, ножом, очень острым охотничьим ножом. — На стекле осталась только мелкая пыль. — Взгляните-ка.

Увеличенная в двести раз, пыль казалась обломками слоновой кости вперемешку с кусками розовой древесины.

— Это что?

— Гуттаперча. Зуб был мертвый и хрупкий, потому и рассыпался. Нерв был удален, канал запломбирован гуттаперчей.

— Я не знал, что есть такой материал.

— У нас нет. И в Европе гуттаперчей не пользуются, только в Америке, — Левин насмешливо ухмыльнулся в ответ на широкую улыбку Аркадия. — Нечем гордиться — просто повезло.

— Да я и не горжусь.

Вернувшись на Новокузнецкую, Аркадий, не раздеваясь, напечатал:

"К заключению об убийствах в Парке имени Горького.

В результате анатомического исследования жертвы ПГ-2 в канале верхнего правого резца обнаружены остатки гуттаперчевой пломбы. Патологоанатом утверждает, что данный материал не характерен для советской и европейской зубоврачебной практики и обычно применяется в США.

ПГ-2 — это тот убитый, который изменил свою внешность, перекрасив рыжие волосы в каштановый цвет".

Он поставил подпись и дату, вынул рапорт из

машинки, оставил себе копию, и бережно, словно постановление о помиловании, взяв в руки оригинал, понес его в соседний корпус. Ямского не было на месте. Аркадий положил рапорт на середину прокурорского стола.

Когда днем вернулся Паша, следователь сидел в рубашке, листая какой-то журнал. Паша поставил свой старый громоздкий магнитофон и с размаху уселся на стул.

— Никак, подали в отставку?

— Не угадал, Паша. Я чувствую себя как поднимающийся к небу воздушный шарик, мыльный пузырь, как свободно парящий орел — короче, как человек, успешно увильнувший от ответственности.

— О чем вы говорите? Я же раскусил, в чем дело.

— Дела больше нет.

Аркадий рассказал о зубе убитого.

— Американский шпион?

— Какое нам дело, Паша? Нам годится любой мертвый американец. Теперь Приблуде придется взять дело к себе.

— И приписать себе все заслуги!

— Теперь-то мы его подставим. Это дело должно было отойти к нему с самого начала. Тройное

убийство нашим уголовникам не свойственно.

— Знаю я КГБ. Этих костоломов. После того, как мы сделали всю работу…

— Какую работу? Мы даже не знаем, кого убили, не говоря уж об убийце.

— Они получают вдвое больше нас, у них свои магазины, шикарные спортклубы, — Паша сел на любимого конька. — Можете вы мне сказать, чем они лучше меня, почему мне никогда не предлагали там работу? Стал я хуже от того, что по воле случая оказался внуком князя? Видите ли, им нужно, чтобы у тебя в роду было десять поколений пота и грязи или чтобы ты говорил на десяти языках.

— Что касается пота и грязи, то Приблуда даст тебе сто очков вперед. Но я не уверен, что он знает больше одного языка.

— Будь возможность, я бы выучил французский и китайский, — продолжал свое Паша.

— Ты же знаешь немецкий.

— Всё знают немецкий. И биография у меня, как у всех. Теперь вся слава достанется им. И это после того, как мы докопались до… как его?

— Зуба.

— …твою мать. — Национальное ругательство не звучало оскорблением, а лишь выражало рас-

строенные чувства.

Оставив захандрившего Пашу, Аркадий пошел к Никитину. Старшего следователя по контролю за соблюдением постановлений правительства не было на месте. Ключом от стола Никитина он открыл деревянный шкаф, в котором кроме телефонного справочника стояли четыре бутылки водки. Он взял только одну.

— Значит, тебе больше хочется быть сопливым костоломом, чем хорошим сыщиком, — вернувшись, упрекнул он Пашу. Сыщик безутешно уставился глазами в пол. Аркадий разлил водку по стаканам.

— Пей.

— За что? — пробормотал Паша.

— За твоего деда, за князя! — предложил Аркадий.

Глядя на открытую дверь, Паша в замешательстве покраснел.

— За царя! — добавил Аркадий.

— Да вы что? — Паша закрыл дверь.

— Пей, не трусь.

После нескольких глотков Паша уже не чувствовал себя таким несчастным. Они выпили за криминалистический талант капитана Левина, за неизбежное торжество советского правосудия

и за открытие навигации во Владивостоке.

— За единственного порядочного человека в Москве, — сказал Паша.

— За кого же? — спросил Аркадий, ожидая шутки.

— За вас, — ответил Паша и выпил.

— Честно говоря, — Аркадий посмотрел на свой стакан, — то, чем мы занимались эти два дня, было не совсем порядочно. — Подняв глаза, он увидел, что настроение у сыщика снова начинает падать. — Да, ты сказал, что сегодня «раскусил, в чем дело». Ну-ка, расскажи.

Паша пожал плечами, но Аркадий, чувствуя, что Паше хочется рассказать, продолжал настаивать. Целый день, проведенный в разговорах с бабушками, не мог быть бесплодным.

— Я подумал, — Паша старался собраться с мыслями, — что, может быть, звуки выстрелов заглушались не только снегопадом. Потеряв почти все время на разговоры с лоточницами, я пошел поговорить со старушкой, которая зимой крутит пластинки через громкоговоритель на катке. Она сидит в комнатушке у входа со стороны Крымского вала. Я спрашиваю: «У вас на пластинках громкая музыка?» Она говорит: «Для катка только спокойная, негромкая». Я спрашиваю: «А у вас

есть программа на день?» Она говорит: «Программа на телевидении, а я завожу пластинки для катка, спокойную музыку, которую слушают простые рабочие. Я такую слушала еще в войну, когда служила в артиллерии. С моей инвалидностью я честно заслужила эту работу». Я говорю: «Это меня не касается. Я просто хочу знать, как вы их проигрываете». «По порядку, — говорит она. — Начинаю с верхней и ставлю одну за другой. Когда проиграю все, значит, пора идти домой». «Покажите-ка мне», — говорю я. Старуха приносит стопку пластинок. Они даже пронумерованы — от первой до пятнадцатой. Я подумал, что стреляли ближе к концу дня, и стал смотреть с конца. Номер пятнадцатый, конечно, из «Лебединого озера». Угадайте, что было на четырнадцатой? Увертюра «1812 год»! Пушки, колокола, все, что душе угодно. И наконец меня осенило. Зачем ей надо было нумеровать пластинки? Я прикрыл рот пластинкой и спрашиваю: «С какой громкостью вы их пускаете?» Она смотрит и молчит: оказывается, ни черта не слышит. Старуха совсем глухая — в этом вся ее инвалидность. Вот кого посадили проигрывать пластинки в Парке Горького!

3

Выходной за городом по последнему снегу. «Дворники» с усилием сметают с лобового стекла плотные, как гусиный пух, хлопья снега. Нехватка тепла от «печки» восполняется бутылкой крепкой настойки. Звонкое шуршание шин. В нем звуки флейт, барабанов, труб, звон колокольчиков под дугой. Вперед!

Зоя сидела сзади с Натальей Микоян, Аркадий рядом со своим старым другом Михаилом Микояном. Они вместе прошли комсомол, армию, юридический факультет Московского университета. У них были одни стремления, они вместе кутили, им нравились одни и те же поэты, даже одни и те же девушки. Стройный, с мальчишеским лицом и копной черных кудрей, Миша после окончания юридического факультета сразу попал в Московскую городскую коллегию адвокатов. Официально защитники получали не больше судей, скажем, 200 рублей в месяц. Однако частным путем клиенты платили им вдвое, а то и больше, поэтому Миша мог позволить себе носить дорогие костюмы, кольцо с рубином, покупать меха Наташе, приобрести дачу и «Жигули»,

чтобы туда ездить.

Наташа, смуглая и такая хрупкая, что могла бы носить детскую одежду, пополняла семейный бюджет гонорарами за статьи для агентства печати «Новости» и ежегодно делала аборты: она не могла пользоваться пилюлями, хотя и снабжала ими своих друзей. Вперед!

Дача была в тридцати километрах к востоку от Москвы. Как обычно, Миша пригласил к себе человек восемь друзей. Когда приехавшая компания, сбивая с ног снег, появилась на даче, нагруженная хлебом, банками селедки и бутылками спиртного, их уже встречала натиравшая лыжи молодая пара и толстяк в тесном свитере, пытавшийся растопить печку. Прибыли другие гости: режиссер научно-популярных фильмов со своей любовницей; танцовщик балета, по-утиному шагавший рядом с женой. С дивана без конца падали лыжи. Опоздавшие, женщины отдельно, мужчины отдельно, переодевались для прогулки на воздухе.

— Чудесное утро, — бурно восхищался Миша. — Какой снег — цены нет!

Зоя сказала, что останется с Наташей, которая все еще оправлялась после очередного аборта. Снег перестал, земля покрылась глубокими су-

гробами.

Миша с удовольствием прокладывал лыжню. Аркадий шел следом, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться окружающими холмами. Он шагал неторопливо: догнать проваливающегося в снегу Мишу не составляло труда. Через час они остановились. Миша счищал намерзший на крепления снег, Аркадий сбросил лыжи и присел.

Белое дыхание, белые деревья, белый снег, белое небо. Стройные, как женщины (типичное сравнение), березки. Аркадию же они больше напоминали костыли.

Миша сбивал снег так же, как выступал в суде, — яростно, напористо. У него был могучий голос, который так же подходил его тщедушной фигурке, как огромный парус маленькой лодочке. Он изо всех сил молотил по лыжам.

— Аркаша, у меня проблема, — он бросил лыжи.

— Кто она на этот раз?

— Новая сотрудница, ей всего девятнадцать. Боюсь, Наташа догадывается. Что делать, в шахматы я не играю, спортом не занимаюсь, что тогда остается? Самое смешное, что эта девочка — самая невежественная особа, каких я когда-

либо встречал, а для меня ее мнение — вопрос жизни и смерти. Любовный роман — не такое веселое дело, когда ты в нем по уши. И не дешевое Ладно, — он распахнул куртку и достал бутылку вина, — французский сотерн, танцор привез, ты его видел — болтался по дому. Лучшее в мире десертное вино. Закусывать нечем. Будешь?

Миша снял фольгу и протянул бутылку Аркадию. Тот, ударив по дну, выбил пробку. Сделал большой глоток. Вино было янтарного цвета, приторно сладкое на вкус.

— Сладкое? — спросил Миша, заметив гримасу Аркадия.

— Не такое, как некоторые наши вина, — ответил Аркадий.

Они по очереди прикладывались к бутылке. С веток падали шапки снега, то с тяжелым глухим стуком, то невесомо. Аркадий любил общаться с Мишей, особенно когда Миша наконец умолкал.

— Зоя все еще жмет на тебя насчет партии? — спросил Миша.

— Я и так в партии.

— Вряд ли этого достаточно. Что тебе стоит быть поактивнее? Сходить раз в месяц на собрание, где, если скучно, можно почитать газету. Раз в год проголосовать, пару раз поучаствовать в

распространении заявления против Китая или Чили. А ты даже этого не делаешь. Партбилет тебе нужен только потому, что без него ты не был бы старшим следователем. Всем это известно, так почему не извлечь из этого пользу, походить в райком, завязать там связи.

— У меня всегда были веские соображения не ходить на собрания.

— Не сомневаюсь. Потому-то Зоя так бесится. Нужно и о ней немножко подумать. С твоей биографией тебе прямая дорога в инспектора Центрального Комитета. Разъезжал бы по всей стране, проверял, как соблюдаются законы, проводил кампании. При одном твоем появлении местные милицейские генералы клали бы в штаны.

— Меня это не очень прельщает.

— Неважно. Главное, что получишь доступ в магазины Центрального Комитета, будешь ездить за границу, сойдешься с нужными людьми, двинешься вверх по служебной лестнице.

Небо было чистое и гладкое, как хороший фарфор. Заскрипит, если потереть пальцем, подумалось Аркадию.

— Все мои слова впустую, — заметил Миша. Поговори с Ямским, он к тебе расположен.

— Разве?

— Аркаша, что сделало его знаменитостью? Опротестованное дело Вискова. Ямской в Верховном суде обвиняет должностных лиц, которые незаконно арестовали и приговорили молодого рабочего Вискова к пятнадцати годам по обвинению в убийстве. Подумать только, московский городской прокурор Ямской вдруг выступает защитником прав личности! Новый Ганди, если верить «Правде». А кто возобновил следствие? Ты. Кто вынудил Ямского действовать, пригрозив, что выступишь с протестом в юридических журналах? Ты. И тут Ямской, видя, что тебя не перешибешь, поворачивает на сто восемьдесят градусов и становится главным героем этой истории. Он же тебе по уши обязан. И поэтому, возможно, хотел бы сплавить тебя с глаз долой.

— С каких это пор ты разговариваешь с Ямским? — заинтересовался Аркадий.

— Пришлось недавно. Были маленькие трудности с клиентом. Тот утверждал, что переплатил мне. Не переплачивал он мне. Я же выручил этого сукина сына. Во всяком случае, прокурор оказался на удивление понятливым. Между делом вспомнили и тебя. Случай довольно скверный, хватит об этом.

Значит, Миша запросил столько, что даже оправданный пожаловался? Понятие «продажный» никогда не приходило ему в голову применительно к другу. Казалось, что и Миша удручен своим признанием.

— Я же его выручил. Знаешь, как редко это бывает? Известно, для чего нанимают адвоката. Ты платишь человеку за то, чтобы он выступал в суде по своему усмотрению, без оглядки на тебя. Верно? В конце концов, тебя бы не судили, если ты не виноват, а я не хочу быть соучастником, мне нужно беречь свое доброе имя. Еще до того как обвинитель поднимет свой указующий перст, я публично осуждаю деяния этого преступника. Я не просто оскорблен в своих чувствах, я питаю к нему отвращение. Если моему клиенту повезет, я, возможно, упомяну, что он ни разу не пернул в День Красной Армии.

— Неправда. Ты на себя наговариваешь.

— Во всем, что я сказал, есть доля правды. За исключением одного этого случая — не знаю почему, но здесь я сделал все, что мог. Мой клиент не был жуликом, у него малые дети, он хороший сын и помогает больной матери, она рыдала в первом ряду, он скромный ветеран труда, надежный товарищ и работает, не жалея сил. Он не вор,

он просто слаб. Советский суд, этот клюющий носом судья и два невежественных заседателя, жесток, да, жесток, как феодал, но в такой же мере — человечен. Прояви дерзость — и все пропало. Но упади им на грудь, скажи, что виновата водка, женщина, что подзащитный не знал, что творил, и кто знает, как обернется дело? Конечно, все так делают, но, чтобы подняться над заурядным пафосом, надо быть артистом. И у меня получилось, Аркаша. Я даже заплакал, — Миша помолчал. — Зачем я запросил столько денег?

Аркадий не знал что сказать.

— Два дня назад я случайно встретил родителей Вискова, — вспомнил он. — Отец заведует кафетерием у Павелецкого вокзала. Какую жизнь пришлось им прожить!

— Ей-богу, я в отчаянии, — взорвался Миша. — Не поймешь, на кого положиться. Два дня назад я обедал в Союзе писателей с известным историком Томашевским, — маленькое суденышко на всех парусах понесло в новом направлении. — Тебе следует знать этот сорт людей. Всеми уважаемый, обаятельный, он за последние десять лет не опубликовал ни строчки. У него система, которую он мне растолковал. Он начинает с того, что представляет в академию план биографического

очерка, дабы получить подтверждение, что его концепция находится в полном соответствии с политикой партии. Как увидишь позже, это очень важный шаг. Дальше, человек, о котором он собирается писать, — обязательно очень важная персона, посему Томашевский два года работает над русскими материалами у себя дома. Но его оставивший след в истории деятель, кроме того, много ездил, да-да, несколько лет прожил в Париже или Лондоне, так что Томашевскому тоже нужно побывать там. Он обращается куда надо и получает разрешение на длительную заграничную командировку. Проходит четыре года. Академия и партия потирают руки в предвкушении выхода в свет жизнеописания этой видной личности, да еще из-под пера самого Томашевского. Теперь Томашевский должен уединиться на даче под Москвой для творческих раздумий над папками с плодами своих исследований, а заодно и присмотреть за садом. Еще два года уходит на обдумывание. И как раз тогда, когда приходит время довериться бумаге, Томашевский снова сверяет свой труд с линией академии и узнает, что политика партии полностью изменилась: оказывается, его герой — изменник. Томашевскому дружно сочувствуют, но ради общего блага ему

придется пожертвовать плодами многолетнего труда. Все, конечно, охотно советуют Томашевскому начать новую работу, чтобы забыться в труде. В настоящее время Томашевский занят изучением сыгравшего важную роль в истории деятеля, который некоторое время жил на юге Франции. По его словам, у советских историков светлое будущее, и я ему верю.

Миша снова резко переменил тему разговора и упавшим голосом произнес:

— Я слыхал о трупах в Парке Горького и о том, что ты опять повздорил с майором Приблудой. Ты что, с ума сошел?

Когда они вернулись, в доме не было никого, кроме Наташи.

— Зоя ушла с какими-то людьми с соседней дачи, — сказала она Аркадию. — У них немецкая фамилия.

— Она имеет в виду Шмидта, — Миша сел у огня, чтобы обтаяли ботинки. — Аркаша, ты его, наверное, знаешь. Из Москвы. Он только что занял дачу в конце улицы. Может, это и есть новый Зоин любовник?

По лицу Аркадия Миша понял, что угадал. Он замолк, покраснев, с ботинка капала вода.

— Миша, ступай на кухню, — сказала Наташа.

Муж заковылял прочь, а она толкнула Аркадия на кушетку, налила себе и ему водки.

— Дурак, — кивнула она в сторону кухни.

— Он же не знал, — Аркадий в два глотка осушил стакан.

— Это на него похоже — никогда не знает, что говорит. Он болтает все, что придет в голову, — когда-нибудь да угадает.

— Ты-то знаешь, что говоришь? — спросил Аркадий.

Наташа обладала даром незаметно свести все к лукавой шутке. Положенные вокруг глаз легкие тени оживляли взгляд. При виде ее тонкой шейки ему на ум приходили голодающие дети, а ведь ей было за тридцать.

— Зоя моя подруга. Ты мне друг. По правде говоря, Зоя мне ближе. Я уже много лет уговариваю ее бросить тебя.

— Почему?

— Ты ее не любишь. Если бы ты ее любил, то сделал бы ее счастливой, ты бы вел себя с ней, как Шмидт. Они предназначены друг для друга, — она снова налила Аркадию и себе. — Если она тебе не совсем безразлична, пусть она будет счастлива. Пусть наконец она будет счастлива! — Наташа прыснула. Она старалась сохранить серьезное

выражение, но ее прелестные губки расплывались в улыбке. Когда все они ходили в школу, она, как и Миша, была за клоуна. — Дело в том, что тебе с ней скучно. У нее было два-три счастливых года, когда благодаря тебе она была интересной и привлекательной. А теперь даже я вижу, что она зануда. А ты нет. — Она провела пальцем по его запястью. — Из всех, кого я знаю, ты единственный, с кем пока еще не бывает скучно.

Наташа налила себе еще и, совсем пьяная, стараясь ступать прямо, направилась на кухню, оставив Аркадия одного. В комнате было жарко, а тут еще выпитая водка… Миша с Наташей украсили жилище иконами и затейливыми деревянными фигурками. На позолоченных окладах икон играли отсветы огня. Дать Зое то, что дал ей Шмидт? Аркадий открыл бумажник и достал маленькую красную книжку с профилем Ленина на обложке. С левой стороны была его фамилия, фотография и название районной парторганизации. С правой — отметки об уплате членских взносов. Он заметил, что задолжал за два месяца. На последней странице — подборка вдохновляющих заповедей. Знаменитый партбилет. «Это единственное средство добиться успеха, единственное, другого не существует», — сказала Зоя.

Она была голой, когда говорила эти слова, — ему запомнился этот контраст между цветом партбилета и цветом ее кожи. Он взглянул на икону. Это было изображение Богородицы. Византийское лицо, смотрящие внутрь глаза напоминали ему не Зою, не Наташу, а ту девушку, что он встретил на «Мосфильме».

— За Ирину, — он поднял стакан.

* * *

К полуночи все напились. Стол был уставлен тарелками с ветчиной, колбасой, рыбой, блинами, сыром, хлебом, маринованными грибами, была даже паюсная икра. Кто-то во все горло читал стихи. В другом углу парочки отплясывали под венгерскую пластинку ансамбля «Би Джиз». Мишу мучили угрызения совести, и он то и дело бросал взгляды на Зою, сидящую рядом со Шмидтом.

— Я-то думал, что мы наконец проведем выходной вместе, — сказал Аркадий, когда они на миг остались одни на кухне. — Как здесь оказался Шмидт?

— Я его пригласила, — Зоя вышла с бутылкой вина.

— За Зою Ренко! — Шмидт поднял бокал, когда

она вернулась. — Вчера районный комитет поручил ей выступить с докладом о новых задачах образования на пленуме городского комитета, чем все мы, и особенно, я уверен, ее муж, очень гордимся.

Все посмотрели на вошедшего Аркадия, кроме Шмидта, который не сводил глаз с Зои. Наташа, стремясь сгладить неловкость ситуации, сунула Аркадию стакан. Шмидт пригласил Зою на танец.

По всему было видно, что они не раз танцевали раньше. Лысеющий, но аккуратно подстриженный Шмидт легко вел партнершу, приподняв крепкий клинообразный подбородок. У него была сильная шея гимнаста и очки партийного мыслителя в черной оправе. Рука почти полностью прикрыла спину прильнувшей к нему Зои.

— За товарища Шмидта! — поднял бутылку Миша, как только прекратилась музыка. — Мы пьем за товарища Шмидта не потому, что он получил теплое место в райкоме, решая кроссворды и сбывая на сторону казенное имущество, нет, я и сам, бывало, брал домой канцелярские скрепки.

Миша расплескал водку и обвел всех счастливым взглядом. Он еще только расходился.

— Мы пьем за него не потому, что он бывает

на партийных конференциях на берегу Черного моря, ибо и мне в прошлом году позволили слетать в Мурманск. Мы пьем не потому, что райком снабжает го ящиками отборного вина, ибо и нам иногда удается постоять в очереди за теплым пивом. Мы пьем не потому, что он желает наших жен, ибо мы, если захочется, всегда имеем возможность заняться мастурбацией. Не потому, что он сбивает пешеходов своей «Чайкой», ибо мы имеем возможность пользоваться лучшим в мире метро. Даже не потому, что в его сексуальные привычки входят некрофилия, садизм и гомосексуализм, — тихо, товарищи, ведь сегодня не средневековье. Нет, — завершил свой тост Миша, — мы пьем за товарища Шмидта потому, что он Хороший коммунист.

Шмидт ответил кислой улыбкой.

Танцующие, разговаривающие, сидящие все больше набирались. Аркадий варил на кухне кофе, и только через пять минут до него дошло, что в углу лежит режиссер с женой танцора. Он ретировался, забыв свою чашку. В комнате Миша танцевал с Наташей, сонно уронив голову ей на плечо. Аркадий поднялся в отведенную ему спальню. Он собирался открыть дверь, когда из нее, закрыв ее за собой, вышел Шмидт.

— Пью за вас, — прошептал Шмидт, — потому что ваша жена очень хороша в постели.

Аркадий ударил его в живот. Когда застигнутый врасплох Шмидт отлетел от двери, он нанес ему удар в челюсть. Шмидт упал на оба колена и покатился по лестнице. Внизу у него слетели очки. Его вырвало.

— Что случилось? — в дверях спальни стояла Зоя.

— Тебе лучше знать, — ответил Аркадий.

На ее лице он прочел ненависть и страх, но что он совершенно не ожидал увидеть, так это ничем не прикрытое облегчение.

— Мерзавец! — крикнула она и побежала к Шмидту.

— Я его только поприветствовал, — Шмидт шарил руками, ища очки. Зоя подобрала их, вытерла о свой свитер и помогла партийному руководителю района подняться на ноги. — И это следователь? — произнес разбитыми губами Шмидт. — Он сумасшедший.

— Подлец, — крикнул Аркадий.

Никто его не слышал. Сердце бешено забилось — его осенило, что там, у двери в спальню, Шмидт говорил неправду. На этот раз они не осмелились, как-никак под крышей у друзей, да и муж

был где-то рядом. Аркадий поверил вымыслу, потому что он был правдоподобен. Зоя пылала негодованием, а Аркадий, рогоносец, испытывал угрызения совести.

Он стоял перед дачей, глядя, как уезжают Шмидт с Зоей. У ее любовника был не лимузин, а старый двухместный «Запорожец». Над березами поднялась полная луна.

— Извини, — сказал Миша, Наташа молча вытирала ковер.

4

— Ваша работа, как всегда, — высший класс. Все поражены оперативностью, с какой вы обнаружили важные для расследования особенности зубов убитого. Я незамедлительно дал указание, чтобы органы госбезопасности провели тщательную проверку. Проверка велась в выходные дни, пока вы были за городом. С помощью компьютеров были просмотрены сведения о тысячах проживающих в СССР иностранцев и известных нам иностранных агентах за последние пять лет. Результат: ни один человек не подходит под описание жертвы. По мнению специалистов, мы все же имеем дело с советским гражданином, который лечил зубы во время пребывания в Соединенных Штатах или у европейца, прошедшего там практику. Ввиду того, что были учтены все без исключения иностранцы, я вынужден согласиться с этим мнением.

Прокурор говорил с располагающей искренностью и прямотой. Он брал пример с Брежнева, обладавшего таким же даром — даром открытой, спокойной рассудительности. Она придавала словам такой вес, что не было никакого смысла

спорить; спорить — значило бы нарушить так великодушно предложенную атмосферу дружеской беседы.

— Аркадий Васильевич, я как прокурор должен решить, настаивать ли на том, чтобы КГБ взял на себя ответственность за это расследование, или же разрешить вам продолжать так удачно начатую работу. Беспокоит, что к преступлению могут быть причастны иностранцы. Несомненно, есть возможность того, что ваше расследование может внезапно прерваться. А коли так, не отдать ли им его сразу?

Ямской помолчал, будто обдумывая такую возможность.

— Однако не все так просто. Было время, когда такой вопрос не встал бы — МВД занималось делами и русских, и иностранцев, — не было дискриминации, все в одной корзине. Но не было и открытого суда, арестовывали и приговаривали без малейшего уважения к социалистической законности. Вы знаете, о ком я говорю — о Берии и его клике. Эти эксцессы осуществляла горстка людей, но нам нельзя о них забывать. Двадцатый съезд партии вытащил их на свет и провел реформы, в соответствии с которыми мы теперь работаем. Деятельность милиции, МВД, строго

ограничена рамками борьбы с внутренней преступностью. Таким же образом деятельность КГБ строго ограничена вопросами национальной безопасности. Усилена роль прокуроров в охране прав граждан. Четко определена независимость следователей. Что будет, если я отберу дело у вас и передам его в КГБ? Это будет шаг к прежним временам. Убитый, по всей вероятности, был русским. Ведь обнаруженный у него во рту искусственный коренной зуб явно нашей работы. Две другие жертвы также, несомненно, русские. Виновники преступления и широкий круг лиц, затронутых расследованием, — тоже русские. И несмотря на все это, меня порой принуждают мутить чистые воды реформ и вносить путаницу в разграничение полномочий между двумя десницами нашего закона. Что останется от моего долга охранять права граждан, если я так поступлю? Чего стоит ваша независимость, если при малейшей неопределенности вы от нее отрекаетесь? Уклониться от ответственности было бы нетрудно, но, убежден, неуместно.

— Что конкретно могло бы убедить вас в противном? — спросил Аркадий.

— Докажите, что либо убитый, либо убийца были иностранцами.

— Не могу. Но убежден, что один из убитых — иностранец, — сказал Аркадий.

— Этого мало, — вздохнул прокурор. Так вздыхают взрослые, слушая неразумные речи ребенка.

— Кажется, я понял, — пока не закончился разговор, поспешил сказать Аркадий, — чем занимались убитые.

— Ну?

— На одежде убитых обнаружены гипс, опилки и золотая пыль. Все эти материалы используются при реставрации икон. На иконы большой спрос на черном рынке, у иностранных туристов.

— Продолжайте.

— Так что, возможно, один из убитых — иностранец, а суди по следам на одежде, можно полагать, что он, как и многие иностранцы, занимался скупкой икон. Но чтобы убедиться, что мы не имеем дело с иностранцем и действуем в пределах своей компетенции, я хочу, чтобы майор Приблуда предоставил нам записи разговоров всех иностранцев, находившихся в Москве в январе и феврале. КГБ никогда на это не пойдет, но я хочу, чтобы мой запрос и его ответ были зафиксированы.

Ямской улыбнулся. Оба понимали, что такой официальный запрос и необходимость ответить

заставят Приблуду поторопиться забрать дело.

— Вы серьезно? Это же прямой вызов.

— Да, — ответил Аркадий.

Вопреки ожиданиям Аркадия Ямской не спешил отвергать его предложение. Что-то в нем заинтересовало прокурора.

— Должен сказать, я всегда поражался вашей интуиции. Насколько помню, вы ни разу не ошибались. К тому же вы старший следователь. Если вы действительно настаиваете, то, может быть, ограничимся иностранцами, не имеющими дипломатического статуса?

Аркадий на миг потерял дар речи.

— Хорошо.

— Это можно устроить, — Ямской сделал пометку на листке бумаги. — Что еще?

— Все текущие записи, — поспешно добавил Аркадий. Кто знает, когда прокурор снова будет таким сговорчивым? — Расследование распространится и на другие области.

— Я ценю вас как на редкость способного и настойчивого следователя. У вас большое будущее.

Красотка лежала на анатомическом столе.

— Андрееву понадобится и шея, — заметил Левин.

Патологоанатом подложил под шею деревян-

ный брусок, отчего она изогнулась кверху, и оттянул волосы назад. Дисковой пилой он отделял кости. Запахло паленым. У Аркадия не было с собой сигарет, он задержал дыхание.

Левин подрезал снизу седьмой шейный позвонок. Кость отделилась, голова покатилась со стола. Аркадий машинально поймал ее и поспешно вернул на стол. Левин выключил пилу.

— Нет уж, следователь, теперь она целиком ваша.

Аркадий вытер руки. Голова оттаяла.

— Нужна коробка.

* * *

В конечном счете, что такое мертвецы, как не свидетели эволюции человека от первобытной праздности к цивилизованному трудолюбию? А каждый свидетель, каждая куча костей, добытая в торфяном болоте в тундре, в свою очередь служат еще одним ключом к головоломке, называемой предысторией. Там бедро, здесь череп, где-нибудь еще ожерелье из зубов лося — все это вытаскивают из древних могил, заворачивают в газеты и направляют в Институт этнологии Академии наук, что близ Парка Горького, где их чистят, скрепляют проволокой и, опираясь на

науку, восстанавливают.

Не все чудеса, совершаемые здесь, относятся к предыстории. Например, в конце войны вернувшийся в Ленинград офицер заметил пятно на потолке своей комнаты в общежитии. Забравшись на чердак, он обнаружил там расчлененное, ссохшееся тело. Милиция определила, что это труп мужчины. После долгого безуспешного расследования милиция послала череп в Институт этнологии для реконструкции. Возникла проблема — восстановленное антропологами лицо оказалось не мужским, а женским. Возмущенные милицейские чины уничтожили череп и закрыли дело. А тем временем из общежития прислали снимок девушки. Ее изображение полностью совпадало с изображением лица, восстановленного антропологами. Ее опознали, и убийца понес наказание.

С тех пор институт в целях опознания воссоздал по черепам или их фрагментам более сотни лиц. Ни в одной другой стране полиция не имела возможности пользоваться этим методом. Некоторые из сделанных в институте реконструкций были всего лишь грубыми гипсовыми скульптурами. Другие же, творения Андреева, поражали не только тщательной проработкой деталей, но и

живым выражением тревоги или неподдельного страха. Появление в суде изготовленной Андреевым головы неизменно приводило к торжеству обвинения.

— Входите же.

Аркадий пошел на голос и оказался в галерее голов. В ближайшем шкафу были выставлены национальные типажи — туркмен, узбек, калмык и прочие — со слепыми глазницами. Следующим был шкаф с обезьянами, потом с африканцами и так далее. Позади стоял стол с бюстами недавно увековеченных космонавтов. На них еще не высохла краска. Ни в одной из этих фигур не чувствовалась рука Андреева. Но, миновав освещенное место, Аркадий внезапно остановился. В темном конце комнаты вдоль стены выстроились получеловеческие существа, как бы испуганные появлением следователя и пугающие его своей безмолвной подозрительностью. Синантроп оскалил пожелтевшие клыки. Беззлобный питекантроп тупо смотрит перед собой. Что-то похожее на женщину со скулами орангутанга. Толстогубый коварный неандерталец. И тут же молодой пигмей с буйно вьющимися волосами, удлиненное лицо пересекает одна сплошная бровь, руки и рабочий халат выпачканы гипсом.

Пигмей соскользнул со стула.

— Вы следователь, звонивший мне?

— Да, — Аркадий искал, куда бы поставить свою коробку.

— Не беспокойтесь, — сказал Андреев. — Я не буду делать голову. Я больше не занимаюсь криминалистикой, за одним исключением — если дело не удалось раскрыть в течение года. Это эгоистично, но вы поразитесь, когда узнаете, сколько преступлений может раскрыть милиция без посторонней помощи меньше чем за год.

— Знаю.

После долгой паузы Андреев кивнул головой и, подойдя на своих кривых ножках к шкафу, жестом маленькой ручки обвел стоящие вокруг бюсты.

— Уж коли пришли, давайте проведу с вами маленькую экскурсию. Вот наша коллекция гуманоидов. Весьма поразительные существа. Они обычно сильнее нас физически, порой превосходят нас по объему мозга, в некотором смысле похожи на нас, но обречены на молчание из-за неумения писать тексты об эволюции, так что давайте пойдем дальше. — Быстро перебирая ножками, он приблизился к стенду с бюстом татарского кочевника. Аркадий удивился, что сразу

не заметил его. Плоское худое лицо жило, но ничего не выражало. Глубокие складки на щеках, казалось, были изрезаны ветром, а не высечены резцом скульптора. Волосы, собранные в пучок, заметно обветшавшие и поредевшие, как у старого человека, рыжие усы и бородка клином. — Гомо сапиенс. Тамерлан, самый кровожадный убийца за всю историю. Череп свидетельствует о левостороннем параличе. В нашем распоряжении были также волосы и следы плесени на верхней губе, там, где росли усы.

Аркадий не отрывал глаз от татарина, пока Андреев не зажег свет внутри другого стенда, в котором находилась крупная мужская голова под грубым монашеским капюшоном. Высокий открытый лоб, длинный нос, пунцовые губы, борода. На лице — гримаса высокомерия или отвращения к самому себе. Взгляд стеклянных глаз скорее не мертвый, а погасший.

— Иван Грозный, — продолжал Андреев. — Перед смертью принял схиму и похоронен в Кремле. Еще один убийца. Отравился ртутью, которой натирался от боли в суставах. У него был неправильный прикус, так что его улыбка, должно быть, превратилась в гримасу. Вы находите его уродливым?

— Разве нет?

— Ничего необычного. Правда, в свои последние годы он избегал придворных художников, будто хотел унести свой облик с собой в могилу.

— Он был убийца, — заметил Аркадий, — но не дурак.

Они подошли к двери, через которую вошел Аркадий. Он понимал, что экскурсия заканчивается, но не проявлял намерения уходить. Андреев изучающе смотрел на него.

— Вы сын Ренко, не так ли? Я много раз видел его портрет. Вы не очень-то на него похожи.

— У меня была еще и мать.

— Вам повезло, — на лице Андреева проскользнуло выражение симпатии, лошадиные зубы сложились в подобие улыбки. — Хорошо, давайте поглядим, что вы принесли. Может быть, кто-то еще захочет этим заняться.

Андреев прошел в угол, где под лампой дневного света стоял гончарный круг. Пока он карабкался на стул, чтобы достать шнурок выключателя, Аркадий открыл коробку и за волосы вытащил голову. Андреев взял голову, положил ее на круг и мягкими движениями раздвинул длинные каштановые волосы.

— Молодая женщина, лет двадцати, европеоид,

отличная симметрия, — отметил Андреев. Он оборвал Аркадия, когда тот начал было рассказывать о трех убийствах. — Не пытайтесь заинтересовать меня вашим делом: тремя головами больше или меньше — какая разница? Повреждения, конечно, необычные.

— Убийца считает, что он уничтожил лицо. Вы можете его вернуть, — сказал Аркадий.

Андреев толкнул круг, и внутри глазниц замелькали тени.

— Может быть, она в тот день проходила мимо вас, — сказал Аркадий. — Это было в начале февраля. Возможно, вы даже видели ее.

— У меня нет времени разглядывать женщин.

— У вас же особый дар, профессор. Вы могли бы посмотреть на нее теперь.

— У нас и другие делают весьма приличные реконструкции. У меня более важная работа.

— Важнее того, что почти у вас под окнами были убиты двое мужчин и эта девушка?

— Следователь, мое дело — реконструкции. Я не могу вернуть ее к жизни.

Аркадий поставил коробку на пол.

— Тогда верните хотя бы ее лицо.

* * *

Когда речь заходила о Лубянке, тюрьме КГБ на площади Дзержинского, люди переходили на шепот, однако большинство нарушивших закон и попавшихся москвичей попадали за решетку лефортовской тюрьмы, расположенной в восточной части города. Смотритель спустил следователя на лифте еще дореволюционной постройки. Где сейчас Зоя? Она сказала ему по телефону, что домой не вернется. Думая о ней, он не помнил ничего, кроме ее лица в дверях спальни на даче у Миши. Выражение торжества, будто противник слишком поторопился выложить свои козыри. Тем временем другие события шли своим чередом. Ямской затребовал у Приблуды магнитные пленки. Голову передали для реконструкции. Расследование, начатое чисто формально, постепенно разворачивалось.

В подвальном помещении Аркадий двинулся вдоль коридора с маленькими железными дверьми, похожими на дверцы топок, мимо пишущего что-то за столом смотрителя, миновал набитую матрасами комнату, из которой разило плесенью, и открыл дверь камеры, где нашел старшего следователя по особым делам Чучина.

Этот скользкий человечек удивленно глазел на него, вцепившись рукой в пряжку поясного ремня. Тут же, отвернувшись, сидела плевавшая в платок женщина.

— Вы… — Чучин загораживал ее от Аркадия, но Аркадий снова мысленно увидел всю картину: распахнутая дверь, замешательство Чучина, застегивающая пряжку рука, раскрасневшееся лицо девушки, молоденькой, но некрасивой, отворачивающейся, чтобы сплюнуть. Чучин, этот лощеный человечек, застегнул пиджак, стер капельки пота на верхней губе и вытолкнул Аркадия в коридор.

— Что, допрос? — спросил Аркадий.

— Не политическая, просто шлюха, — неожиданно спокойно ответил Чучин, будто говорил о породе собаки.

Аркадий пришел к нему с просьбой. Теперь уже не было нужды просить.

— Дай-ка ключ от сейфа с твоими досье.

— Катись ты…

— Прокурору будет интересно узнать, как ты ведешь допросы, — Аркадий протянул руку за ключом.

— Кишка тонка.

Аркадий ухватил Чучина между ног, с силой

сжал опадавший член следователя по особым делам, тот аж приподнялся на цыпочки, и оба посмотрели в упор друг на друга.

— Смотри, Ренко, ты за это поплатишься, — хрипло произнес Чучин, но ключ отдал.

* * *

Аркадий разложил папки на столе Чучина.

Ни один следователь не показывал своих досье другому. Каждый специализировался в своей области, а когда, случалось, дела совпадали, выделял в отдельные досье данные о наиболее ценных осведомителях. Так было всегда при ведении особых дел. Что представляли собой особые дела? Если бы КГБ приходилось арестовывать всех политических преступников, тогда их число само по себе свидетельствовало бы о наличии в стране оппозиции режиму. Лучше, если некоторых из них арестует прокуратура по обвинению в обычных преступлениях, понятных среднему гражданину. Например: «Историк Б., переписывавшийся с высланными писателями, был арестован за спекуляцию билетами на балет». «Поэт Ф., распространитель „самиздата“, был обвинен в краже книги из библиотеки имени Ленина». «Техник М., социал-демократ, был

арестован за продажу икон осведомителю Г.». Такая липа была оскорблением для настоящих следователей. Поэтому Аркадий предпочитал не замечать Чучина, будто того не существовало.

Внимание Аркадия привлекли ссылки на «осведомителя Г.», «бдительного гражданина Г.», «надежного источника Г.» Добрая половина арестов в связи с торговлей иконами была подсказана одной этой буквой. Он просмотрел финансовые отчеты Чучина. Г. получил 1500 рублей, больше других осведомителей. Там же он нашел и номер телефона.

Из своего кабинета Аркадий позвонил на телефонную станцию. Номер принадлежал Федору Голодкину. Пашин магнитофон стоял рядом. Аркадий поставил новую катушку и набрал номер. После пяти звонков трубку сняли, но не отвечали.

— Алло, можно Федора? — спросил Аркадий.

— Кто говорит?

— Приятель.

— Оставьте свой номер.

— Надо поговорить сейчас.

Трубку повесили.

* * *

Когда пришли первые коробки от Приблуды, Аркадий испытал приятное возбуждение, которое приносит пусть даже кажущийся успех. В Москве было тринадцать гостиниц «Интуриста», насчитывающих больше двадцати тысяч номеров, причем половина из них была оборудована подслушивающими устройствами. И хотя одновременно можно было подключиться только к пяти процентам, а еще меньше записать и расшифровать, количество собранных материалов внушало уважение.

— Не особенно надейтесь, что наткнетесь на дурака, который будет в открытую болтать о покупке икон или назначать встречу в парке, — разъяснял Аркадий Паше и Фету. — Не тратьте времени на расшифровки разговоров всех, кого сопровождают гиды «Интуриста». Не занимайтесь иностранными журналистами, священниками или политическими деятелями — за ними и так хорошо присматривают. Главное внимание — на туристов и иностранных бизнесменов, которые хорошо ориентируются у нас, говорят по-русски и имеют здесь связи. В магнитофоне пленка с голосом фарцовщика

Голодкина, на случай если вы услышите его на другой пленке. Хотя, возможно, он не имеет отношения к этому делу.

— Значит, иконы? — спросил Фет. — Почему вы так решили?

— Марксистская диалектика, — ответил Аркадий.

— Диалектика?

— Мы живем в период перехода к коммунизму, когда пока еще существуют предпосылки для преступлений, порождаемые пережитками капитализма в сознании отдельных людей. А что может быть более наглядным пережитком, чем икона? — Аркадий открыл пачку сигарет и протянул Паше. — Кроме того, на одежде убитых нашли гипс и золотую пыль. Гипс служит грунтовкой для дерева, а, пожалуй, единственное законное использование золота — так это при реставрации икон.

— По-вашему, это может быть связано с хищениями произведений искусства? — спросил Фет. — Как в Эрмитаже пару лет назад. Помните, когда компания электромонтеров снимала хрустальные подвески с музейных канделябров? Их не могли поймать несколько лет.

— Здесь мы имеем дело с мошенниками, а

не ворами. Иконы подделывали. — Паша взял спичку. — Работали по дереву. Отсюда и опилки на одежде. — Он подмигнул. — Как у меня с диалектикой?

* * *

Просидев весь день над пленками, Аркадий не имел ни сил, ни желания идти в пустую квартиру. Он бесцельно брел по городу, пока не оказался перед воздвигнутым в стиле Римской империи главным входом в Парк Горького. Там он поужинал пирожками и лимонадом. На катке плотно сложенные девицы в коротких расклешенных юбочках, пятясь, увертывались от парня с аккордеоном, издававшим отрывистые вздохи, непохожие на музыку. Громкоговорители молчали: глухая старуха уже убрала свои пластинки.

Солнце село в клубы облаков. Аркадий побрел к площадке аттракционов. В хороший выходной она была бы полна ребятишек, взлетающих на ракетах, катающихся на педальных автомобилях, палящих по деревянным уткам из духовых ружей или сидящих на сказочном представлении в театре. И он, бывало, часто приходил сюда с Беловым, тогда еще сержантом, или в компании с такими же, как он, сорванцами — Мишей и

другими ребятами из его класса. Он помнил, как в 1956-м в парке открылась первая иностранная выставка — чешская, с пивной, где торговали пильзенским пивом. Все запивали им водку. Все были веселы и пьяны. Он помнил, когда в Москве шла «Великолепная семерка» и все ребята в возрасте от двенадцати до двадцати лет подражали походке Юла Бриннера: в Парке Горького было полно косолапых ковбоев, разыскивающих своих скакунов. Время, когда ковбоями были все. Поразительно! Кто они сейчас? Архитекторы, директора заводов, члены партии, владельцы автомашин, покупатели икон, читатели «Крокодила», телевизионные критики, любители оперы, отцы и матери.

Сегодня детей было мало. Два старика в сгущающихся сумерках стучали костяшками домино. Лоточницы в белых колпаках и передниках сбились в кучу. Учившийся ходить карапуз испытывал прочность эластичного поводка, концы которого были в руках бабушки.

На краю площадки в кабинке колеса обозрения где-то на полпути повисла дряхлая супружеская пара. Дежуривший у колеса прыщавый парень листал журнал с картинками мотоциклов, не пускать же колесо ради каких-то двух пенсио-

неров. Ветер усиливался, раскачивая кабинки, и старушка в страхе прижималась к мужу.

— Включай, — Аркадий предъявил билет и забрался в кабинку. — Ну!

Колесо дернулось и начало вращаться. Аркадия подняло к верхушкам деревьев. Хотя на западе, за Ленинскими горами, закат еще не погас, над городом зажигались фонари, и он уже мог разглядеть концентрические окружности магистралей, обсаженные деревьями бульвары в центре города, Садовое кольцо рядом с парком и расплывающееся, как Млечный путь, внешнее кольцо.

У Парка Горького была еще одна особенность — это было единственное место в городе, где можно было пофантазировать. Чтобы принять участие в фантазиях «Мосфильма», нужен был пропуск, а парк был открыт для каждого. Одно время Аркадий собирался стать астрономом. От того времени память сохранила лишь разрозненные обрывки ненужных сведений. Двадцать лет назад он наблюдал за спутником, пролетавшим над Парком Горького. Вспоминалось без грусти. У всех остались в парке такие привидения прошлого — большая, милая сердцу могила. У него и у Миши, у Паши, Приблуды и Фета, у Зои и Наташи. Его оскорбляло, что кто-то оставил здесь трупы.

Еще круг. Древняя парочка впереди него не произнесла ни слова, как и пристало провинциалам, родившимся еще до революции, когда им доводилось бывать в столице. Не то что публика, прошедшая Великую Отечественную войну, — те вели себя более чем уверенно, толкались л громко переговаривались в соборах Кремля, пока их внуки, ковыряя в носу, ожидали снаружи.

Он поудобнее устроился на металлическом сиденье. А внизу парк переходил в холмы, простирался мимо отделения милиции, разбегался множеством романтических тропинок, близ одной из которых, «в 40 метрах к северу от аллеи, между Донской улицей и рекой», были убиты три человека. Несмотря на сгущающиеся сумерки, он разглядел поляну — посередине ее виднелась фигура человека с электрическим фонарем.

Кабина опустилась, он соскочил на землю. До поляны было полкилометра. Он побежал широкими шагами, стараясь не упасть на скользком льду. Тропинка, извиваясь, вела наверх.

Зоя права — надо упражняться. И еще эта глупая привычка курить. Он добежал до милиции, уютного домика, точно такого, как описал Паша, но там никого не было, ни одного автомобиля поблизости, и он вновь двинулся по тропинке,

которая стала еще круче. Через триста метров бега он еле передвигал ногами. Казалось, что он бежит уже много часов. Закололо в боку, но тут тропинка выровнялась. Может быть, это всего-навсего занятый своими делами Фет, с надеждой подумал он.

Там, где четыре дня назад милицейский фургон свернул с аллеи, он замедлил бег и, волоча ноги, побрел по колее к поляне. Под ногами хрустел снег. Свет исчез: неизвестный либо уже ушел, либо сообразил выключить фонарь. Не было видно никаких следов — очищенная от снега поляна была абсолютно черной. Ни звука. Он передвигался по поляне от дерева к дереву, приседал к земле, напряженно вглядываясь в темноту. Он было двинулся дальше, когда яркий луч осветил неглубокую впадину, из которой были извлечены тела.

Аркадий был уже метрах в десяти, когда свет исчез.

— Кто здесь? — окликнул он.

Кто-то метнулся в сторону.

Аркадий кинулся следом. Он знал, что тропинка вела вниз, к небольшой рощице. За ней пригорок с шахматными беседками, еще тропинка, деревья, затем крутой спуск на Пушкинскую

набережную и река.

— Стой! Милиция! — крикнул он.

Кричать не хватало дыхания, и он снова побежал. Он настигал бежавшего. Шаги были тяжелыми, мужскими. Хотя Аркадию когда-то выдали оружие, он никогда не брал его с собой. Приближалась рощица, в глазах, как волны, запрыгали верхушки деревьев. Беглец побежал, продираясь сквозь кусты. На нижней тропинке будут фонари, подумал Аркадий, и еще свет на набережной. Добежав до кустов, он выставил вперед руки. Почувствовав, что неизвестный замахнулся, он сделал нырок, но вместо удара кулаком получил удар ногой в пах. Глотая ртом воздух, он ухватил противника за ногу. На шею ему опустился кулак. Он ударил в ответ, но мимо. Новый удар ногой отбросил его в сторону. Аркадий ткнул кулаком и угодил в живот, большой и твердый. Его прижали плечом к стволу, а чужие пальцы вонзились в почки. Аркадий нащупал ртом ухо противника и впился в него зубами.

— Son of a bitch! <Сукин сын (англ.)> — выругался его противник по-английски и отпрянул.

— Милиция… — попытался позвать Аркадий, но голоса не было.

Новый удар послал его лицом в снег. Дурак,

подумал про себя Аркадий. Когда впервые за много лет следователь бьет кого-то, он в результате теряет жену. Во второй раз — вопит о помощи.

Он собрался с силами, прислушался к шороху веток и бросился следом. Склон круто обрывался к реке. Он чуть не упал. На нижней тропинке никого не было, но он заметил исчезающие в кустах ноги.

Аркадий одним махом перескочил через тропинку и прыгнул вниз, на широкую спину. Оба покатились в темноте по склону, пока не ударились о скамейку. Аркадий попытался завернуть незнакомцу руку за спину, но их пальто до того запутались, что ни один не был в состоянии нанести удар. Наконец противник высвободился из его объятий. Аркадий снова схватил его и, яростно размахнувшись, сбил с ног. Но, как только тот оказался на свободе, Аркадий потерял преимущество. Он получил удар в лицо и, прежде чем опомнился, кулаком по ребрам. Аркадий зашатался, и на него снова обрушился тяжелый кулак. Падая, он чувствовал, как останавливается сердце.

* * *

Это же огромное усовершенствование по сравнению со старыми примитивными способами, говорил председатель колхоза Аркадию и его отцу, заводя корову головой в деревянную раму с закрепленным сверху большим металлическим цилиндром, внутри которого легко ходил хорошо смазанный поршень. Щелчок выключателя, и поршень бьет точно в темя коровы. Животное падало, смешно раздвигая ноги. Он вспомнил, что кожа шла на шлемы танкистам. Дайте попробовать, попросил генерал Ренко, и подвел следующую корову. Удар! Если бы так можно было руками.

* * *

Аркадий пришел в себя и, держась руками за грудь, пошатываясь, встал. Вместе со снегом он сползал вниз, к стенке парапета. Ноги подогнулись, и он упал на тротуар.

По проезжей части двигались грузовики. Но ни одного пешехода. Ни одного милиционера. Уличные фонари напоминали головки одуванчиков, хрупкие пузырьки воздуха, который он

мучительно заглатывал ртом. Грузовики проехали мимо, и он снова остался один. Пошатываясь, перешел дорогу.

Перед ним была река, трехсотметровой ширины лента тонкого льда, с одной стороны обрамленная темной полосой деревьев, протянувшейся к западу в сторону стадиона имени Ленина. На противоположном берегу — темные здания министерства. Цепной Крымский мост был по крайней мере в километре. Слева от Аркадия совсем близко находился метромост без пешеходных дорожек. По нему прогрохотал поезд, из-под колес вылетали искры.

Под мостом по льду бежал человек.

Парапет был без ступеней. Аркадий съехал с трехметровой высоты по шершавому камню, крепко ударившись задом об лед. Поднялся и побежал.

Москва — город невысоких зданий. Если смотреть с поверхности реки, то она почти исчезала в сонном небесном пространстве.

Звук шагов послышался ближе. Мужчина был могучего сложения, но не быстр в движении: даже прихрамывая, Аркадий настигал его. На северной набережной тоже не было ступеней, но вблизи стадиона находился причал для летних

экскурсионных судов.

Человек остановился перевести дух, оглянулся на Аркадия и двинулся дальше. Когда расстояние между ними сократилось еще больше, человек снова остановился и так властно поднял руку, что Аркадий помимо воли остановился. Лед, казалось, светился. Он разглядел коренастую фигуру в пальто и шапке. Лица не было видно. — Не подходи, — сказал мужчина по-русски.

Аркадий шагнул вперед и увидел ствол пистолета. Человек держал его обеими руками, как обычно учили сыщиков. Аркадий упал ничком на лед. Он не слышал выстрела, не видел вспышки, но позади него что-то звонко стукнулось о лед и мгновение спустя застучало по камням набережной.

Человек тяжело двинулся к противоположному берегу. У набережной Аркадий его нагнал. Стекавшая по камням вода превратилась в неровные скользкие наросты льда. И вот здесь, в тени моста, схватились два человека, сначала стоя, а потом упав на колени. У Аркадия нос был в крови, а у мужчины свалилась с головы шапка. Удар в грудь послал Аркадия на четвереньки. Его соперник поднялся на ноги. Аркадий получил два удара ногой по ребрам и напоследок сокрушительный

удар ботинком по голове.

Когда он очнулся, человека не было. Аркадий сел и тут увидел, что держит в руке его шапку.

А над ним на фоне неба снова засверкали искры из-под колес. Небольшой фейерверк в честь маленькой победы.

5

Сталинская готика была не столько архитектурным стилем, сколько формой поклонения Божеству. Из элементов греческих, французских, китайских и итальянских шедевров сам Великий Архитектор нагромоздил огромные бетонные башни и другие символы своей власти — чудовищные небоскребы со зловещими окнами, таинственными амбразурами и поднимающимися на головокружительную высоту, чуть не до облаков, башнями. А над многими из них к тому же высились шпили, увенчанные рубиновыми звездами, которые, подобно Его глазам, ярко светились в ночи. После Его смерти Его творения вызывали скорее смущение, чем страх. Они были слишком велики, чтобы похоронить их вместе с Ним, и остались стоять — огромные нависающие над городом полуазиатские храмы, не очищенные от духов прошлого. Одним из таких зданий на западном берегу реки, в Киевском районе, была гостиница «Украина».

— Здорово! — Паша широко развел руками. С высоты четырнадцатого этажа глазам Аркадия во всю ширину открылся Кутузовский проспект,

а за ним — вызывающий почтительные чувства комплекс зданий для дипломатов и иностранных корреспондентов с милицейской будкой во дворе.

— Одно слово — смерть шпионам, — Паша оглядел номер, уставленный магнитофонами, коробками с пленкой, столами и раскладушками. — А вы, Аркадий Васильевич, и впрямь имеете вес.

Вообще-то штаб расследования перенес сюда Ямской, сославшись на то, что кабинет Аркадия слишком мал. Неизвестно, кто занимал этот номер до них, правда, на стене остался рекламный плакат с изображением белокурой стюардессы авиалинии ГДР. Даже на Фета подействовала такая смена обстановки.

— Павлович займется немецкими туристами и Голодкиным, тем самым, кого вы подозреваете в перекупке икон. А я знаю скандинавские языки. Когда-то собирался стать моряком и думал, что пригодятся, — признался Фет.

— Вот как! — Аркадий потер шею. Все тело болело от вчерашних побоев; по совести говоря, полученную им взбучку нельзя было назвать дракой. Было больно даже достать сигарету; его мутило от одной мысли, что придется надолго

засесть с наушниками. На службе в армии в его обязанности входило сидеть в радиорубке в братской социалистической части Берлина и слушать передачи союзников. Скучнее работы он не мог себе представить, а оба его напарника не скрывали радости. В конце-то концов, они обосновались в роскошной гостинице, ноги не топчут тротуары, а отдыхают на мягком ковре.

— Беру англо— и франкоязычных, — сказал Аркадий.

Зазвонил телефон. Людин докладывал о шапке, оставленной человеком, который избил старшего следователя.

— Шапка новая, отечественного производства, из дешевой ткани. Обнаружено два седых волоса. Анализ белка волос показал, что владелец шапки европеоид, мужского пола, группа крови первая. Помада для волос на ланолиновой основе, иностранного производства. Сделанные в парке слепки со следов этого человека показали, что он был в новых ботинках, тоже отечественного производства. У нас есть также слепки с вашей обуви.

— Поношенная?

— Очень.

Аркадий положил трубку и взглянул на свои

ботинки. У них не только стесались каблуки, но сквозь черную пасту просвечивал первоначальный зеленый цвет.

«Son of abitch!» — сказал человек, когда Аркадий укусил его за ухо. Так выражаются американцы.

— Немецкие девки, — прокомментировал Паша свою пленку. — Секретарши Немецкого экспортного банка. Проживают в «России» и цепляют мужиков прямо в танцзале гостиницы. Нашей проститутке там без разговоров дали бы под зад.

В пленках Аркадия не нашлось ничего серьезного. Так, мелкие грехи. Он выслушал тирады говорившего по-французски борца за свободу из Чада, который проживал в гостинице «Пекин». Сексуальный аппетит этого претендента на роль национального лидера ограничивался лишь недостатком партнерш. Девицы боялись, что если хоть раз вступят в связь с черным, то много лет будут рожать одних «обезьян». Да здравствует советское образование!

Они запросили такое количество пленки и стенограмм только для того, чтобы припугнуть Приблуду. Они могли бы обойтись и без него, но было не лишним, чтобы некое лицо в иерархии КГБ знало, что святая святых (пленки и стенограммы, эти тайны других людей, которые дозволено

лапать грязными руками только избранным) находятся в руках соперничающей организации. Бобины вернутся по назначению, а вместе с ними, Аркадий был в этом уверен, туда же переместится и расследование. Он пока не докладывал о том, что человек, который его отделал, вероятно, был американцем, или о том, что отвез к Андрееву голову Красотки. Что касается первого, он не мог представить доказательств, а второе пока ничего не дало.

Слушая пленку с записью одного туриста, он одновременно читал стенограмму разговора другого. Микрофоны были вмонтированы в телефонные аппараты, так что он слышал не только разговоры в номерах, но и телефонные разговоры. Все французы жаловались на еду, а американцы и англичане без исключения поносили официантов.

Пообедав в буфете гостиницы, Аркадий позвонил Зое в школу. На этот раз она оказалась у телефона.

— Нужно поговорить, — сказал он.

— Ты же знаешь, что сейчас много дел — приближаются первомайские праздники, — ответила Зоя.

— Я бы заехал за тобой после занятий.

— Нет!

— Когда?

— Не знаю. Попозже, когда буду знать определенно. А сейчас мне нужно идти.

В трубке был слышен голос Шмидта.

День тянулся бесконечно. Наконец Паша и Фет надели шляпы и пальто и отправились по домам. Аркадий прервал работу, чтобы выпить чашку кофе. В темноте были различимы еще два расположенных поблизости Его небоскреба — Московский университет к югу и Министерство иностранных дел сразу за рекой. Их рубиновые звезды светили одна другой.

Он снова принялся за пленки и впервые услышал знакомый голос. На пленке была запись приема у американцев 12 января в гостинице «Россия». Говорила рассерженная русская гостья:

— Конечно же, Чехов. Говорят, что он всегда уместен — критическое отношение к мелкой буржуазии, глубоко демократические убеждения и непоколебимая вера в силы народа. А если по правде, то в фильме по Чехову актрисе можно надеть приличную шляпку, а не какую-нибудь косыночку. Хотя бы раз в году все хотят показаться в хорошей шляпке.

Аркадий узнал голос Ирины Асановой, девушки

с «Мосфильма». В ответ послышалось протестующее щебетание актрис.

Прибывали опоздавшие.

— Евгений, а что у вас для меня?

Дверь закрылась.

— Со старым Новым годом, Джон!

— Перчатки! Как вы внимательны. Я их обязательно буду носить.

— Носите и хвастайтесь. Зайдите завтра — дам вам сотню тысяч пар на продажу.

Американца звали Джон Осборн. Его номер в «России» выходил окнами на Красную площадь, скорее всего, люкс, уставленный вазами свежих цветов. В сравнении с «Россией» «Украина» была чем-то вроде набитого людьми вокзала. Осборн говорил на хорошем, с необычной вкрадчивой интонацией, русском языке. Аркадию хотелось еще раз услышать голос девушки.

В наушники ворвались другие голоса.

— … чудесное исполнение.

— Да, когда вся балетная труппа была в Нью-Йорке, я устроил в ее честь прием. В честь ее мастерства.

— И Моисеева?

— У него поразительная энергия.

В наушниках слышались обмены привет-

ствиями, тосты за русское искусство, вопросы о семействе Кеннеди. Не было слышно только голоса Ирины Асановой. Веки отяжелели, ему чудилось, будто он схоронился под грудой пальто и шуб, куда доносились четырехмесячной давности отрывочные голоса находившихся в комнате людей, которых он никогда не видел. Шлепанье закончившейся пленки вернуло его к действительности. Надеясь снова услышать голос Ирины Асановой, он перевернул бобину.

Тот же прием, только позже. Голос Осборна.

— Кожевенный завод имени Горького теперь поставляет мне готовые перчатки. Десять лет назад я попробовал импортировать кожу, телячью кожу, которую можно было по дешевке купить у испанцев и итальянцев. К счастью, я поинтересовался, а нет ли товара в Ленинграде, и мне предложили желудки. Рубец. Я проследил, откуда они поступают, и вышел на животноводческий колхоз в Алма-Ате, который как раз в этот день отправлял нужную мне телячью кожу в Ленинград, а желудки в Вогвоздино.

Вогвоздино? Но американец не должен бы знать о расположенном там лагере заключенных, подумал Аркадий.

— Они связались с властями в Вогвоздино,

которые сообщили, что товар получен, из него приготовили суп, который с удовольствием съели. Так что колхоз был удовлетворен. Я потерял на этом деле двадцать тысяч долларов и теперь никогда не стану есть суп к востоку от Москвы.

Нервное молчание сменилось нервным смехом. Аркадий закурил и заметил, что выложил на стол три спички.

— Не могу понять, почему ваши люди бегут в Соединенные Штаты? Ради денег? Вы увидите, что американцы, неважно, сколько у них денег, в конечном счете неизменно обнаруживают, что они что-то не в состоянии купить. В этом случае они говорят: «Мы слишком бедны, чтобы позволить себе приобрести это». И никогда: «Мы недостаточно богаты». Ведь вы же не хотите быть бедными американцами? А здесь вы всегда будете богатыми.

Страницы папиросной бумаги с красными штампом КГБ из досье Осборна:

> «Джон Дьюзен Осборн, гражданин США. Родился 16/5/20 в Тэрритаун, штат Нью-Йорк, США. Беспартийный. Не женат. В настоящее время проживает в г.Нью-Йорке, штат Нью-Йорк. Первый приезд

в СССР в 1942 г. — в Мурманск с группой советников по ленд-лизу. В 1942-1944 гг. жил в Мурманске и Архангельске как представитель дипломатической службы США в качестве советника по перевозкам. В этот период объект оказал значительные услуги делу борьбы с фашизмом. В 1948 г., в период реакционной истерии, оставил дипломатическую службу и как частный предприниматель занялся импортом русской пушнины. Содействовал организации многих миссий доброй воли и культурному обмену. Ежегодно посещает СССР».

На второй странице досье перечислялись конторы фирм «Осборн фер импорте» и «Осборн креэйшнз» в Нью-Йорке, Палм-Спрингсе и Париже, а также поездки Осборна в Россию за последние пять лет. Последняя состоялась со 2 января по 2 февраля. Там же была зачеркнутая пометка карандашом, но Аркадий смог прочесть: «Лично рекомендует: И.В.Мендель, Министерство торговли».

На третьей странице: «Летопись советско-американского сотрудничества в Великой Отече-

ственной войне», «Правда», 1967 г."

А также: «См. Первый отдел».

Аркадий вспомнил Менделя. Этот человек был подобен раку, который каждый раз, меняя шкуру, становился все толще, — уполномоченный по «переселению» кулаков, во время войны специальный уполномоченный по Мурманской области, потом заведующий отделом дезинформации КГБ и наконец заместитель министра торговли. В прошлом году Мендель умер, но можно не сомневаться, что у Осборна были и другие приятели такого рода.

— Ваше самоуничижение просто очаровательно. Русский ставит ниже себя только араба или другого русского.

Хихиканье русских было лучшим свидетельством правоты Осборна. Им льстило, что с ними так запросто шутят. Во всяком случае, это был неопасный иностранец.

— Находясь в России, умный человек держится подальше от красивых женщин, интеллектуалов и евреев. В общем — от евреев.

Злая, оскорбительная, но остроумная шутка, невольно признал Аркадий: в ней была доля правды.

Как бы ни забавляли слушателей шутки остро-

слова, они весьма заблуждались относительно его подлинного лица. Пометка в досье «Первый отдел» означала североамериканское управление КГБ. Осборн не был агентом — иначе не прислали бы пленок с записями его разговоров. Осборн, судя по пометке, просто оказывал услуги — был ценителем русского искусства и осведомителем о русских артистах. Без сомнения, не одна балерина, обогретая его гостеприимством, говорила в Нью-Йорке что-нибудь такое, что потом слышали другие уши в Москве. Аркадий почувствовал облегчение, не услышав больше голоса Ирины Асановой.

Миша пригласил Аркадия поужинать. Уходя, Аркадий просмотрел, что успели сделать его помощники. Пленки Фета с записями скандинавов были сложены аккуратной стопочкой, рядом тетради и два остро заточенных карандаша. На Пашином столе царил беспорядок. Аркадий взглянул на сделанные им записи телефонных разговоров Голодкина. Одна из вчерашних записей была любопытной. Во время разговора Голодкин говорил только по-английски, а тот, на другом конце, говорил только по-русски.

Г: Доброе утро. Это Федор. Помните, в вами прошлый приезд мы собирались вместе сходить

в музей.

Икс: Да.

Г.: Как ваши дела? Я хочу показать вам музей сегодня. Как сегодня, подойдет?

Икс: Извините, очень занят. Может, в следующий раз.

Г.: Вы уверены?

Судя по записи, неизвестный прекрасно владел разговорным русским языком. Правда, господствовало убеждение, что никто, кроме русских, не может по-настоящему говорить по-русски, и, вероятно, поэтому фарцовщик решил изъясняться на английском. И все же Голодкин говорил с иностранцем.

Аркадий отыскал пленку, с которой была сделана запись, и поставил ее на магнитофон. На этот раз он услышал то, что уже прочитал.

— Доброе утро. Это Федор. Помните, в ваги прошлый приезд мы собирались вместе сходить в музей.

— Да.

— Как ваши дела? Я хочу показать вам музей сегодня. Как сегодня, подойдет?

— Извините, я очень занят. Может, в следующий раз.

— Вы уверены?

Щелк.

Аркадий сразу узнал голос другого человека, потому что он слушал его много часов. Это был Осборн. Американец был снова в Москве.

У Микоянов была большая квартира — из пяти комнат, в одной стояли два рояля, которые Миша вместе с квартирой унаследовал от родителей — оба выступали с симфоническим оркестром радио. На стенах — родительская коллекция революционных киноафиш и собранные Мишей и Наташей крестьянские резные деревянные поделки. Миша провел Аркадия в ванную, в одном из уголков которой красовалась идеально белой эмалью новая стиральная машина.

— «Сибирь». Высший класс. Сто пятьдесят пять рублей и десять месяцев в очереди.

Удлинитель доставал до розетки, а шланг был переброшен через край ванны. Как раз то, о чем и мечтала Зоя.

— Мы могли бы достать ЗИВ или «Ригу» через четыре месяца, но нам хотелось самую лучшую. — Миша взял лежавший на туалете экземпляр «Торгового бюллетеня». — Эта самого высокого качества.

— И самая что ни на есть отечественная. — Мо-

жет, и у Шмидта есть такая, подумал Аркадий.

Миша неодобрительно взглянул на Аркадия и передал ему стакан. Они пили перцовку и уже не совсем твердо стояли на ногах. Миша достал из стирального бака комок мокрого нижнего белья и запихал его в центрифугу.

— Сейчас покажу!

Он повернул ручку центрифуги. Раздался рев, машина заходила ходуном. Рев нарастал, будто с пола ванной взлетел самолет. Из шланга в ванну начала извергаться вода. Миша мечтательно откинулся назад.

— Разве не сказка? — воскликнул он.

— Поэма, — заметил Аркадий. — Поэма Маяковского, но все равно поэма.

Машина остановилась. Миша потрогал вилку и рукоятку, но машина стояла.

— Что-то не так?

Миша обвел Аркадия и машину свирепым взглядом. Он забарабанил по бокам машины, и та снова затряслась.

— Теперь никакого сомнения — машина нашего производства. — Аркадий вспомнил старую пословицу «Если бить зайца…» и подумал, прихлебывая из стакана, нельзя ли переиначить ее на «Если бить машину…».

Миша стоял, гордо подбоченясь.

— Новое всегда пробьет себе дорогу, дай только время, — пояснил он.

— Само собой.

— Теперь крутится как надо.

Если точнее, трясется. Миша набил в центрифугу четыре пары кальсон. Такими темпами, подсчитал Аркадий, если перекладывать белье из стирального бака в центрифугу, а потом еще досушивать на веревке, накопившееся за неделю белье можно выстирать за… неделю. Машина работала с таким рвением, что, казалось, готова была оторваться от пола. Миша с опаской отступил назад. Шум заглушал все на свете. Тут еще с треском соскочил шланг, и водой залило всю стену.

— А, черт! — Миша проворно одной рукой затиснул полотенцем сливное отверстие, а другой повернул ручку. Ручка оторвалась. Миша яростно заколотил ногами по машине, которая уверты-валась от его ударов, пока Аркадий не выдернул вилку.

— …твою мать! — Миша продолжал колотить по затихшей теперь машине. — …твою мать! Десять месяцев, — он повернулся к Аркадию. — Десять месяцев!

Он схватил «Торговый бюллетень» и хотел порвать его пополам.

— Ну и подонки! Они у меня попляшут! Интересно знать, сколько им платят!

— Что ты с ними сделаешь?

— Я им напишу! — Миша швырнул журнал в ванну. И тут же, встав на колени, стал выдирать страницу. — Государственный знак качества? Я им покажу знак качества! — Он скомкал страницу, бросил в унитаз, дернул цепочку и издал торжествующий вопль.

— Кому же теперь писать?

— Ш-ш-ш, — Миша приложил палец к губам. Снова взял стакан. — Ничего не говори Наташе. Она получила свою машину. Сделаем вид, что ничего не случилось.

Наташа подала на стол пирожки с мясом, колбасу, соленья и белый хлеб. Она почти не притронулась к вину, но сидела с довольным видом.

— За твой гроб, Аркаша. — Миша поднял стакан. — За гроб, выложенный расшитым шелком, с атласной подушечкой, с золотой табличкой, где будет выгравировано твое имя, все чины и звания, с серебряными ручками, за гроб из отборного столетнего кедра, который я посажу завтра утром.

Он пил, довольный собой.

— Или же, — добавил он, — я мог бы заказать его в Министерстве легкой промышленности. По времени это одно и то же.

— Извини за скудный ужин, — обратилась Наташа к Аркадию. — Если бы было кому ходить по магазинам… понимаешь?

— Она боится, что ты станешь расспрашивать ее о Зое. Разбирайтесь сами, — сказал Миша и, обернувшись к Наташе: — Видела Зою? Что она говорила об Аркаше?

— Если бы у нас был холодильник побольше, — продолжала свое Наташа, — или с морозильником…

— Все ясно — они говорили о холодильниках. — Миша обернулся к Аркадию. — Кстати, у тебя случайно нет знакомого кровопийцы — мастера по ремонту?

Наташа резала пирожок на мелкие кусочки.

— У меня есть знакомые врачи, — улыбнулась она.

Нож перестал двигаться — ее взгляд наконец остановился на ручке от стиральной машины рядом с Мишиной тарелкой.

— Небольшая проблема, любовь моя, — сказал Миша. — Машина почему-то не работает.

— Ничего. Показывать-то ее можно.
Она, видимо, была вполне удовлетворена.

6

Человек не родится преступником, а встает на путь преступлений из-за неудачного стечения обстоятельств или под влиянием дурного общества. Все преступления, большие и малые, уходят корнями в оставшиеся от капитализма корыстолюбие, эгоизм, праздность, паразитизм, пьянство, религиозные предрассудки или развращенность.

Убийца Цыпин, например, был сыном убийцы и спекулянтки золотом, и среди предков его были убийцы, воры и монахи. Цыпина воспитали уркой, профессиональным преступником. Как всякий урка, он был покрыт татуировками — тут были змеи, драконы, богатый набор женских имен — так щедро, что их завитки выглядывали из-под манжет и воротника. Как-то он показал Аркадию красного петуха, выколотого на члене. Цыпину повезло — он убил сообщника в те времена, когда смертная казнь полагалась только за государственные преступления. Ему дали десять лет. В лагере он сделал себе еще одну татуировку — надпись через весь лоб: «Партией уделанный». Опять повезло. Еще за неделю до того такая «наглядная» антисоветская пропаганда считалась

государственным преступлением. Но в этот раз он отделался тем, что ему пересадили кусок кожи с задницы на лоб и добавили пять лет, а срок объявили условным по случаю столетия со дня рождения Ленина.

— Я внимательно наблюдаю за происходящим, — сказал он Аркадию. — Преступность то растет, то сокращается. Судьи то добреют, то крутят тебе яйца. Вроде как приливы и отливы. У меня-то дела идут что надо.

Цыпин работал слесарем. Но настоящие деньги он зарабатывал в компании с водителями грузовых машин. Перед поездкой с грузом в провинцию водители заливали горючее под пробку. Выехав из Москвы, они сливали часть бензина, перепродавали его Цыпину, меняли показания счетчика, а в конце дня возвращались к себе и с большой долей правды рассказывали о плохих дорогах и объездах. Цыпин, в свою очередь, продавал бензин частникам. Властям было известно о его деятельности, но, поскольку в Москве не хватало бензозаправочных колонок, а спрос на бензин у частников был велик, на спекулянтов вроде Цыпина смотрели сквозь пальцы, считая, что они приносят пользу обществу.

— Кому охота, чтобы снова закрутили гайки.

Знай я, кто пришил этих троих в Парке Горького, я бы первый их заложил. Тому, кто на это пошел, яйца отрезать мало. У нас ведь тоже свои порядки.

В кабинете Аркадия на Новокузнецкой перебывало много урок, но каждый повторял, что еще не сошел с ума, чтобы стрелять в кого-то в Парке Горького. Кроме того, все свои вроде были целы. Последним явился Жарков. Раньше он служил в армии, теперь торговал оружием.

— Что сейчас можно достать? Армейское оружие, ржавые английские револьверы, может быть, пару чешских пистолетов. На востоке, скажем в Сибири, может, и найдется банда с пулеметом, А здесь нет ничего похожего на то, что вы говорите. Ладно, кто может так стрелять? Кроме меня, во всей Москве, пожалуй, не найдешь и десятка людей моложе сорока пяти, кто с десяти шагов мог бы попасть в родную бабушку. Вы говорите, что они, возможно, служили в армии? Здесь вам не Америка. Я не слыхал, чтобы за последние тридцать лет мы где-нибудь по-настоящему воевали. Им не дали хоть раз в кого-нибудь стрельнуть, огневая подготовка у нас вообще ни к черту не годится. Давайте рассуждать серьезно. Вы говорите об организованном убийстве, а мы с

вами знаем, что такие возможности есть только у одной организации.

После обеда Аркадий несколько раз звонил Зое в школу, пока ему не сказали, что она ушла в спортклуб Союза учителей. Клуб размещался в старом особняке в конце Новокузнецкой, как раз напротив Кремля. Проплутав в поисках гимнастического зала, он оказался на небольшой галерее, в свое время служившей хорами для оркестра. Внизу было просторное помещение, которое когда-то было бальным залом. Высокий потолок украшали купидоны с отбитыми носами. Паркет покрывали лоснящиеся, пропахшие потом виниловые гимнастические маты. Зоя делала махи на разновысоких брусьях. Золотистые волосы собраны в пучок, на запястьях напульсники, на ногах шерстяные гетры. Мах под нижний брус, ноги в стороны, как крылья самолета, под купальником рельефно играют спинные мышцы. Шмидт в тренировочном костюме, со скрещенными на груди руками, наблюдал за ней, стоя на матах. Мах к верхнему брусу, носочки касаются сжатых в кулак кистей, поворот на 180 градусов и мах назад к нижнему брусу, толчок о брус, переход в стойку, носочки строго в потолок, перемена рук и махом, ноги врозь, к верхнему брусу. Нельзя

сказать, что Зоя делала упражнение слишком грациозно, но она обладала отличным чувством ритма, подобно пружинному маятнику, свивающемуся и развивающемуся вокруг двух брусьев. Она соскочила с брусьев, и, когда Шмидт придержал ее обеими руками за талию, Зоя обняла его.

Романтично, подумал Аркадий. Сюда бы вместо мужа еще струнный квартет и сияние луны. Наташа права — они созданы друг для друга.

Покидая галерею, Аркадий громко хлопнул дверью.

* * *

По пути в «Украину» Аркадий зашел домой за сменой белья и в историческую библиотеку за «Летописью советско-американского сотрудничества в Великой Отечественной войне». Может быть, подумал Аркадий, к тому времени как он вернется в гостиницу, КГБ уже увезет обратно свои пленки, а может быть, его ждет там Приблуда. Возможно, майор даже начнет разговор с шутки, постарается установить более дружелюбные отношения, представить нынешние недоразумения как чисто ведомственные. В конечном счете КГБ содержали из-за страха. Без врагов, внешних или внутренних, подлинных

или вымышленных, существование всего аппарата КГБ теряло смысл. С другой стороны, роль милиции и прокуратуры заключалась в том, чтобы показать, что все идет хорошо. Аркадий представил, что через много лет эти три убийства будут разбираться в юридических журналах под заголовком «Межведомственные противоречия в Парке Горького».

* * *

К старым пленкам в «Украине» добавились новые. Паши и Фета не было на месте. Паша оставил записку, что версия с иконами — гиблое дело, но что он зацепил одного немца по другой причине. Аркадий скомкал записку, щелчком послал ее в мусорную корзину и бросил на кровать чистое белье.

Дождь хлестал по льду реки, заливал улицы. На другой стороне проспекта сквозь завесу дождя в освещенном окне дома для иностранцев виднелась фигура женщины в ночной рубашке.

Интересно, она американка? У Аркадия заныла грудь: там, куда неизвестный двинул ему позавчера, все еще оставался чувствительный синяк. Он раздавил одну сигарету, закурил другую. И вдруг ощутил странную легкость и свободу

— свободу от Зои, свободу от дома, будто сошел с орбиты, которой была его жизнь, будто обрел невесомость.

Свет в окне на другой стороне проспекта погас. Он с удивлением подумал, что ему хочется переспать с женщиной, которую он никогда не видел, чье лицо виднелось расплывчатым пятном за залитым водой стеклом. Он никогда не изменял жене, даже не помышлял об этом. Теперь же он хотел любую женщину. Или ударить кого-нибудь. Главное, чтобы кто-то был рядом.

Он заставил себя сесть и стал снова прослушивать январские пленки бизнесмена-провокатора Осборна. Он был уверен, что, если бы ему удалось хотя бы наметить какую-то связь между Парком Горького и этим любимцем КГБ, майор Приблуда был бы тут как тут. Несмотря на контакты американца с Ириной Асановой и торговцем иконами Голодкиным, подозревать Осборна не было никаких оснований. Просто было ощущение, которое однажды испытал Аркадий, когда, проходя по полю, услышал из-под камня шипение. Оно предостерегало: «Здесь змея!» Торговец пушниной провел весь январь и первые два дня февраля в разъездах между Москвой и Ленинградом, где проходил ежегодный пушной аукцион. В обоих

городах он водил дружбу с видными представителями деловых кругов, культурной элитой, хореографами и режиссерами, балеринами и артистами, а не с шантрапой, чьи трупы были найдены в Парке Горького.

Осборн: "Бы обрели известность как режиссер фильмов о войне. Вы любите войну. Американцы тоже любят войну. Не кто иной, как американский генерал, сказал: «Война — это небесная благодать».

В «Летописи советско-американского сотрудничества в Великой Отечественной войне» Аркадий нашел два упоминания об Осборне:

«Во время блокады большинство иностранных подданных покинули порт. Одним из тех, кто остался, был сотрудник американской дипломатической службы Дж. Д.Осборн, трудившийся плечом к плечу с советскими коллегами по восстановлению порта. Во время наиболее интенсивных обстрелов генерала Менделя и Осборна можно было видеть на подступах к городу, где они под огнем руководили восстановлением подъездных путей. Проводимая Рузвельтом так называемая политика ленд-лиза преследовала четыре цели: затянуть борьбу между фашист-

скими агрессорами и защитниками советской родины, пока обе воюющие стороны не истекут кровью; оттянуть открытие второго фронта, одновременно ведя переговоры о мире с гитлеровской бандой; ввергнуть борющийся советский народ в вечную долговую кабалу и восстановить англо-американское мировое господство. Только отдельные американцы понимали необходимость борьбы за новые мировые отношения…»

И через несколько страниц:

> «… одна из прорвавшихся в наш тыл фашистских групп отрезала транспортную группу, руководимую генералом Менделем и американцем Осборном, но они, применив личное оружие, пробились к своим».

Аркадий вспомнил шутки отца по поводу трусости Менделя («штаны полны дерьма, а сапоги блестят»). А тут Мендель с Осборном выглядели героями. В 1947 году Мендель перешел в Министерство торговли, и вскоре Осборн получил лицензию на экспорт пушнины.

В номере внезапно появился Фет.

— Раз вы все равно здесь, я подумал, что прослушаю еще несколько своих пленок, — сказал он.

— Уже поздно. На улице льет, Сергей?

— Да, — Фет положил свое сухое пальто на спинку стула и сел за магнитофон. Даже соврать грамотно не хватило ума, подумал Аркадий. Молодой человек долго поправлял очки на носу и раскладывал свои заточенные карандаши. В номере, наверное, был микрофон, но им надоело слушать, как Аркадий читает записи или прослушивает пленки, и они приказали бедняжке Фету идти на прорыв. Это означало, что им по-настоящему интересуются. Очень хорошо.

Фет мялся.

— Что у тебя, Сергей?

Фамильярное обращение выбивало Фета из колеи. Он ерзал на стуле, собираясь с духом.

— Такой подход, следователь…

— Рабочий день кончился, зови меня товарищ.

— Спасибо. Этот подход… Все время спрашиваю себя, не ошибаемся ли мы.

— Я тоже. Начали с трех покойников и ни с того ни с сего взялись за записи и стенограммы разговоров людей, которые в конечном счете являются нашими желанными гостями. Возможно, мы занимаемся совсем не тем, чем надо, и весь наш труд — напрасная трата времени. Именно об этом ты думаешь, Сергей?

Фет, казалось, задохнулся от неожиданности.

— Да, старший следователь.

— Прошу, называй меня товарищем. В конце концов, как можно связать сотрудничающих с нами иностранцев с этим преступлением, когда мы даже не установили личность жертв и не знаем, за что их, в сущности, убили?

— Как раз об этом я и думал.

— А может, вместо иностранцев заняться сотрудниками конькобежной базы или установить фамилии всех, кто бывал в Парке Горького этой зимой? Как думаешь, лучше?

— Нет. Впрочем, может быть.

— Ты, Сергей, говоришь одно, думаешь другое. Давай начистоту — что тебе не нравится. От критики только польза. Она помогает определить цель и совместно двигаться к ней.

Двусмысленный намек на «совместное движение к цели» привел Фета в еще большее смятение, и Аркадий пришел на помощь.

— Я хочу сказать, что и при едином мнении возможны два разных подхода. Так вернее, Сергей?

— Да, — заново начал Фет. — Я подумал, что, возможно, в ходе расследования вскрылись какие-то неизвестные мне обстоятельства, которые вызвали необходимость сосредоточить внима-

ние на записях, полученных у госбезопасности.

— Сергей, я вполне понимаю тебя. Но я также понимаю русского убийцу. Им руководят чувства, а не рассудок. Он убивает, по возможности, не на людях. Правда, теперь у нас нехватка жилья, но, когда дела пойдут лучше, станет больше убийств в домашней обстановке. Во всяком случае, можно ли представить себе русского, рожденного революцией, который бы заманил трех человек в самый большой парк культуры в Москве и там хладнокровно расправился с ними? Ты можешь такое представить?

— Я не совсем вас понимаю…

— Разве не видно, что в самом убийстве содержится доля шутки, вернее, издевки?

— Ничего себе шутка! — Фета даже передернуло от отвращения.

— Подумай над этим, Сергей. Поломай голову.

Спустя несколько минут Фет, извинившись, ушел.

Аркадий вернулся к пленкам Осборна с намерением закончить январские записи, прежде чем улечься спать на раскладушке. В круге света от настольной лампы он выложил на лист бумаги три спички. Вокруг спичек нарисовал контуры поляны.

Осборн:

— Разве советская публика поймет «Постороннего» Камю? Убийца безо всякой причины, просто от скуки, лишает жизни совершенно незнакомого человека. Это чисто западное явление. Буржуазный комфорт неизбежно порождает скуку и ведет к немотивированному убийству. Полиция уже к этому привыкла. Но здесь, в прогрессивном социалистическом обществе, никто не заражен скукой.

— А как же «Преступление и наказание», Раскольников?

— Лишнее доказательство моей правоты. При всех экзистенциалистских разглагольствованиях даже Раскольников просто-напросто хотел присвоить лишний рубль. Найти у вас немотивированный поступок — все равно что увидеть за окном тропическую птицу. Произошла бы массовая неразбериха. А убийцу из пьесы Камю здесь бы никогда не поймали.

* * *

Ближе к полуночи он вспомнил о Пашиной записке. На его столе лежала выписка, подколотая к досье немецкого подданного Унманна. Слезящимися от усталости глазами Аркадий стал

просматривать документы.

Ганс Фредерик Унманн родился в 1932 году в Дрездене, женился в восемнадцать лет, разошелся в девятнадцать, исключался из партии за хулиганство (уголовное дело по обвинению в словесном оскорблении и угрозе действием прекращено). В 1952 году призван в армию, в следующем году обвинялся в избиении дубинкой участников реакционных беспорядков (обвинение в убийстве снято). В конце службы был охранником в лагере заключенных. Четыре года работал шофером у секретаря Центрального комитета профсоюзов. В 1963 году восстановлен в партии, в том же году вторично женился и поступил на работу мастером на оптический завод. Через пять лет исключен из партии за избиение жены. Одним словом, скотина. Позднее Унманн восстановился в партии и был направлен в Москву следить за дисциплиной немецких студентов. На снимке — высокий, сухопарый человек с жидкими светлыми волосами. В записке Паша добавлял, что Голодкин поставлял Унманну проституток до января, когда немец порвал с ним связь. Об иконах ничего не сообщалось.

На Пашином магнитофоне была поставлена пленка. Аркадий надел Пашины наушники и

включил аппарат. Его интересовало, почему Унманн порвал с Голодкиным и почему именно в январе.

Аркадий подзабыл немецкий, но помнил достаточно, чтобы разобрать откровенные угрозы, которыми Унманн держал студентов в послушании. Судя по голосам, немецкие студенты его побаивались. Что ж, у Унманна была хорошая работенка. Припугнул одного-двух ребятишек — и гуляй весь день. Он, видно, занимался контрабандой фотоаппаратов и биноклей из ГДР, а возможно, принуждал к этому и студентов. Разумеется, не икон — русскими иконами интересовались только гости с Запада.

Потом Аркадий прослушал пленку, где собеседник предлагал Унманну встретиться «в обычном месте». На следующий день тот же человек просил Унманна быть у Большого театра. Потом снова «в обычном месте», а еще через два дня где-то еще. Никаких имен, никаких дополнительных сведений, и только немецкая речь. Аркадий долго ломал голову, прежде чем догадался, что анонимным другом Унманна был Осборн, потому что Унманн ни разу не появлялся на пленках Осборна. Во всех случаях Осборн звонил Унманну и ни разу наоборот, причем Осборн, скорее

всего, звонил только из автоматов. Потом в голосе анонимного собеседника вдруг появлялась необычная интонация, и Аркадию снова казалось, что его догадка насчет Осборна — бред.

Он поставил пленки Осборна и Унманна на двух магнитофонах и стал слушать поочередно. В пепельнице выросла гора окурков. Теперь только терпение.

На рассвете, после семи часов прослушивания, Аркадий вышел на улицу, чтобы немного прийти в себя. На ветру вокруг опустевшей стоянки такси шуршала живая изгородь. Он жадно вдыхал свежий холодный воздух. Услышал другой звук — ритмичный глухой стук у себя над головой. Это рабочие простукивали бордюр на крыше гостиницы, чтобы обнаружить отставшие за зиму кирпичи. Вернувшись в номер, он принялся за февральские пленки Унманна. 2 февраля, в день отъезда Осборна из Москвы в Ленинград, позвонил анонимный собеседник.

— Самолет опаздывает.

— Опаздывает?

— Все идет как надо. Не надо так волноваться.

— А вы никогда не волнуетесь?

— Спокойней, Ганс.

— Мне это не нравится.

— Видите ли, несколько поздно думать о том, нравится вам это или пет.

— Все знают, что такое эти «Туполевы».

— Думаете, авария? По-вашему, только немцы могут построить что-нибудь путное.

— Опоздание — тоже плохо. Когда будете в Ленинграде…

— Я и раньше был в Ленинграде. Я был там раньше с немцами. Все будет как надо.

Аркадий на часок вздремнул.

7

Макет представлял собой бесформенную голову из розового гипса, одетую в потрепанный парик, но за ушами были петли, так что лицо распахивалось посередине, открывая скрытые внутри синие мышцы и белый череп, исполненные так искусно, будто это были творения Фаберже.

— Ткани не покоятся на пустом месте, — заметил Андреев. — Ваши черты, дорогой следователь, не зависят от вашего интеллекта, нрава или обаяния, — антрополог отложил макет в сторону и пожал протянутую Аркадием руку. — Чувствуете свои косточки? В кисти двадцать семь костей, следователь, и каждая по-своему сочленяется с другой и служит определенной цели, — сильное для такого маленького человека, как Андреев, рукопожатие стало еще крепче, и Аркадий почувствовал, как сдвинулись вены на тыльной стороне ладони, — и сгибающие, и разгибающие мышцы отличаются друг от друга по размерам в особенностям связок. Скажи я вам, что смогу реконструировать вашу руку, вы ни на минуту не усомнитесь. Рука представляется нам инструментом, механизмом. — Андреев отпустил руку

Аркадия. — Голова — это механизм для нервной реакции, для того чтобы есть, смотреть, слушать и нюхать — в такой последовательности. У этого механизма сравнительно больше костей и меньше тканей, чем в руке. Лицо — это всего лишь тонкая маска на черепе. Можно восстановить лицо по черепу, но нельзя восстановить череп по лицу.

— Когда? — спросил Аркадий.

— Через месяц…

— Через несколько дней. Мне обязательно нужно поддающееся опознанию лицо через несколько дней.

— Ренко, вы типичный следователь. Вы не слышали ни слова из того, что я говорил. Я вообще не собирался заниматься этим лицом. Случай очень сложный, и я занимаюсь им в свободное время.

— Подозреваемый через неделю может уехать из Москвы.

— Но из страны-то он не уедет, так что…

— Уедет.

— Он не русский?

— Нет.

— А! — рассмеялся карлик. — Тогда все ясно без слов.

Андреев вскарабкался на стул, почесал подборо-

док и взглянул на стеклянный потолок. Аркадий опасался, что он вообще откажется заниматься головой.

— Ладно, она поступила к нам в основном сохранившейся, если не считать лица. Я ее сфотографировал, так что нет необходимости воссоздавать шею и контуры челюсти. На лице остались мышечные связки, мы их сфотографировали и сделали наброски мышц. Мы знаем цвет волос и фасон стрижки. Думаю, что смогу начать, как только будет готов слепок с чистого черепа.

— Когда у вас будет чистый череп?

— Ну и вопросы! А еще следователь. Спросите лучше у комитета по очистке черепа.

Андреев дотянулся до глубокого ящика стола и выдвинул его. Там была коробка, в которой Аркадий принес голову. Андреев сбросил крышку. Коробка была наполнена блестящей массой. Аркадий не сразу разглядел, что масса находится в движении и состоит из похожего на драгоценную мозаику скопления блестящих жуков, со всех сторон объедающих светлую кость.

— Скоро, — пообещал Андреев.

* * *

С Петровки Аркадий разослал по телетайпу новую сводку об убийствах, на этот раз не только в европейскую часть, но и по всей республике, включая Сибирь. Его по-прежнему беспокоило, что до сих пор не установлена личность трех погибших. У всех были документы, каждый постоянно виделся с кем-нибудь другим. Как могло случиться, что никто до сих пор не заметил отсутствия этих троих? Единственной ниточкой были коньки Ирины Асановой, которая была родом из Сибири.

— А таких местах, как Комсомольск, разница во времени с Москвой десять часов, — заметил дежурный по телетайпу. — Там уже ночь. Ответа не будет до завтра.

Аркадий закурил и от первой же затяжки зашелся в кашле. Виной тому дождь и помятые ребра.

— Вам надо бы к врачу.

— Я как раз к нему и направляюсь, — и вышел, прикрыв рот рукой.

В прозекторской Левин занимался с трупом. Видя, что Аркадий нерешительно остановился в дверях, он вытер руки и двинулся навстречу.

— Самоубийца. Открыл газ, перерезал оба запястья и горло, — сообщил Левин. — Слушай новый анекдот. Брежнев вызывает Косыгина и говорит: «Алексей, мой дорогой товарищ и старый друг, до меня только что дошел нехороший слух, что ты еврей». «Но я же не еврей», — отвечает потрясенный Косыгин. Брежнев достает из золотого портсигара сигарету, закуривает, кивает, — Левин попытался изобразить Брежнева, — и говорит: «Хорошо, Алексей, но все же подумай об этом».

— Анекдот старый.

— Новый вариант.

— Тебя заклинило на евреях, — сказал Аркадий.

— Меня заклинило на русских.

От подвального холода Аркадий снова закашлялся. Левин смягчился.

— Пошли со мной.

Они вошли в кабинет Левина, где, к изумлению Аркадия, патологоанатом извлек бутылку коньяка и два стакана.

— Ты выглядишь ужасно даже для старшего следователя.

— Мне бы таблетку.

— За героя труда Ренко. Давай.

Сладковатый коньяк теплом разлился в груди. До желудка вроде не дошло ни капли.

— На сколько похудел за последние дни? — спросил Левин. — Много ли спал?

— У тебя же есть таблетки.

— От температуры, простуды, насморка? Или от твоей работы?

— Мне бы болеутоляющие.

— Утоляй ее сам. Ты же не боишься боли? Нет, ты совсем не герой труда. — Левин наклонился поближе. — Брось это дело.

— Я пробую переложить его на другого.

— Не перекладывай. Брось его.

— Хватит, заткнись.

Аркадий снова закашлялся, поставил стакан и согнулся, держась за ребра. Он почувствовал, как холодная рука забралась под рубашку и ощупала чувствительную опухоль на груди. Левин присвистнул. Когда боль отпустила Аркадия, Левин сел за стол и стал что-то писать на листке.

— Это тебе справка в прокуратуру, в которой говорится, что у тебя уплотнение ткани в результате ушибов и гематома в грудной полости и что ты нуждаешься в медицинском обследовании на предмет перитонита и других осложнений, не говоря уж о возможности перелома ребра. Ямской

пошлет тебя на пару недель в санаторий.

Аркадий взял листок и скомкал его.

— Это, — Левин написал на другом листке, — рецепт на антибиотик. А это, — он открыл ящик и бросил Аркадию флакон с небольшими таблетками, — поможет от кашля. Прими одну.

Это был кодеин. Аркадий проглотил две таблетки и спрятал флакон в карман.

— Как ты заработал такую очаровательную шишку?

— Меня стукнули.

— Дубинкой?

— Думаю, просто кулаком.

— От такого парня держись подальше. А теперь, прошу прощения, я вернусь к самоубийству. Здесь все просто.

Левин ушел. Аркадий ждал, пока кодеин не подействует. Он подвинул ногой корзину для мусора, на случай если его вырвет, потом сел, не двигаясь, и стал думать о трупе там, внизу. Оба запястья и горло. И газ? Как это было? В состоянии аффекта или с заранее продуманным намерением? На полу или в ванне? Ванна своя или общего пользования? Когда ему показалось, что его вот-вот вырвет, тошнота отпустила. Он облегченно откинулся на спинку стула.

Можно понять, когда русский кончает с собой. Но, право же, какое отношение к туристу может иметь русский покойник? Три покойника — здесь уже виден капиталистический размах, но если так… Откуда туристу взять время на такое дело, как убийство нескольких человек? Ради каких русских сокровищ можно пойти на такое? Или же, если посмотреть с другой стороны, чем могли так угрожать трое простых рабочих человеку, который запросто может сесть в самолет и улететь в Америку, Швейцарию, на Луну? И вообще, зачем он думает об этой версии, и не только думает, а пытается в ней разобраться? Чтобы передать дело в КГБ? Или утереть нос КГБ? Или же, если подумать о себе, доказать кому-нибудь, что простой следователь что-нибудь, да значит, может даже, как пророчит Левин, стать героем труда? Может, кто-нибудь бросит Шмидта и вернется домой? На все вопросы — утвердительный ответ.

Следователь сделал еще одно занимательное открытие — случайно, как проходящий мимо зеркала человек вдруг замечает, что он небрит и что у пальто потертый воротник, он подумал, до чего же жалкой, ничтожной была его работа. Хуже того, бессмысленной. Кто он — старший следователь или регистратор покойников, при-

даток морга? А его канцелярская работа? Всего лишь бюрократический суррогат похоронного обряда? Сами по себе его проблемы невелики, всего лишь штрихи социалистической действительности (что они значат по сравнению с тем, что «Ленин жив!»). Если говорить о служебной карьере, здесь все его друзья были правы. Если он не станет партийным аппаратчиком, то он достиг своего потолка — вот здесь, и ни на ступеньку выше. Можно ли, хватит ли у него воображения сотворить какое-нибудь замысловатое дело, населенное таинственными иностранцами, фарцовщиками и осведомителями, фантастическими химерами, — и все это вокруг трех покойников? И не обратится ли вся эта затея против самого следователя? Вполне вероятно.

Он выбежал из морга под дождь и зашагал, вобрав голову в плечи. На площади Дзержинского люди спешили к станции метро. На другой стороне площади, у «Детского мира», был кафетерий. Он захотел перекусить и остановился, пропуская транспорт, когда его кто-то окликнул.

— Давайте сюда!

Человек потянул Аркадия под низкую арку. Это был Ямской, в синей накидке поверх прокурорского мундира и фуражке с золотыми галунами

на бритой голове.

— Товарищ судья, познакомьтесь с нашим в высшей степени талантливым старшим следователем Ренко. — Ямской подвел Аркадия к пожилому человеку.

— Сын генерала? — Аркадий разглядел близко посаженные маленькие глазки и острый носик.

— Он самый.

— Очень рад познакомиться, — судья подал Аркадию маленькую узловатую руку. Несмотря на не совсем добрую репутацию судьи, Аркадий был польщен. Как-никак в Верховном суде было всего двенадцать судей.

— Очень приятно. Я иду на работу. — Аркадий шагнул было на улицу, но Ямской удержал его за руку.

— Вы на работе с тех пор, когда еще солнце не взошло. Он думает, что я не знаю, сколько он работает, — обратился Ямской к судье. — Самый одаренный и самый трудолюбивый работник. А эти качества, как всегда, идут рука об руку. Верно? А теперь довольно. Настает время, когда поэт откладывает перо, палач кладет свой топор, и даже вы, следователь, время от времени должны отдыхать. Пошли с нами.

— У меня уйма работы, — запротестовал было

Аркадий.

— Вы хотите нас обидеть? Так не пойдет. — Ямской потащил за собой и судью. Арка вела к крытому проходу, который Аркадий не замечал раньше. Рядом стояли два милиционера. — К тому же вы не станете возражать, если я немного вами похвастаюсь?

Проход выходил во двор, заполненный блестевшими в свете фонарей «Чайками». Ямской решительно вел их, минуя железные двери, через зал, освещенный хрустальными светильниками в форме белых звезд, вниз по устеленной ковром лестнице в отделанное деревянными панелями помещение с узкими кабинками красного дерева. На уровне кабинок светильники-звезды были красного цвета, а по всей стене — панорама ночного Кремля с развевающимся над зеленым куполом бывшего Сената красным флагом.

Ямской разделся донага. У него было розовое, грузное и почти лишенное растительности, разве что в промежности, тело. Впалая грудь судьи заросла седыми волосами. Аркадий последовал их примеру. Ямской мельком взглянул на вздувшийся синяк, украшающий грудь Аркадия.

— Что, досталось немножко? — Он взял из своей кабинки полотенце и повязал его Аркадию

как шарф, чтобы прикрыть синяк. — Теперь у вас вид, как у настоящего столичного жителя. Здесь что-то вроде закрытого клуба, так что следуйте за мной. Вы готовы, товарищ судья?

Судья повязал полотенце вокруг пояса, а Ямской накинул на плечи. Он обнял Аркадия за плечи и зашептал с шутливой доверительностью:

— Это место не для всякого. Нужно же когда-нибудь занятому человеку освежиться, верно? Не стоять же такой шишке, как судья, в общей очереди.

Они миновали отделанный плиткой коридор, обогреваемый калориферами, и вошли в просторный подвал, вмещающий длинный плавательный бассейн с подогретой сернистой водой. Вокруг бассейна под отделанными глазурованным кирпичом арками византийского стиля за перегородками резного дерева виднелись ниши, обставленные монгольскими столиками на коротких ножках и низенькими диванами. В дальнем конце бассейна сквозь поднимающийся от воды пар можно было разглядеть купающихся.

— Построен во время извращений, порожденных культом личности, — продолжал шептать Ямской на ухо Аркадию. — Следователи на Лу-

бянке работали круглые сутки. Вот и решили, что между допросами им нужно где-то отдохнуть. Воду качали из-под земли, из Неглинки, подогревали паром и добавляли минеральные соли. Но едва построили, он умер, и бассейн забросили. Позднее додумались, что не использовать его просто глупо. И бассейн, — он сжал руку Аркадию, — «реабилитировали».

Он провел Аркадия в нишу, где уже сидели двое покрытых потом мужчин. Стол был уставлен наполненными икрой и лососиной серебряными блюдами, тарелками с тонкими ломтиками белого хлеба, маслом и лимонами и бутылками с минеральной водой, водкой и настойками.

— Товарищ первый секретарь Генерального прокурора и академик, разрешите познакомить вас с Аркадием Васильевичем Ренко, следователем по делам об убийствах.

— Сын генерала, — усаживаясь, добавил судья. На него не обратили внимания.

Аркадий через стол пожал им руки. Первый секретарь, большой и волосатый, походил на обезьяну, а академик страдал из-за своего сходства с Хрущевым. За столом царила атмосфера непринужденности и дружелюбия, как в одном фильме, где царь Николай купался в бане со своим Ге-

неральным штабом. Ямской плеснул в стакан перцовки — «хороша после дождя» — и положил Аркадию горку икры на хлеб. Не какой-нибудь паюсной, а самой свежей и крупной, какую Аркадий уже много лет не видал в магазинах. Он проглотил бутерброд в два приема.

— Если помните, следователь Никитин работал на грани совершенства. Аркадий Васильевич достиг совершенства. Так что Предупреждаю, — тихо и размеренно произнес Ямской, пародируя самого себя, — если собираетесь избавиться от своих жен, поищите другой город.

Клочья пара из бассейна проникли под перегородку, оставив во рту привкус серы. Правда, даже приятно — как привкус в настойке. Никуда не нужно ехать, чтобы отдохнуть душой, подумал Аркадий, стоит лишь искупаться под площадью Дзержинского, что и делают герои, страдающие от лишнего веса.

— «Белый динамит» из Сибири, — первый секретарь вновь наполнил стакан Аркадия. — Чистый спирт.

Академик, сообразил Аркадий, принадлежит к этому узкому кругу не за свои труды, скажем, в области медицинских исследований, а благодаря тому, что он — один из идеологов.

— История учит нас пристально следить за Западом, — изрек академик. — Маркс доказывает неизбежность интернационализма. Поэтому мы не должны спускать глаз с проклятой немчуры. Стоит нам на минуту зазеваться, они тут как тут — снова будут вместе, поверьте моему слову.

— Кто ввозит к нам наркотики? — решительно заявил первый секретарь. — Те же немцы да чехи.

— Пусть на свободе лучше останутся десять убийц, чем один торговец наркотиками, — вставил судья. По груди его рассыпалась икра.

Ямской подмигнул Аркадию. Где, как не в прокуратуре, знали, что коноплю в Москву доставляли грузины, а ЛСД изготавливали студенты химфака. Аркадий слушал невнимательно, занятый лососиной, приправленной укропом, а потом в полудреме расслабился на диванчике. Ямской, кажется, тоже был больше настроен слушать. Он сидел, сложив руки на груди, время от времени прикладываясь к еде, вернее, к водке. Беседа обтекала его, как вода обтекает скалу.

— Вы согласны, следователь?

— Простите? — Аркадий утратил нить разговора.

— Относительно вронскизма? — спросил пер-

вый секретарь.

— Это было еще до того, как Аркадий Васильевич пришел к нам, — объяснил Ямской.

Вронский. Аркадий вспомнил имя следователя из московской областной прокуратуры, который не только брал под защиту книги Солженицына, но и осуждал слежку за политическими активистами. Разумеется, Вронский уже давно не следователь и одно упоминание его имени воспринималось в юридических кругах с отвращением. Правда, «вронскизм» означал нечто другое, менее определенное и ощутимое. Это веяние шло с другой стороны.

— Если что и следует подвергать критике, искоренять и ломать, — поучал академик, — так это, вообще говоря, стремление ставить приверженность букве закона выше интересов общества, а если конкретно, бытующую среди следователей склонность ставить собственное толкование закона выше широко понимаемых задач правосудия.

— Иными словами, вронскизм — это индивидуализм, — вставил первый секретарь.

— И эгоцентричный интеллектуализм, — добавил академик, — питательной средой которого являются карьеризм и самолюбование кажу-

щимися успехами до такой степени, что они начинают угрожать коренным, неотъемлемым интересам более важных структур.

— Потому что, — сказал первый секретарь, — раскрытие каждого отдельного преступления, в сущности, даже сами законы — всего лишь бумажные флаги, развевающиеся над нерушимым бастионом нашего политического строя.

— И когда появляется поколение юристов и следователей, путающих фантазию с действительностью, — продолжал академик, — когда бумажные законы душат работу органов правосудия, время сорвать эти флаги.

— И если при этом свалятся несколько вронскистов, тем лучше, — сказал Аркадию первый секретарь. — Согласны?

Первый секретарь наклонился вперед, опершись костяшками пальцев о стол, а академик повернул к Аркадию свое круглое брюхо клоуна. Аркадий следил за напряженным косым взглядом Ямского. Прокурор, должно быть, еще когда окликнул Аркадия на улице, знал, куда заведет разговор в бане. Взгляд Ямского говорил: «Будь внимателен… осторожней».

— Вронский? — заметил Аркадий. — Он, кажется, еще и писатель?

— Верно, — ответил первый секретарь, — правильно подмечено.

— К тому же и жид, — добавил академик.

— В таком случае, — Аркадий положил лососины на ломтик хлеба, — можно сказать, что нельзя спускать глаз со всех следователей, если они к тому же евреи и писатели.

Первый секретарь вытаращил глаза. Он взглянул на академика и на Ямского, потом снова на Аркадия. Сначала неуверенно ухмыльнулся и вдруг расхохотался.

— Ну и дает! Неплохо для начала!

Разговор потерял остроту и перешел на еду, спорт и секс. Через несколько минут Ямской пригласил Аркадия пройтись вокруг бассейна. Появились новые чины. Одни моржами плескались в подогретой воде, другие белыми и розовыми тенями двигались за резными перегородками.

— Сегодня вы выглядите особенно проницательным и уверенным в себе, способным отпарировать любой удар. Хорошо, это мне нравится, — Ямской похлопал Аркадия по спине. — Во всяком случае, через месяц начинается кампания против вронскизма. Тебя предупредили заранее.

Аркадий думал, что Ямской ведет его к выходу. Однако прокурор привел его в нишу, где находил-

ся молодой человек, занятый тем, что намазывал маслом ломтики хлеба.

— Вы, кажется, знакомы друг с другом. Это Евгений Мендель, ваши отцы были закадычными друзьями. Евгений работает в Министерстве торговли, — представил Аркадию Ямской молодого человека.

Евгений попытался сидя изобразить поклон. У него было дряблое брюшко и реденькие усы. Он был моложе Аркадия, и тому смутно вспомнился вечно хныкавший толстый малый.

— Эксперт по международной торговле, — Евгений при этих словах покраснел, — представитель нового поколения.

— Отец… — начал было Евгений, но Ямской, внезапно извинившись, оставил их вдвоем.

— Да? — Аркадий из вежливости пробовал продолжить разговор.

— Минутку! — извинился Евгений. Он с головой ушел в прерванное занятие — намазывал хлеб маслом и добавлял солидные порции икры, так что каждый ломтик стал похож на цветок подсолнуха с черной сердцевиной и желтыми лепестками. Аркадий присел и налил себе шампанского.

— Я, в частности, курирую связи с американ-

скими компаниями, — оторвался Евгений от своих творений.

— О! Должно быть, это новое для вас поле деятельности? — Аркадий ждал возвращения Ямского.

— Совсем нет. У нас же много старых друзей. Арманд Хаммер, например, сотрудничал еще с Лениным. В тридцатых годах «Кемико» строила нам заводы по производству аммиака. Форд в тридцатых делал нам грузовики. Мы думали, что они будут снова сотрудничать с нами, но они все испортили. «Чейз Манхэттен» поддерживает деловые отношения с Внешторгбанком еще с 1923 года.

Большинство названий были Аркадию неизвестны, правда, голос Евгения становился более знакомым, хотя он и не помнил, когда они виделись в последний раз.

— Хорошее шампанское, — он поставил стакан.

— «Советское игристое». Собираемся экспортировать, — с ребячьей гордостью взглянул на него Евгений. Дверь открылась. В нишу вошел мужчина средних лет, высокий, худощавый и до того смуглый, что сначала Аркадий принял его за араба. Отливающие серебром прямые волосы,

черные глаза, крупный нос и почти женственный рот. Он был похож на красивого породистого жеребца. Через руку у него было переброшено полотенце, на пальце сверкал золотой перстень с печаткой. Теперь Аркадий разглядел, что смуглое тело вошедшего не темное от природы, а покрыто удивительно ровным загаром.

— Какое великолепие! — Мужчина наклонился над столом, вода стекала с него на разложенные бутерброды. — Как будто превосходно оформленные подарки. Даже есть жалко.

Он без любопытства поглядел на Аркадия. Даже брови его были ухоженными. Он говорил, как уже было известно Аркадию, на отличном русском языке, но пленка не могла передать всю полноту его уверенности в себе.

— Ваш коллега? — спросил он Евгения.

— Это Аркадий Ренко. Он… право, я не знаю, где он работает.

— Я следователь, — сказал Аркадий.

Евгений, безумолчно болтая, разлил по бокалам шампанское, пододвинул блюдо с бутербродами. Гость присел и улыбнулся — Аркадий никогда еще не видел таких ослепительных зубов.

— И что же вы расследуете?

— Убийства.

Волосы Осборна были скорее серебристые, нежели седые. Хотя он вытер их полотенцем, они прилипли к ушам, и Аркадию не удавалось разглядеть, есть ли метка на одном из них, Осборн взял со стола массивные золотые часы и надел на руку.

— Евгений, — попросил он. — Я жду звонка. Будьте любезны, побудьте у телефона.

Он достал из кожаного портсигара сигарету и мундштук и прикурил от отделанной лазуритом золотой зажигалки. За Евгением хлопнула дверца.

— Говорите по-французски?

— Нет, — соврал Аркадий.

— А по-английски?

— Нет, — снова соврал он.

Раньше Аркадий видел таких людей только на страницах западных журналов и всегда думал, что весь этот лоск — от качества дорогой бумаги. В настоящей, физически ощутимой ухоженности Осборна было что-то чужое, пугающее.

— Забавно, что за все мои многочисленные поездки к вам я впервые встречаюсь со следователем.

— Выходит, вы никогда не делали ничего недозволенного, господин… извините, на знаю, как

вас звать.

— Осборн.

— Вы американец?

— Да. Повторите, пожалуйста, вашу фамилию.

— Ренко.

— Не слишком ли вы молоды для следователя?

— Думаю, что нет. Ваш друг Евгений говорил о шампанском. Не его ли вы импортируете?

— Нет, пушнину, — ответил Осборн.

Было бы нетрудно утверждать, что Осборн был скорее совокупностью роскошных предметов — кольцо, часы, профиль, зубы, — нежели личностью; это был бы правильный социалистический подход, и отчасти он соответствовал действительности, но в нем упускалась из виду одна неожиданная для Аркадия сторона — присущее этому человеку чувство собственного могущества вкупе с самообладанием. Сам он казался себе слишком неестественным и любопытным. Нет, нужно держаться иначе.

— Мне всегда хотелось иметь меховую шапку, — сказал Аркадий. — И познакомиться с американцами. Я слыхал, что они очень похожи на нас — открытые, с широкой душой. И побывать в Нью-Йорке, увидеть Эмпайр Стейт Билдинг и Гарлем. Завидую вам — вы можете поехать,

куда хотите.

— Только не в Гарлем.

— Простите, — Аркадий встал. — Вам здесь, вероятно, со многими надо поговорить, а вы слишком вежливы, чтобы попросить меня уйти.

Покуривая сигарету, Осборн остановил на нем долгий, ничего не выражавший взгляд, но как только Аркадий двинулся к двери, быстро сказал:

— Очень прошу вас остаться. Знаете ли, как правило, мне не приходится общаться со следователями. Мне не хотелось бы упустить представившийся случай. Когда еще доведется расспросить о вашей работе.

— Тогда я к вашим услугам, — Аркадий сел. — Правда, судя по тому, что я читаю о Нью-Йорке, моя работа здесь может показаться скучной. Семейные неурядицы, хулиганство. Случаются убийства, но почти неизменно в пылу ссоры или под влиянием алкоголя, — он виновато пожал плечами и пригубил шампанского. — Очень приятное. Действительно, почему бы вам его не импортировать?

— В таком случае расскажите о себе, — попросил Осборн, добавляя шампанского в бокал Аркадия.

— Уж здесь-то есть о чем рассказать, — с жаром подхватил Аркадий, залпом осушив бокал. — Знали бы вы моих родителей! А дедушки и бабушки! В школе замечательные учителя и надежные товарищи. А теперь… О каждом из моих сослуживцев можно книгу написать.

— Бывает ли, что вы делитесь своими неудачами? — улыбка Осборна соперничала с блеском его мундштука.

— Лично у меня, — ответил Аркадий, — неудач не было.

Он снял с шеи полотенце и бросил его поверх полотенца Осборна. Американец посмотрел на синяк.

— Попал в аварию, — сказал Аркадий. — Что только ни пробовал — и грелки, и кварц, но нет ничего лучше серных ванн — рассасывает моментально. Врачи наговорят с три короба, а старые средства все-таки лучше всего. Кстати, социалистическая криминалистика — это такая область, где величайшие достижения…

— Уж коли вы вернулись к этой теме, — вставил Осборн, — какое дело у вас было самое интересное?

— Наверное, хотите услышать о трупах в Парке Горького? Разрешите? — Аркадий щелчком

выбил сигарету из пачки Осборна и прикурил от зажигалки, любуясь голубым камнем. Самый лучший лазурит добывают в Сибири, но Аркадию никогда раньше не доводилось его видеть. — В печати, правда, об этом не было, — выдохнул дым Аркадий, — но я допускаю, что такое необычное дело — хорошая пища для слухов. Особенно, — он шутливо погрозил пальцем, как учитель нашалившему школьнику, — среди иностранцев, не так ли?

Нельзя было понять, произвели ли его слова какое-либо впечатление на собеседника. Осборн невозмутимо откинулся на спинку дивана.

— Я не слыхал об этом деле, — сказал Осборн, когда молчание слишком затянулось.

Влетел Евгений Мендель и сообщил, что звонков не было. Аркадий тотчас поднялся, рассыпался в извинениях, что так долго засиделся, и стал благодарить за гостеприимство и за шампанское. Он подхватил полотенце Осборна и повязал вокруг шеи.

Осборн смотрел отрешенно, будто ничего не слыша, но, когда Аркадий был уже у перегородки, вдруг спросил:

— А кто ваш начальник? Кто у вас старший следователь?

— Старший следователь — я, — на прощание Аркадий одарил Осборна вежливой улыбкой.

Выйдя к бассейну, он почувствовал, что совершенно измотан. Откуда-то вынырнул Ямской.

— Надеюсь, я не ошибся, когда говорил, что Мендель с вашим отцом были друзьями, — сказал он. — И не придавайте большого значения вронскизму. Обещаю вам полную поддержку в проведении расследования.

Аркадий оделся и вышел на улицу. Дождь сменился туманом. В лаборатории у полковника Людина на Петровке было тепло. Он передал Людину мокрое полотенце Осборна.

— Ваши ребята весь день вас разыскивают, — сказал полковник.

Полотенце отправили на экспертизу.

Аркадий позвонил в «Украину». Трубку снял Паша. Он с гордостью объявил, что они с Фетом подключились к телефону Голодкина и слышали, как кто-то назначил ему встречу в Парке Горького. По мнению Паши, собеседником Голодкина был американец или эстонец.

— Кто же все-таки — американец или эстонец?

— Знаете, он очень хорошо говорил по-русски, но как-то не так.

— Во всяком случае, Паша, за вами нарушение

тайны телефонных разговоров, статьи 12 и 134.

— Так мы же слушали пленки…

— Это пленки КГБ! — на другом конце провода обиженно замолчали, и Аркадий примирительно бросил:

— Ладно уж!

— Я же не теоретик вроде вас, — ответил Паша. — Чтобы знать, что законно, а что незаконно, нужна большая голова.

— Ладно. Значит, ты остался в номере, а Фет отправился следить за встречей. Фотоаппарат он взял? — спросил Аркадий.

— Из-за него он и опоздал, долго искал. Упустил он их. Обегал весь парк, но нигде их не нашел.

— Ну, ничего, у нас хотя бы есть возможность по вашей пленке сопоставить…

— Какая пленка?

— Паша, как же так? Нарушил закон, подключившись к телефону Голодкина, и не подумал о том, чтобы записать разговор?

— Так уж вышло…

Аркадий бросил трубку.

Людин в другом конце лаборатории щелкнул языком.

— Подите-ка сюда, следователь. Я обнаружил на полотенце десять волос. Один из них я сравнил с

волосом из шапки, что вы передали мне раньше. Вот он, под другим микроскопом. Волос из шапки совершенно седой, овальный в поперечнике, что характерно для вьющихся волос. Волос с полотенца довольно красивого металлического оттенка, имеет совершенно круглый срез, характерный для прямых волос. Я проведу анализ белка, но уже сейчас могу утверждать, что волосы не принадлежат одному человеку. Взгляните.

Аркадий посмотрел. Выходит, Осборн не тот, кто обозвал его «сукиным сыном».

— Хорошая вещь, — Людин помял в пальцах полотенце. — Вам оно не нужно?

Водка и кодеин подействовали. Аркадий пошел в управление милиции на Петровку выпить чашку кофе. Сидя в одиночестве за столиком, он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Ну и сыщики! Занимаются поиска-ми фотоаппарата, оставляя таинственную личность (то ли эстонца, то ли американца) без присмотра разгуливать по Парку Горького. Да и сам хорош: ворует полотенце, которое снимает подозрение с его единственного подозреваемого. Он бы пошел домой, если бы у него был дом.

— Старший следователь Ренко? — обратился к нему офицер. — Вас вызывает Сибирь.

— Так быстро?

Звонил сотрудник угрозыска Якутский из Усть-Кута, что в четырех тысячах километров к востоку от Москвы. В ответ на всесоюзный запрос Якутский докладывал, что за хищение государственной собственности в розыске находятся жительница Усть-Кута Валерия Семеновна Давидова, девятнадцати лет, и ее сообщник Константин Ильич Бородин, двадцати четырех лет.

Аркадий поискал глазами по карте — где этот чертов Усть-Кут?

Сыщик Якутский сообщал, что Бородин — отпетый хулиган, браконьер, спекулирует радиодеталями, на которые большой спрос, подозревается в незаконной добыче золота. С началом строительства Байкало-Амурской магистрали систематически воровал никем не охраняемые запчасти к грузовикам. Когда милиция пришла за ним и Давидовой, они просто сбежали. Якутский считает, что они или затаились в охотничьей избушке далеко в тайге, или погибли.

Усть-Кут. Аркадий покачал головой. Где бы он ни находился, никто оттуда не доберется до Москвы. Он хотел тактично охладить пыл сибирского следователя. Якутский — такую фамилию при переписи населения давали каждому второму

якуту. Аркадий мысленно представил на далеком конце провода хитрое восточное лицо.

— Где и когда их видели в последний раз? — спросил он.

— В Иркутске, в октябре.

— Учились ли они реставрировать иконы?

— Все, кто здесь вырос, умеют резать по дереву.

Связь становилась хуже.

— Хорошо, — поспешно произнес Аркадий, — пришлите мне все снимки и все сведения, которыми вы располагаете.

— Надеюсь, это они.

— Возможно.

— Константин Бородин — это Костя-бандит, — голос пропадал.

— Не слышал о таком.

— В Сибири он хорошо известен…

* * *

Цыпин ждал Аркадия в камере в Лефортове. На нем не было рубахи, все тело до самой шеи и руки по запястья были покрыты татуировками. Он подтягивал брюки.

— Отняли и шнурки. Слыхали, чтобы кто-нибудь повесился на шнурках? Видите, меня опять замели. Вчера мы виделись с вами и у меня все

было на мази. А сегодня на шоссе подошли два парня и попробовали ограбить меня.

— Там, где вы торговали бензином?

— Верно, там. Что оставалось делать? Я бью одного гаечным ключом — и он готов. Другой удрал, когда подъехала милицейская машина. А я стою с гаечным ключом, и покойник у моих ног. Надо же! Теперь Цыпину крышка.

— Пятнадцать лет.

— Если повезет, — Цыпин сел на табуретку. Кроме нее, в камере была привинченная к стене койка и кувшин для умывания. В двери было два отверстия: одно поменьше — глазок для смотрителей, через второе подавалась пища.

— Ничем не могу помочь, — сказал Аркадий.

— Знаю. На этот раз не повезло. Рано или поздно всем может изменить удача, разве не так? — Цыпин посмотрел спокойнее. — Слушай, начальник, я тебе много помогал. Когда тебе нужно было узнать что-нибудь стоящее, разве не я помогал тебе? Я тебя ни разу не подвел, потому что мы уважали друг друга.

— Я платил, — чтобы сгладить впечатление от своих слов, Аркадий угостил Цыпина сигаретой и дал прикурить.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— А ты знаешь, что я не могу помочь. Это же убийство при отягчающих обстоятельствах.

— Я не о себе. Помнишь Лебедя?

Аркадий смутно вспомнил странную фигуру, стоящую поодаль во время одной или двух встреч с Цыпиным.

— Конечно.

— Мы всегда были вместе, даже в лагерях. Деньги добывал я, понятно? Лебедю туго придется. Слышишь, у меня и так много забот, и я хочу, чтобы было хоть одной меньше. Тебе нужен стукач. У Лебедя есть телефон, даже машина, он будет работать как надо. Что ты на это скажешь? Пускай попробует, а?

Когда Аркадий выходил из тюрьмы, Лебедь ожидал его у фонарного столба. Кожаный пиджак не по росту подчеркивал узкие плечи и длинную шею. В лагере вор в законе обычно выбирал новичка, использовал его, а потом бросал. На вора смотрели как на мужчину. А «козла», что был под ним, презирали, считали придурком. Но Лебедь и Цыпин были настоящей парой, что бывает весьма редко, и никто в присутствии Цыпина не смел обозвать Лебедя «козлом».

— Твой друг говорил, что ты можешь кое-что сделать для меня, — сказал Аркадий без особого

энтузиазма.

— Раз так, буду делать, — в субтильной фигурке Лебедя чувствовалось какое-то странное изящество, особенно поразительное из-за того, что он был далеко не красавцем. Трудно было сказать, сколько ему лет, к тому же говорил он слишком тихо, чтобы можно было определить по голосу.

— Деньги небольшие — скажем, полсотни, если придешь с хорошей информацией.

— Может быть, вместо того чтобы платить мне, вы сможете что-нибудь сделать для него? — Лебедь взглянул на ворота тюрьмы.

— Там, где он будет, полагается одна передача в год.

— Пятнадцать передач, — пробормотал про себя Лебедь, будто уже подсчитывая, что можно в них положить. Если Цыпина не расстреляют, подумал Аркадий. Да, любовь — не нежная фиалка, любовь — сорная трава, которая расцветает и в темноте. Может ли кто-нибудь разобраться в этом?

8

Хотя Москва стояла на пороге двадцать первого века, москвичи были по-прежнему привязаны к своим старым железным дорогам. Киевский вокзал, расположенный неподалеку от квартала для иностранцев и квартиры самого Брежнева, обращен в сторону Украины. С Белорусского вокзала, до которого пешком дойдешь от Кремля, Сталин в царском поезде отправлялся в Потсдам, а позднее Хрущев и Брежнев специальными поездами ездили в Восточную Европу инспектировать своих сателлитов или открывать очередной этап разрядки. С Рижского вокзала пассажиры попадали в Балтийские государства. Курский вокзал обещал отпуск под черноморским солнцем. С маленьких Савеловского и Павелецкого никто мало-мальски важный не ездил — только пригородные пассажиры да орды грязных, как картошка, крестьян. Несомненно, наиболее впечатляющими были Ленинградский, Ярославский и Казанский вокзалы — все три гиганта на Комсомольской площади. И самым необычным из них был Казанский, чья башня в татарском стиле увенчивала ворота, которые могли увести вас за тысячи километров

в пустыни Афганистана, или к лагерю заключенных на Урале, или через два континента к берегам Тихого океана.

В шесть утра внутри Казанского вокзала на скамье вповалку спали целые туркменские семьи. На мягких узлах уютно устроились малыши в войлочных тюбетейках. Расслабленно опершись о стену, крепко спали солдаты, будто все сразу видели один сон — героические подвиги, изображенные на мозаичных панно на потолке зала. Тускло поблескивали бронзовые светильники. У стойки одного из работающих буфетов Паше Павловичу исповедовалась девица в кроличьей шубке.

— Она говорит, что Голодкин тянул из нее деньги, но теперь отстал, — доложил Паша, подойдя к Аркадию. — По ее словам, кто-то видел его на автомобильной толкучке.

Вместо Паши рядом с девицей возник молодой солдатик. Лицо ее, жирно намазанное румянами и дешевой губной помадой, изобразило улыбку. Парень тем временем изучал цену, проставленную мелом на носке ее туфли. Потом они под руку вышли через главный вход. Аркадий с Пашей направились следом. В предрассветной голубизне по Комсомольской площади двигались стучав-

шие на стыках рельсов трамваи. Аркадий видел, как парочка юркнула в такси.

— Пять рублей, — промолвил Паша, глядя вслед отъезжавшему такси.

Шофер свернет в ближайший переулок и выйдет караулить на случай появления милиции, пока парочка на заднем сиденье будет заниматься делом. Из пяти рублей шофер получит половину и, возможно, потом перепродаст солдату бутылку водки, чтобы отметить событие, — водка стоила куда дороже, чем девица. Ей тоже достанется хлебнуть. Потом она пойдет обратно на вокзал, даст «чаевые» уборщице, чтобы сполоснуться под душем и, разомлев от тепла и водки, начать все сначала. Считалось, что в СССР проституток нет, потому что революция ликвидировала проституцию. Их могли обвинить в распространении венерических болезней, в аморальном поведении или в тунеядстве, но по закону они не были шлюхами.

— И там нет, — Паша вернулся с Ярославского вокзала, где тоже переговорил с девицами.

— Поехали, — Аркадий бросил пальто на заднее сиденье и сел за руль. Мороза не было, хотя солнце еще не взошло. Небо становилось чуть светлее неоновых вывесок на крышах вокзалов. Движе-

ние стало оживленнее. В Ленинграде пока еще темно. Некоторым больше, чем Москва, нравился Ленинград, его каналы и достопримечательности. Аркадию он казался вечно угрюмым. Он предпочитал Москву, большую и оживленную.

Он направился к югу, в сторону реки.

— Может быть, вспомнишь что-нибудь еще о том загадочном собеседнике Голодкина, который встречался с ним в парке?

— Если бы я пошел вместо Фета… — проворчал Паша. — Он не отыщет и яйца у быка.

Они искали, где появится «тойота» Голодкина. За рекой, у Ржевских бань, они остановились выпить по чашке кофе с пирожками. В витрину вешали свежую газету.

— «Спортсмены с воодушевлением готовятся к приближающемуся празднованию Первого мая», — прочел вслух Паша.

— И торжественно обещают забить больше голов? — предположил Аркадий.

Паша кивнул, пробежал глазами текст.

— Так вы играли в футбол? Не знал.

— Вратарем.

— Ага! Теперь понятно…

В квартале от бань уже собиралась толпа. По крайней мере у половины присутствующих к

пальто были приколоты объявления. «Трехкомнатная квартира с ванной» — это у женщины с грустными вдовьими глазами. «Меняем четырехкомнатную на две двухкомнатные» — явно молодожены, твердо решившие избавиться от родительской опеки. «Сдам койку» — прожженный делец, не брезгающий ничем. Аркадий с Пашей, двигаясь с противоположных сторон, прочесали толпу и встретились посередине.

— Шестьдесят рублей за две комнаты с водопроводом, — сказал Паша. — Совсем неплохо.

— Что-нибудь о нашем подопечном?

— Ничего нового. Иногда Голодкин здесь появляется, потом снова исчезает. Подвизается в роли посредника, берет тридцать процентов.

Рынок подержанных автомобилей был на самой окраине города. Долгая поездка затянулась еще больше, потому что по пути Паша увидел, что с машины торговали ананасами. За четыре рубля он купил один размером с хорошее яйцо.

— Кубинский, повышает потенцию, — признался он. — Некоторые мои приятели, штангисты, бывали там… твою мать! Черные девочки, пляжи и отличная еда. Рай для рабочих!

Рынок автомашин представлял собой участок, заполненный «Победами», «Жигулями», «Моск-

вичами» и «Запорожцами»; одни безнадежно старые, другие будто только что из выставочного салона. Получив после многолетнего ожидания миниатюрный «Запорожец» за 3000 рублей, ловкий владелец может сразу ехать на рынок подержанных автомашин, продать свою игрушку за 10.000, зарегистрировав в государственном комиссионном магазине сделку всего на 4000 рублей и уплатив 7 процентов комиссионных, затем вернуться и на заработанные таким образом 6650 рублей купить подержанные, но более просторные «Жигули». Рынок был как улей, но мед у каждой пчелы был здесь свой. Пчел было что-то около тысячи. Четыре армейских майора окружили «мерседес». Аркадий погладил белый «Москвич» по капоту.

— Хороша задница, а? — рядом стоял грузин в кожаном пальто.

— Ничего.

— Ты уже в нее влюбился. Не спеши, дорогой, походи, посмотри.

— Правда, ничего, — Аркадий не спеша обошел машину сзади.

— Сразу видно, что человек разбирается в машинах, — грузин многозначительно поднял палец. — Тридцать тысяч километров. Есть люди,

которые сбрасывают километраж, но я не из таких. Мыл и полировал каждую неделю. Посмотри, какие «дворники»! — достал он их из пакета.

— И дворники ничего.

— Совсем новая. Сам видишь. — Он заслонил спиной Аркадия и написал карандашом на пакете: «15.000».

Аркадий сел в машину и оказался почти на полу — сиденье было вконец истерто. Пластмассовая баранка вся в мелких трещинах, как бивень с кладбища слонов. Он повернул ключ зажигания и в зеркало заднего обзора посмотрел на шлейф черного дыма.

— Ничего, — он вылез из машины. В конце концов, сиденье можно перетянуть, а мотор подремонтировать, зато кузов был в прекрасном состоянии.

— Я знал, что ты так скажешь. Покупаешь?

— А где Голодкин?

— Голодкин, Голодкин, — ломал голову грузин. — Что это такое — человек, машина? — Он никогда не слыхал такого имени… пока следователь не предъявил удостоверение, все еще держа ключи от зажигания. — Ах, тот самый Голодкин! Тот самый негодяй! Он только что уехал.

— Куда? — поинтересовался Аркадий.

— В «Мелодию». Когда вы его найдете, скажите ему, что честные люди, как я, платят комиссионные государству, а не такой шпане, как он. А вообще, уважаемый товарищ, руководящим работникам я могу сделать скидку…

* * *

Проспект Калинина был застроен пятиэтажными прямоугольниками из бетона и стекла вперемежку с 25-этажными зданиями, тоже из бетона и стекла. Копии проспекта Калинина можно было увидеть в любом новом городе, но ни один не был так величествен, как их московский прототип. Над пешеходными туннелями мчались восемь рядов машин. Аркадий и Паша сидели за столиком кафе на открытом воздухе напротив узкого высотного здания, в котором помещался магазин грампластинок «Мелодия».

— Летом здесь веселее, — заметил Паша, дрожа над кофейным пломбиром с клубничным сиропом.

На другой стороне проспекта появилась и свернула в переулок ярко-красная «тойота». Минуту спустя Федор Голодкин в шикарном пальто, каракулевой шапке, ковбойских сапогах и джинсах не спеша вошел в магазин. Следователь и Паша

тем временем поднимались из туннеля.

Сквозь витрину «Мелодии» они видели, что Голодкин не стал подниматься на второй этаж, в отдел классической музыки. Паша остался в дверях, а Аркадий прошел в магазин мимо подростков, дергающихся под рок-н-ролл. В глубине зала, между стеллажами, Аркадий увидел, как рука в перчатке перебирает альбомы с речами политических деятелей. Подойдя поближе, он мельком взглянул на модную прическу из рыжеватых волос, опухшее лицо со шрамом у рта. Из угла выходил продавец, убирая в карман деньги.

— «Речь Л.И.Брежнева на Двадцать четвертом съезде партии», — прочел вслух Аркадий, подходя к Голодкину.

— Отвали, — Голодкин толкнул Аркадия локтем, но тот завернул ему руку назад, так что Голодкин головой достал до своих сапог. Из конверта к ногам Аркадия выкатились три пластинки. «Кисс», «Роллинг стоунз», «Пойнтер систерс».

— Веселый съезд, — заметил Аркадий.

* * *

Голодкин тупо глядел из-под красных набрякших век. Ни модная прическа, ни отлично поши-

тый костюм не мешали Аркадию избавиться от впечатления, будто перед ним извивающийся на крючке угорь. Заполучив Голодкина в прокуратуру на Новокузнецкой, Аркадий поймал его сразу на несколько крючков. Во-первых, Голодкин на законном основании находился в полном распоряжении Аркадия. До окончания следствия ему нельзя было пригласить адвоката. Во-вторых, в течение сорока восьми часов Аркадий даже не был обязан ставить в известность прокурора о задержании Голодкина. К тому же, доставив Голодкина туда, где работал и Чучин, он тем самым наводил того на мысль, что либо старший следователь по особым делам поставил крест на своем главном осведомителе, либо самому Чучину что-то грозит.

— Я не меньше вашего удивился, когда увидел эти пластинки, — возражал Голодкин, когда Аркадий вел его в комнату для допросов на первом этаже. — Здесь какая-то ошибка.

— Спокойнее, Федор, — Аркадий удобно устроился по другую сторону стола. Подвинул арестованному штампованную жестяную пепельницу. — Курите.

Голодкин открыл пачку «Уинстона» и широким жестом предложил собеседнику.

— Лично я предпочитаю советские, — любезно отказался Аркадий.

— Вам самим станет смешно, когда увидите, что все произошедшее — ошибка, — убеждал Голодкин.

В комнату вошел Паша со стопкой папок.

— Мое дело? — полюбопытствовал Голодкин. — Теперь-то вы увидите, что я ваш. Я уже давно с вами сотрудничаю.

— А грампластинки? — спросил Аркадий.

— Хорошо. Расскажу все как на духу. Операция с грампластинками задумана с целью проникнуть в сеть заговорщиков в рядах интеллигенции.

Аркадий постучал пальцами по столу. Паша достал бланк обвинительного заключения.

— Спросите любого, вам скажут, — продолжал Голодкин.

— Гражданин Федор Голодкин, проживающий по улице Серафимова, 2, город Москва, — начал читать Паша, — вы обвиняетесь в том, что препятствовали женщинам принимать участие в государственной и общественной деятельности, подстрекали несовершеннолетних к совершению преступлений.

Неплохое определение сутенерства: тянуло на четыре года. Голодкин откинул волосы назад и

свирепо посмотрел на следователя.

— Возмутительно!

— Подождите, — остановил его Аркадий.

— Вы обвиняетесь, — продолжал Паша, — в незаконном получении комиссионных за перепродажу личных автомобилей, в эксплуатации людей при перепродаже жилплощади, в продаже с целью наживы предметов религиозного культа.

— Все это вполне объяснимо, — обратился Голодкин к Аркадию.

— Вы обвиняетесь в том, что ведете паразитический образ жизни, — продолжал читать Паша. На этот раз угорь завертелся. Указ против тунеядства первоначально имел в виду цыган, но потом с широким прицелом был распространен на диссидентов и всякого рода спекулянтов. Наказание — как минимум поселение где-нибудь в деревянной халупе ближе к Монголии, нежели к Москве.

Лицо Голодкина скривилось в короткой злой усмешке.

— Я все отрицаю.

— Гражданин Голодкин, — напомнил ему Аркадий, — вам известно о наказании за отказ помогать официальному расследованию. Судя по вашим словам, вы знакомы с нашими поряд-

ками.

— Я говорил… — он остановился, чтобы снова закурить «Уинстон», и сквозь клубы дыма смерил взглядом груду бумаг. Только Чучин мог дать им столько документов. Чучин! — Я работал на… — тут он снова запнулся, несмотря на поощряющий взгляд Аркадия. Подставлять другого старшего следователя было равносильно самоубийству. — Что бы я…

— Я вас слушаю.

— Что бы я ни делал, а я могу сказать, что делал все возможное, было в интересах вашего учреждения.

— Врешь! — взорвался Паша. — За это надо по морде.

— Только чтобы войти в доверие к настоящим спекулянтам и антисоветским элементам, — стоял на своем Голодкин.

— И убивал ради этого? — замахнулся Паша.

— Убивал? — глаза Голодкина округлились.

Паша через стол бросился на Голодкина, стараясь схватить его за горло. Аркадий плечом оттолкнул коллегу. Лицо Паши побагровело от ярости. Иногда Аркадию очень нравилось работать с ним.

— Не знаю ни о каком убийстве, — прохрипел

Голодкин.

— Что тут возиться с допросом? — сказал Паша, оборачиваясь к Аркадию. — Врет он все, не видно, что ли?

— Имею же я право говорить, — заявил Голодкин, обращаясь к Аркадию.

— Он прав, — сказал Паше Аркадий. — Раз он говорит и если говорит правду, нельзя сказать, что он не хочет помогать следствию. Итак, гражданин Голодкин, — он включил магнитофон, — для начала чистосердечно и обстоятельно расскажите о том, как вы попирали права женщин.

Голодкин начал было говорить, что действительно предлагал женщин, вполне, на его взгляд, взрослых, некоторым проверенным лицам. Но только в качестве личной услуги.

— Конкретно, — потребовал Паша. — Кому, кого, где, когда и за какие деньги?

Аркадий почти не слушал, углубившись в чтение материалов из Усть-Кута, которые Голодкин принял за свое досье. По сравнению с грязными делишками, о которых хвастливо рассказывал Голодкин, сведения, полученные от Якутского, тянули на хороший роман Дюма.

Константин Бородин, по прозвищу Костя-Бандит, оставшись сиротой, учился на плотника в

иркутском профтехучилище и работал на восстановлении Знаменского монастыря. Вскоре он убежал из училища и добывал песца, кочуя с якутами у Полярного круга. Впервые Костя попал в поле зрения милиции, когда его артель попалась на незаконном мытье золота на приисках Алдана в бассейне Лены. Ему еще не было и двадцати, когда его разыскивали за кражу билетов Аэрофлота, злостное хулиганство, продажу радиодеталей юнцам, чьи «пиратские» станции создавали помехи работе государственных радиостанций, а также за почти забытый в наше время разбой на большой дороге. Каждый раз он скрывался в сибирской тайге, где найти его были бессильны даже вертолетные патрули Якутского. Единственный мало-мальски свежий снимок Кости нашли в сибирской газете «Красное знамя» полуторагодовой давности, когда он случайно оказался в кадре.

— Если по правде, — внушал Голодкин Паше, — им же самим хочется подцепить иностранца. Шикарные гостиницы, вкусная еда, чистые простыни — будто они сами путешествуют.

На отпечатанном с газеты крупнозернистом снимке были изображены десятка три неизвестных людей, выходящих из ничем не приме-

чательного здания. На заднем плане обведено кружком лицо застигнутого снимком врасплох, но уже овладевшего собой парня с дерзким взглядом. Широкоскулое, нагло-красивое. Есть еще бандиты на земле.

Сибирь составляет большую часть России. Русский язык вместил в себя только два монгольских слова — «тайга» и «тундра», и эти два слова рисовали мир бескрайних лесов и лишенных растительности пустошей. Даже вертолетчики не смогли отыскать там Костю. Мог ли такой человек погибнуть в Парке Горького?

— Случайно не слыхали, — спросил Аркадий Голодкина, — не продает ли кто в городе золотишко? Может быть, кто из Сибири?

— Золотом не занимаюсь, слишком опасно. Мы-то с вами знаем, что установлена премия — ваши ребята могут оставить себе два процента золота, изъятого при обыске. Нет, я не идиот. В любом случае золото идет не из Сибири. Моряки привозят, из Индии, Гонконга. Москва не такой уж большой рынок для золота. Кому нужно золото или камешки, имеют дело с евреями в Одессе или с грузинами и армянами. А это народ не высшего сорта. Надеюсь, вы не считаете, что я когда-нибудь имел с ними дела?

Кожа, волосы и одежда Голодкина пропахли американским табаком, заграничным одеколоном и русским потом.

— Вообще-то говоря, я делаю полезное дело. Я специализируюсь на иконах. Скажем, еду за сто, а то и за двести, километров от Москвы, в глушь, являюсь в деревушку, отыскиваю стариков и иду с бутылкой. Представляете, они еще пытаются прожить на пенсию. Вы меня извините, но пенсия — это несерьезно. Если я плачу двадцатку за какую-то икону, которая пылилась где-то полсотни лет, то я же делаю им одолжение. Старухи, бывает, скорее помрут с голоду, чем расстанутся со своими иконами, а со стариками можно договориться. Потом я возвращаюсь в Москву и сбываю товар.

— Каким образом? — спросил Аркадий.

— Покупателей поставляют водители такси и гиды «Интуриста». Можно и прямо на улице — я и сам могу разглядеть настоящего покупателя. Особенно падки на иконы шведы или американцы из Калифорнии. У меня преимущество — говорю по-английски. Американцы за икону отвалят любые деньги. Полтинник за икону, которой место на помойке, на которой не разберешь, где перед, а где изнанка. А если что-нибудь побольше да пона-

рядней, то и на тысчонку потянет. Да не в рублях, а в долларах. В долларах или, что одно и то же, в сертификатах. Во что обходится вам бутылка приличной водки? Тринадцать рублей? А на сертификаты я покупаю бутылку за трояк. Вы одну, а я четыре. Если мне нужно починить телевизор, привести в порядок машину или еще что-нибудь, неужели вы думаете, я буду платить рублями? Рубли для сосунков. Даю несколько бутылок и получаю друга на всю жизнь. Рубли, знаете ли, это бумага, а настоящие деньги — водка.

— Ты что, подкупить нас хочешь? — негодующе воскликнул Паша.

— Нет, нет, что вы. Я только хотел сказать, что иностранцы, которым я продаю иконы, — контрабандисты, а я помогал официальному следствию.

— Вы сбываете их и русским гражданам, — заметил Аркадий.

— Только диссидентам, — возразил Голодкин.

* * *

В донесении Якутского далее сообщалось, что во время кампании 1949 года против еврейских «космополитов» один из минских раввинов Соломон Давидов, вдовец, был выслан в Иркутск. Год назад, после смерти Давидова, его единственная дочь

Валерия бросила учебу в художественном училище и устроилась сортировщицей в иркутский Дом пушнины. К донесению были приложены две фотографии. На одной изображена девушка на прогулке — глаза сияют, одета в теплую шерстяную куртку, на голове меховая шапка, на ногах валенки. Другая фотография, из «Красного знамени», сопровождалась подписью: «Миловидная сортировщица В.Давидова демонстрирует восхищенным забурежным коммерсантам шкурку баргузинского соболя, оцениваемую на мировом рынке в 1000 рублей». Несмотря на грубую спецовку, девушка действительно была прелестна. В первом ряду среди восхищенных бизнесменов стоял, оглаживая шкурку, мистер Джон Осборн.

Аркадий вернулся к снимку Кости Бородина. Взгляд выделил в стороне от очерченного кружком бандита группу примерно из двадцати русских и якутов, окруживших небольшую группу европейцев и японцев. И снова он разглядел Осборна.

Тем временем Голодкин принялся объяснять, как грузины завладели рынком подержанных автомашин.

— Небось во рту пересохло? — спросил Пашу Аркадий.

— Еще бы! От такого вранья, — ответил Паша.

Окна запотели. Голодкин переводил взгляд с одного на другого.

— Пошли, все равно обед, — Аркадий взял под мышку папки и пленки и направился к двери. Паша за ним.

— А я? — спросил вдогонку Голодкин.

— Вам полезней посидеть, разве не так? — бросил Аркадий, — а потом, куда вам теперь идти?

Они ушли. Минуту спустя Аркадий открыл дверь и бросил Голодкину бутылку водки, которую тот поймал на грудь.

— Подумайте как следует об убийстве, Федор, — посоветовал Аркадий и захлопнул дверь, оставив сбитого с толку Голодкина.

Дождем смыло остатки снега. Через улицу у пивного ларька рядом со станцией метро выстроилась очередь. «Сразу видно, что весна,» — заметил Паша. Они с Аркадием купили с лотка бутербродов с ветчиной и встали в очередь. Голодкин смотрел на них, протерев запотевшее стекло.

— Он скажет себе, что не такой дурак, чтобы пить, но потом хорошенько подумает и решит, что у него все в порядке и он заслуживает того, чтобы выпить. К тому же, если уж у тебя во рту пересохло, представь, каково ему.

— Ну и хитрец же ты, — облизал пересохшие губы Паша.

— Как бы мне с этой хитростью не вылететь с работы, — заметил Аркадий.

Так или иначе, он был взбудоражен. Представить только, американец Осборн мог неожиданно встретить сибирского бандита и его возлюбленную. Бандит мог прилететь в Москву по украденному билету. Поразительно!

Паша взял две большие, по сорок четыре копейки, кружки золотистого теплого пенистого пива. На углу становилось оживленнее, все больше мужчин в пальто скапливалось у ларька, был бы повод собраться. Вокруг Новокузнецкой не было больших площадей и высоких зданий, на которых развевались бы знамена. Здесь царила атмосфера небольшого городка. В западном направлении мэр и его планировщики, перепахав арбатские переулки, прорубили проспект Калинина. На очереди был Кировский район к востоку от Кремля. Здесь собирались пробивать новый проспект в три раза длиннее проспекта Калинина. А Новокузнецкая с окружающими ее переулками и небольшими магазинчиками оставалась местом, куда раньше всего приходила весна. Люди с кружками пива в руках приветство-

вали друг друга, будто всю зиму не виделись. В такие моменты Аркадий чувствовал всю неуместность таких типов, как Голодкин.

Перерыв кончился. Паша отправился в Министерство иностранных дел за сведениями о передвижениях Осборна и Унманна и в Министерство торговли за снимками из иркутского Дома пушнины. Аркадий вернулся заканчивать с Голодкиным.

* * *

— Уверен, для вас не секрет, что я и сам участвовал в допросах, так сказать, по другую сторону стола. Думаю, что мы с вами можем говорить откровенно. Могу обещать, что с вами я буду так же охотно сотрудничать в качестве свидетеля, как и с другими. Так вот, те дела, о которых мы говорили утром…

— Это мелочи, Федор, — бросил Аркадий.

Лицо Голодкина вспыхнуло от волнения. На полу стояла наполовину пустая бутылка.

— Бывает, что приговоры не соответствуют тяжести преступления, — добавил Аркадий, — особенно для таких граждан, как вы, пользующихся, так сказать, особым статусом.

— Мне думается, нам нужно все обговорить,

пока нет вашего напарника, — кивнул Голодкин.

Аркадий поставил на магнитофон свежую ленту, угостил сигаретой Голодкина и закурил сам.

— Федор, я намерен рассказать вам кое-что и показать кое-какие снимки. После этого я хочу, чтобы вы ответили на некоторые вопросы. Возможно, они покажутся вам абсолютно нелепыми, но я прошу проявить терпение и быть внимательным. Договорились?

— Начинайте!

— Благодарю, — сказал Аркадий. У него появилось ощущение, будто он начинает погружение на большую глубину. Такое ощущение появлялось у него всякий раз, когда приходилось вести разговор на основании одних догадок. — Итак, установлено, что вы сбываете иконы туристам, зачастую американцам. Мы располагаем доказательствами, что вы пытались продать иконы находящемуся ныне в Москве зарубежному гостю, которого зовут Джон Осборн. Вы разговаривали с ним по телефону в прошлом году, а также несколько дней назад. Сделка не состоялась, потому что Осборн решил купить у другого поставщика. Вы человек деловой, но и вам прежде случалось упускать выгодные сделки. Скажите, почему на этот раз вы так рассердились? (Голод-

кин озадаченно посмотрел на следователя.) А трупы в Парке Горького, Федор? Только не говорите мне, что вы впервые о них слышите.

— Какие трупы? — Голодкин был абсолютно спокоен.

— Мужчины по имени Константин Бородин и молодой женщины по имени Валерия Давидова. Они из Сибири.

— Первый раз слышу, — сочувственно ответил Голодкин.

— Разумеется, вы знали их не под этими именами. Но дело в том, что они перебили вам сделку, вас видели, когда вы с ними ссорились, а несколько дней спустя их убили.

— Что я могу сказать? — Голодкин пожал плечами. — Как вы и предупреждали, это абсолютная нелепость. Вы сказали, что у вас есть снимки.

— Спасибо, что напомнили. Вот они, снимки жертв.

Аркадий разложил на столе снимки Бородина и Валерии Давидовой, сортирующей пушнину. Он заметил, как заметался взгляд Голодкина — с девушки на Осборна, с бандита на Осборна в толпе, на Аркадия и снова на снимки.

— Кажется, вы, Федор, начинаете понимать, что к чему.

Двое приезжают сюда за тысячи километров и скрываются месяц, другой. За это время вряд ли наживешь врагов, разве что конкурентов. Потом их садистски убивает какой-то паразит. Понимаете, я говорю об очень редкой птице у нас, можно сказать, настоящем капиталисте. В общем, о таком, как вы. И вы, эта птица, в моих руках. Можете представить, как давят на следователя, требуя быстрее раскрыть такое преступление. Другому следователю того, чем я располагаю, было бы достаточно. Вас видели, когда вы ссорились с жертвами. Скажете, что не видели, как вы их убивали. Ну, это уж излишне.

Голодкин изумленно поглядел на Аркадия. Скользкий угорь. Аркадий чувствовал, что это его последний шанс, иначе тот сорвется с крючка.

— Если их убили вы, Федор, то вас ждет высшая мера за умышленное убийство в корыстных целях. За дачу ложных показаний вы получите десять лет. Если я сочту, что вы мне лжете, я посажу вас за те мелкие делишки, о которых мы беседовали раньше. Скажу прямо, что в лагере вас не будет никто прикрывать. А заключенные, как правило, имеют твердые убеждения касательно стукачей, особенно если те беззащитны. Одним словом, Федор, вам никак нельзя в лагерь. Кто-

кто, а вы-то уж знаете, что не пройдет и месяца, как вас найдут с перерезанной глоткой.

Голодкин глубоко заглотил крючок, теперь уже не сорвется. Его вытащили на берег, он уже не сопротивлялся и блекнул на глазах. Подхлестнутая водкой храбрость испарилась.

— Я ваша единственная надежда, Федор, ваш единственный шанс. Расскажите мне все, что вы знаете об Осборне и сибиряках.

— Как бы я хотел напиться, — Голодкин упал головой на стол.

— Рассказывайте, Федор.

Голодкин еще какое-то время продолжал твердить, что ни в чем не виноват. Потом, обхватив голову руками, начал свой рассказ.

— Я знаю одного немца. Парня зовут Унманн. Я доставал ему девочек. Он сказал, что у него есть приятель, который хорошо платит за иконы. Он и познакомил меня на вечеринке с Осборном. Вообще-то Осборну нужны были не иконы, а складень или ларец с росписями. За большой ларец в хорошем состоянии он обещал две тысячи долларов. Я, мать его, убил на поиски целое лето и все-таки достал. Осборн, как и говорил, является в декабре. Я звоню ему, чтобы сообщить добрые новости, а этот хрен ни с того ни с сего меня отшивает и

бросает трубку. Я прямым ходом в «Россию» и как раз вовремя — Осборн с Унманном выходят из подъезда. Я проследил их до площади Свердлова, где они встретились с парой деревенских чучел, тех, что на ваших картинках. Унманн с Осборном скоро отваливают, а я за этими двумя, чтобы потолковать. Ничего себе парочка, стоят себе посреди Москвы, а от самих за версту дегтем несет. Я знаю, в чем дело, и все им выкладываю. Они сбыли свой ларец Осборну, а я со своим остался ни при чем. Я первый договаривался, к тому же потратился. Если по справедливости, то мне причитается половина того, что они получат, вроде бы комиссионные. Тут парень, эта сибирская обезьяна, по-дружески обнимает меня и приставляет ножик к горлу. Прямо на площади Свердлова он протыкает мне ножом воротник пальто до самой шеи и говорит, что знать не знает, о чем речь, но что было бы лучше, если бы я больше не попадался ему на глаза. И Осборну тоже. Можете себе представить? Прямо на площади Свердлова! Это было в середине января. Я запомнил, потому что был старый Новый год. Все под мухой. Я бы истек кровью — никто бы и не заметил. А сибиряк засмеялся, и они ушли.

— Значит, вы не знали, что их нет в живых? —

спросил Аркадий.

— Да нет же! — поднял голову Голодкин. — Я больше их не видел. Вы что, меня за идиота принимаете?

— Однако вы набрались смелости позвонить Осборну, как только услыхали, что он снова в Москве.

— Просто забрасывал удочку. Ларец-то все еще у меня, разве его продашь? Только Осборн и заказывал. Не знаю, что было у него на уме и как он собирался его вывезти.

— Но вы же вчера встречались с Осборном в Парке Горького, — бросил пробный шар Аркадий.

— Не с Осборном. Я не знаю, кто это был. Он не назвался. Позвонил какой-то американец и сказал, что интересуется иконами. Я и подумал, что, может быть, все-таки сбуду ларец. Или разберу и продам по частям. А американец повел меня гулять по парку.

— Лжете, — давил Аркадий.

— Клянусь, что нет. Здоровый такой старикан, толстый, и все задавал дурацкие вопросы. По-русски, скажу вам, говорит здорово, но я нюхом чую иностранца. Так вот, мы прошли почти весь парк и остановились у грязной лужайки.

— В северной части парка, недалеко от аллеи?

— Ага. Я было подумал, что он искал уединения, чтобы расспросить о девочках, о вечеринках, понимаете, а он начинает расспрашивать о каком-то студенте, который приехал к нам по обмену, американце по фамилии Кервилл, о котором я никогда не слыхал. Но фамилию запомнил, потому что он без конца о нем спрашивал. Я ответил, что имею дела со многими, всех не упомнишь. И все. Этот чудак мгновенно исчезает. Во всяком случае, как только я его увидел, мне было ясно, что иконы ему ни к чему.

— Почему?

— Да он бедный как мышь. Одет во все советское.

— А не говорил он, как выглядел этот Кервилл?

— Тощий, говорит, рыжий.

Аркадию везло, как в сказке. Еще одна американская фамилия. Осборн и фарцовщик. Два волшебных ключика к делу. Он позвонил майору Приблуде:

— Мне нужны сведения на американца по фамилии Кервилл.

Приблуда ответил не сразу.

— Похоже, это по моей линии, — наконец сказал он.

— Полностью согласен, — ответил Аркадий.

В поле зрения следствия оказывается иностранец. Какие могут быть сомнения, кому им заниматься?

— Вмешиваться я не буду, — сказал Приблуда. — Пришлите ко мне вашего Фета, я передам ему, что у меня имеется.

Естественно, Приблуда передаст информацию только через собственного осведомителя. Аркадий это знал. Ну что ж, хорошо. Он позвонил Фету в «Украину». Потом целый час перебирал спички на листе бумаги, а Голодкин тем временем прикладывался к бутылке.

В помещение для допросов забрел Чучин и разинул рот, увидев своего осведомителя с другим следователем. Аркадий резко уведомил следователя по особым делам, что, если у того имеются претензии, пусть обращается к прокурору. Чучин стремительно вышел. Наконец с портфелем в руках явился Фет.

— Поручите мне заняться всем этим? — он поправил очки в металлической оправе.

— Потом. А сейчас садитесь.

Если Приблуда хотел получить от Фета информацию, то Аркадий доставит ему удовольствие. Аркадий видел, что Голодкину понравилось, как

он одернул Фета. Голодкин приспосабливался к обстановке и к новому хозяину. Аркадий достал из портфеля фотокопии. Их было больше, чем он ожидал. Приблуда был на удивление щедр.

В портфеле оказалось два досье.

Первое досье:

> Паспорт США. «Имя и фамилия: Джеймс Майо Кервилл. Дата рождения: 4.8.52. Рост 5 футов 11 дюймов (около метра восьмидесяти, подсчитал Аркадий). Жена: нет. Несовершеннолетние дети: нет. Место рождения: Нью-Йорк, США. Цвет глаз: карие. Цвет волос: рыжие. Дата выдачи паспорта: 7.5.74».

На черно-белой паспортной фотографии был изображен худощавый молодой человек с глубоко посаженными глазами, волнистыми волосами и длинным носом. Еле заметная напряженная улыбка. Подпись аккуратная и разборчивая.

> Вид на жительство: «Джеймс Майо Кервилл. Гражданство: США. Родился (дата, место). Род занятий: студент-лингвист. Цель пребывания: учеба в Московском государственном университете. Ижди-

венцы: нет. Был ли ранее в СССР: нет. Родственники в СССР: нет. Домашний адрес: 109, Западный район, 78-я улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США».

К правой стороне приклеена такая же фотография, что и в паспорте. Почти идентичная подпись; поражала скрупулезность, с которой она была выполнена.

Личное дело. Отдел кадров Московского государственного университета:

«В сентябре 1974 года поступил в аспирантуру на отделение славянских языков».

Оценки неизменно высокие. Учебная характеристика полна похвал, но…

Комсомольская характеристика: «Дж.М. Кервилл слишком много общается с советскими студентами, проявляет чрезмерный интерес к советской внутренней политике. Допускает антисоветские высказывания. После того как получил замечание от комсомольской организации общежития, пытался показать, что

придерживается и антиамериканских взглядов. При тайном обыске в его комнате обнаружены материалы религиозного писателя Аквинского и Библия на церковнославянском языке».

Комитет государственной безопасности: «На первом курсе объект прощупывался студентами на предмет внимания в дальнейшем. Признан неподходящим. На втором курсе сотрудница факультета по нашему указанию пыталась вовлечь объект в интимную связь, но была отвергнута. Такое же поручение давалось студенту, но тоже не дало результата. Решено, что объект не годится для какой-то позитивной разработки и что органы госбезопасности и комсомол составят только перечень негативных данных. Имеются сообщения о выходящей за рамки дозволенного дружбе с объектом студентов филологического факультета Т.Бондарева и С.Когана и студентки юридического факультета И.Асановой».

Министерство здравоохранения. Поликлиника Московского государственного университета: «Студент Кервилл в пер-

вые четыре месяца прошел общий курс лечения антибиотиками по поводу гастроэнтерита. Инъекции витаминов С и Е и кварцевание в связи с инфлюэнцей. В конце первого курса удален зуб и поставлен стальной искусственный».

На зубной формуле второй слева верхний коренной зуб был перечеркнут чернилами. Не было записи о пломбировании зубного канала.

Министерство внутренних дел: «Дж.М. Кервилл выехал из СССР 12.3.76. Ввиду поведения, не подобающего гостю СССР, данному лицу в дальнейшем не разрешен въезд в СССР».

Итак, у этого подозрительно воздержанного студента, подумал Аркадий, не было проблем с больной левой ногой, как было установлено Левиным в отношении покойника, названного Рыжим. Кроме того, у него, видимо, не было американской пломбы, и вообще он не возвращался в Россию. С другой стороны, он был того же возраста, такого же телосложения, рыжий, во рту был такой же стальной зуб, и он был знаком с Ириной Асановой.

Аркадий показал Голодкину фотографию с паспорта.

— Узнаете этого человека?

— Нет.

— Он был или шатен, или рыжий. В Москве не так уж много тощих американцев с рыжими волосами.

— Нет, я его не знаю.

— А как насчет студентов университета? Бондарева? Когана? — Он не стал спрашивать об Ирине Асановой. Фет и без того не в меру любопытен.

Аркадий взял второе досье.

> Паспорт США: «Уильям Патрик Кервилл. Дата рождения: 23.5.30. Рост 5 футов 11 дюймов. Жена: нет. Несовершеннолетние дети: нет. Место рождения: Нью-Йорк, США. Цвет волос: седые. Цвет глаз: голубые. Дата выдачи паспорта: 23.2.77».

На снимке мужчина средних лет с вьющимися седыми волосами и, должно быть, темно-голубыми глазами. Короткий нос, квадратный подбородок. Серьезное выражение лица. Рубашка и пиджак ладно сидят на широкоплечей мускулистой фигуре. Подписана размашистым крупным почерком.

Туристская виза: «Ульям Патрик Кервилл. Гражданство: США. Родился (дата, место). Род занятий: рекламный агент. Цель пребывания: туризм. Иждивенцы, въезжающие вместе с владельцем паспорта: нет. Был ли ранее в СССР: нет. Родственники в СССР: нет. Домашний адрес: 220, Бэрроу-стрит, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США».

Такие же, как в паспорте, подпись и фотография.

"Въезд в СССР: 18.4.77. Выезд: 30.4.77. Данные о поездке сообщены через «Пан Американ эйруэйз». Номер забронирован в гостинице «Метрополь».

Аркадий показал фотографию Уильяма Патрика Кервилла.

— А этого узнаете?

— Это он! Тот, с которым я вчера был в парке.

— Вы сказали, — Аркадий еще раз взглянул на фотографию, — здоровый толстяк.

— Ну, скажем, крупный.

— Расскажите-ка еще раз об одежде.

— Советская, самая обыкновенная. Все новое.

Судя по тому, как он говорит по-русски, он вполне мог купить шмотки сам, но… — Голодкин насмешливо ухмыльнулся, — зачем они ему нужны?

— Почему именно вы решили, что он не русский?

Голодкин доверительно наклонился вперед.

— Я, можно сказать, пристрелялся, когда выискивал на улицах туристов. Они же мои клиенты. Наш, простой русский, скажем, всегда семенит ногами, будто тащит мешок, а американец шагает размашисто, широко.

— Неужели? — Аркадий еще раз взглянул на фото. Перед ним было лицо, выражавшее грубую силу, лицо человека, который повел Голодкина прямо к поляне, где были обнаружены трупы и где Аркадию досталось в драке. Аркадий вспомнил, что укусил своего противника за ухо. — А уши его вы видели?

— Не думаю, — ответил Голодкин, — чтобы между ушами русских и американцев была большая разница.

Аркадий позвонил в «Интурист», откуда ему сообщили, что три дня назад, в тот вечер, когда Аркадия со знанием дела отделали, у туриста У. Кервилла были билеты в Большой. Аркадий спросил, как найти гида, который обслуживал

Кервилла. Ему ответили, что Кервилл приехал один, а «Интурист» выделяет гидов только группам не менее десяти человек.

Под неотрывным взглядом Фета Аркадий положил трубку. Вернулся Паша из Министерства иностранных дел.

— Теперь у нас есть свидетель, который подтверждает прямую связь между двумя возможными жертвами убийства и подозреваемым иностранцем, — Аркадий четко излагал свои соображения, чтобы Фету было легче пересказать их Приблуде. — В конечном счете все сводится к иконам. Обычно мы не занимаемся подозреваемыми иностранцами. Мне придется обговорить это с прокурором. Наш свидетель может дать показания о косвенной связи подозреваемого с третьей жертвой убийства в парке. Как видно, ребята, дело начинает клеиться. И ключ ко всему делу — Федор.

— Я же говорил, что я с вами, — сказал Паше Голодкин.

— А кто подозреваемый? — не удержался Фет.

— Немец, — с готовностью ответил Голодкин, — Унманн.

Аркадий выпроводил Фета с портфелем, что было нетрудно; канарейке Приблуды наконец-то

было что спеть.

— А насчет этого Унманна — правда? — спросил Паша.

— Довольно близко к правде, — ответил Аркадий. — Теперь поглядим, что ты раздобыл.

Паша привез записи всех передвижений Осборна и Унманна по Советскому Союзу за последние шестнадцать месяцев. В стенографически кратких записях Министерства разобраться было непросто:

Дж.Д. Осборн, президент «Осборн Ферз Инк.».

Въезд: Нью-Йорк — Ленинград, 2.1.76. (гостиница «Астория»); Москва, 10.1.76. (гостиница «Россия»); Иркутск, 15.1.76. (гость иркутского Дома пушнины); Москва, 20.1.76. («Россия»).

Выезд: Москва — Нью-Йорк, 28.1.76.

Въезд: Нью-Йорк — Москва, 11.7.76. («Россия»).

Выезд: Москва — Нью-Йорк, 22.7.76.

Въезд: Париж — Гродно — Ленинград, 2.1.77. («Астория»); Москва, 11.1.77. («Россия»).

Занятно, подумал Аркадий. Гродно — город на железной дороге на границе с Польшей. Осборн не летит, а трясется в поезде до самого Ленинграда.

Выезд: Москва — Ленинград — Хельсинки, 2.2.77.

Въезд: Нью-Йорк — Москва, 3.4.77. («Россия»).
Предполагаемый выезд: Москва — Ленинград, 30.4.77.

Г.Унманн, Германская Демократическая Республика.
Въезд: Берлин — Москва, 5.1.76.
Выезд: Москва — Берлин, 27.6.76.
Въезд: Берлин — Москва, 4.7.76.
Выезд: Москва — Берлин, 3.8.76.
Въезд: Берлин — Ленинград, 20.12.76.
Выезд: Ленинград — Берлин, 3.2.77.
Въезд: Берлин — Москва, 5.3.77.

О передвижениях Унманна по России сведений не было, но Аркадий высчитал, что Осборн и немец могли иметь прямые контакты тринадцать дней в январе 76-го в Москве, одиннадцать дней в июле 76-го в Москве, потом этой зимой со 2 по 10 января включительно в Ленинграде и с 10 января по 1 февраля в Москве (когда произошли убийства). 2 февраля Осборн вылетел в Хельсинки, а Унманн, очевидно, отправился в Ленинград. Теперь оба находятся в Москве с 3 апреля. В то же время последние двенадцать месяцев Осборн звонил Унманну только из автоматов.

Паша также достал глянцевую фотографию

иркутского Дома пушнины. Как и предполагал Аркадий, это было то же невыразительное здание современной постройки, что и на снимке, где был сфотографирован Костя Бородин.

— Отвези нашего друга Федора домой, — попросил Пашу Аркадий. — Там у него есть один любопытный ларчик. Забери его и свези для надежности в «Украину». Да, прихвати заодно пленку.

Он снял с магнитофона кассету с записью показаний Голодкина. Чтобы освободить место в кармане, Паше пришлось вынуть оттуда крошечный драгоценный ананас.

— И тебе пригодился бы, — сказал он Аркадию.

— Даром добро переводить.

— Готов помогать в любое время, товарищ старший следователь, — заверил Голодкин, надевая пальто и шапку, — из одного уважения к вам.

Оставшись один, Аркадий не мог унять волнения. Наконец-то! Теперь, когда у него есть показания Голодкина, а одному из американцев, пользующихся особым расположением КГБ, грозит задержание, он может запихать это дело в глотку Приблуде. Пускай разжевывает.

Он надел пальто, перешел улицу и взял водки, сожалея, что нет Паши. Выпили бы на радостях

вместе. «За наше здоровье!» В конце концов, не такие уж они плохие следователи. Он вспомнил ананас. У Паши, конечно, были другие планы, связанные с серьезными эротическими намерениями. Аркадий машинально поглядел на телефон-автомат. В руке откуда-то оказалась двухкопеечная монета. Интересно, где сейчас Зоя.

В расследовании убийства в Парке Горького было слишком много странного. Теперь он избавился от него и возвращается к будничным делам. Телефон-автомат притягивал к себе, но настоящая сила притяжения исходила от Зои. Что, если она ушла от Шмидта и вернулась домой? Он не был там несколько дней и все время был в движении, так что ей было невозможно разыскать его. Ему не следовало прятаться от нее; по крайней мере, можно было бы объясниться. Обругав себя за малодушие, он набрал номер. Телефон был занят — она была дома.

В метро было полно народу, все возвращались с работы, как и Аркадий. Он чувствовал себя почти нормально, боль в груди проходила. Воображение рисовало одну мелодраматическую картину за другой. Зоя раскаивается, он великодушен. Она все еще сердится, но он терпелив. Она оказалась

в квартире по чистой случайности, и он уговорил ее остаться. Все вариации заканчивались постелью, однако он не испытывал возбуждения. Мелодрамы были мимолетными, никудышными и скучными; он был всего лишь готов сыграть в них свою роль.

Он вышел на Таганской, прошел через двор, взбежал на свой этаж и постучал в дверь. Гулко отозвалось пустотой. От отпер дверь и вошел.

Зоя действительно возвращалась. Что-что, а это было заметно. В квартире не было столов и стульев, ковров и штор, книг и книжных полок, пластинок и проигрывателя, тарелок, стаканов, ножей и вилок. Она постаралась подмести подчистую, прихватила все, что могла. В первой из двух комнат она не оставила ничего, кроме холодильника, но даже из него забрала все, вплоть до ванночек для льда, — свидетельство, подумал он, вызывающей разочарование жадности. Во второй комнате осталась кровать, так что там по-прежнему была спальня. Он вспомнил, с каким трудом они втаскивали туда эту кровать. На кровати она оставила только простыни и одеяло.

У него было ощущение, будто его ни за что избили и обчистили, будто грабители забрались не в квартиру, а ему в душу и грязными руками

выдрали из нее десять лет супружеской жизни. Или она видит это по-другому, нечто вроде освобождения из него самого путем кесарева сечения? Неужели все это время было так плохо? Она оказалась хорошим вором, потому теперь ему не хотелось вспоминать о прошлом.

Телефонная трубка лежала на столе — вот почему он подумал, что она дома. Он положил трубку на место и сел рядом.

Что с ним происходит? Его ненавидит та, которая когда-то очень любила. Если изменилась она, то, должно быть, виноват он. Он и его безупречная карьера. Почему он не стал инспектором при Центральном Комитете, что здесь такого? Он должен был стать дерьмом и спасти свою супружескую жизнь. Кто он такой, чтобы оставаться чистеньким? Взять хотя бы, что он проделал только что, его необоснованные предположения о черном рынке, сибиряках и американцах, одна липовая версия за другой, и не ради раскрытия преступления, не ради справедливости, а для того чтобы сбыть с рук этих покойников из Парка Горького. Обман, увиливание от служебных обязанностей — лишь бы не запачкать рук.

Зазвонил телефон. Зоя, подумал он.

— Да?

— Старший следователь Ренко?

— Да.

— В квартире по Серафимова, 2, была перестрелка. Убиты некто Голодкин и следователь Павлович.

* * *

Цепочка милиционеров вела от подъезда по лестнице на второй этаж, через площадку, куда через приоткрытые двери выглядывали соседи, в квартиру Голодкина — две комнаты и прихожая, заваленные коробками виски, сигарет, пластинок и консервов. Полы устланы толстым слоем ковров восточной работы. Левин уже копался своими инструментами в голове Голодкина. Паша Павлович лежал на коврах, на спине его темного пальто расплылось влажное, не очень большое пятно; смерть наступила мгновенно. У рук того и другого валялись пистолеты.

Следователь районной прокуратуры (Аркадий его не знал) представился и передал свои записи.

— Я полагаю, — сказал он, — хотя это вполне очевидно, что Голодкин первым выстрелил следователю в спину, тот повернулся и, падая, выстрелил в Голодкина. Соседи выстрелов не слышали, но пули, видимо, подойдут к пистоле-

там: у следователя марки ПМ, у Голодкина — ТК, хотя, само собой разумеется, мы проведем баллистическую экспертизу.

— Кстати, о соседях, не видели ли они, чтобы кто-нибудь отсюда выходил? — спросил Аркадий.

— Никто не выходил. Они убили друг друга.

Аркадий взглянул на Левина, но тот отвел взгляд.

— Следователь Павлович доставил этого человека сюда после допроса, — сказал Аркадий. — Вы обыскали его тело? Нашли у него магнитофонную кассету?

— Мы его обыскали. Никаких кассет не обнаружено, — ответил следователь.

— Выносили ли вы что-нибудь из квартиры?

— Нет, ничего не выносили.

Аркадий обошел квартиру Голодкина в поисках церковного ларца, выбрасывая из стенных шкафов охапками куртки «Аляска» и лыжи, вскрывая коробки с французским мылом под взглядом следователя райпрокуратуры. Тот будто прирос к полу, не из страха, что ему придется отвечать за ущерб, а в ужасе от подобного обращения с такими богатствами. Когда Аркадий наконец вернулся к телу Паши, следователь приказал

милиционерам выносить вещи.

Голодкину выстрелом разворотило лоб. Паша лежал в спокойной позе, с закрытыми глазами, уткнувшись красивым татарским лицом в разноцветный ворс, будто спал, летя на ковре-самолете. Ларец Голодкина исчез, кассета исчезла, Голодкина нет в живых.

Выходя на улицу, Аркадий видел, как милиционеры на лестнице передавали по цепочке из рук в руки коробки со спиртным, часами, одежду, ананас, лыжи. На память помимо воли пришло сравнение с муравьиной суетой.

9

Почти вся Россия — геологически старая территория, сглаженная ледниками, после которых остались пологие холмы, озера да реки, напоминающие следы червей на мягкой земле. К северу от Москвы расположено все еще замерзшее Серебряное озеро. Все летние дачи вдоль его берегов были заколочены, кроме дачи Ямского.

Аркадий поставил машину рядом с «Чайкой», обогнул дом и постучал в заднюю дверь. В окне появился прокурор и помахал ему рукой. Через пять минут он появился в дверях в настоящем боярском обличье — в шубе и сапогах, отороченных волчьим мехом. От розового лица веяло здоровьем. Он, не останавливаясь, пошел вдоль берега.

— Сегодня выходной, — раздраженно бросил он. — Зачем приехали?

— У вас тут нет телефона, — ответил Аркадий, следуя за ним.

— Телефон есть, у вас нет номера. Стоите здесь.

В середине озера лед был толстый и матовый, а по краям тонкий и прозрачный. Летом у каждой дачи появятся площадки для бадминтона и яркие

пляжные зонты. Ямской направился к небольшому сарайчику метрах в пятидесяти от дачи. Он вернулся с жестяным рожком и ведром гранул из рыбьей муки.

— Совсем забыл. Вы же, должно быть, в детстве тоже здесь жили, — сказал Ямской.

— Да, один сезон.

— Конечно же, такая семья, как ваша… Подуйте-ка, — и он протянул Аркадию рожок.

— Зачем?

— Дуйте-дуйте, — приказал Ямской.

Аркадий приложил к губам холодный мундштук рожка и дунул. Над озером эхом отдались звуки, похожие на крик диких гусей. Во второй раз получилось громче, звуки отдавались эхом от ив на той стороне озера.

Ямской забрал рожок.

— Уже слышал о вашем приятеле. Как его звали?

— Павлович.

— Да, плохи дела. И у вас тоже. Если этот спекулянт Голодкин был так опасен, надо было ехать вместе, и Павлович остался бы жив. Мне все утро названивали генеральный прокурор и комиссар милиции, у них есть мой номер. Не беспокойтесь, прикрою, если вы за этим приехали.

— Нет, не за этим.

— Да, — вздохнул Ямской, — за себя вы просить не станете. Ведь вы с Павловичем были приятелями, не ошибаюсь? И раньше работали вместе. — Он отвел глаза от Аркадия и посмотрел вокруг. Седой туман сливался с белыми стволами берез. — Прекрасное местечко… Приехали бы сюда, когда станет потеплее. С тех пор, как вы были здесь в детстве, для местных обитателей открыли отличные магазины. Сходим вместе, может, что-нибудь купите. И супругу привозите.

— Их убил Приблуда.

— Погодите.

Ямской слушал шорох, раздававшийся из-за деревьев. Над ними цепочками взлетали дикие гуси и, набирая высоту, выстраивались острыми косяками. Самцы белые с черными грудками и головами, самочки серые. Гуси, часто махая крыльями, закружились над озером.

— Это Приблуда выследил и убил Павловича и Голодкина.

— К чему Приблуде влезать в это дело?

— В убийстве подозревается американский бизнесмен. Я с ним разговаривал.

— Как это вам удалось встретиться с американцем? — спросил Ямской и стал сыпать на лед

рыбные катышки. Воздух наполнился громким гоготаньем и шумом крыльев.

— Так вы же и привели меня к нему, — стараясь перекрыть шум, ответил Аркадий. — В бане. Вы же, по вашим словам, внимательно следите за этим делом.

— Говорите, я вас к нему привел? Немыслимо! — Ямской рассыпал катышки замысловатыми волнистыми узорами. — Я бесконечно ценю ваши способности и, можете не сомневаться, сделаю для вас все, что могу, но не думайте, пожалуйста, что я вас с кем-то «свел». Я даже не хочу знать, как его зовут… Т-сс! — Он сделал Аркадию знак молчать и поставил пустое ведро.

Стая гусей вытянулась в прямую линию и гуськом опустились на лед метрах в тридцати от берега. Оттуда, поджав шеи, птицы настороженно следили за Ямским и Аркадием, пока те не отошли к сараю. Более смелые величественно заковыляли вперед.

— Красивые птицы, не правда ли? — сказал Ямской. — В этих местах они редкость. Обычно, знаете ли, они зимуют в районе Мурманска. Там во время войны я их и полюбил.

На лед опускалось все больше гусей, а вожаки, настороженно озираясь, двинулись к берегу.

— Они боятся лис, — заметил Ямской. — А у вас, должно быть, убийственные доказательства, коли вы подозреваете офицера КГБ.

— Мы предположительно установили личность двоих убитых в Парке Горького. У нас была пленка, где было записано, что Голодкин дал определенные показания о деловых связях этих двоих с американцем.

— Где теперь ваш Голодкин? И где ваша кассета?

— Ее похитили из кармана убитого Паши в квартире Голодкина. У Голодкина, кроме того, был ларец.

— Ларец… А существует ли он? Я просматривал протокол следователя об обыске, там никакой ларец не упоминается. И вы хотите обвинить майора КГБ, ссылаясь на кассету и ларец, которых нет, да на показания покойника. Кстати, Голодкин хоть раз упомянул майора Приблуду?

— Нет.

— В таком случае я отказываюсь понимать, о чем речь. Я разделяю ваши чувства, понимаю, что у вас горе — потеряли товарища. У вас личная неприязнь к майору Приблуде. Но выдвигать такие дикие и необоснованные обвинения! Не понимаю.

— Американец связан с КГБ.

— Ну и что? И я связан, и вы тоже. Все мы дышим одним воздухом. Из всего, что вы мне рассказали, ясно одно — что американский бизнесмен не дурак. А вот вы, извините, порядочный дурак. Подумайте о себе и, ради бога, никому не говорите об этих нелепых подозрениях. И лучше не упоминайте о них в докладных на мое имя…

— Я требую, чтобы расследование убийства Паши проводилось под моим руководством в рамках расследования убийств в Парке Горького.

— Дайте асе мне закончить. Американцы, вроде того, на которого вы намекаете, очень богаты, и не только деньгами, как обычно себе представляют, — у них здесь уйма влиятельных друзей, больше чем… — благожелательно закончил Ямской, — чем у вас. Что такого могло быть у тех троих в Парке Горького, что стоило хотя бы одной минуты его времени, не говоря уж о том, чтобы их убивать? Тысяча, сто тысяч рублей для вас, возможно, куча денег. Но не для таких, как он. Секс? Да с его влиянием он прикроет самую щекотливую неприятность. Что еще остается? В том-то и дело, что больше ничего. Кстати, вы сказали, что предположительно установили личность двух убитых. Кто они, русские или иностранцы?

— Русские.

— Вот видите, уже кое-что. Русские, а не иностранцы, а это не касается ни Приблуди, ни КГБ. Что до смерти Павловича, то в заключении ясно написано, что они с Голодкиным убили друг друга. Мне кажется, что следователь районной прокуратуры хорошо справляется и без вашей помощи. Разумеется, его окончательное заключение будет направлено вам. Но вмешиваться я вам не позволю. Я вас знаю! Сперва вы хотели спихнуть расследование Приблуде. А теперь, когда вы по личным причинам вопреки логике вообразили, что майор, возможно, замешан в смерти вашего товарища, вы ни за что не откажетесь от него. Так? Знаю, если вы возьметесь за дело, то ни за что от него не отступитесь. Буду откровенным — другой на моем месте немедленно отправил бы вас в отпуск по болезни. Я же уступаю — вы продолжите дело об убийстве в Парке Горького, но с этой минуты я буду куда строже следить за расследованием. А все-таки не отдохнуть ли вам денек-другой?

— А если я просто брошу все?

— Что-что?

— То, что я сказал. Я подаю в отставку. Ищите другого старшего следователя.

Мысль и слова пришли к Аркадию вместе, как бывает, когда человек одновременно осознает, что он попал в ловушку, но еще есть выход, дверь еще не закрыта. До чего же все ясно!

— Я все забываю о вашей склонности делать глупости, — заметил Ямской, наблюдая за ним. — Меня часто удивляло, зачем вы так демонстративно пренебрегаете членством в партии. Я спрашивал себя, почему вы решили стать следователем.

Аркадий невольно улыбнулся: как все, оказывается, просто, и какую необыкновенную силу он обрел. Бросить, и все. Представьте, что в середине спектакля Гамлет решает, что перипетии пьесы слишком сложны, отказывается следовать советам тени отца и неторопливо уходит со сцены. Аркадий увидел в глазах Ямского те же недоумение и ярость, как если бы спектакль внезапно оборвался. Никогда раньше Аркадий не пользовался таким безраздельным вниманием начальства, но продолжал улыбаться, пока бледные губы прокурора тоже не растянулись в широкой улыбке.

— Скажем, вы уходите. Что тогда будет? — спросил Ямской. — Я мог бы вас уничтожить, но в этом нет необходимости; вы потеряете партийный

билет и уничтожите сами себя. И свою семью. Как вы думаете, какую работу сможет получить старший следователь по делам об убийствах, после того как уйдет? Ночного сторожа, если повезет. Не скажу, что и мне поздоровится, но я переживу.

— Я тоже.

— Тогда давайте поговорим о том, что будет с вашим расследованием после того, как вы уйдете, — сказал Ямской. — Дело примет другой следователь. Скажем, я передаю его Чучину. Это вас не волнует?

Аркадий пожал плечами.

— Чучин не подготовлен вести дела об убийствах, но ото ваши трудности.

— Ладно, решено, Чучин ваш преемник. Выходит, продажный дурак берет ваше дело, а вам все равно.

— Наплевать мне на это дело. Я ухожу, потому что…

— Убили вашего друга. Уходите во имя дружбы. Не уйти было бы лицемерием. Он был хорошим следователем, если нужно, закрыл бы вас от пули, не так ли?

— Да, — подтвердил Аркадий.

— Тогда, будьте любезны, уходите, — бросил Ямской, — хотя должен с вами согласиться, что

Чучин — не та фигура. Более того, принимая во внимание, что он никогда не занимался убийствами, и его желание отличиться на первом же деле, я склонен думать, что он пойдет по единственному пути — свалит убийства в Парке Горького на Голодкина. Голодкина нет в живых, расследование будет закончено за день-другой… видите, как все сходится. Но, зная Чучина, боюсь, что этого ему будет мало. Ему нравится, можно сказать, оставить свой след, сделать лишний штришок. Знаете ли, я боюсь, что он способен записать вашего приятеля Пашу в сообщники Голодкина. Два вора погибли в перестрелке друг с другом. Он пойдет на это. Хотя бы ради того, чтобы досадить вам; в конце-то концов, если бы не вы, Чучин не потерял бы своего лучшего стукача. В самом деле, чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что именно так он и поступит. Мне, как прокурору, доводилось наблюдать, когда разные следователи приводили разные версии по одному и тому же делу. И все решения были вполне приемлемы. А теперь извините.

Оказывается, выхода не было. Ямской пошел за пустым ведром, оставив Аркадия одного. Гуси не улетали а, отбегая по берегу на лед, держались на безопасном расстоянии и тоскливо гоготали,

бросая одинаково негодующие взгляды и на Аркадия, и на Ямского. Ямской понес ведро в сарай.

— Почему вы так хотите, чтобы я продолжал расследование? — спросил Аркадий, идя следом.

— Если серьезно, то вы мой лучший следователь по делам об убийствах, и моя обязанность оставить это дело за вами, — Ямской снова перешел на дружеский тон.

— Если убийца американец…

— Предъявите мне улики, и мы вместе выпишем ордер на его арест, — великодушно заверил Ямской.

— Если это он, то у меня остается всего девять дней. Он улетает накануне Первого мая.

— Возможно, вы продвинулись дальше, чем думаете.

— Девять дней. Мне до него не добраться.

— Делайте все, что считаете нужным. Зная ваши способности, я по-прежнему уверен в успешном исходе дела. А еще больше, чем в вас, я верю в наш строй, — Ямской открыл дверь сарая и поставил ведро на место. — Верьте и вы в наш строй.

Прежде чем закрылась дверь, Аркадий увидел в глубине сарая двух подвешенных за лапы гусей со свернутыми шеями. Дикие гуси находились

под охраной закона. Как же Ямской с его-то положением осмеливается их убивать? Он оглянулся на берег, где стаи гусей снова дрались из-за корма, оставленного прокурором.

* * *

Аркадий вернулся в «Украину» и взялся за стакан. Тут он увидел подсунутый под дверь конверт. Вскрыв конверт, он прочел записку, в которой говорилось, что смерть Паши и Голодкина наступила мгновенно в результате выстрелов с расстояния не более полуметра. Ничего себе перестрелка — один убит выстрелом сзади, другой — в лоб, а тела лежат в трех метрах друг от друга. Аркадия не удивило, что Левин не подписал записку.

Аркадий обычно много не пил. Многие верили, что водка помогает от всего. Говорили: «Есть водка двух сортов — хорошая и очень хорошая».

Кто проследил Пашу и Голодкина до улицы Серафимо-ва, 2? Кто постучал в дверь квартиры и предъявил такое удостоверение, которое удовлетворило бы Пашу и напугало Голодкина? Их было двое, подумал Аркадий. Один не смог бы управиться достаточно быстро, а присутствие троих насторожило бы даже доверчивого Пашу. Кто же

тогда выстрелил Паше в спину, достал его пистолет и убил еще более перепуганного Голодкина? Куда ни кинь — Приблуда. Осборн — осведомитель КГБ. Майор Приблуда хотел вывести из-под удара Осборна и скрыть его связи с КГБ, а сделать это было можно, только держась на расстоянии. С того момента, как Приблуда взял бы на себя дело, КГБ признавал, что в нем замешаны иностранцы. Иностранное посольство — американское, а там одни шпионы — проявило бы беспокойство и начало собственное расследование. Нет, расследование во что бы то ни стало должно было оставаться в руках старшего следователя по делам об убийствах, но быть безрезультатным.

Существовали разные способы не опьянеть. Одни полагались на соленый огурец, другие больше доверяли грибочкам. Паша говорил, что весь секрет в том, чтобы пить залпом, не дыша. Аркадий думал, что и у него так получится, но поперхнулся и зашелся в кашле.

Пашу и Зою что-то по-своему объединяло. Они были для него символами-близнецами — восхищенный им коллега и преданная жена. Если раньше у него еще теплилась надежда, что она может вернуться, смерть Паши поставила на ней точку. Согласно марксизму, история пред-

ставляла собой научно систематизированную последовательность колокольных языков, которые неслышно передают удары от одного к другому, и так без конца. Они неподвластны Аркадию, и их движение необратимо, но их источник кроется в роковом отсутствии равновесия, а толчком служит порок или ошибка. Виноват не строй. Строй прощал, даже допускал глупость и пьянство, лень и обман. Без этого любой строй не был бы гуманным, а этот строй был самым гуманным. Равновесие терял человек, который ставил себя выше строя; порок был в самом старшем следователе.

Пашины записи были сделаны печатными буквами. Но Аркадий видел, как он старался их закруглить, сделать похожими на его собственные. Он знал, что для работы с оставшимися немецкими и польскими пленками и записями ему понадобится другой напарник. Правда, оставался Фет, который между докладами Приблуде продолжит прослушивание скандинавских пленок. Даже если Аркадий не предпримет новых шагов, дел оставалось очень много.

Кто, в конце концов, затребовал пленки и записи? Кто храбро грозился арестовать иностранного осведомителя Комитета государственной без-

опасности? И, значит, кто на самом деле убил Пашу?

Аркадий швырнул в стену коробку с пленками. Швырнул вторую, она раскрылась. Третью. Потом стал разбрасывать катушки обеими руками. В комнате мелькали размотавшиеся длинные хвосты пленок. «Долой вронскизм!» — прокричал он.

Неповрежденной осталась лишь коробка, доставленная сегодня. В ней были свежие записи. Аркадий отыскал одну запись из номера Осборна, всего двухдневной давности.

Вопреки всему, он продолжит начатое.

Первая запись оказалась очень короткой.

Аркадий слышал стук в дверь, звук открываемой двери и голос Осборна:

— Здравствуйте.

— Где Валерия?

— Погодите. Я как раз собрался погулять.

Дверь закрылась.

Аркадий снова и снова слушал запись. Он узнал голос девушки с «Мосфильма».

10

Лозунг протянулся на весь квартал. Красные буквы в рост человека гласили: «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — НАДЕЖДА ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА! СЛАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!».

Позади лозунга раскинулся завод имени Лихачева. Там «штурмовали» рабочие, чтобы выполнить предмайские обязательства по производству автомашин, тракторов и холодильников. Молотками загоняли болты, молотками же подгоняли холодильные спирали, с помощью молотков вручную собирали целые машины. Следом, отставая на шаг, шел сварщик и заметал следы факелом газовой горелки. Над лозунгом небо было затянуто внушительными клубами серого дыма, регулярно выбрасываемыми из труб в утреннее небо.

Аркадий прошел с Лебедем в кафетерий и там передал ему снимки Джеймса Кервилла, Кости-Бандита и Валерии Давидовой. Ранние алкаши оторвали головы от столов. Лебедь был в черном свитере, отчего его шея и кисти рук казались еще тоньше. Аркадий подумал, как он выживет, став

осведомителем. Туда, где пили рабочие, даже милиционеры приходили парами.

— Вам, должно быть, трудно, — заметил Лебедь.

— Мне? — удивился Аркадий.

— Я хочу сказать, такому доброму человеку, как вы.

Хитрый заход гомосексуалиста? — подумал Аркадий.

— Порасспроси об этих людях, — он бросил на столик несколько рублевок и вышел.

Ирина Асанова жила в подвале недостроенного дома неподалеку от ипподрома. Поднимаясь по лестнице, она окинула Аркадия открытым пристальным взглядом, а он успел разглядеть голубоватое пятнышко на ее правой щеке. Пятнышко было небольшое: если бы она хотела, то могла бы запудрить его. А так оно оттеняло голубизной ее темные глаза. Полы латаной-перелатаной дубленки развивались на ветру.

— Где Валерия? — спросил Аркадий.

— Валерия… какая?.. — запнулась она.

— Вы не из тех, кто сообщает милиции о пропаже коньков, — сказал он. — А из тех, кто держится подальше от нее. Вы бы не заявили о пропаже коньков, если бы не боялись, что они приведут

к вам.

— В чем меня обвиняют?

— Во лжи. Кому вы давали свои коньки?

— Я опаздываю на автобус, — она попыталась пройти мимо него.

Аркадий схватил ее за руку. Такую мягкую…

— Кто такая Валерия? Говорите!

— Кто да что! Я ничего не знаю, да и вы тоже. — Она вырвалась из рук Аркадия.

На обратном пути Аркадий прошел мимо стайки девушек, ожидавших автобуса. По сравнению с Ириной Асановой они казались замухрышками.

В Министерстве торговли Аркадий рассказывал Евгению Менделю:

— Несколько лет назад один американский турист приехал в деревню, где он родился, где-то километрах в двухстах от Москвы, и там скоропостижно скончался. Было лето, и местные жители засунули его в холодильник. Вы же знаете, у нас на деревню всего один холодильник. Они явились сюда, и в Министерстве иностранных дел им сказали, чтобы они больше ничего не предпринимали, пока не получат специальные бланки свидетельств о смерти туристов. Проходит два дня — нет бланков. Неделя — нет бланков. Чтобы достать бланки, нужно время. Прошло

две недели, и селянам до чертиков надоел этот турист в холодильнике. В конце-то концов, на дворе лето. Молоко киснет, а много ли поставишь в холодильник, когда там американец. Но вы знаете деревенских — как-то вечером они выпили, бросили покойника в грузовик, привезли в Москву, свалили труп у вас в вестибюле и укатили. Истинная правда. Представляете, как здесь забегали. Вестибюль был оцеплен офицерами КГБ. В три часа утра позвонили атташе американского посольства. Бедняга подумал, что его пригласили на личную беседу с Громыко, а тут покойник. Он не пожелал даже подойти — не было нужных бланков. Кто-то предположил, что таких бланков вообще не существует, и тут поднялась паника. Все хотели избавиться от американца. Кто-то даже предложил потерять его. Или отвезти обратно в деревню, похоронить в Парке Горького или в подвале министерства. Наконец позвонили мне и главному патологоанатому. У нас оказался нужный бланк, и мы погрузили американского туриста в багажник машины атташе. С тех пор мне больше не доводилось бывать в вашем здании.

Аркадий убедился, что Евгений Мендель, которого он видел с Осборном в бане и голос которого

часто встречался на пленках с записями разговоров Осборна, ничего не знал ни о Джеймсе Кервилле, ни о покойниках в Парке Горького. В течение всего рассказа на нежном лице Менделя не промелькнуло ни особого беспокойства, ни даже тени мысли.

— А какой бланк нужен для американского туриста? — спросил Мендель.

— В конечном счете согласились на обыкновенное свидетельство о смерти.

И все же Евгений Мендель испытывал тревогу. Ему было известно, что Аркадий работает следователем, и если его не смутил бы следователь, выбившийся наверх из простых людей, то здесь он знал, что Аркадий принадлежал к избранному кругу детей московских «шишек», кругу выпускников одних и тех же спецшкол, а выходцу из этого круга открывался путь к более высоким постам, нежели чин старшего следователя. Мендель, которого в этом кругу принимали за дурачка, был обладателем просторного кабинета на Смоленской площади с тремя телефонами и бронзовой фигуркой соболя на стене — эмблемой экспортного агентства «Союзпушнина». На нем был английский костюм, из кармашка, рядом с партийным значком на лацкане, торчала сереб-

ряная ручка. Не иначе этот старший следователь на чем-то погорел, и при одной мысли о последствиях для собственной карьеры на подбородке Менделя, будто росинки на куске хорошего масла, выступали капельки пота.

Аркадий воспользовался замешательством собеседника. Он упомянул о большой дружбе между их отцами, высоко отозвался о полезной работе Менделя-старшего в тылу во время войны, но при этом ввернул, что старик все же был трусоват.

— Однако же его наградили за храбрость, — возмутился Евгений. — Могу показать бумаги. Я вам их пришлю. В Ленинграде он отбивал атаку фашистов! Кстати, бывают же совпадения, он тогда был с американцем, с которым вы на днях познакомились. Их двоих атаковал целый взвод немцев. Отец с Осборном уничтожили тогда трех фашистов, а остальных обратили в бегство.

— Осборн? Американский торговец пушниной в блокадном Ленинграде?

— Это теперь он занимается пушниной. Закупает русские меха и импортирует их в Америку. Скажем, покупает здесь шкурку за четыреста долларов, а там продает за шестьсот. Вот это и есть капитализм — остается только восхищаться. Он друг Советского Союза, и это давно доказано.

Можно по секрету?

— Конечно, — подбодрил его Аркадий.

У Евгения не было дурных намерений, он просто нервничал. Ему хотелось скорее избавиться от нежеланного гостя, но не раньше, чем тот составит о нем благоприятное впечатление.

— Американский пушной рынок контролируется международными сионистскими кругами, — вполголоса произнес он.

— Евреями, что ли?

— Международным еврейством. К сожалению, долгое время в «Союзпушнине» были люди, близкие к этим кругам. Чтобы поломать эти отношения, мой отец предоставлял некоторым несионистам большую скидку. Сионисты каким-то образом пронюхали об этом, наводнили Дворец пушнины своими деньгами и скупили всю партию соболей.

— Так, значит, Осборн был одним из этих несионистов?

— Само собой. Это было лет десять назад.

— Если не считать героического прошлого вместе с твоим отцом в Ленинграде, чем еще Осборн доказал, что он друг Советского Союза?

— Видишь ли, об этом мне не следует рассказывать.

— Да ладно уж.

— Ну так и быть, — Мендель ходил за Аркадием с пепельницей в руках. — Пару лет назад «Союзпушнина» и хозяева американских пушных ранчо, так они их там называют, заключили сделку. Стороны обменивались самыми лучшими по меху зверьками. Две американские норки за двух русских соболей. Норки великолепные, они все еще дают приплод в одном из колхозов. А соболи еще лучше — с русским соболем не сравнится ничто. У них, однако, был маленький дефект.

— Какой же?

— Их выхолостили. Видишь ли, у нас по закону не разрешается вывозить соболей-производителей. Не нарушать же нам собственные законы. Американские звероводы рассердились. Более того, они задумали заслать в Советский Союз человека, похитить из зверосовхоза соболей и контрабандой вывезти их из страны. К счастью, нашелся настоящий друг, который сообщил нам о замыслах своих соотечественников.

— Осборн?

— Да, Осборн. В благодарность ему мы объявили сионистам, что отныне на русском рынке соболей Осборну будут предоставлены наиболее благоприятные условия. За оказанные услуги.

* * *

— Самолет опаздывает.

— Опаздывает?

— Все идет как надо. Не надо так волноваться.

— А вы никогда не волнуетесь?

— Спокойней, Ганс.

— Мне это не нравится.

— Видите ли, несколько поздно думать о том, нравится вам это или нет.

— Все знают, что такое эти «Туполевы».

— Думаете, авария? По-вашему, только немцы могут построить что-нибудь путное.

— Они даже опаздывают организованно. Когда будете в Ленинграде…

— Я и раньше был в Ленинграде. Я был там раньше с немцами. Все будет как надо.

Аркадий снова взглянул на дату, помеченную на пленке. 2 февраля. Осборн разговаривал с Унманном в день своего отлета из Москвы в Хельсинки. Аркадий вспомнил и запись поездок Унманна — немец отправился в Ленинград в тот же день, но, по-видимому, не тем же самолетом.

— Я и раньше был в Ленинграде. Я был там раньше с немцами. Все будет как надо.

Каким образом, спрашивал себя Аркадий, Ос-

борну удалось убить в Ленинграде трех немцев?

Прослушивая свежие записи разговоров Осборна, Аркадий узнал голос Евгения Менделя.

— Джон, вы будете гостем министерства на «Лебедином озере» в канун Первого мая, да? Знаете, это традиционное, особое мероприятие. Очень важно там быть. Мы отвезем вас в аэропорт сразу после спектакля.

— Для меня большая честь. Расскажите, что там будет.

Между зимними и весенними пленками была разница. Зимой Осборн, развлекая гостей, был вызывающе, до бестактности, весел. К весне Осборн стал занудой, ограниченным дельцом. Аркадий слушал повторяющиеся множество раз однообразные тосты и с каждым разом все более длинные и скучные разговоры. Однако, проводя часы за прослушиванием пленок, он все время был начеку. Осборн, как за деревьями, прятался за бесконечными словами.

Аркадий думал о Паше.

— Колхозник съездил в Париж, — рассказывал Паша анекдот, когда они ездили по городу в поисках Голодкина, — возвращается домой и собирает у себя друзей. «Борис, — просят они, — расскажи о путешествии». Борис начинает: «Ну, знаете,

Лувр, картины всякие, это же… твою мать!» «А Эйфелеву башню видел?» — спрашивает кто-то. Борис поднимает руку, сколько может, и говорит: «Во… твою мать!» «А собор Парижской богоматери?» — спрашивает еще кто-то. Борис, вспомнив невиданную красоту, говорит сквозь слезы: «Ну просто… твою мать!» «Завидуем тебе — столько воспоминаний!»

Какими словами Паша рассказал бы о небесах, подумал Аркадий.

* * *

Площадь Революции когда-то была Воскресенской площадью, а гостиница «Метрополь» — «Гранд-отелем».

Аркадий включил свет. Потертое покрывало и шторы из красного миткаля. Персидский ковер заношен настолько, что нельзя разобрать рисунка. Стол, комод и платяной шкаф выщерблены и испещрены следами затушенных окурков.

— Вам разрешили? — с беспокойством спросила дежурная по этажу.

— Разрешили, — ответил Аркадий и, захлопнув за ней дверь, остался в комнате туриста Уильяма Кервилла. Он посмотрел на площадь, на автобусы «Интуриста», выстроившиеся от Музея Ленина

до входа в гостиницу, на разноязыкие толпы туристов, рассаживающихся по автобусам, чтобы отправиться на балет или в оперу. Как сообщили в «Интуристе», Кервилл записался на ужин с национальной кухней. Аркадий зашел в ванную. Чисто, опрятно — гигиена, пожалуй, единственное требование западного путешественника. Аркадий взял в спальню полотенца, обернул ими телефон и накрыл подушками.

В комоде Кервилла лежали американское нижнее белье, носки, свитера и рубашки, но ничего из русской одежды, о которой говорил Голодкин.

Никакой одежды не было спрятано и под кроватью. В шкафу стоял запертый чемодан. Аркадий перенес его на кровать и попытался открыть замок перочинным ножом. Язычок не поддавался. Тогда он поставил чемодан на пол и топнул по замку. Один замок открылся. Постучал ножом по другому замку, тот тоже открылся. Поставил чемодан обратно на кровать и просмотрел его содержимое.

Там были четыре небольшие книжки, стянутые вместе толстой резинкой, — «Краткая история русского искусства», «Путеводитель по России», «Путеводитель по Третьяковской галерее» и «Москва и ее окрестности» Нагеля. Отдельно

лежал огромный том Шультесса «Советский Союз». Два блока сигарет «Кэмел». Фотоаппарат «Минолта» с рукоятью, к ней линза с 10-дюймовым фокусным расстоянием, фильтры и десять нераспечатанных кассет с пленкой. Туристские чеки на сумму 1800 долларов. Три рулона туалетной бумаги. Металлическая трубка с навинчивающимся колпачком на одном конце и с выдвигающимся острым гравировальным резцом на другом. Свернутые в комок ношеные носки. Маленькая коробочка, туго стянутая толстыми резинками. Внутри нее комплект из ручки с золотым пером и карандаша. Пачка миллиметровой бумаги. Пластиковый пакет с консервным ножом, открывалкой, штопором и тонкой металлической полоской, изогнутой под прямым углом на одном конце и на манер «собачьей ножки» на другом. На этом конце в пластинку ввернут болт. Интуристовские талоны на питание. И никакой советской одежды.

Аркадий порылся в одежде, висящей в шкафу, — одни американские вещи. Он заглянул за мебель и под нее. Наконец он вернулся к вскрытому чемодану. Если уж американец без ума от русских изделий, то пускай купит себе новый, что-нибудь этакое из картона, и любуется им.

Аркадий снял резинку с путеводителей и бегло их пролистал. Потом поднял цветной фотоальбом Шультесса, довольно громоздкий том для путешествующего налегке туриста. В середине, в двухстраничном развороте с изображением конных состязаний в Алма-Ате, был вложен листок миллиметровки с обозначением масштаба: пять футов в одном дюйме. На ней были точно обозначены деревья, аллеи, берег реки, поляна и три могилы посреди поляны. За исключением разницы между метрами и футами, план был практически копией сделанного милицией в парке первого наброска поляны. Между двумя следующими страницами книги он обнаружил план всего парка в масштабе двадцать футов к одному дюйму. Кроме того, он нашел перенесенный на кальку рентгеновский снимок правой ноги; тенью обозначен сложный перелом голени, точно такой, как у третьего трупа из парка. Зубная формула и калька с рентгеновского снимка челюсти с запломбированным каналом правого верхнего резца. Изображение стального коренного зуба отсутствовало.

Теперь Аркадий смотрел на содержимое чемодана другими глазами. Любопытно, к чему здесь металлическая трубка с резцом? Какие фигурки

бизнесмен собирается вырезать в Москве? Он отвернул колпачок и стержнем вытолкнул из трубки резец. Похоже, резцом ни разу не пользовались. Из трубки слабо пахло порохом. Заглянув в отверстие, он увидел, что внутренний конец стержня был заострен. Трубочка-то оказалась стволом.

Ввезти огнестрельное оружие в Москву — весьма трудное дело, поэтому придумывались самые невероятные его разновидности. Одна банда делала ружья из выхлопных труб. Теперь, когда следователь знал, что ищет, он был в своей стихии; он сердился на себя, что не догадался сразу. Судя по оснащению, Кервилл — заядлый фотограф, а не сделал ни одного снимка. Аркадий отделил аппарат от деревянной рукоятки. Вдоль верхней ее части был проделан желобок, в который идеально ложилась трубка. Спереди ствол выдавался всего на дюйм, стержень оказывался сзади. С левой стороны рукоятки отверстие для болта. Аркадий на минуту задумался. Затем раскрыл пластиковый пакет, вытряхнул ключи и штопор и взял в руки странную металлическую пластинку, на которую обратил внимание раньше. Основная часть была длиной десять сантиметров, прямой утолок на одном конце — три

сантиметра, а «собачья ножка» на другом — около четырех сантиметров. Большим пальцем он ввернул болт в отверстие в рукоятке. Теперь «собачья ножка» стала спусковым крючком, а уголок на другом конце плотно прилегал к стержню, выступающему из ствола, не давая ему продвигаться вперед. Он нажал на спусковой крючок — угол приподнялся и освободил стержень. Он поставил его на место и тугой резинкой, сложив ее вдвое, соединил переднюю часть рукоятки и задний конец стержня. Где же боеприпасы? В американских аэропортах багаж пропускают через рентгеновские установки. Как можно спрятать пули? Аркадий открыл коробочку с ручкой и карандашом. Набор был из золота высокой пробы, непроницаемого для рентгеновских лучей. Он снял колпачки — две пули 22-го калибра в колпачке карандаша и одна в колпачке ручки. С помощью длинной ручки резца он загнал патрон в ствол, пока тот плотно не сел как раз там, где его должно достать острие стержня, когда он скользнет вперед. Будет слишком громко, а ведь когда в него стреляли под мостом, он почти не слышал звука выстрела. Где-то должен быть глушитель. В кассете с пленкой? Коротковата. Он раскрыл пачки американской туалетной бумаги. Внутри

третьего рулона вместо картонного стержня была черная пластмассовая трубка с просверленными ро окружности отверстиями для выхода газа и резьбой на конце.

Одним словом, получилось неуклюжее огнестрельное оружие, годное на один прицельный выстрел с расстояния не более пяти метров. Аркадий навинчивал глушитель на ствол, когда открылась дверь. Он направил ствол в сторону Уильяма Кервилла.

Кервилл спиной осторожно закрыл дверь. Обвел взглядом вскрытый чемодан, заваленный подушками телефон, пистолет. Его выдавали живые голубые глаза — иначе бы он был похож на простого громилу: красное, в прожилках лицо с мелкими правильными чертами, плотное, крепкое для мужчины под пятьдесят, телосложение, массивные руки и ноги. На первый взгляд солдат, приглядишься повнимательнее — офицер. Теперь Аркадий знал, чьи кулаки прошлись по нему в Парке Горького. Кервилл устало, но настороженно оглянулся. Под распахнутым плащом розовая рубашка спортивного покроя.

— Вернулся раньше времени, — сказал по-английски Кервилл, — опять пошел дождь, да будет вам известно.

Он снял шляпу с узкими полями, чтобы стряхнуть воду.

— Нет, — по-русски приказал Аркадий. — Бросьте-ка шляпу сюда.

Кервилл пожал плечами. Шляпа упала к ногам Аркадия. Одной рукой Аркадий пошарил под внутренней лентой.

— Снимите плащ и бросьте на пол, — сказал Аркадий. — Выверните все карманы.

Кервилл, как приказали, опустил плащ на пол, опорожнил боковые и задние карманы брюк, бросая на плащ ключ от комнаты, мелочь и кошелек.

— Подвиньте все ко мне ногой, — сказал Аркадий. — Спокойно, не швыряйте.

— Так вы, оказывается, один, — заметил Кервилл, подталкивая по полу плащ. На этот раз он говорил по-русски, довольно свободно. Дальность огня пистолета пять метров, а Кервиллу, прикинул Аркадий, для нападения нужен метр. Он сделал жест, чтобы Кервилл отошел назад, и сам пододвинул к себе плащ. Манжеты на рубашке Кервилла были отвернуты, обнажая мощные запястья, покрытые веснушками и рыжими седеющими волосами.

— Не двигаться, — приказал Аркадий.

— В своей же комнате, и нельзя.

Паспорт и виза Кервилла были в плаще. В бумажнике Аркадий нашел три пластиковые кредитные карточки, нью-йоркские водительские права и паспорт автомашины, листок бумаги с номерами телефонов американского посольства и двух американских информационных агентств. Кроме того, восемьсот рублей наличными, порядочная сумма.

— А где визитные карточки? — спросил Аркадий.

— Я же путешествую для удовольствия. Потрясающая поездка.

— Лицом к стене. Руки вверх, расставить ноги, — скомандовал Аркадий.

Кервилл очень медленно повиновался. Аркадий отодвинул его, чтобы он встал под углом к стене, потом обшарил рубашку и брюки. Кервилл был похож на медведя.

Аркадий шагнул назад.

— Повернитесь и снимите туфли.

Кервилл, не сводя взгляда с Аркадия и пистолета, снял туфли.

— Вручить их лично или прислать по почте? — спросил Кервилл.

Поразительно, подумал Аркадий. Этот человек

и здесь, в номере «Метрополя», снова был готов напасть на советского следователя.

— Сесть, — Аркадий указал на стул рядом со шкафом.

Он чувствовал, что Кервилл прикидывает, как лучше броситься на него. Следователям выдавалось оружие, и считалось, что они упражняются в стрельбе. Аркадий никогда не носил его с собой и последний раз стрелял, когда был в армии. Куда стрелять: в голову или в сердце?

Наконец Кервилл уселся на стул. Аркадий встал на колени и промял туфли, не найдя в них ничего. Кервилл изменил позу, его плечи тяжеловеса подались вперед.

— Простое любопытство, — заметил он, когда ствол пистолета дернулся в его сторону. — Я же турист, а туристам положено быть любопытными.

Аркадий бросил туфли Кервиллу.

— Наденьте и свяжите шнурки вместе.

Когда Кервилл исполнил и это приказание, Аркадий подошел и пнул стул ногой, так что он вместе с Кервиллом под углом прислонился к стене. Впервые с того момента, как Кервилл вошел в номер, Аркадий почувствовал себя в относительной безопасности.

— А что теперь? — спросил Кервилл. — Навалите на меня кучу мебели, чтобы я не дергался?

— Будет нужно, навалю.

— Кто знает, может, и понадобится, — Кервилл принял насмешливо-непринужденную позу. Аркадий и раньше наблюдал эдакую безрассудную самоуверенность очень сильных людей, любование своим могуществом. Правда, Аркадий никак не мог понять, почему его голубые глаза горели такой ненавистью.

— Господин Кервилл, вы виновны в нарушении статьи 15 — незаконный провоз оружия в Советский Союз и статьи 218 — изготовление оружия.

— Изготовили его вы, а не я.

— Вы ходили по Москве, переодевшись русским. Разговаривали с неким Голодкиным. С какой целью?

— А как вы думаете?

— Потому что Джеймса Кервилла нет в живых, — решил ошеломить его Аркадий.

— Вам лучше знать, Ренко, — ответил Кервилл. — Ведь вы убили его.

— Я?!

— Разве вы не тот парень, которого я несколько дней назад отделал в парке? Вы из прокуратуры, так? Разве не вы посылали своего человека сле-

дить за мной и Голодкиным, когда я в другой раз был в парке? Маленького парнишку в очках? Я проследил его от парка до КГБ. Впрочем, прокуратура, КГБ — не все ли равно?

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросил Аркадий.

— Я разговаривал в посольстве. Говорил с корреспондентами. Просмотрел все старые номера «Правды». Следил за вашим моргом. Следил у прокуратуры. Когда я узнал, как вас зовут, следил за вашей квартирой. Вас, правда, не видал, зато видел, как ваша жена с дружком очищали квартиру. Я стоял у прокуратуры, когда вы отпустили Голодкина.

Аркадий не верил собственным ушам. Подумать только, этот безумец следил за ним, топал за Фетом в учреждение Приблуды, видел Зою. Когда они с Пашей стояли в очереди у пивного ларька, он, может быть, стоял позади них.

— Почему вы решили приехать в Москву именно в это время?

— Когда-то же надо было приехать. Весна — хорошее время. Трупы обычно всплывают со дна реки на поверхность.

— Так вы считаете, что Джеймса Кервилла убил я?

— Может быть не вы лично, но убийцы — вы и ваши дружки. Какая разница, кто нажал на спусковой крючок?

— Откуда вы знаете, что его застрелили?

— По поляне в парке. Там все перерыли. Искали гильзы, верно? Да и троих сразу не зарежешь. Знал бы я тогда в парке, что это вы, Ренко, я бы вас убил.

В голосе сожаление с примесью легкой иронии. Говорил он по-русски без акцента, но с типично американскими интонациями. Он небрежно сложил руки на груди. От человека таких огромных размеров, если к тому же он умен, исходит какое-то притяжение, он буквально подавляет собой, особенно в небольшом помещении… Аркадий уселся на тумбочку у противоположной стены. Как он мог не заметить такого человека, как Кервилл?

— Вы приехали в Москву расспросить об убийстве у постоянно проживающих здесь иностранцев, — сказал Аркадий. — Привезли с собой рисунки с рентгеновских снимков и зубные формулы. Должно быть, вы собирались помочь следствию.

— Если бы вы были настоящим следователем.

— Имеются документы о выезде Джеймса Кер-

вилла из Советского Союза в прошлом году, но отсутствуют документы о его возвращении. Почему вы считаете, что он был здесь, и почему вы считаете, что его нет в живых?

— Вы же не настоящий следователь. Ваши сотрудники работают на КГБ не меньше, чем на вас.

Не объяснять же американцу, кто такой Фет.

— В каком родстве вы состоите с Джеймсом Кервиллом?

— Сами знаете.

— Господин Кервилл, я подчиняюсь московскому городскому прокурору, и никому больше. Я расследую убийство трех лиц в Парке имени Горького. Вы привезли из Нью-Йорка информацию, которая может оказаться полезной. Передайте ее мне.

— Нет.

— Вам же нельзя отказываться. Вас видели переодетым в русского. Вы контрабандой провезли огнестрельное оружие и стреляли из него в меня. И вы утаиваете имеющуюся у вас информацию, а это тоже преступление.

— Слушайте, Ренко, вы нашли здесь русскую одежду? И вообще, разве это преступление — одеваться по-вашему? Что касается оружия, если

его можно так назвать, которым вы целитесь в меня, то я его впервые вижу. Вы забрались в мой чемодан, и я не знаю, что вы туда подсунули. И о какой информации вы говорите?

Аркадий на минуту растерялся от такого нахальства.

— Ваши высказывания о Джеймсе Кервилле… — начал было он.

— Какие еще высказывания? Микрофон же в телефоне, а вы позаботились его укутать. Надо было прийти с друзьями, Ренко. Как следователь, вы не слишком сильны.

— Вы привезли с собой план места убийства в Парке Горького, рентгеновские снимки и зубную формулу, а это устанавливает вашу связь с Джеймсом Кервиллом, если он один из убитых.

— Рисунки и план сделаны русским карандашом на русской миллиметровке, — ответил Кервилл. — Рентгеновских снимков нет, есть только кальки. Теперь вам следует подумать, Ренко, о том, что скажет американское посольство по поводу того, почему русский легавый нападает на ни в чем не повинных американских туристов, когда его застают с поличным, — Кервилл покосился на открытый чемодан, — во время кражи со взломом. Вы, конечно, не собирались

ничего взять?

— Господин Кервилл, если вы сообщите что-нибудь вашему посольству, вас первым же самолетом отправят домой. Ведь вы же не за тем приехали, чтобы тут же вернуться домой? Думаю, вы также не захотите провести пятнадцать лет в советском исправительном учреждении.

— Это я улажу.

— Господин Кервилл, почему вы так хорошо говорите по-русски? Где я мог еще раньше слышать ваше имя? Теперь оно мне о чем-то напоминает.

— Прощайте, Ренко. Ступайте к своим друзьям в секретной службе.

— Расскажите мне о Джеймсе Кервилле.

— Убирайтесь!

Аркадий сдался. Он стал выкладывать на тумбочку паспорт, бумажник и кредитные карточки Кервилла.

— Не беспокойтесь, — съязвил Кервилл, — я за вами уберу.

Бумажник был увесистый и не гнулся даже без кредитных карточек. Один его край был зашит вручную. Кервилл качнулся вперед. Аркадий взмахнул оружием. «Неужели, шпион? — подумал он. — Какая-нибудь нелепость вроде тайного послания, зашитого в бумажник, а потом геро-

ическая облава на изменников и иностранных агентов, и он, старший следователь, в центре всей суматохи?» Не спуская глаз с Кервилла, он распорол шов и вынул из бумажника позолоченный полицейский знак с выпуклыми голубыми фигурками индейца и колониста. Поверху надпись: «Город Нью-Йорк» и снизу «Лейтенант».

— Вы полицейский?

— Детектив, — поправил Кервилл.

— Тогда вы должны мне помочь, — как само собой разумеющееся, сказал Аркадий, потому что сам в этом не сомневался. — Вы видели, что Голодкин выходил от меня с нашим сотрудником, моим другом Пашей Павловичем. (Это имя ничего ему не говорит, подумал Аркадий.) Во всяком случае, он был очень хорошим парнем, мы часто работали вместе. Час спустя их убили в квартире Голодкина. Бог с ним, с Голодкиным. Но чего бы это мне ни стоило, я разыщу негодяя, который убил Пашу. Вы сами детектив и понимаете, что значит потерять такого друга…

— Ренко, идите вы… знаете куда?

Аркадий машинально поднял самодельный пистолет. Он увидел, что целится между глаз Кервилла, и почувствовал, что нажимает на спуск, так что сложенная вдвое резиновая лента

и стержень начали плавно двигаться. В последний момент он отвел ствол. Шкаф подпрыгнул, и в его дверце за ухом Кервилла появилась дыра размером два сантиметра. Аркадий застыл от неожиданности. За всю свою жизнь он не был так близок к тому, чтобы убить человека, а если еще учесть «точность» оружия, он вполне мог и не промахнуться. На побледневшем лице Кервилла было написано крайнее изумление.

— Убирайтесь, пока еще можете, — промолвил он.

Аркадий бросил пистолет. Не спеша взял из чемодана рисунки рентгеновских снимков и зубные формулы. Оставив у себя значок, бросил бумажник.

— Значок мне нужен, — поднялся со стула Кервилл.

— Не здесь, — Аркадий направился к двери. «Это мой город», — сказал он про себя.

* * *

Вечером в лаборатории никто не дежурил. Аркадий сам сравнил рисунки на кальке и зубную формулу с материалами, что были у Левина. Он был уверен, что Уильям Кервилл, скорее всего, бродит по городу, избавляясь от своего оружия —

здесь бросит ручку, там — ствол. К тому времени, когда он добрался до Новокузнецкой и написал докладную Ямскому, по его представлениям выходило, что Кервилл, вероятно, уже просит убежища в американском посольстве. Прекрасно — тем больше доказательств для прокурора, потому что теперь было вполне ясно, что третьим убитым в Парке Горького был Джеймс Кервилл. Аркадий оставил докладную на столе у заместителя Ямского — до завтрашнего утра.

* * *

Яркий луч прожектора столбом стоял в центре Москвы. Нет, двигался. Послышался звук, будто перекатывали камни. Аркадий остановил машину и стал смотреть с набережной, как бороздил реку ледокол, раздвигая вставшую дыбом груду льда, толкая льдины, которые то всплывали, то исчезали под напором течения. Вода, вырвавшись на свободу, извивалась черными струями.

Аркадий ехал вдоль реки, пока у него не кончились сигареты. Он был потрясен неожиданной встречей в «Метрополе». Правда, он не убил Уильяма Кервилла, но хотел убить и был на волосок от этого. Он был потрясен, потому что особенно не думал, чем все могло кончиться. Он предполагал,

что то же самое относилось и к Кервиллу.

* * *

Проезжая мимо Парка Горького, он увидел свет в студии Андреева на верхнем этаже Института этнологии. Несмотря на полночь, антрополог приветливо встретил Аркадия.

— Я делаю вашу работу во внеурочное время, так что будет вполне справедливо, если вы составите мне компанию. Налегайте, ужина хватит на двоих, — Андреев подвел Аркадия к столу, где головы кроманьонцев уступили место тарелкам. — Вот свекла, лук, колбаса, хлеб. Извините, водки нет. По собственному опыту знаю, что карлики быстро пьянеют, а лично я не могу представить себе ничего более нелепого, чем пьяный карлик.

Андреев был в таком хорошем настроении, что Аркадий не решался сказать, что расследование, по существу, ни к чему не привело.

— Понимаю, вы хотите увидеть ее, — истолковал Андреев нерешительность Аркадия. — Поэтому вы и проезжали мимо.

— Неужели закончили?

— Пока нет. Хотя можно взглянуть. — Он снял тряпку с гончарного круга и показал, как продви-

гается работа.

Все мышцы шеи были на месте, образуя грациозную розовую колонку, которую оставалось покрыть кожей. Из носовой впадины вокруг линии десен и зубов развертывался узелок розовых мышц. Плоские мышцы веером расходились по скуловым и височным костям, сглаживая углы подбородка. Переплетение розовых пластилиновых полос и узелков смягчало жесткие очертания черепа и одновременно придавало ему вид ужасной смертной маски. Голова пристально смотрела двумя карими стеклянными глазами.

— Как видите, я уже закончил большие жевательные мышцы челюсти и шейные мышцы. Положение шейных позвонков подсказывает мне, как она держала голову, а это своего рода ключ к ее психике. Она высоко держала голову. По более крупным связкам мышц с правой стороны позвоночника я сразу определил, что она работала правой рукой. Многое очень просто. Женские мышцы меньше мужских. У женщины череп легче, глазные впадины глубже, костный рельеф мельче. Но каждую мышцу нужно восстанавливать отдельно. Взгляните на ее рот. Видите, как одинаково выступают зубы, занимая промежуточное положение, что характерно

для гомо сапиенс, за исключением некоторых первобытных людей, аборигенов и краснокожих индейцев. Главное, что при таком прикусе обычно доминирует верхняя губа. Вообще, рот легче всего поддается реконструкции. Потерпите, и вы увидите прелестный ротик. Нос восстановить труднее из-за расположения под углом к горизонтальному профилю лица, сложных очертаний носового канала и глазных впадин.

Истерично выпячивались закрепленные пластилином стеклянные глаза.

— Как вы узнаете размер глаз? — спросил Аркадий.

— Глаза у всех примерно одной величины. Вы, я вижу, разочарованы. «Зеркало души» и все такое прочее? Какая романтика без глаз? На самом же деле, когда мы говорим о женских глазах, мы, по существу, описываем форму ее век: «…в глазах ее вспыхивал радостный блеск, и улыбка счастья изгибала ее румяные губы. Она как будто делала усилие над собой, чтобы не выказывать этих признаков радости, но они сами собой выступали на ее лице».

— «Анна Каренина».

— Да вы еще и любитель литературы! Я подозревал с самого начала. Так что веки, одни веки,

да мышечные связки.

Андреев взобрался на стул и отрезал себе кусок хлеба.

— Следователь, вам нравится цирк?

— Не особенно.

— Всем нравится цирк. Почему же вам не нравится?

— Некоторые номера нравятся. Скажем, наездники и клоуны.

— Конечно, терпеть не можете смотреть медведей?

— Есть такое. Последний раз показывали дрессированных павианов. Там была девица в костюме с блестками, то ли она была слишком толста, то ли костюм был слишком мал. Она по одному вызывала павианов, и те кувыркались или делали сальто. Павианы все время оглядывались на одного негодяя, здорового парня в матросском костюме. Он подбадривал их сзади хлыстом. Можно было сойти с ума. Этот негодяй, небритый, в нелепом детском матросском костюмчике, хлестал обезьян всякий раз, когда они не выполняли команду. А девица после каждого трюка выходила вперед, делала реверанс, и все хлопали.

— Преувеличиваете.

— Ничуть, — ответил Аркадий. — Это было не представление, а жестокое издевательство над бедными животными.

— По идее вы не должны были замечать человека с хлыстом, для того его и одели в матросский костюм, — усмехнулся Андреев. — А вообще-то, мой дорогой Ренко, что ваши огорчения в цирке в сравнении с моими. Не успеваю я занять свое место, как ребятишки по головам родителей лезут ко мне. Для них карлик, должно быть, часть представления. Должен признаться, что даже в самых идеальных условиях я не в восторге от детей.

— В таком случае вы должны ненавидеть цирк.

— Я от него без ума. Карлики, великаны, толстяки, люди с голубыми волосами и красными носами или с зелеными волосами и лиловыми носами. Вы не знаете, какое это наслаждение — освободиться от обыденности. Вот сейчас бы я выпил. Хочу рассказать вам один случай, следователь. Последний директор нашего института был хороший человек, толстый, веселый и очень обыкновенный, Как и у всех средних художников, его реконструкции были чем-то похожи на него самого. Это проявлялось не сразу, а постепенно. Каждое лицо, которое он делал, было чуть

круглее, даже чуть веселее. Здесь был кабинет пещерных людей и жертв убийств, так вы никогда не видели более упитанных и счастливых созданий. Знаете ли, нормальный человек всегда видит в других себя. Всегда. А я вижу более отчетливо, — подмигнул Андреев. — Так что доверяйте глазам уродца.

Его разбудил телефонный звонок. Звонил Якутский, начавший с вопроса, который час в Москве.

— Уже поздно, — пробормотал Аркадий. Казалось, все разговоры между Москвой и Сибирью неизменно начинались ритуалом определения разницы во времени.

— Я сегодня в утренней смене, — сказал Якутский. — У меня свежая информация о Валерии Давидовой.

— Могли бы ее придержать. Думаю, что через пару дней делом займется кто-нибудь другой.

— У меня для вас наводящие сведения, — помолчав, Якутский добавил: — Мы в Усть-Куте очень интересуемся этим делом.

— Хорошо, — ответил Аркадий, чтобы не разочаровывать ребят в Усть-Куте. — Что у вас?

— У Давидовой есть очень близкая подруга. Она переехала из Иркутска в Москву. Учится в уни-

верситете. Зовут Ирина Асанова. Если Валерия Давидова объявилась в Москве, то она направилась к Асановой.

— Спасибо.

— Позвоню, как только появится что-нибудь еще, — пообещал Якутский.

— Звоните в любое время, — сказал Аркадий и положил трубку.

Ему было жалко Ирину Асанову. Он вспомнил, как Приблуда разрывал замерзшую одежду на трупе в Парке Горького. Асанова так красива. Правда, это не его забота. Он закрыл глаза.

Снова зазвонил телефон. Нащупывая его в темноте, он думал, что это опять Якутский с ненужной информацией. Он поднял трубку, откинулся на подушку и недовольно проворчал:

— Слушаю.

— Я усвоил русскую привычку звонить по ночам, — раздался голос Джона Осборна.

Сна как не бывало. Как всякий, кого неожиданно разбудили, он отчетливо увидел окружавшие его темные предметы: коробки с пленкой, зловеще перекрещенные ножки стульев, отчетливо вырисовывающийся плакат авиакомпании на стене.

— Надеюсь, я вас не разбудил? — спросил Ос-

борн.

— Нет.

— У нас с вами в бане завязался интересный разговор, и я боюсь, что вряд ли нам доведется случайно столкнуться друг с другом до моего отъезда из Москвы. Подходит ли для вас десять утра завтра, следователь? На набережной у Торгового совета.

Аркадий не мог представить себе, зачем Осборну понадобилось являться завтра на набережную. Он не видел и для себя какой-либо причины быть там.

11

Впервые в этом году набережная Шевченко покрылась обильной росой. Аркадий ожидал, стоя по другую сторону улицы от Американо-советского торгово-экономического совета. Сквозь большие окна здания ему были видны офисы, населенные русскими секретаршами и американскими бизнесменами. В комнате для членов Совета виднелся автомат пепси-колы. Бросив сигарету, он откашлялся.

Дело все еще числилось за Аркадием. Утром Ямской первым делом позвонил ему и сказал, что совпадение некоторых примет у американца, который когда-то учился в Москве, и у трупа, найденного в Парке Горького, представляет интерес и что следователь должен и дальше искать любые доказательства их идентичности, но в то же время ему не следует обращаться к иностранным подданным, и с этого момента он перестает получать из КГБ пленки и стенограммы.

Нельзя, значит, нельзя, подумал Аркадий, но в данном случае не он обратился к Осборну, а Осборн к нему. «Другу Советского Союза», должно быть, не понравилось, что о нем шла речь во вре-

мя визита следователя в Министерство внешней торговли. Аркадий не знал, как повернуть разговор с Осборном на его конкретные коммерческие дела и связанные с ними поездки. Он даже сомневался, явится ли Осборн вообще.

Через полчаса после назначенного времени к Торговому совету легко подкатила «Чайка». Из здания вышел Джон Осборн и, сказав несколько слов водителю, зашагал через дорогу к следователю. На нем было замшевое пальто. На отливающих серебром волосах — шапка из черного соболя, которая, наверно, стоила больше, чем Аркадий зарабатывал за год. На манжетах не пуговицы, а золотые запонки. На Осборне такие необычные вещи смотрелись как само собой разумеющееся, так же естественно, как собственная кожа, как неотъемлемый атрибут его чудовищной самоуверенности, так свойственной иностранцам. Он обладал даром выглядеть естественно в любой обстановке, но зато все его окружение выглядело неуместным и ничтожным. Бизнесмен взял следователя под руку и быстрым шагом направился по набережной в сторону Кремля. Машина следовала за ними.

Осборн не дал Аркадию открыть рта.

— Надеюсь, вы не в обиде за такую гонку, но я

даю прием в Министерстве торговли и уверен, вы не захотите, чтобы я заставил ждать себя. Вы знакомы с министром внешней торговли? Сдается, что вы всех знаете, да и появляетесь в самых неожиданных местах. Вы имеете представление о том, что такое деньги по своей сути?

— Абсолютно никакого.

— Давайте расскажу. Пушнина и золото — древнейшие русские единицы стоимости. С незапамятных времен на Руси они служили валютой, ими платили дань ханам и властелинам. Разумеется, Россия давно никому не платит дани. Теперь во Дворце пушнины в Ленинграде ежегодно проходят два пушных аукциона, в январе и июле. Съезжается до сотни покупателей, из них человек десять из Соединенных Штатов. Одни из них руководители фирм, другие брокеры. Руководители фирм закупают меха для себя, а брокеры для других. Я — и брокер, и глава фирмы, потому что, хотя покупаю для других, у меня есть и свои салоны в Соединенных Штатах и в Европе. Основные меха на аукционах — это норка, куница, лиса, хорек, каракуль и соболь. Как правило, американские брокеры не участвуют в торгах норки, потому что русская норка в Соединенных Штатах к ввозу запрещена — достойный сожале-

ния пережиток «холодной войны». Поскольку у меня есть торговые точки в Европе, я участвую во всех торгах, но большинство американских покупателей по-настоящему интересуются только соболем. Мы приезжаем за десять дней до аукциона, чтобы осмотреть шкурки. К примеру, когда я покупаю норку, то тщательно осматриваю пятьдесят шкурок из конкретного колхоза. По этим пятидесяти шкуркам я получаю представление о ценности партии в тысячу шкурок из этого колхоза. Поскольку в Советском Союзе добывается восемь миллионов норковых шкурок в год, система продажи партиями становится необходимостью. Другое дело — соболя. В год добывают меньше ста тысяч пригодных для экспорта соболей. Партиями их не продают. Каждого соболя в отдельности приходится проверять на цвет и пушистость. Добудешь соболя неделей раньше — мех не той плотности; неделей позже — пропадает лоск. Торги ради удобства идут в долларах. Я на каждом аукционе покупаю соболя примерно на полмиллиона долларов.

Аркадий не знал, что сказать. Это был не разговор, а какой-то бессвязный монолог. Ему словно читали лекцию, не обращая на него ни малейшего внимания.

— Как старый друг и деловой партнер СССР, я имел честь, помимо Дворца пушнины, побывать на различных советских предприятиях этой отрасли. В прошлом году я летал в Иркутск и посетил там Дом пушнины. Сейчас я в Москве с деловым визитом. Каждую весну Министерство торговли приглашает нескольких покупателей, чтобы договориться о распродаже остатков пушнины. Мне всегда доставляет удовольствие бывать в Москве, потому что здесь я общаюсь со множеством русских людей. Не только с близкими друзьями в министерствах, но и с артистами балета и кино. Теперь вот со старшим следователем по делам об убийствах. Жаль, что не смогу остаться до Первого мая — как раз накануне вечером улетаю в Нью-Йорк.

Осборн открыл золотой портсигар, достал сигарету и закурил, не замедляя шага. Аркадий понял, что монолог не был таким уж бессвязным. Он бил прямо в цель. Каждая деталь, касающаяся деятельности Осборна, о которой он так охотно рассказывал, подавалась им в таком свете, что Аркадий представал в роли ничтожного государственного чиновника. И Осборн делал это не просто ради того, чтобы показать себя. За несколько минут он продемонстрировал свое

полное превосходство. В голове следователя не осталось ни одного вопроса, разве что те, которые нельзя было задавать.

— Как их убивают? — спросил Аркадий.

— Кого? — остановился Осборн. На лице его было не больше интереса, как если бы Аркадий вскользь упомянул о погоде.

— Соболей.

— Инъекциями. Это безболезненно, — Осборн снова зашагал вперед, на этот раз не так быстро. На собольей шапке сверкали капельки росы. — У вас ко всему профессиональный интерес, уважаемый следователь?

— Но соболя — это так увлекательно! А как на них охотятся?

— Их можно выкуривать из нор. Или обученными для этого лайками загоняют на дерево, потом валят окружающие деревья и растягивают сети.

— Соболи охотятся так же, как норки?

— Соболи охотятся на норок. Нет никого быстрее их на снегу. Сибирь для них сущий рай.

Аркадий остановился и, обломав три спички, закурил свою «Приму». Его улыбка говорила Осборну, что он, Аркадий, настроен не больше, чем на легкую болтовню.

— Ленинград, — вздохнул Аркадий, — что за

прекрасный город. Его еще называют Северной Венецией.

— Да, я слышал.

— Знаете, меня всегда удивляло, почему Ленинград дал всех больших поэтов. Не Евтушенко или Вознесенского, а таких великих, как Ахматова и Мандельштам. Вы знакомы с поэзией Мандельштама?

— Насколько я знаю, партия его не жалует.

— Да, но его нет в живых, а это удивительным образом меняет его политическое положение, — заметил Аркадий. — Гляньте, к примеру, на нашу Москву-реку. Кажется, что она вся растрескавшаяся, как покрытая бетоном улица. А у Мандельштама: «Как медуза, невская волна». Так много можно сказать одной фразой!

— Вы, возможно, не догадываетесь, — Осборн взглянул на часы, — что на Западе практически никто не читает Мандельштама. Он слишком русский, а потому непереводим.

— Что я и говорю! Слишком русский. Это может стать недостатком.

— Вы действительно так думаете?

— Взять хотя бы убийство в Парке Горького, о котором меня расспрашивали. С тремя жертвами блестяще расправились с помощью автоматиче-

ского оружия западного образца. Согласитесь, на русский это никак не переводится. Бывает, что во время демонстрации ветер слегка колышет полотно портрета, а изображенное на нем лицо, не меняя выражения, вздрагивает. Такую дрожь, еле заметное волнение, и уловил в глазах Осборна Аркадий.

— Господин Осборн, вы, должно быть, почувствовали известную разницу между таким человеком, как вы, и человеком вроде меня. Мой образ мыслей настолько скучный, плебейский, что пообщаться с кем-либо умудренным опытом, для меня большая честь. Можете представить, как мне трудно постичь причину, по которой иностранцу пришлось брать на себя труд убивать троих русских. О шпионаже речи здесь нет. Признаюсь, в данном случае я безоружен. Обычно, когда я обнаруживаю труп, на месте преступления все вверх дном — всюду кровь, отпечатки пальцев, возможно, тут же и орудие убийства. Мальчишка с крепкими нервами справится с этим делом не хуже меня. Мотивы? Супружеская измена, пьяная драка, копеечный долг, случается, одна женщина убивает другую из-за пропавшей курицы. Приходится признать, что настоящий рассадник страстей — общие кух-

ни. Откровенно говоря, если бы у меня хватило ума стать идеологом, или управлять министерством, или отличить одну шкурку от другой, то я этим бы и занимался. А так вам только остается сочувствовать труженику-следователю, который столкнулся с преступлением, мастерски задуманным, дерзко исполненным и, если не ошибаюсь, остроумным.

— Остроумным? — с интересом переспросил Осборн.

— Вот именно. Помните, что сказал Ленин: «Рабочий классе не отделен китайской стеной от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих». Теперь представьте себе буржуазного бизнесмена, способного расправиться с двумя советскими рабочими и бросить их в самом центре Москвы. Станете ли вы после этого утверждать, что ему не хватает остроумия?

— Вы говорите, с двумя? Мне казалось, что в парке обнаружили троих.

— С тремя. Господин Осборн, вы хорошо знаете

Москву? Вам нравится здесь бывать?

Они пошли дальше, оставляя на камнях темные следы. Был на поздний час, водители включили фары. Видневшийся впереди мост облегала мрачная желтая мгла.

— Так вам нравится в Москве? — повторил Аркадий.

— Знаете, следователь, во время поездки в Сибирь мэр одного городка показал мне самое современное сооружение в городе. Там было шестнадцать унитазов, два писсуара и единственный умывальник. Это был общественный нужник. Там собираются руководители и, спустив штаны, обсуждают важные дела, — Осборн помолчал. — Конечно, Москва намного больше.

— Простите, господин Осборн, — Аркадий резко остановился. — Разве я чем-то вас задел?

— Нет, я на вас не в обиде. Просто мне подумалось, что я отвлекаю вас от вашего расследования.

— Ну что вы, — Аркадий тронул Осборна за замшевый рукав, и они пошли дальше. — Скорее, наоборот. Если я хотя бы на минуту смог мыслить не как русский, а как гений делового мира, все мои беды были бы позади.

— Не понимаю…

— Только гений мог найти что-то такое, ради чего стоило убивать русских. Нет, это не лесть, а дань восхищения. Пушнина? Но ее можно купить и у вас. Золото? А как его вывезешь? И сколько стоило хлопот, чтобы избавиться от сумки…

— Какой сумки?

Аркадий громкими хлопками изобразил выстрелы.

— Дело сделано. Оба мужчины и девушка мертвы. Убийца сгребает остатки закуски, бутылки, пистолет в кожаную сумку, продырявленную выстрелами, и катится на коньках по парку. Идет снег, темнеет. Остается выйти из парка, убрать коньки в сумку и, надеясь, что никто не видит, избавиться от нее. Разумеется, ее нельзя бросить в парке или сунуть в урну, иначе сумку найдут и, по крайней мере по Москве, сообщат куда надо. Значит, в реку?

— Река всю зиму подо льдом.

— Совершенно верно. Но даже если сумка как по волшебству исчезла, сам он должен вернуться на эту сторону реки.

— Через Крымский мост, — Осборн жестом показал в направлении моста.

— И не привлечь внимания какой-нибудь дотошной бабушки или милиционера. Люди так

любопытны…

— Взять такси?

— Нет, иностранцам очень рискованно. Возможно, приятель, ожидающий в машине на набережной? Это даже мне достаточно очевидно.

— Тогда, может быть, просто сообщник.

— Сообщник? — рассмеялся Аркадий. — Ни за что. Мы же говорим, что их чем-то соблазнили, чем-то заманили. А сообщник бы помешал мухам слететься на сладкое, — Аркадий оборвал шутку. — Если серьезно, тот первый, убийца, очень и очень тщательно все предусмотрел.

— Кто-нибудь видел его с сумкой?

Река поворачивала. На поверхности появились мелкие капли дождя. Итак, Осборн опасается, нет ли свидетелей. К этому можно еще вернуться.

— По этой части ничего существенного. Главное, что мне очень хотелось бы знать, так это причина. Почему? Я имею в виду не объект, скажем, икону. Я хочу разобраться, почему идет на убийство умный и преуспевающий человек, возможно, богаче любого жителя Советского Союза, что еще ему надо? Если бы я сумел понять этого человека, я понял бы преступление. Скажите, смогу ли я его понять?

К Осборну было не подобраться. Аркадию казалось, что он скребет по гладкой и скользкой поверхности. Замша, соболь, холеное лицо, взгляд, все сводилось к одному, все воплощало одно — деньги. Никогда еще следователь не думал о них в таком контексте. В абстрактном смысле, в своих представлениях о расхитителях, да. Но никогда он так вплотную, ощутимо не сталкивался с деньгами. Осборн был их воплощением. Вот и пойми такого человека.

— Думаю, вам его не понять, — ответил Осборн.

— Может быть, секс? — спросил Аркадий. — Одинокий чужеземец встречает красивую девушку и приглашает к себе в номер. Дежурные по этажу, когда надо, таких вещей не видят. Они начинают регулярно встречаться. Неожиданно она требует деньги и предъявляет грозного мужа. Оказывается, она обыкновенная вымогательница.

— Не годится.

— В чем слабина?

— В отсутствии трезвой оценки. В глазах человека с Запада русские в массе своей уродливы.

— Неужели?

— Вообще говоря, ваши женщины не привле-

кательнее коров. Русские писатели так много распинаются о глазах своих героинь, загадочных и обольстительных взглядах, потому что им нечего сказать о других физических достоинствах, — распространялся Осборн. — Все дело в долгих зимах. Что может быть теплее толстенной бабищи с волосатыми ногами? Мужчины стройнее, но еще безобразнее. А раз красивая внешность отсутствует, сексуально привлекательными становятся крепкая шея и тупой взгляд, как у быков.

Аркадию показалось, что он слышит описание пещерного человека.

— Правда, судя по вашей фамилии, сами вы украинец, — добавил Осборн.

— Ладно, оставим секс…

— Разумно.

— …и в этом случае мы остаемся с немотивированным преступлением, — неодобрительно заметил Аркадий.

Повернувшись медленно и величественно, Осборн принялся его разглядывать.

— Удивительно. У вас сюрприз за сюрпризом. Вы это серьезно?

— Разумеется.

— Тройное убийство — и никаких мотивов?

— Да.

— Невероятно. Я хочу сказать, — оживился Осборн, — невероятно, чтобы такое могло прийти в голову опытному следователю вроде вас. Другое дело, если бы это стал утверждать другой человек, только не вы, — Осборн глубоко вздохнул. — Допустим, что произошло именно то, что вы утверждаете, — абсолютно немотивированное убийство без свидетелей. Каковы в этом случае ваши шансы найти убийцу?

— Никаких.

— Но вы считаете, что так оно и было?

— Нет. Но я только хочу сказать, что я не сумел найти мотивов. Однако это не значит, что их не существует. Дело, как вы говорили, в трезвой оценке. Представьте себе человека, который время от времени бывает на острове, населенном дикарями, людьми из каменного века. Он говорит на их языке, горазд по части лести, водит дружбу с местными вождями. В то же время он сознает свое превосходство, не принимает туземцев всерьез, считает их ничтожными существами, — Аркадий говорил медленно, вспоминая при этом довольно туманную историю о немецких солдатах, убитых Осборном и Менделем. — Когда-то, вначале, он оказался замешан в убийстве тузем-

ца. Это случилось в ходе межплеменной войны, так что его не наказали, а даже поощрили. И со временем он начинает лелеять воспоминания о содеянном, подобно тому как порой мужчина смакует все подробности своей первой близости с женщиной. Не правда ли, общество дикарей таит в себе какую-то притягательную силу?

— Чего же здесь притягательного?

— Этот человек обнаруживает в себе скрытые желания и знает место, где им можно дать волю. Место за пределами цивилизации.

— А что, если он прав?

— С его точки зрения, он, возможно, и прав. Туземцы — примитивные существа, в этом нет сомнения. Но мне сдается, что при всей его внешней цивилизованности он питает такое же отвращение и ненависть по отношению ко всем людям. Разница в том, что только на этом острове дикарей он может открыто дать волю своим желаниям.

— И все же, если он убивает из прихоти, вам его не поймать.

— Но все происходит иначе. Во-первых, ему приходится ждать много лет, прежде чем позволить себе снова дать волю своему дикому инстинкту. К тому же он не профессионал, а раз-

дираемый желанием дилетант. Любопытно, что дилетант, если ему удалось одно преступление, почти всегда старается копировать самого себя, будто он обладает секретом нераскрываемого преступления. Так что существует определенный шаблон. Кроме того, убийство тщательно подготовлено. Человек, который ставит себя выше других, уже в силу одного этого считает, что он владеет обстановкой. Даже принимает во внимание оглашающий парк гром пушек в увертюре Чайковского. Он стреляет сквозь сумку, убивает здорового верзилу, потом второго парня и девушку, срезает лица, фаланги пальцев и исчезает. Но заранее планировать можно только до этого момента. Как бы то ни было, всегда имеется элемент случайности: лоточница, закатившая свою тележку в кусты, чтобы передохнуть; мальчишки, играющие в прятки на деревьях; влюбленные, готовые уединиться где угодно. Подумайте сами, куда деваться влюбленным зимой.

— Значит, был свидетель?

— Что толку от свидетелей? Они ничего не помнят точно уже на следующий день. А спустя три месяца они, откровенно говоря, опознают любого, кого я захочу. Теперь только убийца может мне помочь.

— А он поможет?

— Допускаю, что, если даже я затаюсь, как лягушка на дне реки, он захочет меня разыскать.

— Зачем?

— Потому что убийством все не кончается. Когда проходит первое возбуждение, даже самый последний тупица начинает это понимать. Не кажется ли вам, что эта исключительная личность захочет ради простого удовольствия лично убедиться в полной беспомощности следователя вроде меня, может быть, полюбоваться своей неуязвимостью?

— А не будет ли это ненужным риском?

— В общем и целом, — Аркадий раздавил окурок, — риск не так уж велик.

Они дошли до Новоарбатского моста. По обе стороны реки как маяки светили друг другу красные звезды на гостинице «Украина» и здании Министерства иностранных дел. Подъехал автомобиль Осборна.

— Вы откровенный человек, следователь Ренко, — произнес Осборн задушевным тоном, словно после этой утомительной прогулки между ними возникла приевшаяся, но ставшая привычной непринужденность. Он изобразил улыбку, которой в конце спектакля одаривает публику

характерный актер. — Теперь желаю вам удачи, потому что у меня остается только неделя, и боюсь, мы с вами больше не увидимся. Но мне хотелось бы оставить вам кое-что на память.

Осборн снял с головы соболью шапку и надел ее на Аркадия.

— Это мой подарок, — сказал он. — Когда в бане вы говорили, что всегда мечтали о такой шапке, я уже тогда подумал, что должен подарить ее вам. Пришлось угадывать размер, но у меня глаз наметанный. — Он оглядел Аркадия со всех сторон. — Самый раз.

Аркадий снял шапку, черную как тушь, гладкую как атлас.

— Великолепная шапка. Но, — он с сожалением вернул ее собеседнику, — я не могу ее принять. В отношении подарков у нас существуют определенные правила.

— Вы меня очень обидите, если откажетесь.

— Хорошо, дайте несколько дней подумать. К тому же у нас будет повод еще раз поговорить.

— Буду рад, — Осборн крепко пожал Аркадию руку, сел в машину и направился через мост.

Аркадий сел в свою машину у гостиницы «Украина» и поехал в Октябрьский райотдел милиции, чтобы узнать, не были ли замечены какие-либо

иностранцы, ожидавшие в машине возле парка примерно во время убийства.

Когда он уезжал, показалось большое оранжевое солнце. Оно плавно скользило между канатами Крымского моста. Отблески его монетками сверкали в окнах министерства. Оно уже заливало набережную, где совсем недавно они прогуливались с Осборном.

* * *

У старшего следователя Ильи Никитина редкие влажные волосы были зачесаны назад. По-восточному прищурясь, он глядел сквозь дым зажатой в зубах сигареты. Он жил в одиночестве в районе Арбата, в тесном домишке. Со стен свисали клочья облупившейся краски, а с потолков падала штукатурка, исчезая в стеллажах, заваленных пыльными книгами с закладками из пожелтевшей бумаги. Стеллажи были высотой два-три метра и глубиной в пяток томов. Аркадию вспомнились окна с тройными рамами с видом на реку и Ленинские горы, но этот вид теперь остался только в памяти. Стеллажи были повсюду — загораживали окна, стояли на кухне, занимали лестницу и спальни на втором этаже.

— Кервилл, Кервилл… — Никитин аккуратно

отодвинул подшивки «Отдельных дополнений к Уставу Всесоюзного издательско-полиграфического комбината» и достал почти пустую бутылку румынского портвейна. Он подмигнул, выпил и стал карабкаться по лестнице. — Значит, когда нужна помощь, все-таки идешь к Илье.

Когда Аркадий пришел на работу в городскую прокуратуру и познакомился с Никитиным, то со слов его самого он стал считать, что имеет дело с восторженным сторонником прогресса или же, наоборот, твердым приверженцем жесткой линии. Автором правовых реформ или сталинистом. Собутыльником негритянского певца Робсона или наперсником реакционного писателя Шолохова. На худой конец, просто гением, которому ведомо все. Своими недомолвками, подкрепленными упоминанием известных имен, он выставлял себя то ангелом, то исчадием ада.

Никитин, несомненно, был блестящим старшим следователем по делам об убийствах. Хотя Аркадий умел хорошо обосновать обвинение, неизменно получалось так, что только когда в комнате для допросов появлялся Никитин с двумя бутылками и хитрым выражением лица, спустя несколько часов он выходил вместе с сознавшимся, пристыженным убийцей.

— Все дело в признании, — объяснял Никитин. — Если ты не можешь утешить людей религией или воздействовать на их психику, дай им по крайней мере сознаться в преступлении. Пруст говорил, что можно соблазнить любую женщину, если иметь терпение до четырех утра сидеть и слушать ее жалобы. Любой убийца жаждет излить свою душу.

Когда Аркадий спросил, почему его перевели с дел об убийствах на связь с правительством, он коротко объяснил: «За взятки, мой мальчик».

— Кервилл. Красные. Диего Ривера. Побоище на Юнион-сквер, — повернувшись, Никитин спросил: — Знаешь, где Нью-Йорк? — Он поскользнулся на ступеньке, столкнув книгу, которая вместе с двумя другими покатилась по ступеням, потом еще одну. Наконец непрочное равновесие было восстановлено.

— Расскажите мне о Кервилле, — попросил Аркадий.

Никитин укоризненно покачал головой.

— Поправляю: о Кервиллах. И о «Красной звезде».

Он собрался с силами и вскарабкался на площадку второго этажа, сплошь уставленную книжными полками.

— Кто такие Кервиллы? — снова спросил Аркадий.

Никитин уронил пустую бутылку, споткнулся о нее коленом и беспомощно завалился на спину между стеллажами.

— Аркаша, ты спер у меня из кабинета бутылку. Ты вор. Убирайся к черту.

На уровне глаз Аркадий увидел засохшую корку сыра и початую бутылку сливовой наливки. Под ними была книга «Политический гнет в Соединенных Штатах в 1940-1941 гг.». Держа бутылку под мышкой, он щелкнул пальцем по оглавлению.

— Можно взять?

— Окажи любезность, — ответил Никитин.

Аркадий бросил Никитину бутылку.

— Нет, — бутылка выскользнула из рук. — Оставь себе книгу. И больше не приходи.

* * *

Кабинет Белова напоминал военный музей. На газетных фотографиях плохо различимые фигурки марширующих солдат. В рамках на тонкой газетной бумаге заголовки: «Героическая оборона на Волге», «Сломлено ожесточенное сопротивление противника», «Герои, славят Отечество».

Белов спал, широко раскрыв рот, на нижней губе и на груди виднелись хлебные крошки. В руке была бутылка пива.

Аркадий взял другой стул и открыл взятую у Никитина книгу:

«Состоявшийся в 1930 году митинг на Юнион-сквер был самым массовым из всех, которые когда-либо проводила КП США. Число безработных, собравшихся на площади, превзошло все ожидания организаторов митинга. Несмотря на приказ комиссара нью-йоркской полиции Гровенора А.Уайлена, запрещавший остановку поездов метро на станциях вблизи площади, в митинге приняло участие свыше 50 тысяч человек. Полиция и ее агенты приняли и другие меры, чтобы сломить, подорвать или заглушить энтузиазм его участников. Во время пения „Интернационала“ па площадь просочились тайные агенты так называемого отдела по борьбе с радикальными элементами. Провокаторы безуспешно пытались спровоцировать нападение демонстрантов на полицейских. По приказанию комиссара Уайлена этот грандиозный митинг было запрещено снимать на пленку. Позднее комиссар, изрыгая проклятия, заявил: „Я не видел причин увековечивать изменнические высказывания“. Его заявление

служит типичным примером противоречивой роли полиции в капиталистическом обществе: ее роль блюстителя порядка уходит на задний план по сравнению с ее главной ролью свирепого сторожевого пса класса эксплуататоров».

Аркадий пропустил послание солидарности от Сталина, которое было зачитано перед возбужденными массами людей.

«Выступивший затем Уильям З.Фостер предложил пойти мирной демонстрацией к зданию муниципалитета. Однако, как только толпа двинулась, путь ей преградил полицейский броневик. Это был сигнал Уайлена полицейским отрядам, сосредоточенным в прилегающих переулках. Пешие и конные, на манер казаков, обрушились па безоружных мужчин, женщин и детей. Главными жертвами нападения были негры. Одну негритянскую девушку офицер удерживал на ногах, а другие били ее по груди и животу. Редакторы левокатолического журнала „Красная звезда“ Джеймс и Эдна Кервиллы были сбиты дубинками с ног и лежали в луже собственной крови. Конная полиция топтала и членов партии с плакатами, и случайных прохожих. Руководителей партии хватала и отправляли под арест. В соответ-

ствии с заявлением комиссара Уайлена: „Этих врагов общества нужно изгнать из Нью-Йорка, не считаясь с их конституционными правами“, им отказали в услугах адвокатов или освобождении под залог».

Старший следователь по надзору за промышленными предприятиями открыл оба слезящихся глаза, облизал губы и выпрямился.

— А я как раз просматривал производственные инструкции, — начал он, хватаясь за падающую бутылку. Он скомкал остатки бутерброда и с силой швырнул в корзинку. Рыгнув, он уставился на Аркадия. — Давно ты здесь?

— Я тут как раз просматривал одну книгу, дядя Сева, — вместо ответа сказал Аркадий. — В ней говорится: «Врагов общества нужно изгонять из общества, не считаясь с их конституционными правами».

— Это просто, — подумав мгновение, ответил старик. — В силу самого определения враги общества не имеют конституционных прав.

Аркадий щелкнул пальцами.

— Ну вы даете!

— Высший класс, — Белов отмахнулся от дальнейших похвал. — Так зачем пришел? Теперь ты слушаешь меня, только когда тебе что-нибудь

надо.

— Я пытаюсь отыскать оружие, выброшенное в реку в январе.

— Ты хочешь сказать — на реку. Она же замерзала.

— Верно, но, может быть, не везде. Некоторые заводы все еще сливают в нее отходы, там льда может и не быть. Вы лучше других знаете все заводы.

— Загрязнение — главный предмет наших забот, Ар-каша. Существуют строгие правила относительно охраны окружающей среды. Ты еще с малолетства постоянно жаловался мне на грязь и дым от заводов, аж всю задницу проел.

— Но, может быть, в порядке исключения, где-нибудь разрешен сброс теплой очищенной воды?

— Все считают, что им требуется исключение. Однако сброс сточных вод в Москву-реку в пределах городской черты строжайше запрещен.

— Но промышленность должна двигаться вперед. Страна, что человек, — сначала мускулы, потом лосьон для волос.

— Правильно, и ты думаешь, Аркаша, что делаешь из меня дурака, когда говоришь прописные истины. Тебе бы побывать в таком фантасти-

ческом городе, как Париж. Знаешь, почему там такие большие бульвары? Чтобы легче стрелять в коммунистов. Так что не крути мне больше мозги насчет загрязнения. Ну да ладно. — Белов потер свое рыхлое лицо. — Поинтересуйся кожевенным заводом имени Горького. По особому разрешению он сбрасывает сточную воду. Понятно, что она полностью очищена от красителей. У меня где-то была карта…

Белов порылся в ящиках стола и достал карту размером с большой стол с обозначением промышленных предприятий.

— Перчатки, записные книжки, кобуры для пистолетов и тому подобное. Вот здесь, палец уперся в набережную рядом с Парком Горького, — сточная труба. Река здесь подо льдом, но это всего лишь тонкая корочка. Если бросить что-нибудь тяжелое, то оно пробьет дыру, которая через час затянется. Итак, Аркаша, существует ли, по-твоему, возможность того, что пистолет бросили в реку в единственном месте, где лед не в метр толщиной?

— Откуда вы, дядя Сева, знаете, что я разыскиваю пистолет?

— Аркаша, я просто стар. Но я не совсем выжил из ума и еще не глухой. Я кое-что слышу.

— И что же вы слышите?

— Всякое, — Белов взглянул на Аркадия, потом на героические реликвии в рамках на стене. — И многого больше не понимаю. Было время, когда человек верил в будущее. Конечно, были группировки, просчеты, чистки, которые, возможно, заходили слишком далеко, но, по сути дела, мы стремились дружно работать все вместе. А теперь… — Белов расстроенно заморгал. Никогда еще раньше старик так не изливал перед Аркадием душу. — Министра культуры сняли с работы за коррупцию. Она была миллионершей. Настроила себе дворцов… Представляешь, министр! Разве мы не боролись за то, чтобы все это изменить?

* * *

Съемочный день на «Мосфильме» закончился.

Аркадий брел за Ириной вокруг стоящей на подпорках рубленой избы и березок. Под квадратами дерна ноги ощущали электрические кабели. Несмотря на вывеску: «НЕ КУРИТЬ», девушка курила самую дешевую папиросу, вставленную в облезлый лакированный мундштук. Из-под распахнутой дешевой афганской дубленки выглядывала тоненькая хлопчатобумажная одежка. Длинные каштановые волосы распущены. Глаза

почти на уровне лица Аркадия смело глядели на него. Пятнышко несколько поблекло на раскрасневшемся лице. Солнечный закат не имел к тому отношения — это был румянец, какой, по описанию Толстого, пылал на лицах артиллеристов в Бородино накануне сражения.

— Валерия Давидова и ее дружок Костя Бородин родом из Иркутской области, — говорил Аркадий. — Вы приехали из Иркутска, где Валерия была вашей самой близкой подругой, писали ей из Москвы, а когда она погибла, на ней были «потерянные» вами коньки.

— Вы что, собираетесь меня арестовать? — с вызовом спросила Ирина. — Я училась на юридическом факультете и не хуже вас знаю законы. Если собираетесь меня арестовать, с вами должен быть милиционер.

— Вы мне это уже говорили. Человек, которого нашли с Валерией и Костей, оказался американцем Джеймсом Кервиллом. Вы знали Джеймса Кервилла по университету. Зачем вы все время мне лжете?

Она уходила от его вопросов, водя его по кругу возле подобия избы. Несмотря на всю ее браваду, его не покидало ощущение, будто он преследует испуганного оленя.

— Не принимайте на свой счет, — оглянулась она. — Я вообще лгу вашему брату.

— Зачем?

— Я отношусь к вам, как к прокаженным. Вы же больны. Вы состоите в организации прокаженных. А я не хочу заразиться.

— Значит, вы изучали право, чтобы стать прокаженной?

— Я собиралась стать адвокатом. Своего рода врачом, чтобы защищать здоровых от больных.

— Но сейчас мы говорим об убийстве, а не о болезни. — Аркадий закурил. — Вы очень смелая девушка. Но вы считаете, что сюда явился какой-нибудь Берия и у вас на глазах станет есть младенца. Должен вас разочаровать — я здесь только потому, что ищу человека, который убил ваших друзей.

— Теперь лжете вы. Вас интересуют только покойники, а не чьи-то друзья. Интересуйтесь своими друзьями, а моих оставьте в покое.

Она попала в цель. Он приехал на студию только ради Паши.

Аркадий переменил тему разговора.

— Я смотрел ваше дело в милиции. Что это за антисоветская клевета, из-за которой вас исключили из университета?

— Будто не знаете.

— Представьте себе, не знаю, — сказал Аркадий.

Ирина Асанова на какой-то момент замолчала, как уже было, когда он первый раз беседовал с ней на студии, то ли из самомнения, то ли погрузившись в собственные мысли, в собственный неведомый мир.

— Все-таки, — помолчав, ответила она, — я предпочитаю ваших двойников из госбезопасности. Бить по лицу женщину по крайней мере честнее. А ваше обращение, ваша фальшивая забота, свидетельствуют только о слабости характера.

— В университете вы говорили не это.

— Я скажу вам, что я говорила в университете. Я разговаривала с друзьями в буфете и сказала, что готова на все, лишь бы выбраться из Советского Союза. За соседним столом сидели комсомольские холуи. Они донесли, и меня исключили.

— Вы же, конечно, шутили. Надо было объяснить.

Она подошла ближе, так что теперь они стояли почти вплотную.

— Но я вовсе не шутила, а говорила вполне серьезно. Слушайте, следователь, если бы кто-

нибудь прямо сейчас дал мне пистолет и сказал, что если я вас убью, то смогу уехать из Советского Союза, я бы убила вас не сходя с места.

— Вы серьезно?

— Убила бы, и с радостью.

Она затушила сигарету о березу рядом с Аркадием. Белая кора дерева почернела и задымилась, кусочки коры, скручиваясь, загорелись. Аркадий испытал непонятное ощущение боли, словно этот горящий окурок затушили о его сердце. Он верил, что она говорила правду.

— Товарищ Асанова, я не знаю, почему это дело до сих пор числится за мной, — подошел он с другой стороны. — Мне оно не нужно, да и не я должен им заниматься. Однако убиты три человека, и я прошу вас об одном — поехать со мной и осмотреть трупы. Возможно, по одежде или…

— Нет.

— Ну хотя бы для того, чтобы убедиться, что это не ваши друзья. Чтобы, по крайней мере, быть уверенной самой.

— Я знаю, что это не они.

— Тогда где же они?

Ирина Асанова ничего не сказала. На дереве осталась черная отметина. Она не сказала ничего, но путь к правде все же был открыт. Аркадий

невольно рассмеялся, изумившись собственной глупости. Все это время он спрашивал себя, что нужно было Осборну от двоих русских, но ни разу не задал вопрос, что им могло быть нужно от него.

— Так где же, по-вашему, они?

Он почувствовал, как она непроизвольно задержала дыхание.

— Костя и Валерия бежали из Сибири, — ответил сам себе Аркадий. — Для такого бандита, как Костя, да еще с краденными билетами Аэрофлота, это не составляло трудности. Если есть деньги, то здесь на черном рынке можно купить документы и оформить прописку. А денежки у Кости были. Но Москва не так уж далеко, И Костя захотел бежать еще дальше. Но это ему не удалось, и он погиб вместе с американцем, въезд которого в Советский Союз нигде не зарегистрирован.

Ирина Асанова отступила на несколько шагов в последние лучи заходящего солнца.

— Есть только одна причина, — сказал Аркадий, — почему вы признали, что вообще были знакомы с ними. Я твердо знаю, что они погибли в Парке Горького, а вы считаете, что они живы и пребывают по ту сторону границы. Вы верите, что они выбрались.

Ее глаза торжествующе сияли.

12

Водолазы копошились в черной круговерти, взбаламучивая накопившийся за зиму ил. В свете спущенных в воду герметически закрытых прожекторов можно было разглядеть то руку, то ласты. В том месте, где сточные трубы кожевенного завода имени Горького выходили под водой в Москву-реку, велись поисковые работы.

Наверху, на набережной, милиционеры фонарями заворачивали случайные в это раннее время грузовики. Аркадий направился к неосвещенному участку, где в полной темноте на заднем сиденье его машины расположился Уильям Кервилл.

— Ничего вам не обещаю, — сказал Аркадий. — Если хотите, езжайте в гостиницу или в свое посольство.

— Я побуду здесь, — блеснул в темноте глазами Кервилл.

Плеснула вода — еще один водолаз ушел на дно. На цепи прогрохотал еще один прожектор, и милиционеры стали отталкивать шестами прибившиеся к стене льдины.

Аркадий показал пухлый пакет.

— Здесь заключения судмедэкспертов о трех трупах, обнаруженных в Парке Горького, — сказал он. Аркадий возлагал надежды на свойственную милиционерам фамильярность, их неуклюжую грубоватость, на подозрительные вспышки милицейских фонарей, на всю атмосферу профессионального расследования. После целого дня разговоров в спокойной обстановке должен же был Кервилл наконец убедиться, что Аркадий не из КГБ.

— Дайте посмотреть, — протянул руку Кервилл.

— Кто был Джеймс Кервилл? — спросил Аркадий.

— Мой брат.

Аркадий протянул в окно автомобиля пакет — первая сделка совершена. В пакете не содержалось ни малейшего упоминания об Осборне. Если бы Уильям Кервилл приехал с целью помочь следствию, он сразу по приезде в Москву передал бы в прокуратуру зубную формулу и рентгеновские снимки. Но он приехал с оружием, так что будет сотрудничать только до тех пор, пока не узнает, на кого обратить удар. То, что теперь у него не было оружия, не имело значения. Руки-то у него целы.

Подошел офицер речной милиции и сказал Аркадию, что водолазы замерзли, а на дне никакой сумки не обнаружено. Когда Аркадий направился к набережной, сержант отвел его в сторону, посоветовав поговорить с молодым милиционером из Октябрьского отделения, в участок которого входила и набережная. Парень припомнил, что однажды вечером в январе на набережной стояли «Жигули». А может быть, в феврале. Что касается водителя, то он только запомнил, что это был немец со значком берлинского клуба «Кожаный мяч» на лацкане. «Кожаный мяч» — название молодежного футбольного клуба. О том, что водитель — немец, милиционер судил по разговору с ним: будучи страстным коллекционером, попросил продать значок, но получил отказ на ломаном русском языке.

— Поработайте еще полчасика, — попросил водолазов Аркадий.

Спустя всего десять минут послышались крики, и водолаз по веревочной лестнице поднялся на набережную, таща покрытую илом сумку, из которой лилась вода.

Сумка была из кожи, с длинной ручкой. Надев резиновые перчатки, Аркадий в свете прожекторов открыл ее и стал выбирать оттуда жидкую

грязь, бутылки и стаканы, пока не наткнулся на торчащий ствол. Наконец он вытащил длинноствольный плоский полуавтоматический пистолет.

— Товарищ следователь!

Это приехал Фет. Аркадий не видел его с допроса Голодкина. Фет, поправляя очки, стоял на краю освещенного крута, близоруко уставившись на пистолет.

— Будут ли какие-нибудь поручения? — спросил он.

Аркадий не знал, какую роль играл Фет в Пашиной смерти. Он только хотел, чтобы тот не стоял у него на дороге.

— Да, — сказал Аркадий, — составьте список икон, похищенных за последние шестнадцать месяцев.

— Икон, похищенных в Москве?

— Нет, — ответил Аркадий, — на всей территории по эту сторону Урала. А потом…

— Слушаю, — подался вперед Фет.

— Потом, Фет, все иконы, похищенные в Сибири, — сказал Аркадий. — Вы ведь знаете, где Сибирь.

Аркадий посмотрел вслед исчезнувшему в темноте приунывшему Фету — работы хватит на

неделю, а списки вряд ли понадобятся.

Следователь старательно завернул пистолет в носовой платок. Никто из милиционеров, даже ветераны, не мог определить систему оружия. Аркадий дал начальнику речного патруля денег на спиртное водолазам и пошел с сумкой и пистолетом к машине.

Они с Кервиллом подъехали к таксомоторному парку под Крымским мостом. Светало. У гаража водители, засучив рукава, возились в моторах своих готовых развалиться машин. Между машинами бродили дельцы, предлагая ворованные запчасти.

Кервилл осмотрел пистолет.

— Хорошая пушка. «Манлихер» калибра 7,65, аргентинского производства. Высокая начальная скорость пули, точный бой, восьмизарядный. — Вынимая обойму, он забрызгал грязью рубашку. Когда Аркадий рано утром заехал за ним в гостиницу, он не обратил внимания, что Кервилл снова оделся как русский. — Осталось три патрона. — Он вставил обойму и вернул пистолет. — Был на вооружении аргентинской полиции до того, как они перешли на другое оружие — «браунинг». «Манлихеры» продали торговцам оружием в Штатах. Это я знаю.

— Подушки, — Аркадий посмотрел на одежду Кервилла. — Я не заглянул в ваши подушки.

— Правильно, — улыбнулся Кервилл. Он вернул пакет, обтер пальцы и из кармашка рубашки вытащил карточку. На ней было десять расплывчатых пятен. — Дактилоскопическая карта. Ее вы тоже упустили. — Когда Аркадий протянул за ней руку, он покачал головой и положил карточку обратно.

— Знаете, я, может быть, и не показал бы ее вам, — Кервилл раскинул руки на всю ширину заднего сиденья, — но я все время думаю: возможно, вы действительно тот, за кого себя выдаете, Ренко. В таком случае мы что-нибудь придумаем. Вы сказали, что у вас убили друга и что вы потеряли такого свидетеля, как Голодкин. Вам понадобится много помощников.

— И что же?

— Ваше досье на Джимми… — Кервилл кивнул на папку.

— Вы его звали Джимми?

— Да, — Кервилл передернул плечами. — Судебно-медицинская экспертиза проведена неплохо, но за ней ничего не следует.

— Что вы имеете в виду?

— Розыскную работу. У нас это называется

— «поднять задницу со стула». Нужно полсотни людей, которые опросили бы каждого, кто бывал в парке этой зимой. Расспросить их раз, другой, третий. Дать подробности в газеты. Сообщить по телевидению контактный телефон милиции.

— Прекрасные идеи, — ответил Аркадий. — Если когда-нибудь буду в Нью-Йорке, обязательно ими воспользуюсь.

В голубых глазах появилось разочарование.

— Что будет, если я опознаю брата?

— Дело передадут в органы госбезопасности.

— В КГБ?

— Правильно.

— А что будет со мной?

— Вас задержат для дачи показаний. Я мог бы умолчать о нашей встрече в парке, о вашем пистолете. В этом случае задержание для вас не было бы таким уж неприятным.

— Скажите еще, сплошным удовольствием.

— Нет, удовольствие невелико, — рассмеялся Аркадий.

— В таком случае, — Кервилл закурил и выбросил в окно спичку, — я предпочел бы, чтобы наша договоренность оставалась между нами.

Один из таксистов подошел к ним спросить, не интересуются ли они запчастями. Аркадий

его отшил.

— Вы говорите «договоренность»? — переспросил Кервилла Аркадий. Именно это он и имел в виду, но от слова, сказанного вслух, ему стало как-то не по себе.

— Назовем это взаимопониманием, взаимной помощью, — предложил Кервилл. — Мне сдается, что первым уложили большого парня, Костю, так? Джимми был вторым. Удивляюсь, как он со своей больной ногой еще ухитрялся кататься на коньках. И последней была Давидова. Чего я не понимаю, так это выстрелов в лицо. Единственное объяснение — убийца знал о запломбированном зубе Джимми и о том, что пломба отличается от русской. Слушайте, Ренко, вы не подозреваете кого-нибудь из зубных врачей, а? Или… — он опять изобразил что-то вроде улыбки, — или иностранца?

— Что еще? — ровным голосом спросил Аркадий, хотя ему понадобилась уйма времени, чтобы разобраться с запломбированным зубом убитого.

— О'кей. Гипс на одежде. Иконы, так? Поэтому вы послали своего парня делать список. Между прочим, это как раз тот парень, за которым я тащился до КГБ. Может быть, вы и не работаете на них, но он-то уж точно.

— Здесь мы с вами сходимся во мнении.

— Ладно. Теперь отдайте мой значок.

— Пока рано.

— Ренко, вы мне не верите?

— Господин Кервилл, мы оба не до конца доверяем друг другу. Не забывайте, что мы не так давно перестали врать друг другу. Раз уж ни один из нас не знает, когда ждать неприятностей от другой стороны, то лучше давайте делать все постепенно, шаг за шагом. Не волнуйтесь, ваш полицейский значок будет у вас еще до отъезда.

— Значок детектива, — снова поправил его Кервилл, — и не считайте, что держите меня на крючке, мне он не нужен. Если вам от этого легче, оставьте его у себя на денек-другой. Кстати, вы знаете, что у нас означает выражение «отсос»? Это именно то, к чему вы пришли в расследовании этого дела, не говоря уж о том, что у вас полный нуль касательно икон. Думаю, будет лучше, если мы станем работать по отдельности и встречаться только для обмена сведениями. Верьте мне, только так можно сдвинуться с места. Дайте мне телефон, по которому вас можно достать.

Аркадий написал номера телефонов у себя на службе и в гостинице «Украина». Кервилл сунул листок в кармашек рубашки.

— Девчонка-то хоть была ничего, а? Ну та, которую убили вместе с Джимми.

— Думаю, ничего, а вам-то что? Разве ваш братец был большим бабником?

— Нет. Джимми был убежденный отшельник. Он не трогал женщин, но ему нравилось, когда они были рядом. И он был очень разборчив.

— И что это означало?

— Ему нужны были мадонны, Ренко. Наверное, представляете, что я имею в виду.

— Боюсь, что не понимаю.

— Ладно, не переигрывайте, — Кервилл открыл дверцу. — Я только-только начинаю верить, что вы тот, кто есть на самом деле.

Аркадий смотрел, как Кервилл перешел улицу и стал уверенно толкаться среди таксистов. Вот он наклонился над открытым капотом и уже дает советы. У следующей машины начнет угощать сигаретами, подумал Аркадий, И угадал. Водители сгрудились вокруг американца.

У Аркадия были свои намерения относительно использования Кервилла в расследовании. Ясно, что и у американца на уме было что-то свое.

* * *

Аркадий завез Людину сумку и пистолет и отправился в Центральное управление телефонной и телеграфной связи, чтобы распорядиться о прослушивании всех телефонов-автоматов поблизости от дома Ирины Асановой. Что у нее не было своего телефона, не было чем-то необычным — люди годами ждали такой привилегии. Внимание Аркадия привлекали другие проявления ее более чем скромного материального положения — одежда с чужого плеча, поношенная обувь, дешевые папиросы. На «Мосфильме» было полно женщин, получавших столько же, но они появлялись модно одетыми на приемах Союза кинематографистов в честь иностранных гостей, где флакон французских духов или юбка, подаренные в знак признательности, как это принято в цивилизованном мире, были обычным явлением. Должно быть, приглашали и Ирину Асанову, но она предпочитала жить только на зарплату. Он восхищался ею.

* * *

Полковник Людин показывал Аркадию высу-

шенные и исследованные предметы из сумки со дна реки, когда зазвонил телефон. Один из помощников снял трубку и тут же протянул Аркадию со словами: «Вас, товарищ Ренко».

— Я перезвоню позже, — сказал он Зое.

— Нам нужно поговорить немедленно, — резко ответила она.

Аркадий жестом попросил Людина продолжать.

— Кожаная сумка польского производства, — начал эксперт.

— Аркадий! — повторила в трубку Зоя.

— Через металлические петли поверх сумки протянут кожаный ремешок, — продемонстрировал Людин, — таким образом, сумку можно носить в руке или через плечо. Шикарная вещь, простому смертному можно купить только в Москве и Ленинграде. Вот тут, — он показал заточенным карандашом, — в нижнем углу сумки широкое отверстие, проделанное более чем одним выстрелом. Вокруг отверстия следы пороха. Кожа сумки идентична частицам кожи, обнаруженным на пуле ПГ-1.

На пуле, поразившей Костю Бородина. Аркадий одобрительно кивнул.

— Я подаю в городской суд заявление о разво-

де, — говорила в трубку Зоя. — Развод стоит сто рублей. Рассчитываю, что половину заплатишь ты. Как-никак, я тебе оставила квартиру. — Она замолчала в ожидании ответа. — Ты слушаешь?

— Да, — ответил, не поворачиваясь, Аркадий.

Людин перечислял разложенные на столе предметы.

— Три кольца с ключами. Все ключи одинаковые. Зажигалка. Пустая бутылка из-под «Экстры». Начатая бутылка коньяка «Мартель». Пара коньков «Спартак», очень большого размера. Разбитая банка из-под французского клубничного компота. Могу добавить, что такой не импортируется; должно быть, кто-то привез из-за границы.

— Ну а сыр, хлеб, колбаса?

— Увольте, следователь. В сумке за эти месяцы не раз побывала рыба. Правда, сохранились следы животных жиров, свидетельствующие, что в сумке были и другие пищевые продукты. Кроме того, следы тканей человека.

— Аркадий, приезжай немедленно, — говорила Зоя. — Так будет лучше, мы сможем переговорить с судьей наедине. Я уже с ней говорила.

— Я занят, — ответил Аркадий в телефон и спросил Людина: — Отпечатки пальцев?

— Положа руку на сердце, следователь, вы же

не рассчитываете, что их найдут?

— Приезжай сейчас, — настаивала Зоя, — иначе пожалеешь. — Аркадий закрыл рукой трубку.

— Извините меня, полковник. Дайте мне минутку.

Сосредоточенно разглядывая собственные часы, Людин отошел от стола в сопровождении свиты своих помощников. Аркадий повернулся к ним спиной и зашептал в трубку:

— Какие мотивы в твоем заявлении? Я что, бил тебя? Или, может быть, пью?

— Прежде всего, — он услышал, как у нее перехватило горло, — несоответствие характеров. У меня есть свидетели. Наташа и доктор Шмидт.

— А как насчет… — Он никак не мог собраться с мыслями. — А как насчет членства в партии?

— Иван…

— Какой Иван?

— Доктор Шмидт говорит, что на моем положении это не скажется.

— Слава богу. И насколько же мы не соответствуем друг другу?

— Абсолютно, — ответила Зоя. — Но ты пожалеешь, если дело дойдет до открытого суда.

— Я уже жалею. О чем еще я пожалею?

— О своих высказываниях, — тихо сказала она.

— Каких высказываниях?

— Твоих высказываниях, и вообще о твоем отношении. Обо всем, что ты говоришь о партии.

Аркадий невидящим взглядом уставился на телефонную трубку. Он пробовал вызвать в памяти образ Зои, а перед глазами стоял плакат с изображением золотоволосой пионерки. Потом голая стена. Разоренная квартира. Ни одного трогающего сердце воспоминания, будто их многолетнюю совместную жизнь начисто сожрали невидимые ненасытные звери. Но над всем этим скорее пристало ломать голову эксперту вроде Людина, а тут было действительно не на чем задержать мысль. Мысленные представления уже теряли очертания — он говорил в пустоту. Когда говоришь с женщиной, которая твердо решила развестись с тобой, политические доводы, эмоциональные всплески, даже ирония — все как о стенку горох.

— Уверен, твоя карьера не пострадает, — сказал он. — Подождешь до майских праздников. Осталось недолго, — и он бросил трубку.

Людин хлопнул ладошками.

— Давайте снова за работу. Пистолет еще в кислотной обработке. Потом его заберут баллистики. Но уже сейчас могу сообщить, что наши

специалисты по оружию твердо убеждены, что этот «манлихер» того же калибра, что и пистолет, из которого стреляли в Парке Горького. Завтра я смогу точно назвать его модель. А пока будем делать все, что в наших силах. Следователь Ренко, вы меня слушаете?

* * *

Заглянув по пути на Новокузнецкую, чтобы узнать, не звонил ли Кервилл, Аркадий попал на идеологическое собрание. Они случались достаточно часто. Как правило, они сводились к тому, что кто-то один читал вслух передовую «Правды», а остальные листали спортивные журналы. На этот раз постановка была настоящая: помещение для допросов на первом этаже было заполнено следователями районных прокуратур, слушавшими Чучина и врача из Института имени Сербского.

— Советская психиатрия находится на пороге эпохального открытия — определения самой основы психического заболевания, — говорил врач. — Слишком долго органы здравоохранения и правосудия работали в отрыве друг от друга, не координировали свою деятельность. Сегодня я рад сообщить, что такому положению

практически положен конец. — Он остановился, положил в рот таблетку и стал перебирать бумаги на столе. — Институт сделал открытие, что преступники страдают психическим расстройством, которое мы называем патогетеродоксией. Это открытие имеет под собой как теоретические основания, так и результаты клинических исследований. В несправедливом обществе у человека могут быть веские социальные и экономические причины нарушить закон. В справедливом обществе таких причин не существует, за исключением одной — психического заболевания. Признавая этот факт, мы защищаем как нарушителя, так и общество, чьи законы он попирает. Нарушитель получает возможность находиться в изоляции, получая квалифицированное лечение до своего выздоровления. Поэтому, как вы видите, следователям очень важно глубже понимать человеческую психику, с тем чтобы они могли распознать патогетеродокса по слабо выраженным признакам еще до того, как такое лицо с отклонением от нормы получит возможность нарушить закон. Мы обязаны уберечь общество от ущерба, а больного человека — от последствий своих поступков.

Врач обеими руками взял следующую стра-

ницу.

— Вы бы поразились, увидев, какие опыты проводятся в настоящее время в Институте имени Сербского. Мы теперь располагаем доказательствами того, что нервная система преступника отличается от нервной системы нормального человека. Впервые попадая в клинику, различные субъекты сначала проявляют фантастическое разнообразие в своем поведении, некоторые допускают противоречащие здравому смыслу высказывания, а некоторые ведут себя нормально, как мы с вами. Однако после нескольких дней в одиночной камере все они впадают в состояние кататонии. Лично я вводил на глубину два сантиметра иглу под кожу одного из страдающих патогетеродоксией и наблюдал полное отсутствие болевых ощущений.

— И куда же вы вводили иголку? — поинтересовался Аркадий.

В его кабинете зазвонил телефон, и он потихоньку вышел на лестницу. Чучин зашептал на ухо врачу, тот что-то записал.

* * *

— В детстве у меня была кошка, — Наташа Микоян гладила покрывавшее ноги мохеровое

одеяло. — Она была мягкая и легкая как пушинка, ребрышки еле прощупывались. Мне нужно было родиться кошечкой.

Она свернулась клубочком на одном конце дивана, укрывшись одеялом по воротник ночной рубашки, пальчики покоились на диванных подушечках. Шторы в квартире задернуты, свет выключен. Волосы распущены, на затылке кудрявились темные локоны. Маленькими глотками она пила коньяк из украшенного эмалью бокала.

— Ты сказала, что хотела поговорить об убийстве, — начал Аркадий. — О чьем убийстве?

— О моем, — хладнокровно ответила она.

— И кого же ты подозреваешь?

— Разумеется, Мишу, — она еле сдержала смех, будто он сказал глупость.

Несмотря на царивший в комнате полумрак, он заметил, что за неделю, с тех пор как он здесь ужинал, здесь что-то изменилось. Ничего особенного: покосилась картина, пепельницы полны окурками, пахнет пылью и засохшими цветами. На столике между диваном и стулом, на котором он сидел, — сумочка, рядом тюбик губной помады и зеркальце. Когда она меняла положение, задевая коленом столик, тюбик катался взад-вперед.

— Когда ты впервые заподозрила, что Миша

хочет тебя убить?

— О, много лет назад, — и добавила, как бы спохватившись. — Кури, пожалуйста. Я же знаю, что, когда ты волнуешься, тебе хочется курить.

— Да, мы давно знаем друг друга, — согласился он, и ему захотелось курить. — И как, по-твоему, он собирается тебя убить?

— Я покончу с собой.

— Так это же не убийство, Наташа, а самоубийство.

— Я знала, что ты так скажешь, но в данном случае это не так. Я только жертва, а убийца — он. Он юрист, у него все продумано.

— Ты хочешь сказать, что он хочет свести тебя с ума, так, что ли?

— Если бы я сошла с ума, я бы не могла рассказать тебе о том, что он делает. К тому же он уже лишил меня жизни. Теперь мы просто разговариваем обо мне.

— Вот как!

Она не была похожа на помешанную. Более того, в ее голосе слышалось что-то мечтательное. Он подумал, что они с Наташей всегда были добрыми друзьями, но никогда не знали друг друга достаточно хорошо.

— И что же ты хочешь от меня? — спросил

он. — Я, естественно, поговорю с Мишей…

— Только и всего? Я хочу, чтобы ты его арестовал.

— За убийство? Не убивай себя, тогда не будет никакого убийства, — он попытался улыбнуться.

Наташа покачала головой.

— Нет, я не могу рисковать. Пока я еще могу, я должна добиться, чтобы его арестовали.

— Посуди сама, — Аркадий потерял терпение. — Разве я могу арестовать кого-нибудь за преступление, которое он не совершил, особенно со слов человека, который собирается покончить с собой?

— В таком случае из тебя не получилось хорошего следователя.

— Зачем же ты меня звала? Зачем тогда разговаривать со мной? Говори с мужем.

— Мне нравится, как это звучит, — она наклонила голову. — «Ваш муж». Довольно мило прозвучало бы в суде. — Она уютно свернулась калачиком. — Вы с Мишей для меня одно и то же. Он того же мнения. Он всегда называет тебя своей «доброй половиной». Ты всегда поступаешь так, как хотелось бы ему самому, поэтому он так восхищается тобой. Если я не могу сказать его «доброй половине» о том, что он пытается меня

убить, тогда я не могу сказать это никому. Знаешь, я всегда удивлялась, почему ты не обращал на меня внимания в университете. Ведь я была довольно привлекательна.

— Ты и сейчас недурна.

— А сейчас я тебе интересна? Можно прямо здесь, не нужно идти в спальню, и я обещаю, что все будет в полном порядке, не бойся. Нет? Скажи честно, Аркаша, ты всегда честен, в этом твое обаяние. Значит, нет? Только не извиняйся, пожалуйста, должна тебе признаться, что мне это тоже неинтересно. Что с нами случилось, — рассмеялась она, — мы больше не интересны друг другу?

Аркадия будто что толкнуло. Он схватил и перевернул вверх дном сумочку, рассыпав по столу ее содержимое, главным образом бумажные упаковки пенталгина, обезболивающего средства, содержащего кодеин и фенобарбитал, — свободно продающегося в аптеках «наркотика домохозяек».

— Сколько ты принимаешь за день?

— Ты прежде всего думаешь о том, как действовать. Уж больно ты профессионален. Мужчины так профессиональны... Однако я тебе надоедаю, — оживилась она, — а у тебя своих

мертвецов хватает. Мне просто хотелось расширить твой кругозор. Ты, пожалуй, единственный человек, которому до меня есть дело. А теперь можешь возвращаться на работу.

— А ты что будешь делать?

— Буду сидеть здесь. Как кошка.

Аркадий поднялся и направился было к двери.

— Я слышал, что ты собираешься давать против меня показания в бракоразводном процессе, — сказал он.

— Не против тебя. В пользу Зои. Откровенно говоря, — мягко сказала Наташа, — я никогда не считала, что из вас получится пара, никогда.

— Будешь умницей? Мне нужно идти.

— Все будет в порядке, — она с покорным видом поднесла к губам бокал.

В дверях лифта Аркадий столкнулся с Мишей. Тот от смущения залился краской.

— Спасибо, что зашел. А я не мог выбраться раньше. — Миша хотел проскользнуть мимо.

— Погоди. Ты бы лучше свел ее к врачу, — сказал Аркадий. — И отбери у нее все таблетки.

— У нее все будет хорошо. — Миша попятился к двери. — С ней это уже бывало, так что все обойдется. Лучше займись своими делами.

* * *

Вторую половину дня Аркадий провел за бумагами, проверял регистрацию «Жигулей» Ганса Унманна и снова изучал визы Осборна. Американец ехал поездом от Парижа до Ленинграда, куда прибыл 2 января. Такое путешествие, пусть и в мягком вагоне, через Францию, Германию и Польшу было утомительным, особенно для такого всесильного предпринимателя, как Осборн. Но в зимнее время Ленинград закрыт для навигации, а при осмотре в аэропорту могли обнаружить «манлихер».

Под вечер Аркадий был на кремации Паши Павловича. Его тело наконец передали для похорон, так что теперь его можно было положить в сосновый гроб и откатить в печь.

* * *

Хулиганы сбили с лозунга все слова, за исключением одного: «НАДЕЖДА».

Трубы завода имени Лихачева исчезли в ночи. Магазины были закрыты; тот, что торговал спиртным, был надежно защищен железными дверями. Пьяницы орали вслед милиционеру:

«Эй ты, мусор!» Милиционер сошел с тротуара на мостовую, поглядывая, нет ли патрульной машины.

Аркадий вошел в кафетерий, где он раньше встречался с Лебедем. За круглыми столами сгрудились постоянные посетители. Бутылки в честных трудовых руках, на спинках стульев пропотевшие куртки, на тарелках сырые луковицы и ножи. В качестве развлечения был телевизор — показывали футбольный матч «Динамо» с Одессой. Аркадий прошел прямо в уборную, где Кервилл отливал в устроенную для этого дыру. На нем были кожаный пиджак и простая кепка. Несмотря на скудное освещение, Аркадий разглядел, что обычно суровое лицо Кервилла несколько обмякло.

— Веселитесь? — спросил Аркадий.

— Конечно. По колено в чужой моче, — он застегнул ширинку. — Как в настоящей преисподней, черт побери. А вы опоздали.

— Виноват, — Аркадий занял место у дыры, встав в полуметре от нее, подальше от лужи. Интересно, сколько выпил Кервилл.

— Проверили «манлихер»?

— Проверяем. Окончательного заключения пока нет.

— Чем же, черт побери, вы занимались весь день? Думали о коммунизме?

— До него еще далеко, — он бросил взгляд на ботинки Кервилла.

Они прошли к занятому Кервиллом столику в углу зала. Посреди стола стояла наполовину пустая бутылка водки.

— Ренко, пить будете?

Аркадий думал уйти. Кервилл и трезвый был непредсказуем, а Аркадий много слыхал, что американцы быстро напиваются. Однако должен был подойти Лебедь, и он не хотел его упустить.

— Ну, что скажете, Ренко? А потом устроим соревнование — кто кого пересыт — на дальность, на время, на точность и на оригинальность исполнения. Даю вам фору. Один шаг. Разве мало? Руками не держать.

— Вы и вправду полицейский?

— Причем не из худших. Давайте, Ренко, я плачу.

— У вас довольно задиристый нрав, верно?

— Когда меня заведут — да. А вам, что, хочется, чтобы я еще раз вас отделал? — Кервилл откинулся на спинку стула, скрестил руки и одобрительно огляделся вокруг. — Хорошее местечко. — Его взгляд снова остановился на Аркадии. Тоном

обиженного ребенка он произнес: — Я сказал, что это хорошее местечко.

Аркадий направился к стойке и вернулся с бутылкой и еще одним стаканом. Он положил на стол между бутылками две спички, у одной отломил половину, накрыл обе спички рукой, так что торчали одни головки, и сказал:

— Кому достанется короткая — наливает из своей бутылки.

Кервилл, насупившись, вытянул спичку. Короткую.

— Дерьмо.

— Произношение хорошее, но сказано не к месту. — Аркадий смотрел, как разливает Кервилл. — Вам надо покороче подстричь волосы на висках. И не кладите ноги на стул. Только американцы задирают ноги кверху.

— О, вижу, что мы сработаемся, — Кервилл, как и Аркадий, запрокинул голову, залпом осушил стакан. Снова тянули спички, и снова проиграл Кервилл. — К черту этикет люмпенов. А вы ничего, Ренко. Но почему вы не расскажете, чем занимались сегодня кроме того, что перегоняли кровь из головы в задницу?

Аркадий не собирался рассказывать ему об Осборне и не хотел, чтобы Кервилл следил за

Ириной Асановой, поэтому стал рассказывать о реконструкции головы убитой девушки.

— Черт возьми, — воскликнул Кервилл, когда Аркадий кончил. — Ну и башка! Значит, лицо по черепу? Вот это да! Что ж, занятно — все равно что наблюдать полицейское расследование в Древнем Риме. А дальше что? Гадать по птичьим потрохам или у вас принято по костям? Восстанавливать иконы — этим как раз собирался заняться Джимми. Кстати, в ваших записях упоминается о церковном ларце.

— Только его собирались украсть или купить, а не реставрировать.

Кервилл почесал подбородок и грудь, потом залез рукой в карман куртки и помахал перед носом Аркадия открыткой. На обратной стороне было краткое описание «церковного ларца из Архангельского собора в Кремле». На другой стороне — цветная фотография позолоченного ларца с ритуальными чашами из хрусталя и золота. На стенках ларца были росписи с изображениями битвы между ангелами и дьяволами.

— Сколько, по-вашему, лет ларцу?

— Лет четыреста — пятьсот, — прикинул Аркадий.

— Его сработали в тысяча девятьсот двадцатом.

Это год, когда обновлялся собор и все, что в нем было. Кто сказал, что у Ленина отсутствовал вкус? В данном случае я имею в виду каркас ларца. Доски старые, подлинные. За полный комплект в Нью-Йорке дали бы сто тысяч долларов, а то и больше. И дают. Доски постоянно уплывают отсюда, но не всегда в виде икон. А может оказаться так, что перекупщик вывезет простенький сундук, сколоченный из икон, которым можно придать вид никуда не годных. Меня до того одолела эта гениальная мысль, что я, черт возьми, целый день бродил по посольствам, все хотел разузнать, не вывозил ли кто за последние полгода иконы или ларец. Никаких результатов. Вернулся в американское посольство, зашел к атташе по политическим вопросам, он же здешний шеф ЦРУ, который даже в зеркало не разглядит собственную задницу, и он, видите ли, по секрету сказал мне, что вывезти контрабандой приличную икону — значит помочь в борьбе с инфляцией. Попробуй-ка подними их дипломатическую вализу — заработаешь грыжу. Только частных перекупщиков они не подпускают. А потом до меня дошло, что, конечно, без золота ничего не восстановишь, а его у вас в стране нельзя купить или украсть, и что вся моя блестящая идея

кошке под хвост. В результате, испытывая жажду, я добрел до уборной, которую вы так хитроумно выбрали для встречи.

— Костя Бородин мог достать золото, — сказал Аркадий.

— Купить?

— Нет, украсть в Сибири. Но не слишком ли бросится в глаза, если в новый ларец вделать старые иконы?

— Они его старят. Стирают позолоту, чтобы просвечивала красная грунтовка. Втирают умбру. Пошлите ваших людей по всем магазинам, где торгуют принадлежностями для художников, и проверьте каждого, кто покупает армянский бол, гипс, гранулированный желатин, белила, столярный клей, марлю, самую тонкую наждачную бумагу, замшу…

— Сдается, у вас есть опыт, — заметил Аркадий, записывая.

— В Нью-Йорке это знает любой полицейский. Кроме того, вату, спирт, штампы и плоские гладилки, — Кервилл, пока Аркадий записывал, налил себе еще. — Странно, что вы не нашли на одежде Джимми соболью шерсть.

— Соболью? А это зачем?

— Позолоту накладывают только кисточкой

из шерсти рыжего соболя. А это еще кто, черт возьми?

Лебедь пришел с цыганом, стариком со сморщенным и смышленым, как у дряхлой обезьяны, лицом, в бесформенной шляпе на седых кудрях и грязном пестром платке вокруг шеи. Во всех статистических обзорах говорилось, что в Советском Союзе нет безработных, за исключением цыган. Несмотря на все усилия приобщить их к труду или же выставить из страны, каждое воскресенье их можно увидеть гадающими на деревенских рынках, а каждую весну они как из-под земли появляются в городских парках со смуглыми младенцами, выпрашивая у прохожих монеты.

— У нас эти вещи в художественных магазинах не покупают, — объяснил Аркадий Кервиллу. — Их покупают на толкучках, из-под полы или у кого-нибудь на квартире.

— Вот он говорит, что слыхал о сибиряке, у которого есть на продажу золотой песок, — сказал Лебедь, кивая на цыгана.

— И шкурки соболя, тоже слыхал, — хриплым голосом добавил цыган. — Пятьсот рублей за шкурку.

— Купить можно все, что хочешь, если знать, на каком углу, — сказал Кервиллу Аркадий, глядя

на цыгана.

— Что хочешь, — согласился цыган.

— Даже людей, — добавил Аркадий.

— Вроде судьи, помереть ему от рака, который отправил моего сына в лагерь. Разве он подумал о детях, которые остались от сына?

— Сколько же детишек осталось? — спросил Аркадий.

— Мал мала меньше, — у цыгана от волнения перехватило горло. Он повернулся на стуле, сплюнул на пол и утер рукавом рот. — Десять ребятишек.

Пьяницы за соседним столом, обняв друг друга за плечи и мотая головами, завели тоскливую песню про любовь. Цыган вихлял бедрами и облизывал губы.

— У них мать — просто ягодка, — шепотом намекнул он Аркадию.

— Четыре рубля.

— Восемь. Последнее слово…

— Шесть, — и Аркадий выложил на стол шесть рублей. — Получишь в десять раз больше, если узнаешь, где жили сибиряки. — Он обернулся к Лебедю. — С ними был тощий рыжий парень. Все трое пропали примерно в начале февраля. Перепиши этот список принадлежностей для

художников и дай один цыгану. У кого-то асе они все это покупали. Скорее всего, они жили на окраине, а не в центре. У них не было желания общаться с соседями.

— Тебе в жизни очень повезет, — сказал цыган, убирая деньги в карман. — Как твоему отцу. Генерал был щедрый человек. Мы шли за его войсками через всю Германию. Он всегда что-нибудь нам оставлял. Не как некоторые.

Лебедь с цыганом ушли как раз в тот момент, когда Одесса забила гол. Вратарь «Динамо» Пильгуй стоял, подбоченившись, руки в бока, обозревая опустевшее поле.

— Цыгане умеют искать, — сказал Аркадий.

— У нас осведомители тоже неплохо работают, — ответил Кервилл. — Тяните спичку.

Аркадий проиграл и налил.

— Знаете, — Кервилл поднял стакан, — много лет назад в Такседо-парк тоже был случай, когда для опознания собрали по частям лицо одной девушки. В Нью-Йорке у нас работает парень, который восстанавливает лица, главным образом после авиакатастроф. Он удаляет кости и придает коже первоначальный вид. Давайте-ка выпьем за вашего покойного друга, а?

— Хорошо. За Пашу.

Они пили, тащили спички и снова пили. Аркадий чувствовал, как водка постепенно растекается в крови. Он с удовлетворением отметил, что Кервилл не был, как он опасался, мертвецки пьян, наоборот, удобно усевшись на стуле со стаканом в руке, он всем своим видом демонстрировал, что пить умеет. Он напоминал Аркадию бегуна на дальние дистанции, только что вошедшего в темп, или баржу, неторопливо поднимающуюся на высокую волну. Любой культурный москвич не вынес бы вони этого заведения. Лучше умереть на ступенях Большого, чем остаться живым в рабочей пивной. Но Кервилл, казалось, был здесь в своей тарелке.

— Правда ли, что сказал цыган о генерале Ренко? — спросил он. — Так, значит, палач Украины — ваш отец. Это, как мы говорим, важное примечание. Как это я раньше упустил?

Аркадий ожидал прочесть нечто оскорбительное на его широком, со склеротическими прожилками лице. Но на нем было написано простое любопытство, даже дружелюбный интерес.

— Легко вам, — сказал Аркадий, — а мне вот тяжело.

— Ага. Почему же вы не выбрали армейскую карьеру? Как «сын палача Украины», вы бы уже

носили генеральскую звезду. Так кто же вы? Неудачник?

— Вы не имеете в виду, что я глуп, ничего не умею?

— Ну, конечно же, не это, — рассмеялся Кервилл.

Аркадий задумался. Он столкнулся с незнакомым ему юмором и искал подобающий ответ.

— Годен я для работы или нет — это исключительно вопрос обучения, подготовки. А вот стал ли я, как вы сказали, «неудачником» — связано с моей судьбой. И, повторяю, очень трудной. Отец на Украине командовал танковым корпусом. Половина нынешнего Генерального штаба были танкистами на Украине. Политическим комиссаром у них был Хрущев. Это была неуязвимая группа — будущие секретари партии и маршалы. Так что меня отдавали учиться в соответствующие школы, давали соответствующих учителей и соответствующих партийных опекунов. Если бы отца сделали маршалом, мне открылся бы только один путь. Сегодня я командовал бы ракетной базой в Молдавии.

— А как насчет флота?

— Стать одним из этих пижонов с галунами и кортиками? Нет уж, увольте. Во всяком случае,

маршалом его не сделали. Он был «рукой Сталина»! Когда умер Сталин, ему перестали доверять. Маршал? Ни за что!

— Они что, убили его?

— Нет, отправили в отставку. А мне было позволено превратиться в заурядного следователя, который сидит перед вами. Тащите спичку.

— Забавно, — Кервилл вытянул короткую спичку и налил, — что люди постоянно спрашивают, как ты стал полицейской ищейкой. Почему вы выбрали эту профессию — такой вопрос задают только священникам, шлюхам и полицейским. Самые нужные профессии в мире, а люди без конца спрашивают, почему и зачем. Только ирландцев не спрашивают.

— А это почему?

— Если ты ирландец, то рожден жить в Обществе Святого Рода и тебе место только в полиции или в церкви.

— «Святой Род»? Что это такое?

— Это мир простых истин.

— Что значит простых?

— Женщины либо святые, либо суки. Все коммунисты — евреи. Ирландские священники пьют; остальные — педерасты. Черные помешаны на сексе. Самая лучшая книга — это «Тринадцатый,

величайший из всех веков» Джона Дж. Уолша — любая монашка подтвердит. Гувер был чудаком. Гитлеру было что сказать. Окружной прокурор написает тебе в карман, а скажет, что идет дождь. Есть факты жизни и есть золотые правила — остальное брехня. Вы считаете, что я довольно невежественный сукин сын, так ведь?

Теперь лицо Кервилла, несомненно, выражало презрение. Неподдельное дружелюбие, которым оно светилось минуту назад, исчезло. Аркадий не сделал ничего такого, чтобы одно выражение сменилось другим. Он с таким же успехом мог повлиять на поведение Кервилла, как, скажем, на внезапную перемену курса корабля или на изменение внешнего облика планеты. Кервилл наклонился, обхватив руками стол, глаза его сузились, заблестели.

— Это я, черт возьми, ничего не понимаю. Кого-кого, а уж русских-то я знаю, они меня вырастили. Все, черт бы их побрал, русские, которые испугались Сталина и драпанули из этой дыры, жили в моем доме.

— Я слышал, что ваши родители были радикалы, — осторожно вставил Аркадий.

— Радикалы? Красные, черт подери. Красные ирландские католики. Правильно, черт возьми,

вы должны были слышать о Большом Джиме и Эдне Кервилл.

Аркадий оглядел зал. Все посетители пьяно уставились в телевизор. Одесса забила еще гол, и все, кто еще был в состоянии, засвистели. Кервилл больно сжал руку Аркадию и резко повернул его к себе.

— Большой Джим и Эдна сердцем болели за вашу страну. Будь ты анархист, меньшевик, как бы тебя там ни называли, если ты был русский и к тому же чокнутый, то у тебя в Нью-Йорке был дом — наш дом. И это тогда, когда их нигде на порог не пускали. Джим и Эдна без конца помогали красным изгнанникам. Знаете, а из анархистов получились классные автомеханики. У них, у этих анархистов, голова к механике приспособлена еще со времен, когда они делали бомбы.

— У американских левых, видно, интересная история… — начал было Аркадий.

— Нечего мне рассказывать об американских левых, я сам, черт возьми, все расскажу об американских левых. О беззубом движении марксистов-католиков со всеми его журналами, которым давались умные названия — «Работа», «Молитва», «Мысль», хотя самая тяжелая работа, какую они знали, — это поднять рюмку с вином

или перднуть, или такие сопливые, в духе Иисуса, как «Скажите, братья» или «Грегорианское обозрение». От последнего я в восторге. Слегка, по-монашески, пинает в зад Брата Маркса. Только их никогда не видно там, где бьют по головам, а полицейские, которые бьют, валят в церковь святить свои дубинки. Попы, те были хуже полицейских. Черт возьми, да сам папа был фашистом. В Америке, чтобы стать кардиналом, нужно быть развратником, невеждой и ирландцем, так-то. Эдну Кервилл били по голове, маленькую женщину, сын ее получил конфирмацию в церкви Святого Патрика. За что? За то, что в течение двадцати лет «Красная звезда» была единственным католическим журналом, которому хватило духу называться коммунистическим. Прямо на обложке. Большой Джим всегда так поступал. Он был из семьи, с давних пор связанной с Ирландской республиканской армией, сам сделал что-то вроде пивного ларька на колесах, своими руками, которые закрыли бы этот стол, — и Кервилл положил на стол свои огромные ручищи. — Себе на беду он чертовски много знал. Эдна была ирландкой до мозга костей. У ее родителей был пивоваренный завод, и семья прочила ей быть монашкой — такая была семья. Благодаря этому

Большого Джима и Эдну, несмотря ни на что, не отлучили от церкви — ее старики приобретали и передавали участки под строительство новых церквей, три по Гудзону и один в Ирландии. Разумеется, у нас было и свое пристанище — Дом имени Джо Хилла в Мэрифарм, где у камина велись очень умные беседы. Был ли де Шарден скрытым капиталистом? Или не был? Нужно ли нам бойкотировать «Иду своим путем»? О, по выходным мы были монахами! Пели «Слава в вышних Богу» в сопровождении гонгов, в окружении цветных витражей и позолоченных икон. От нас разило братством, пока не кончилась война и не начался суд над Розенбергами. Тут все эти монахи натянули свои капюшоны на головы и задницы и побежали прятаться. За исключением Большого Джима, Эдны и нескольких бедняг-русских, с которыми мы начинали. Конечно, нельзя было ожидать ничего хорошего, когда у дверей дежурили люди Маккарти и ФБР. Я убивал китайцев в Корее, когда родился Джимми. Это была семейная шутка. Гувер так обложил Большого Джима и Эдну в их доме, что им ничего не оставалось, как снова тешиться в постели.

Наконец «Динамо» забило гол, вызвав нестройные возгласы одобрения в зале.

— Потом я получил отпуск в связи с их смертью. Они вместе свели счеты с жизнью, впрыснули себе морфий, единственный достойный способ уйти из жизни. Это случилось 10 марта 1953 года, через пять дней после смерти Сталина, когда Советский Союз собирался восстать из неразберихи и осветить путь в Социалистический Иерусалим. Только этому не дано было случиться — та же самая команда палачей повела лодку по старому кровавому пути. Ясно, что Большой Джим и Эдна умерли от жестокого разочарования. Похороны, правда, были довольно забавными. Социалисты не явились, потому что Большой Джим и Эдна были коммунисты; католики не пришли, потому что самоубийство — грех; коммунистов не было, потому что Большой Джим и Эдна не аплодировали Дяде Джо. Так что на похоронах были только люди ФБР, Джимми и я. Спустя пять лет заходил кто-то из советского посольства и спрашивал, не хотели бы мы перевезти останки Большого Джима и Эдны в Россию. Нет, им не дадут нишу в Кремлевской стене, такого чуда не обещали, но хорошая могилка в Москве обеспечена. Забавно вспомнить. Все это я говорю к тому, чтобы показать, что я знаю вас и ваш народ. Кто-то в вашем городе убил моего братишку. Сейчас вы мне

подыгрываете, потому что хотите достать того парня, который убрал вашего друга, или потому что приказал ваш босс, или потому что вы гад и собираетесь бросить меня с веревкой на шее, когда станет туго. Предупреждаю, что в этом случае я первый вас достану. Просто предупреждаю.

* * *

Аркадий ехал, сам не зная куда. Он не был пьян. Сидеть рядом с Кервиллом было все равно что сидеть перед открытой топкой, которая переводила водку в пар, бесполезно выделяя энергию. На каждом перекрестке в свете прожекторов развешивали красные знамена. По улицам ползали похожие на улиток мусоросборочные машины. Спящая Москва вступала в майские праздники.

Проголодавшись, он заехал перекусить на Петровку. В буфете никого не было, за исключением сидевших за одним из столиков девушек, дежуривших на охране частных квартир. Некоторые граждане платили определенную сумму денег и ставили охранную сигнализацию от воров. Девушки, положив руки под головы, крепко спали. Аркадий бросил в банку несколько монет, взял себе чаю и черствых булочек. Одну съел, остальные оставил.

У него было ощущение, будто что-то происходит, но он не знал что и где. В вестибюлях его шаги гулко отдавались, будто шаги другого человека. Большинство находящихся на ночном дежурстве были в городе, очищая город от пьяниц накануне первомайских праздников. Первого мая, наоборот, напиться было вполне патриотично. Все зависит от времени. Радикалы, о которых рассказывал Кервилл, тени забытых событий и ушедших в прошлое страстей, о которых, думал Аркадий, вряд ли знали и помнили сами американцы, — что общего было у них с убийством в Москве?

В центре связи два сержанта, расстегнув воротнички, печатали радиосообщения — невидимый глазу мусор внешнего мира. Хотя на карте города не светились огоньки, Аркадий внимательно поглядел на нее.

Он перешел в дежурное помещение уголовного розыска. Офицер, сидя в одиночестве, печатал на машинке записи, сделанные в зале суда. Слушания в суде записывались от руки, потом перепечатывались для досье. Вывешенные на стене объявления призывали к бдительности в течение «славной недели» и приглашали группы лыжников на Кавказ. Он сел за стол и набрал

номер центральной телефонной и телеграфной станции. Дождавшись ответа после двадцатого гудка, он поинтересовался телефонными звонками с автоматов, расположенных вокруг дома Ирины Асановой.

Сонный голос ответил:

— Следователь, я пришлю список утром. Не читать же мне сейчас сотню телефонных номеров.

— Звонил ли кто в гостиницу «Россия»? — спросил Аркадий.

— Нет.

— Не вешайте трубку. — В дежурке был полный телефонный справочник. Аркадий нашел по алфавиту страницы с телефонами «России». — Были ли звонки по телефону 45-77-02?

На другом конце послышалось возмущенное сопение, потом после долгого молчания последовал ответ:

— В 20.10 по этому номеру звонили с автомата 90-28-25.

— Продолжительность разговора?

— Одна минута.

Аркадий положил трубку, потом набрал номер «России» и попросил Осборна. Ему ответили, что господина Осборна нет в номере. Осборн встречался с Ириной Асановой.

В гараже Аркадий подбежал к машине и выехал на Петровку. Движение было слабое. Учитывая, что звонила Осборну она, думал Аркадий, встреча назначена по ее инициативе, даже по ее настоянию. Одной минуты достаточно, чтобы назвать место, значит, она потребовала встретиться в определенном месте. Где? Не в номере Осборна и не там, где он будет бросаться в глаза. Не в машине — это может привлечь внимание милиционера, а если не в машине, значит, Осборн не будет отвозить ее домой. Общественный транспорт прекращает движение в половине первого. На часах Аркадия было десять минут первого. По правде говоря, он даже не знал точно, встречаются ли они, а если встречаются, то где и когда. Он мог только проверить очевидную догадку.

Он свернул на площадь Революции, выключил мотор и встал в тени между двумя фонарями. Это было ближайшая к «России» станция метро, и к тому же на прямой линии от ее дома. Мимо промчалась милицейская машина с синими огнями, сирена молчала. Аркадий впервые пожалел, что в машине нет рации. Он чувствовал, как колотилось сердце. Нервно постучал кончиками пальцев по баранке. Возбуждение подсказывало ему, что он на правильном пути.

Северный вестибюль станции «Площадь Революции» выходил на площадь Свердлова, а южный — на Красную площадь. Он следил за неясными очертаниями фигур, появлявшихся с залитой светом Красной площади, из дымки, соперничающей по яркости со снежинками, летящими на фоне гигантского фасада ГУМа — Государственного универсального магазина. Звуки шагов раздавались со всех сторон. В этом разнообразии шагов, то неторопливых, то спешащих, он уловил ее походку. Ирина Асанова появилась из-за угла универмага, руки в карманах куртки, длинные волосы развевались подобно флагу. Она вошла в стеклянные двери метро как раз напротив машины Аркадия. Он увидел, как за ней, отделившись от обеих сторон входа, последовали два человека.

Пятачок был у Ирины наготове. Аркадий задержался у разменного автомата. Когда он ступил на эскалатор, она уже была далеко внизу, за нею двое мужчин, которых она по-прежнему не замечала. На них были грязновато-коричневые пальто и шляпы, какие встречались через каждые три-четыре ступеньки эскалатора, опускающегося на глубину двести метров — глубину бомбоубежища. Наступил час влюбленных — на

ступенях множество парочек, мужчины, как правило, ступенькой ниже, голова, как на обтянутой свитером подушке, покоится на груди спутницы, та смотрит прямо перед собой на набегающий потолок или, замечая проталкивающуюся вниз Ирину, окидывает ее взглядом собственницы. Двое мужчин в пальто проталкивались следом. Аркадий поспешил, но он был слишком далеко позади. Там, где под полукруглым сводом потолка кончался эскалатор, Ирина исчезла, следом за ней двое в пальто.

Переходы нижнего вестибюля устланы мрамором, на потолке — хрустальные люстры, стены и своды украшены красочными мозаичными панно на революционные темы, которые скрадывали грохот невидимых поездов. Аркадий обогнал двух солдат-монголов, вдвоем волочащих тяжелый чемодан мимо панно с изображением Ленина, выступающего перед большевиками. Мимо Ленина, призывающего к объединению рабочих, быстрым шагом прошел музыкант в блестящих лакированных туфлях. А там, где Ленин склонился над манифестом, слонялись утомленные парочки, Аркадий потерял Ирину из виду.

В конце вестибюля невысокие арки вели на посадочную платформу. Как раз отходил по-

езд, увозя незнакомых людей, пожилые люди спешили занять выделенные для них места, влюбленные в обнимку раскачивались в такт движению, постепенно исчезая из виду, потом мелькнул хвостовой вагон и два красных огонька в туннеле. Аркадий не думал, что она успела на поезд, но не был уверен. На электрических часах над туннелем большие цифры 2:56 сменились на 0:00 и начали заново отсчитывать время. В часы пик интервал между поездами не превышал одной минуты, так что из туннелей непрерывно раздавалось приглушенное вибрирование, но и по ночам, даже к концу работы, интервал не превышал трех минут. Дежурные по платформе, крепкие старушки в синей форме, с флажками в руках, обходили скамейки и шептали не желающим расставаться влюбленным: «Сейчас будет последний поезд… последний поезд…» Аркадий стал расспрашивать о высокой молодой красивой женщине с длинными каштановыми волосами. Дежурная сочувственно покачала головой. Он через вестибюль метнулся на противоположную платформу. Пассажиры как две капли воды походили на тех, что уже уехали, если не считать солдат-монголов, которые, как куклы на выставке, сидели на своем чемодане.

Аркадий вернулся в вестибюль и двинулся вдоль сверкающей революционной мозаики, уступая дорогу спешащим к последнему поезду. Он был уверен, что не пропустил бы Ирину. Уборщица, стоя на коленях рядом с ведром нашатыря, терла мраморный пол. Ленин говорил, что он пустит золото на канализационные трубы; мрамор в метро — не так уж далеко от этого. Голова уборщицы повторяла круговые движения руки. Во всю длину вестибюля Ленин на мозаичных панно вдохновлял, поносил, размышлял. На одной стороне между мозаиками находились три двери. Замигали люстры, предупреждая, что следующий поезд будет последним. В чередовании света и тьмы фигуры Ленина то оживали, то блекли.

Аркадий открыл дверь со знаком красного креста и обнаружил чулан с кислородным баллоном, огнетушителями, повязками, прислоненными к стене носилками, одним словом, средствами первой помощи. Одна из дверей с надписью «Вход воспрещен» была заперта. Другая дверь с надписью «Вход воспрещен» легко распахнулась, и он проскользнул в нее.

Пространство, в котором он оказался, было не больше кабины машиниста. На циферблатах многочисленных счетчиков отражался свет крас-

ной лампы. Другая стена пестрела рубильниками и пометками мелом. Он поднял с пола то, что сначала показалось тряпкой. Это была косынка, в свете лампы выглядевшая черной.

На железной двери была надпись: «Опасно!». Аркадий толчком открыл ее и оказался в туннеле. Он стоял на узком металлическом мостике, возвышавшемся над рельсами на уровне груди. Воздух вибрировал. Со стороны отдаленной платформы проникал сумрачный свет. Прямо под площадкой на рельсах лежала Ирина Асанова. Глаза и рот открыты. Один из мужчин в пальто укладывал на рельсы ее ноги. Второй, оказавшийся на мостике, замахнулся на Аркадия короткой лопаткой.

Аркадий принял два удара на руку и почувствовал, как она онемела ниже локтя. Правда, урок, преподанный ему Кервиллом в Парке Горького, не прошел даром. Когда противник откинулся, чтобы нанести удар прямо по черепу, Аркадий что было сил ударил его ногой между ног. Человек переломился надвое и уронил свое орудие. Аркадий подхватил его и ударил соперника по голове. Тот осел на площадку, одной рукой держась за низ живота, другой зажимая фонтан хлещущей из носа темной крови. Аркадий посмотрел вдоль

туннеля на часы в начале платформы и разглядел на удивление четкие цифры — 2:27.

Тот, что был на рельсах, наблюдал за схваткой наверху со спокойным изумлением, словно управляющий, у которого на глазах нахальный клиент отталкивает стоящего перед ним помощника. Лицо его было испещрено оспинами. Лицо профессионала. Маленькие глазки смотрели поверх тупорылого ТК, карманного пистолета сотрудников КГБ, направленного в грудь Аркадия. Ирина не шевелилась. Жива ли она, Аркадий не знал.

— Не надо, — сказал Аркадий, указав в сторону платформы. — Услышат.

Человек на рельсах понимающе кивнул и опустил пистолет в карман пальто. Потом посмотрел на часы над платформой и призвал Аркадия к благоразумию:

— Ты опоздал. Ступай домой.

— Нет.

Аркадий считал, что он по крайней мере не даст мужчине уйти с рельсов и вернуться на мостик, но тот одним прыжком достал до поручней, а в следующую секунду оказался рядом с Аркадием. Аркадий беспорядочно махал лопаткой, но попадал лишь по пальто да по перилам, пока

противник не отшвырнул его ногой, протиснулся мимо лежащего напарника и пошел на Аркадия короткими уверенными шагами. Аркадий попятился. Прикрывая больную грудь, Аркадий пропустил еще один удар ногой в живот, потом еще один, заставивший вскрикнуть. Профессионал примеривался, как врач, отыскивающий вену. Сюда? Или туда? Ноги и руки у него были не такие увесистые, как у Кервилла, да и от ударов он уходил не так чисто. Аркадий уронил лопатку, погасил удар ногой и ушел от следующего. Противник, потеряв равновесие, схватился за поручни и сразу получил удар кулаком. Второй удар, в область сердца, послал его на землю. Он молча поднялся, обхватил Аркадия, пытаясь ударить головой или свалить подножкой. Аркадий стал вывертываться, и они, сцепившись, перевалились через поручни и упали на рельсы.

Аркадий оказался сверху, но тут же почувствовал, как что-то ткнулось в ремень. Приподнявшись, он увидел, что сквозь карман незнакомца торчит лезвие ножа. Человек откатился в сторону и выставил в развернутой ладони нож с выстреливающимся лезвием. С него слетела шляпа, обнажились глубокие залысины. Казалось, что он только сейчас проявил интерес к схватке.

Он крутил и взмахивал лезвием, демонстрируя короткий укол в глаз, потом выпад по корпусу. Аркадий споткнулся о тело Ирины и упал. Удивительно, что, по мере того как этот человек надвигался с ножом, его зрачки становились оранжевыми, будто изнутри исходил яркий свет.

Аркадий почувствовал, как задрожали рельсы. Как в хорошей пантомиме, мужчина сложил нож, поднял шляпу и взобрался на площадку. Аркадий видел, как вдалеке цифры 2:49 изменились на 2:50, а обернувшись, увидел свет двух головных прожекторов поезда. Их ореол осветил стены туннеля. В лицо ударила гонимая поездом воздушная волна. Рельсы громко загудели.

Руки Ирины были словно ватные и горячие на ощупь. Он поднял ее и повернул к нестерпимо слепящему свету. Такого яркого света он никогда еще не видел. В воздухе светились мельчайшие пылинки. Ее руки безжизненно повисли. Он зашатался.

Аркадий толкнул Ирину на мостик и прижался к стене.

Поезд промчался мимо.

* * *

Левин открыл дверь. Аркадий, не задерживаясь, отнес девушку на диван.

— Ее или ударили по голове, или что-то вкололи. Я еще не успел разглядеть, — сказал он. — У нее сильный жар.

Левин был в халате и шлепанцах. Пижамные брюки были ему по щиколотки, такие же острые, как его нос. Было видно, что он не может решить, как поступить, — попросить Аркадия уйти или оставить.

— За мной не следили, — решил помочь Аркадий.

— Не обижайте меня, — Левин принял решение, запахнул халат и сел измерять температуру у Ирины. Ее отекшее лицо пылало. Афганская дубленка окончательно превратилась в кучу тряпья. Аркадий смущенно глядел на нее. До него еще не дошло, как он выглядел сам. Левин приподнял ее правую руку и показал синяк и следы от укола. — Инъекция. Судя по температуре, вероятно, сульфазин. Грязная работа.

— Она, наверное, сопротивлялась.

— Да, — ответил он, подчеркивая неуместность реплики. Он зажег спичку и медленно провел

ею перед глазами, прикрывая сначала один глаз, потом другой.

Аркадий все еще находился в возбуждении от смертельной опасности. Поезд остановился, не доезжая платформы, и, пока машинисты добежали до нее, пока дежурные вызывали милицию, Аркадий успел перенести Ирину в машину. «Пронесло!» — одно слово бешено крутилось в сознании. Почему старшему следователю нужно убегать от милиции? Более того, почему полумертвая девушка представляет такую опасность для Левина? Поразительная страна, где каждый так хорошо умел читать между строк!

Придя в себя, он наконец оглядел квартиру Левина, в которой раньше не бывал. Вместо создающих уют безделушек полки и столы были уставлены лакированными шахматными досками с расставленными на них фигурами из слоновой кости, тикового дерева и цветного стекла. На каждой доске демонстрировалась какая-нибудь начатая партия. Вместо привычных бабушкиных вышивок на стенах висели портреты Ласкера, Таля, Ботвинника, Спасского и Фишера — все из них гроссмейстеры, все евреи.

— Если вы еще не совсем выжили из ума, отвезите ее туда, где подобрали, — сказал Левин.

Аркадий отрицательно покачал головой.

— Тогда вам придется мне помочь, — сказал Левин.

Они перенесли ее в постель Левина, на простую железную складную кровать. Аркадий стащил с нее сапожки и помог Левину снять промокшие от пота верхнюю одежду и белье.

Аркадий подумал, как часто ему с Левиным приходилось стоять над другими телами — белыми, холодными, окоченевшими. Сейчас, стоя над телом Ирины, Левин был странно нерешителен, ему было явно не по себе, и он старался скрыть это. Аркадий едва ли когда-нибудь видел его таким человечным — он переживал за живущих. Тем более что Ирина Асанова была, несомненно, жива. Она находилась в коматозном состоянии, но пылала в лихорадке. Более худая, чем ожидал Аркадий, под тяжелыми грудями с удлиненными сосками торчали ребра, живот впалый до самого бугорка с густыми каштановыми волосами. Стройные ноги раскинуты. Открытые глаза смотрели на Аркадия, скорее сквозь него.

Когда они обертывали ее мокрыми полотенцами, чтобы сбить температуру, Левин указал на бледно-голубое пятно на правой щеке.

— Видите?

— Думаю, след случайной травмы.

— Случайной? — усмехнулся Левин. — Ступайте, приведите себя в порядок. Ванную найдете сами, здесь не Зимний дворец.

Встав перед зеркалом, Аркадий обнаружил, что он весь в грязи, а одна бровь словно срезана бритвой. Помывшись, он вернулся в комнату. Левин разогревал на плитке чай. В маленьком шкафчике виднелись банки с овощными и рыбными консервами.

— Мне предложили квартиру либо с кухней, либо с ванной. Ванна для меня важнее, — с непривычной для него ноткой гостеприимства он добавил: — Хотите перекусить?

— Чаю с сахаром, больше ничего. Как она?

— О ней не беспокойтесь. Она молодая, здоровая. Ей будет плохо день, не больше. Побудет здесь. — Левин передал Аркадию чашку чуть теплого чая.

— Итак, вы считаете, что это сульфазин?

— Чтобы ответить наверняка, нужно положить ее в больницу, — ответил Левин.

— Нет.

Сульфазин был одним из излюбленных наркотиков, применявшихся КГБ, — не успеет он положить ее в больницу, как врач пойдет зво-

нить. Левину это было известно.

— Спасибо вам.

— Помалкивайте, — оборвал его Левин. — Чем меньше вы будете говорить, тем лучше для меня. Уверен, что обладаю достаточным воображением, интересно, как у вас с этим делом.

— Что вы хотите сказать?

— Аркадий, а она уже не девица.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— О метке на ее щеке. Она уже побывала у них, слышите, Аркадий? Несколько лет назад ей кололи аминазин.

— Я думал, что они перестали им пользоваться. Ведь это опасно.

— В том-то и дело. Они намеренно плохо вводят его в мышцу, так, чтобы он не рассасывался. Если он не рассасывается, то образует злокачественную опухоль, как это было в случае с ней. Опомнитесь же наконец. Она слепа на один глаз. Тот, кто удалял опухоль, перерезал зрительный нерв и оставил этот шрам. Это их метка.

— Не слишком ли вы сгущаете краски?

— Спросите у нее. Поговорите о слепых!

— Вы придаете этому делу слишком большое значение. Скажу, что на свидетельницу напали и я ее защитил.

— Так почему же вы сейчас не в милиции?

Аркадий прошел в спальню. Полотенца были горячие, он поменял их на свежие. Руки и ноги Ирины судорожно подергивались во сне — реакция на снижение температуры. Он погладил ей лоб, откинув назад пряди спутанных волос. Пятно на щеке из-за прилившей крови приобрело слабый лиловый оттенок.

Что им нужно? — спрашивал он. Они появились с самого начала. Майор Приблуда рылся в трупах в Парке Горького. Сыщик Фет сидел на допросе Голодкина. Убийцы в квартире Голодкина, убийцы в туннеле метро. Резиновые мячики, уколы, лезвия — все это автографы Приблуды и множества других приблуд, которых он обобщенно называл «они». Во всяком случае, они уже оцепили ее дом и у них уже есть список ее друзей. Они будут без устали следить за больницами, и осталось недолго ждать, когда Приблуде придет на память имя патологоанатома Левина. Левин человек мужественный, но, как только она очнется, ей надо отсюда уходить.

Когда он вернулся в комнату, Левин, чтобы успокоиться, рассматривал расположение фигур на шахматных досках.

— Ей лучше, — сообщил Аркадий. — Во всяком

случае, она спит.

— Завидую ей, — сказал Левин, не поднимая глаз от доски…

— Сыграем?

— Какой у вас разряд? — взглянул на него Левин.

— Не знаю.

— Если бы был, то знали бы. Нет, спасибо, — однако отказ вернул Левина к обязанностям гостеприимного хозяина и к мыслям о женщине в его постели, которую сейчас ищут. Он заставил себя улыбнуться. — Между прочим, на этой доске очень интересная позиция. Партия, сыгранная Боголюбовым и Пирцем в тридцать первом году. Ход черных, только ходить-то некуда.

Аркадий только в армии от скуки всерьез играл в шахматы, да и тогда он хорошо играл лишь в защите. Обе стороны уже рокировались, и белые, как и говорил Левин, овладели центром. Аркадий заметил, что в квартире нет шахматных часов — признак того, что хозяину был больше по душе неторопливый анализ, нежели шахматные побоища. К тому же бедного Левина пугала перспектива долгой и беспокойной ночи.

— Не возражаете? — Аркадий сделал ход за черных. — Слон бьет пешку.

Левин пожал плечами: пешка бьет слона.

...Ферзь бьет пешку, шах! Король бьет ферзя, конь на g4 шах! Король g1, конь бьет ферзя! Черный конь ставит вилку на слона и ферзя.

— Вы совсем не думаете, прежде чем ходить, — пробормотал Левин. — А именно в этом и заключается удовольствие.

Слон идет на g3, конь бьет ладью. Левин задумался: чем брать коня — ладьей или королем. В обоих случаях конь теряется; итак, черные отдают ферзя, слона и коня за ферзя, ладью и две пешки. Исход будет зависеть от способности белых ввести в игру слона, прежде чем черные закрепят пешечное превосходство и сдвоят ладьи.

— Вы внесли осложнения, — заметил Левин.

Пока Левин обдумывал ход, Аркадий покопался в книжной папке и вернулся с томиком По. Довольно скоро он заметил, что Левин уснул в своем кресле. В четыре часа он спустился в машину, объехал вокруг квартала, чтобы убедиться в отсутствии слежки, и вернулся в квартиру. Больше ждать было нельзя. Он одел Ирину в непросохшую одежду, завернул в одеяло и снес вниз. Единственными, кого он увидел по дороге, были дорожные рабочие, «штурмовавшие» накануне Первого мая. Под руководством един-

ственного мужчины, управлявшего дорожным катком, четыре женщины разравнивали горячий асфальт. Миновав мост, он остановился в двух кварталах от Таганской, дошел пешком до дома, обошел все комнаты, чтобы убедиться, что там никого нет. Вернувшись в машину, он направился к дому. Завернув во двор, выключил мотор и фары. Перенес Ирину наверх, уложил на кровать, раздел и укрыл одеялом Левина и своим пальто.

Он собирался пойти отогнать машину, когда увидел, что она открыла глаза. Зрачки были расширены, белки покраснели. У нее не было сил повернуть голову.

— Идиот, — сказала она.

13

Шел дождь. Поскрипывали голые полы. Сверху и снизу время от времени слышались звуки шагов, видно, убирались в квартирах. В подъезде по лестнице поднималась старуха. В дверь не стучали, звонков не было.

Ирина Асанова лежала лицом к нему, теперь, когда лихорадка прошла, бледная как полотно. Он так и не раздевался. Он поискал, где бы прилечь, но в квартире не было ни стульев, ни дивана, даже половика, и в конце концов улегся рядом с ней. Она не слышала, да это и не имело никакого значения. Он поглядел на часы. Девять. Он тихо, чтобы не разбудить ее, поднялся, в одних носках подошел к краю окна и поглядел во двор. В окна со двора никто не смотрел. Ее нужно было перевезти в другое место, но он не знал куда. К ней нельзя. О гостиницах не могло быть и речи. Снимать номер гостиницы в своем городе было незаконно. (Какие веские основания могли быть у гражданина, чтобы не оставаться дома?) Ничего, что-нибудь появится.

Четырех часов сна оказалось достаточно. Расследование захватило его целиком, подхватило

и понесло, как пловца огромная волна, перед которой не устоять.

Девушка натянула одеяло на голову. Значит, поспит еще часа четыре, прикинул он. К этому времени он вернется. Нужно ехать к генералу.

Шоссе Энтузиастов, путь, по которому заключенные когда-то начинали свой пеший путь в Сибирь, проходило мимо тракторного завода «Серп и молот», а дальше переходило в узкое Горьковское шоссе. По сторонам на восток до самого Урала виднелись утопающие в грязи деревни с избушками не выше картофельного куста. Отмахав сорок километров, Аркадий свернул по щебеночной дороге на север к деревне Балабаново. На пути встречались фигуры крестьян, сажавших коноплю и бобы, и стада одинаковых бурых коров. Затем грунтовая дорога пошла лесом, таким густым, что земля была еще покрыта не тронутыми солнцем снежными сугробами. Между стволами виднелась Клязьма.

Он поставил машину у железных ворот и дальше пошел пешком. За последнее время здесь не проезжало ни одной машины. Середина дороги заросла высокой прошлогодней травой. Почти из-под ног выскочила лиса, машинально мелькнула мысль о генеральских собаках, но в лесу,

кроме шороха дождя, не раздалось ни звука.

Спустя десять минут он подошел к двухэтажному дому с крутой железной крышей. Он помнил, что по другую сторону круглой открытой лужайки к реке спускается длинная лестница, и там есть, по крайней мере была, лодочная пристань. Солидный участок реки огорожен сделанными из керосиновых бочек оранжевыми буями. Пристань была уставлена деревянными кадками с пионами. У бочонка со льдом орудовали двое адъютантов в белых куртках и белых перчатках. Во время вечеринок повсюду зажигались китайские фонарики — они висели над пристанью и светящейся цепочкой поднимались к небу вдоль лестницы. Их отражения качались в воде, словно привлеченные музыкой светящиеся морские существа.

Он оглядел дом. Перила крыльца покосились. Заржавевший садовый столик и пустой загон для кроликов заросли сорняками. Вокруг дома и лужайки, завершая картину полного запустения, вкривь и вкось стояли сосны и одичавшие вязы с высохшими и гниющими сучьями. Единственным признаком жизни была висящая у дома связка синих и темно-красных освежеванных кроличьих тушек.

На стук отозвалась пожилая женщина. Первое изумление сменилось злобным взглядом и ядовитой усмешкой вымазанного помадой ротика. Она вытерла руки о засаленный фартук.

— Вот уж кого не ждали, — произнесла она заплетающимся языком.

Аркадий вошел. Мебель закрыта чехлами. Серые от пыли занавески. Над камином написанный маслом портрет Сталина. В камине дымилась сырая зола. Высушенные сучья, бутылки с выцветшими бумажными цветами, пирамида со старой винтовкой Мосина и двумя карабинами.

— Где он? — спросил Аркадий.

Она кивком указала на библиотеку.

— Скажи ему, пусть больше платит, — громко сказала она. — И женщину в помощь, но сперва деньги.

Аркадий высвободил руку из ее пальцев и направился к двери под ведущей на второй этаж лестницей.

Генерал сидел у окна в плетеном кресле. Как и у Аркадия, у него было узкое красивое лицо, но кожа утратила мягкость и матовость, брови поседели и стали лохматыми, вместо волос белый пушок, обрамляющий лысину и виски с вздутыми венами. Фигуру скрывала широкая

деревенская рубаха, простые штаны и большие, не по размеру, сапоги. В изжелта-бледных руках пустой деревянный мундштук.

Аркадий присел. В библиотеке два бюста — Сталина и самого генерала, оба отлиты из оболочек снарядов. На обитой красным фетром планке ряды орденов и медалей, в том числе два ордена Ленина. Фетр запылился, фотографии на стенах потускнели от грязи, пыль скопилась и в складках приколоченного к стене дивизионного знамени.

— Значит, приехал, — сказал генерал. Он сплюнул на пол, мимо фаянсовой посудины, заполненной почти до краев бурой мокротой. Взмахнул мундштуком. — Скажи этой суке, если хочет больше денег, пускай едет в город и зарабатывает своим горбом.

— Я приехал расспросить тебя насчет Менделя. Есть вещи, о которых я должен знать с полной определенностью.

— Он умер, это уж точно.

— Он получил орден Ленина за то, что убил каких-то немцев, прорвавшихся к Ленинграду. Вы с ним дружили.

— Это был не человек, а дерьмо. Вот почему он и попал в Министерство иностранных дел. Туда берут или жуликов, или всякое дерьмо, всегда

так было. Такой же трус, как и ты. Нет, лучше тебя. Не совсем конченый. Теперь новые времена и дерьмо плывет по течению. Убирайся домой. Ступай нюхать свою сучку. Не развелся еще?

Аркадий взял у генерала мундштук и вставил сигарету. Одну взял в рот, прикурил обе и вернул мундштук. Генерал закашлялся.

— Я был в Москве на октябрьские праздники. Мог бы и навестить. У Белова время нашлось.

Аркадий разглядывал одну из потемневших фотографий. Не поймешь — люди на ней то ли танцуют, то ли висят. На другой — то ли свежевскопанный огород, то ли братская могила. Это было так давно, что он забыл.

— Это ты там?

— Нет, я здесь.

Генерал впервые повернулся лицом к Аркадию. От него мало что осталось. Кожа да кости. Темные когда-то глаза затянуты катарактой.

— Ты у меня тряпка, — сказал он. — Даже тошнит.

Аркадий поглядел на часы. Через несколько часов проснется девушка, а ему еще по пути надо купить поесть.

— Слыхал о новых танках? Пробовали похвастаться перед нами. Не танки, а долбаные

жестянки. Все ваш Косыгин старается. Говорят, разрабатывали директора заводов. Директора! У одного есть ядерный реактор — давайте ставить атомные снаряды. Другой выпускает лимонад — поставили распылители отравляющих веществ. Еще один делает кондиционеры — установили кондиционер. Производишь туалеты — давай сиденья от унитазов. Одним словом, дерьмо еще более бесполезное, чем шикарный крейсер, будто нас этим удивишь! Нет, вы постройте такой танк, в котором нечему было бы ломаться, а если бы и сломалось, то чтобы можно было починить на ходу. Знаешь, как Микоян строил самолеты — хорошая бригада с одним умным человеком наверху. А нас заваливали никому не нужным дерьмом. Теперь-то все они стали добрыми. А у тебя все тот же дурацкий вид?

— Ага.

Старик переменил позу, почти не потревожив висящей на нем одежды.

— Ты бы уже мог быть генералом. Вон, парень Говорова командует всем Московским военным округом. С моей-то фамилией ты бы продвигался еще быстрее. Конечно, я знал, что для командования бронетанковыми войсками у тебя кишка тонка, но уж в разведке мог бы быть одной из

больших шишек.

— А как насчет Менделя?

— Но тебе этого не дано. То ли семя плохое, то ли еще что, не знаю.

— Мендель стрелял в немцев?

— Тебя здесь не было десять лет, а ты расспрашиваешь о каком-то трусе, который давно в могиле.

На рубашку генерала свалился пепел. Аркадий наклонился и погасил огонек.

— Собак не стало, — сердито продолжал генерал. — Они бегали в поле и наткнулись на каких-то дураков, которые ехали на бульдозерах. Эти негодяи их застрелили! Колхозники, черт подери! Зачем им там бульдозеры? Да, весь мир… — он сжал маленький бледный кулачок. — Все идет прахом. Жуки навозные. Гниль. Слышишь, мухи!

Они замолчали, генерал повернулся, прислушиваясь к шуму дождя. Между второй и третьей рамами окна попала пчела, но она, давно окоченев, лежала на спине.

— Мендель умер. В постели. Он всегда говорил, что умрет в постели. Оказался прав. А теперь… — он сложил губы в подобие улыбки. — Меня хотят забрать в клинику, сын. Есть такая клиника в

Риге. Высший класс, для героев ничего не жалко. Я думал, что ты из-за этого приехал. У меня рак, всего меня проел. Видишь, что от меня осталось. В клинике и облучение и прогревание, и меня туда приглашают. Но они меня там не увидят, потому что я знаю, что оттуда уже не вернусь. Я встречался со специалистами. И не поеду. Этой суке я не говорил. Она хотела бы, чтобы я поехал, потому что рассчитывает на мою пенсию. Ты тоже, да? Я вас за версту чую, как тех монахов, что наложили в штаны.

— Помирай где хочешь, — ответил Аркадий.

— Вот это верно. Главное, что я тебя надую. Слышишь, я ведь всегда знал, почему ты пошел в прокуратуру. Ты хотел одного — опозорить меня, явиться со своими ищейками и снова вытащить все это дело на свет. Погибла жена генерала от несчастного случая с лодкой или же ее убили? В этом смысл всей твоей жизни — добраться до меня. А я возьму да помру — так ты ничего и не узнаешь.

— Да знаю я. Уже много лет.

— Не пробуй меня дурачить. У тебя одно вранье, всю жизнь врал.

— Каким был, таким и остался. Но все-таки знаю. И ты не убивал, и несчастного случая не

было. Она сама себя убила. Жена героя покончила самоубийством.

— Белов…

— Он мне ничего не говорил. Я сам понял.

— Так если знал, что это не я, почему все эти годы ни разу ко мне не приехал?

— Если бы ты был способен понять, почему она покончила с собой, то понял бы, почему я не приезжал. Не такой уж секрет, всего лишь наше прошлое.

Генерал весь ушел в кресло, на лице было появилось протестующе-презрительное выражение, но потом, казалось, для него исчезло все — он сам, кресло, Аркадий. Черты лица разгладились. Он стал еще меньше. Не он испустил душу — душа ушла в него. Казалось, на кресле остались пустые рубашка и брюки — ни движения, ни вздоха. Недвижимы голова и руки.

В наступившем молчании Аркадию неизвестно почему вспомнилась азиатская народная сказка о жизни. Возможно, толчком послужила внезапная умиротворенность сидящей в кресле фигуры. В сказке говорилось, что вся жизнь есть приготовление к смерти, что смерть так же естественна, как и рождение, и самое худшее, что может в жизни сделать человек, — это сопротивляться

смерти. Было сказочное племя, где все рождались без крика и умирали без мучений. Он, правда, забыл, куда, черт возьми, эти люди отправлялись, по их мнению, после смерти. Однако у них были свои преимущества перед русским человеком, Который плыл по жизни, барахтаясь, словно в реке, мчащейся в сторону водопада. На какой-то момент он увидел, что отец обмяк, словно покидающие его силы собирались в одной, последней точке. Затем так же зримо он ощутил, что силы с трудом возвращаются к больному. Дыхание стало глубже, кровь, подобно подкреплениям, пошла по жилам и оживила конечности. Он был свидетелем, как человек, полагаясь только на себя, усилием воли восстает из небытия. С лица исчез восковой оттенок, а глаза упрямо смотрели вперед, пораженные болезнью, но непокоренные.

— Мы с Менделем были в одной группе в Академии имени Фрунзе и оба командовали танковыми частями на переднем крае, когда Сталин сказал: «Ни шагу назад!» Что сделал я? Я понял, что немцы растянут линии фронта, потому будет легко проникнуть в их тылы. Мои донесения по радио из-за линии фронта как громом поразили всех. Сталин в своем бомбоубежище слушал их каждую ночь. В газетах сообщалось: «Генерал Ренко

где-то в тылу противника». Немцы спрашивали: «Кто такой этот Ренко?» Потому что тогда я был только полковником. Сталин произвел меня в генералы, я даже не знал. У немцев были полные списки наших офицеров, и эта новая фамилия сбивала их с толку, подрывала уверенность. Она была у всех на устах, следом за именем Сталина. А что было, когда я с боями пробился к Москве и сам Сталин встречал меня! Прямо во фронтовом обмундировании я поехал с ним на станцию «Маяковская» и стоял рядом, когда он произносил свою величайшую речь, слова которой повернули вспять волну фашистского наступления, хотя к тому времени их артиллерия уже обстреливала столицу… А через четыре дня мне дали танковую дивизию, гвардейскую дивизию, которая первая вошла в Берлин. С именем Сталина… — Он рукой остановил Аркадия, который собирался встать и уйти.

— Ты носишь такую фамилию, а являешься сюда, жалкий сыщик, расспрашивать о трусе, который всю войну прятался по складам. Все-то вы суете нос в чужие дела! И это жизнь? Разузнавать о Менделе?

— О тебе я и так все знаю.

— А я о тебе. Не забывай. Еще один реформатор

— молокосос… Генеральская рука упала. Он замолк, голова поникла. — Да, о чем это я?

— О Менделе.

Аркадий ожидал возобновления бессвязной брани, но генерал перешел к делу.

— Забавная история. В Ленинграде взяли в плен немецких офицеров и передали Менделю для допроса. А с немецким у Менделя… — он плюнул точно в плевательницу. — Тогда вызвался американец, забыл, как его звали. Хороший был мужик, обходительный, хоть и американец. Немцы ему все рассказали. А он вывез их в лес на пикник с шампанским и шоколадом и там их перестрелял. Ради забавы. Самое смешное, что их не собирались расстреливать, так что Менделю пришлось сочинять липовую докладную о десантниках. Американец откупился от военных следователей, а Мендель получил орден Ленина. Он взял с меня слово молчать, но коль ты мой сын…

— Спасибо.

Аркадий встал и, чувствуя себя вконец опустошенным, побрел к двери.

— Заехал бы еще, — попросил генерал. — Приятно поговорить.

* * *

В картонной коробке были молоко, яйца, хлеб, сахар, чай, тарелки и чашка, сковорода, мыло, шампунь, паста и зубная щетка — все куплено по дороге в Москву. Он поспешил к холодильнику, боясь, что отвалится дно. Стоя на коленях, он выкладывал продукты, когда услышал позади себя Ирину.

— Не оглядывайтесь, — сказала она. Взяла мыло и шампунь и удалилась. Он услышал, как в ванной полилась вода.

Аркадий, усевшись на подоконник, остался в комнате. Он чувствовал себя дурацки, оттого что не решался войти в спальню, хотя в комнате по-настоящему негде было сесть. Хотя дождь перестал, на улице пока не маячили типы в пальто. Он удивился, зная, что Приблуда не стал бы хитрить. Мысли вернулись к разговору с отцом, Осборн убил трех немцев («Я и раньше был в Ленинграде», — говорил Осборн на одной из пленок. — Я и раньше был там с немцами".) почти так же, как он покончил с тремя жертвами в Парке Горького. Аркадию хотелось знать, кого из военных следователей подкупили Мендель и Осборн, кто они и какую славную карьеру сделали

они после войны?

Еще не видя, он почувствовал что Ирина стоит в дверях ванной. На ней была простыня с отверстиями для рук, опоясанная его поясом, мокрые волосы покрыты полотенцем, ноги босые. Она стояла там не более секунды, но у него было ощущение, что она уже долго смотрит на него, как во время их первой встречи, будто разглядывая попавшуюся на глаза диковинку. И снова самое нелепое облачение гляделось на ней как крик моды, словно в этом году принято ходить в простынях. На этот раз он заметил, что ее лицо слегка повернуто в сторону, — он вспомнил слова Левина о незрячем глазе и взглянул на предательскую метку на щеке.

— Как вы себя чувствуете?

— Чище.

Голос сел: под действием сульфазина ее вырвало. Но цвет лица вернулся к ней, она выглядела лучше, чем могли похвастаться многие москвичи. Она оглядела комнату.

— Приношу извинения за состояние квартиры, — сказал он, следуя глазами за ее взглядом. — Жена сделала небольшую весеннюю уборку. Увезла кое-что с собой.

— Сдается, она прихватила и себя.

— Угадали.

Сложив руки, Ирина прошла к плите, на которой стояли единственная сковородка, чашки и тарелки.

— Зачем вы вчера спасли мне жизнь? — спросила она.

— Вы нужны для расследования, которое я веду.

— И это все?

— А что еще?

Она заглянула в пустую кладовку.

— Не хочу вас расстраивать, — сказала она, — но похоже, что ваша жена действительно не собирается возвращаться.

— Беспристрастное мнение всегда в цене.

Она облокотилась о плиту.

— И что дальше?

— Когда высохнет одежда, вы уйдете, — ответил Аркадий.

— Куда?

— Это решать вам. Домой…

— Там меня будут ждать. Благодаря вам, я даже не могу поехать на студию.

— Тогда к друзьям. Большинство, конечно, под наблюдением, но должен же быть кто-нибудь, у кого можно остановиться, — сказал Аркадий.

— С риском, что и они попадут в беду? Я так с друзьями не поступаю.

— Ну, тогда можете остаться здесь.

— А почему бы не остаться? — она пожала плечами. — Никого нет. Думаю, что квартира старшего следователя — идеальное место. Было бы преступлением не воспользоваться ею.

— Товарищ Асанова…

— Ирина. Вы меня уже достаточно раздевали. Думаю, после этого можно обращаться и по имени.

— Ирина, может быть, трудно представить, но здесь для вас самое неподходящее место. Прошлой ночью меня видели, и прежде всего они придут сюда. Вам нельзя будет выходить на улицу, чтобы купить продукты или одежду. Вы здесь будете в ловушке.

— Вы хотите сказать, что мы будем в ловушке.

Пока они говорили, простыня все больше прилипала ко все еще влажному телу и мокрые пятна просвечивали насквозь.

— Я здесь не буду много бывать, — Аркадий отвел глаза.

— Здесь две тарелки и две чашки, — сказала Ирина. — Все очень просто. Или вы заодно с «ними», тогда, куда бы я ни направилась, вы будете

за мной следить, или вы не с «ними», тогда я потяну за собой или друга или вас. Я все обдумала. Предпочту вас.

Зазвонил телефон. Черный аппарат на полу в углу спальни звонил не переставая. На десятом звонке Аркадий снял трубку.

Звонил Лебедь. Он сообщил, что цыган отыскал место, где Костя Бородин делал иконы.

* * *

Место, которое обнаружил цыган, оказалось гаражом рядом с картинговым треком на южном берегу реки. Механик по кличке Сибиряк исчез несколько месяцев назад. На крюках, как кавычки над снятой с колес ржавой «Победой», висели два карта. Пол усеян опилками и залит маслом. В тисках на верстаке наполовину распиленная пластина. В одном углу свалены куски металла и части машин, в другом — деревянные обрезки. На стене рамка для холста, рядом жестянки с белилами, олифой и скипидаром. В шкафчике со сломанной дверцей грязные рабочие комбинезоны, которые никто и даром не возьмет. Никаких ящиков с инструментами, ничего ценного, что можно было утащить. С трека раздавались рев моторов и визг тормозов.

— Знаете, как это делается? — спросил Аркадий.

— Два года провел в лаборатории латентных отпечатков. Постараюсь вспомнить, — сказал Кервилл.

Лебедь и цыган стояли в стороне. Пепельницей цыгану служил собственный карман. Аркадий установил юпитер, разложил на полу чемодан судебного эксперта, достал карманный фонарь, тонкие резиновые перчатки, черные и белые карточки, щипцы, порошки (белый, черный и смолу драконова дерева), кисти из верблюжьей шерсти и пульверизаторы. Кервилл надел перчатки, вывернул из патрона на потолке шестидесятиваттную лампочку и заменил ее на стопятидесятиваттную. Аркадий начал с окон — освещая фонариком грязные стекла, стал наносить кистью белый порошок. Затем перешел к стаканам и бутылкам, стоявшим на полках, отыскивая отпечатки с помощью белого порошка и черных карточек. Кервилл, двигаясь от двери против часовой стрелки, начал обрабатывать нингидрином с помощью пульверизатора шероховатые поверхности.

Обнаружение отпечатков — это такая работа, которую можно успешно завершить за день или

не справиться с ней за неделю. Обследовав все вероятные объекты — места проникновения внутрь помещения, дверные и другие ручки, стеклянные предметы, следователь должен был обратить внимание на самые невероятные места, куда может достать человеческий палец, — шины, обратные стороны картин, донышки жестянок из-под красок. Вообще Аркадий всегда старался увильнуть от снятия отпечатков. На этот раз он охотно взялся за дело: привычное занятие помогало думать. Американский детектив, сосредоточившись на тонкой работе, действовал методично и упорно, можно сказать, изящно. Погруженные в работу, они не произнесли ни слова. Аркадий обрабатывал порошком дверные ручки, крылья и номерной знак автомобиля, а Кервилл в это время сверху и снизу опрыскивал верстак. Когда цыган показал на кучу тряпья, оба взглядом дали понять бесполезность такого занятия — на ткани приличных отпечатков не остается. Аркадий обработал черным порошком края висевшей на стене фотографии. В улыбке изображенной на ней актрисы виделись шумные забавы на скалах у моря, целомудрие и заграничное нижнее белье. Он взял самую малую толику порошка, сметая его к кромке снимка от вершины отпечатка пальца

к его основанию.

Нужно было учесть особенности гаража. Пол вокруг автомашины и картов расцвечен жирными пятнами — если человек лезет под картер, значит, ему нужно масло. С другой стороны, те, кто имеет дело с деревом, более чистоплотны, что твои врачи. Есть и другие факторы. Скажем, идеально, если подозреваемый — нервный человек с жирной кожей, да еще и волосы мажет лосьоном. Но и человек с сухой прохладной кожей мог просто поздороваться с тем, у кого жирная кожа, или выпить с ним из одной бутылки. Нужно учитывать и время — холод закрывает поры. Опилки, словно губка, впитывают скрытые отпечатки.

Аркадий положил на место свои принадлежности, взял лупу и дактилоскопическую карту Кости Бородина, а Кервилл подсоединил к удлинителю мощную лампу и двинулся по своим следам, нагревая лампой обработанные им места. Аркадий заметил, что на обоих указательных пальцах Бородина наблюдались характерные двойные петли, а на большом пальце правой руки — кривой шрам. Собирая доказательства для суда, он бы придерживался другого порядка, который требовал больше времени, — фотографировал бы отпечатки, переносил их на пленку, пытался бы

отыскать как можно больше точек совпадения между картой и полученными отпечатками. Сейчас важнее было время. Кервилл тоже работал споро. Тонкий слой нингидрина в сочетании со следами аминокислот, содержащихся в оставленных отпечатках, при высыхании под лампой приобретал пурпурный цвет. Кервилл прошел по своему маршруту еще раз, теперь без лампы и лупы, сравнивая выявленные с помощью нингидрина отпечатки с дактилоскопической картой Джеймса Кервилла. Картами они не обменивались. Когда Аркадий закончил с отпечатками, обработанными порошком, он перешел к отпечаткам, обнаруженным Кервиллом, а тот пошел по следам Аркадия.

Спустя три часа Аркадий уложил свой чемоданчик. Кервилл, облокотившись о крыло автомобиля, закурил и угостил цыгана, который уже целый час давал понять, что ему до смерти хочется курить. Закурил и Аркадий.

Казалось, что какие-то сумасшедшие где только могли оклеили гараж тысячами крыльев разноцветных бабочек — черных, белых, пурпурных. Аркадий с Кервиллом молчали, испытывая ненужное чувство удовлетворения от хорошо проделанной, но бесполезной работы.

— Выходит, вы нашли их отпечатки, — предположил цыган.

— Нет, они здесь никогда не были, — сказал Аркадий.

— Тогда чего вы оба такие довольные? — спросил Лебедь.

— Потому что мы поработали, — ответил Кервилл.

— Этот мужик был из Сибири, — сказал цыган. — Здесь и дерево, и краска — одним словом, все, о чем вы мне говорили.

— Этого оказалось мало, — заметил Кервилл.

А что еще можно было дать? — спросил себя Аркадий. Джеймс Кервилл красил волосы, но он предположил, что за краской посылали девушку.

— Ну-ка еще раз: что там было в заключении судебной экспертизы? — попросил Кервилл.

— Гипс, опилки — их мы уже ищем, — сказал Аркадий.

— И больше ничего?

— Кровь, конечно. В них как-никак стреляли.

— Помнится, на одежде было еще что-то.

— Следы крови животных, — ответил Аркадий. — Рыбья и куриная кровь. Рыбья и куриная, — повторил он и взглянул на Лебедя.

— Теперь так — я бывал в ваших продуктовых

магазинах и не видел там ничего такого, из чего можно выжать хотя бы каплю крови, — сказал Кервилл. — Где у вас можно купить свежего мяса?

В продаже обычно были низкосортные обескровленные рыхлые куры и мороженая рыба. А свежезабитые куры или живая рыба стоили баснословно дорого и, если не считать «закрытые магазины» для элиты и иностранцев, купить их можно было только у частников, рыбаков или по случаю у хозяйки из курятника. Аркадий ругал себя, что не додумался до этого раньше.

— А у него котелок варит, — кивнул Лебедь на Кервилла.

— Ищите, где они доставали свежее мясо и рыбу, — приказал Аркадий.

Лебедь с цыганом ушли, оставив их вдвоем. Кервилл тяжело привалился к крылу машины, Аркадий сел на верстак, достал значок нью-йоркского детектива и перебросил ему.

— А не перебежать ли мне к вам? Я бы, черт возьми, мог сойти здесь за супермена, — сказал Кервилл.

— Хорошо, что вспомнили насчет кровяных пятен, — великодушно признал Аркадий.

— Где вас угораздило располосовать бровь?

И что вы вчера делали после того, как ушли из пивной?

— Вернулся отлить и упал в ту самую дыру.

— Я могу выколотить из вас правду.

— А если палец сломаете? Придется ложиться в советскую больницу, месяца на полтора, не меньше. Разумеется, бесплатно.

— Ну и что? Убийца здесь, у меня будет больше времени.

— Пошли, — Аркадий поднялся с верстака. — Вы кое-что заслужили.

* * *

В Центральном универмаге к музыке относились серьезно. Здесь царила настраивающая на серьезные мысли атмосфера, где системой государственных цен можно было воздействовать на юную душу — двадцать рублей за скрипку со смычком приглашали к покупке, а четыреста восемьдесят рублей служили преградой на пути к блистающему медью саксофону. Мужчина с рябым лицом в пальто и шляпе взял саксофон, восхищенно поглядел на него, пробежал по кнопкам и слегка, как сослуживцу, кивнул Аркадию. Аркадий узнал человека из туннеля метро. Он огляделся и увидел еще одного сотрудника КГБ

в штатском. Тот приценивался к аккордеонам. Аркадий повел Кервилла в отдел культтоваров. Двое любителей музыки положили инструменты и, проявляя интерес, последовали за ними на разумном расстоянии.

Кервилл покрутил круг стереопроигрывателя.

— Так где же этот парень? Он что, здесь работает?

— Уж не думаете ли вы, что я собираюсь вас лично познакомить?

Аркадий достал из кармана пальто ролик и поставил его на магнитофон. «Рекорд», точно такой, что был у него в «Украине». Магнитофон был с двумя парами наушников, чтобы можно было слушать, не беспокоя окружающих в населенной квартире. Следуя примеру Аркадия, Кервилл надел наушники. Рябой следил за ними из-за длинного ряда телевизоров. Второго не было — ушел передавать по телефону приметы Кервилла, предположил Аркадий.

Аркадий пустил магнитофон. Это была запись телефонного разговора Осборна с Унманном 2 февраля.

— Самолет опаздывает.

— Опаздывает?

— Все идет как надо. Не надо так волноваться.

— А вы никогда не волнуетесь?

— Спокойней, Ганс.

— Мне это не нравится.

— Видите ли, несколько поздно думать о том, нравится вам это или нет.

— Все знают, что такое эти «Туполевы».

— Думаете, авария? По-вашему, только немцы могут построить что-нибудь путное.

— Даже опоздание. Когда будете в Ленинграде…

— Я и раньше был в Ленинграде. Я был там раньше с немцами. Все будет как надо.

После записи щелчка в телефонной трубке Кервилл нажал кнопки «СТОП», «ПЕРЕМОТКА» и «ПУСК». Он дважды прокрутил пленку, прежде чем Аркадий снял ее.

— Немец и американец, — Кервилл снял наушники. — Немца зовут Ганс. А кто американец?

— Думаю, что он убил вашего брата.

На экране цветного телевизора «Ладога» стоимостью шестьсот пятьдесят рублей на фоне карты мира говорила женщина. Звук был выключен. Аркадий поискал название завода, качество на разных заводах резко отличалось.

— Мне это ничего не говорит, — сказал Кервилл. — Вы просто водите меня за нос.

— Может быть, потом вы скажете мне спасибо, — Аркадий переключил телевизор на другой канал, где танцоры в костюмах пастельных тонов беззвучно двигались взад и вперед, хлопая себя по коленям и пяткам. Он выключил телевизор и в гаснущем экране увидел более ясное отражение двух человек в пальто, стоявших в конце прохода. Значит, и второй вернулся.

— Видите этих двоих? — указал кивком Аркадий. — Сомневаюсь, что они попробуют устроить что-нибудь американскому туристу, но могут и не знать, что вы турист.

— Они ехали за нами от самого гаража, — сказал Кервилл, глядя в экран. — Я думал, что ваши.

— Нет.

— Выходит, Ренко, с вами не ахти как много народу.

Выйдя на Петровку, Аркадий с Кервиллом пошли в разные стороны. Аркадий направился в сторону управления милиции, а Кервилл в гостиницу «Метрополь». Пройдя полквартала, Аркадий остановился и закурил. Улица была полна закончивших работу людей, которые не спеша брели, разглядывая витрины универмага. Он разглядел вдали могучую фигуру Кервилла, который, как царь, величественно двигался сквозь толпу, про-

кладывая путь свите — тем двоим в пальто.

Аркадий отправился искать цыгана.

Зеленый грузовик был раскрашен оранжевыми пятнами, голубыми звездами и кабалистическими знаками. Голый младенец спустился со ступеньки грузовика, заковылял к костру, по цветастым юбкам матери вскарабкался к ней на колени и прильнул к ее смуглой груди. Вокруг костра со старым цыганом сидели полдюжины подростков и девочек. Остальные мужчины расположились на крыше легковой машины, все в грязных костюмах, мятых шляпах и с усами, даже у самого младшего нежный пушок над верхней губой. За ипподромом садилось солнце.

Цыгане, словно рои мух, расположились на всех газонах вокруг скакового круга. Его цыгана, однако, не было видно. Он, как и догадывался Аркадий, исчез. Так или иначе, он знал, что его заложил не Лебедь.

* * *

В квартире было так тихо, что он поначалу подумал, что она ушла, но, пройдя в спальню, увидел, что она, скрестив ноги, сидит на кровати. Она была в. своей одежде, севшей в результате неумелой стирки.

— Теперь вы выглядите лучше.

— Разумеется, — ответила она.

— Проголодались?

— Если вы собираетесь есть, я тоже поем.

Она проголодалась. Проглотив тарелку щей, заела плиткой шоколада.

— Зачем вы вчера вечером встречались с Осборном?

— Я не встречалась с ним, — не спрашивая, она взяла у него из рук пачку сигарет.

— Почему вы считаете, что Осборн натравил на вас этих людей?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— На станции метро. Я там был.

— Тогда себя и допрашивайте.

— Вы считаете, что это допрос?

— Этажом ниже сидят люди и записывают этот допрос, — спокойно сказала она, выдыхая дым и глядя сквозь него. — Это дом осведомителей КГБ, а в подвале камеры пыток. — Если вы в этом убеждены, то вам надо было уйти.

— Разве я могу уехать из страны?

— Сомневаюсь.

— Тогда какая разница, нахожусь ли я в этой квартире или где-нибудь еще?

Подперев подбородок руками, она внимательно

разглядывала Аркадия своими темными глазами, один из них незрячий.

— Неужели вы и впрямь думаете, что так уж важно, где я нахожусь и что я говорю…

В квартире было темно, он забыл достать лампочек. Ирина стояла у стены — казалось, она опиралась о тень.

Она курила наравне с ним. Высохшие волосы мелкими кольцами обрамляли лицо и тяжелыми локонами ложились на спину. Она все еще была босая. Севшая одежда туго обтягивала грудь и бедра.

Она меряла шагами комнату, курила, обдумывая очередную ложь. Он не сводил с нее глаз. В слабом свете уличных фонарей он видел лишь отдельные черты — изгиб щеки, четко очерченные губы. Крупные черты лица, длинные пальцы, длинная шея, длинные ноги. Время от времени он ловил ее взгляд, подобный ослепительному отблеску света на воде.

Он видел, что ей известно, какое впечатление она на него произвела. Но он также знал, что, дай он малейшую уступку чувствам, и он окажется у нее в плену. Тогда ей даже не будет нужды лгать.

— Вы же знаете, что Осборн убил вашу подругу Валерию, Костю Бородина и американца Кервил-

ла, и, несмотря на это, даете ему возможность поступить с вами таким же образом. Вы фактически вынуждаете его к этому.

— Мне эти имена незнакомы.

— У вас у самой были подозрения, поэтому вы пошли к Осборну в гостиницу, как только услыхали, что он снова в Москве. Эти подозрения возникли у вас, как только я появился на «Мосфильме».

— Господин Осборн интересуется советским кино.

— Он сказал вам, что они благополучно выехали из страны. Я не знаю, что он рассказал вам о том, как их вывозил, но он действительно ввез Джеймса Кервилла. А вам не приходило в голову, что выехать из Советского Союза, особенно троим, значительно труднее?

— Да, конечно, я часто об этом думаю.

— И что проще убить их? Куда, он сказал, они уехали? В Иерусалим? Нью-Йорк? Голливуд?

— Какое это имеет значение? Вы утверждаете, что их нет в живых. В любом случае теперь вам их не достать…

В свете сигареты она глядела с видом морального превосходства.

— Солженицына и Амальрика выслали. Палаха

довели до самоубийства. Файнбергу на Красной площади выбили зубы. Григоренко и Гершуни бросили в сумасшедший дом, чтобы свести там с ума. Некоторых вы бросаете в тюрьмы по одному: Щаранского, Орлова, Мороза, Баева. Других бросаете пачками, как офицеров Балтийского флота. Некоторых бросаете тысячами, как крымских татар…

Ее понесло. Аркадий видел, что это был ее счастливый случай. Перед ней был следователь, и она выпаливала слова, словно пули, предназначенные всей армии следователей.

— Вы нас боитесь, — говорила она. — Вы знаете, что нас не остановить. Движение растет.

— Да нет никакого движения. Неважно, правы вы или ошибаетесь, но движения просто не существует.

— Вы слишком напуганы, чтобы о нем говорить.

— Наш разговор походит на спор о цвете, который никто из вас не видел.

Он был чересчур мягок с ней, решил Аркадий. Она воздвигала между ними такую стену холода, что скоро ее будет не достать.

— Итак, до того как провалились в университете, вы переписывались с Валерией? — начал

он заново.

— Я не провалила ни одного предмета, — бросила она. — Вы знаете, что меня исключили.

— Отчислили, исключили — какая разница? Вас вышвырнули, потому что вы заявили, что ненавидите свою страну. Страну, которая дала вам образование. Это же глупо, все равно что провалиться на экзамене.

— Думайте что хотите.

— После этого вы ходите на задних лапках перед иностранцем, который убил вашу лучшую подругу. Простите, забыл, для вас это политика. Вы скорее поверите самой невероятной лжи американца, у которого на руках кровь, чем правде, сказанной одним из своих.

— Вы для меня не свой.

— Вы не насквозь фальшивы. Костя Бородин, бандит он или не бандит, был по крайней мере настоящим русским. Он-то хоть знал о вашем фальшивом нутре?

Она слишком глубоко затянулась, и огонек сигареты осветил ее внезапно побагровевшее лицо.

— Если Костя хотел бежать из страны, у него на то были причины — он бежал от закона, — продолжал Аркадий. — Любой скажет, что причина

веская. Иначе бы он остался. Скажите, что думал Костя о ваших антисоветских истериках? Небось он не раз говорил Валерии, что за штучка эта ее подружка Ирина Асанова? Он бы и сейчас так сказал, будь он жив.

— Вы отвратительны.

— Так что же сказал Костя-Бандит, когда узнал, что вы политическая диссидентка?

— Вот это вас и пугает — мысль о том, что у вас под крышей обитает диссидентка.

— Да напугали ли вы кого за свою жизнь? Только откровенно! Кому нужны так называемые интеллектуалы, которых вышвырнули из школы, за то что они помочились на флаг? Так им и надо!

— Вы когда-нибудь слыхали о Солженицыне?

— Я слыхал о его счете в швейцарском банке, — поддел ее Аркадий. Она хотела сразиться с чудовищем? Ну что ж, она получит больше, чем ожидала.

— Или о советских евреях?

— Хотите сказать, сионистах. У них своя советская республика, что им еще нужно?

— Или о Чехословакии?

— Вы имеете в виду, что, когда Дубчек под видом туристов ввел солдат из фашистской Германии,

чехи обратились к нам за помощью? Станьте же взрослой. Вы когда-нибудь слыхали о Вьетнаме, Чили или Южной Африке? Ирина, может быть, у вас просто невелик кругозор? Похоже, вы считаете, что Советский Союз — это чудовищный заговор с целью лишить вас счастья.

— Вы не верите тому, что сами говорите.

— А теперь я скажу вам, что говорил Костя Бородин, — Аркадия уже было не остановить. — Он считал, что вы хотели испытать удовольствие от того, что вас преследуют, да не хватало духу нарушить закон.

— Это лучше, чем быть садистом, но не иметь мужества пустить в ход кулаки, — ответила она.

В глазах появились злые слезы. Он был поражен. Даже почувствовал запах соли. Она сражалась, хотела она того или нет. Иными словами, пролилось немного крови. Как бывает в бою, военные действия переместились на другое поле, в данном случае в спальню, единственное место, где можно было сесть.

Они сели по разные стороны кровати и потушили сигареты о тарелки. Она, смело подняв голову и скрестив руки на груди, приготовилась к новой атаке.

— Значит, вы хотите иметь дело с КГБ, — вздох-

нул он. — С палачами, убийцами, зверями в человеческом обличье.

— А разве вы не собирались передать меня им?

— Собирался, — признался он. — По крайней мере, думал.

Она следила, как вдоль окон взад и вперед скользил его силуэт.

— Я вам не говорил, как Осборн все это осуществил? — спросил он. — Они катались на коньках — он, Валерия, Костя и Кервилл. Об этом, правда, вы знаете, ведь вы же давали Валерии коньки. Известно вам и то, что Осборн покупал русскую пушнину, хотя, возможно, вы не знаете, что он попутно является осведомителем КГБ. Вам, разумеется, это неинтересно. Одним словом, покатавшись немного по парку, они остановились на поляне перекусить. Осборн — человек богатый, принес с собой все, что надо.

— Вы же все это сочиняете на ходу.

— Мы располагаем сумкой, в которой он принес закуску, — достали ее со дна реки. Итак, в то время когда все заняты едой, Осборн направляет сумку в сторону Кости. В сумке пистолет. Он убивает Костю первым, выстрелом в сердце, затем Кервилла, тоже в сердце. Раз, два — и готово. Со знанием дела, не правда ли?

— Вас послушать, будто вы сами там были.

— Я только одного не могу понять, и тут вы можете мне помочь, почему Валерия не стала звать на помощь, увидев, что ее спутники убиты. Даже если учесть, что из динамиков по парку разносилась громкая музыка. Она даже не пыталась кричать. Спокойно стояла рядом с Ос-борном, когда он целил ей в сердце. Почему Валерия так держала себя, Ирина? Скажите мне, вы же были ее лучшей подругой.

— Вы забываете, — ответила она, — что я знаю законы. В Уголовном кодексе есть статья, согласно которой все невозвращенцы являются государственными преступниками. Вы пойдете на все, чтобы добраться до них или до любого, кто им помогал. Откуда мне знать, что нападение в метро не было подстроено? Не вы ли сами его планировали? Или вы вместе с КГБ? Так же как и трупы, которые, по вашим словам, находятся у вас, — откуда они взялись? Вы утверждаете, что Осборн кого-то убил. Можно наугад схватить любого ни в чем не повинного туриста и потащить его на Лубянку.

— Осборн не сидит на Лубянке — у него там друзья. Они его ограждают. И чтобы оградить его, они убьют вас.

— Это они-то защищают американца?

— Тридцать пять лет он регулярно приезжает в Советский Союз. Привозит с собой миллионы долларов, доносит на советских артистов и танцоров, подкармливает таких дурочек, как вы с Валерией.

Она закрыла уши руками.

— Сейчас речь не о нем, а о вас. Вы всего-навсего хотите узнать, куда послать своих наемных убийц.

— К Валерии? Да я в любое время найду ее в холодильнике, что в подвале на Петровке. У меня пистолет, из которого Осборн ее убил. Мне известно, кто ждал его после убийства. Знаю, в какой машине. У меня есть фотографии из Иркутска, на которых Осборн снят с Валерией и Костей. Я знаю о церковном ларце, который они для него делали.

— Да такой американец, как Осборн, мог купить двадцать ларцев в двадцати различных местах, — не уступала ни на шаг Ирина. — Вы же сами упоминали о Голодкине. Голодкин мог продать ему ларец, и ему не было нужды уезжать из страны. Тому было достаточно денег, а у Осборна, как вы сами сказали, миллионы долларов. Тогда зачем бы ему везти из Иркутска Валерию и Костю

Бородина? Почему именно их?

Он мог разглядеть темные впадины глаз на ее лице, руку, безвольно лежащую на бедре. Даже в темноте он ощущал, насколько она утомлена.

— Во время войны Осборн таким же образом убил трех пленных немцев. Он отвез их в лес под Ленинградом, угостил шоколадом и шампанским, а потом застрелил. За это получил медаль. Я не лгу — можете сами прочесть в книгах.

Ирина не ответила.

— Что вы собираетесь делать, если выберетесь из этой истории? — спросил он. Стать главной диссиденткой и разоблачать следователей? У вас это хорошо получается. Или асе захотите вернуться в университет? Я бы дал рекомендацию.

— Вы хотите сказать, стать адвокатом?

— Да.

— Думаете, это такое уж большое счастье?

— Нет, — Аркадий вспомнил Мишу.

— Тот режиссер, — тихо сказала она, — ну тот, что предлагал мне итальянские сапожки. Он предлагал мне выйти за него, замуж. Вы видели меня голой — я ведь не такая уж уродина, а?

— Ничуть.

— Может быть, так и сделать? Выйти замуж, иметь свой дом, исчезнуть.

После долгих споров ее голос был таким тихим, будто слышался из другой комнаты.

— Дело в том, — сказал Аркадий, — что все, о чем я вам рассказал, — либо до мельчайших тонкостей продуманный обман, либо голая правда.

Услышав ровное дыхание, он понял, что она заснула, и накрыл ее одеялом. Подошел к окну, поглядел, не видать ли чего необычного в окнах напротив или на Таганской улице, и улегся на другом краю кровати.

14

На улицах, ведущих к Красной площади, наносили красные линии. Офицеры измеряли ширину проезжей части. Устанавливались площадки для телекамер.

За десять лет совместной жизни с Зоей при двух процентах годовых у них на книжке накопилось 1200 рублей. Она их сняла все, кроме 100 рублей. Мужчина может опередить убийц, но не свою жену, бывшую жену, поправил себя Аркадий.

Возвращаясь из сберкассы, он заметил очередь и расщедрился на двадцать рублей — купил красно-бело-зеленую косынку с узором из пасхальных яиц.

Андреев закончил работу.

Убитая в Парке Горького Валерия Давидова ожила. Глаза блестели, на щеках играл румянец, живые красные губы приоткрыты — вот-вот заговорит. Она оставалась безмолвной, но только усилием разума можно было подавить впечатление, что это не живая плоть, а пластилин, что это не естественный цвет лица, а мертвый румянец и что стекло не способно видеть. И, что казалось совсем невероятным, — у этой, по всей видимости,

живой головы не было тела. Шея неустойчиво покоилась на гончарном круге. Аркадий не считал себя суеверным, но и у него мурашки пробежали по коже.

— Я изменил цвет глаз на темно-карие, — сказал Андреев, — чтобы подчеркнуть румянец щек. Парик итальянский, из натуральных волос.

Аркадий обошел вокруг головы.

— Это ваш шедевр.

— Да, — с гордостью признал Андреев.

— Могу поклясться, что она собирается что-то сказать.

— Она и говорит, следователь. Она говорит: «Вот она я!» Забирайте ее.

С круга на него глядела Валерия. Не так потрясающе красива, как Ирина, но очень мила, носик поменьше, лицо пошире, попроще. Такое лицо ожидаешь увидеть улыбающимся из-под пушистой песцовой шапочки где-нибудь на зимней прогулке. А мимо пролетают снежинки. Хорошо катается на коньках, всегда веселая, жизнерадостная.

— Пока не время, — сказал он.

* * *

Они с Лебедем провели весь день, расспрашивая мясников, колхозников, всех, кто мог торговать свежим мясом. Только после четырех он попал на Новокузнецкую, где его сразу вызвал прокурор.

Ямской ждал его за столом, постукивая по крышке стола розовыми, как у младенца, пальчиками. Бритая голова излучала думы.

— Меня беспокоит явное отсутствие продуманных мероприятий с вашей стороны по расследованию убийства в Парке имени Горького. Я не намерен вмешиваться в действия следователя, но обязан поправить того, кто теряет контроль над собой или над расследованием. Не считаете ли вы, что это относится к вам? Прошу вас, скажите честно.

— Я только что осматривал сделанную Андреевым реконструкцию головы одной из жертв, — ответил Аркадий.

— Вот видите, а я впервые слышу о такой реконструкции. Еще один пример неорганизованности.

— Контроля я не теряю.

— Ваш отказ признать это может служить од-

ним из признаков моей правоты. В нашем городе живет больше семи миллионов человек, и среди них находится один невменяемый, убивший трех человек. Я не рассчитываю на то, что вы достанете преступника, как фокусник из шляпы. Но я ожидаю от следователя хорошо продуманной, согласованной работы. Знаю, что вы не любите координировать свои действия с другими. Вы считаете себя специалистом, предпочитаете работать сами по себе. Однако отдельная личность, какой бы одаренной она ни была, уязвима перед субъективизмом, болезнями или личными проблемами. К тому же вы очень много работаете.

Ямской развел руками.

— Насколько я знаю, у вас трудности с женой, — сказал он.

Аркадий не ответил — вопроса ему не задавали.

— По моим следователям, хотя они разные, судят и обо мне. Вы, как самый сообразительный, должны это знать, — сказал Ямской.

Он заговорил как о чем-то решенном!

— Все это время вы были заняты очень напряженной работой. Подходит время отпусков — теперь уж ничего не успеешь. Я хочу, чтобы вы, как только покинете мой кабинет, сели за обстоя-

тельный обзор всех аспектов хода расследования на сегодняшний день.

— На это потребуется не один день, даже если я больше ничем не буду заниматься.

— Тогда больше ничем не занимайтесь. Не спешите и изложите все как можно полнее. Разумеется, мне не нужны ссылки на иностранных подданных и сотрудников госбезопасности. Ваши предположения по этой части ни к чему вас не привели. Ссылки на них поставят в затруднительное положение не только вас, но и наше учреждение. Благодарю вас.

Аркадий пропустил мимо ушей последнюю фразу.

— Товарищ прокурор, мне бы хотелось знать, предназначен ли обзор для другого следователя, который займет мое место?

— Мы хотим от вас одного, — жестко сказал Ямской, — сотрудничества. Когда налицо искреннее сотрудничество, так ли уж важно, кто чем занимается?

Аркадий сидел перед пустой пишущей машинкой.

На стене портрет Ленина, отдыхающего в плетеном кресле. На голове белая шляпа, на коленях чашка. Лукавый взгляд из-под полей шляпы.

Обзор. От него вряд ли что останется, если не писать об Осборне и опознании младшего Кервилла. У нового следователя создастся впечатление, что никакого расследования вообще не было. Ему и новым сыщикам можно все начинать заново. Единственной проблемой будет предыдущий следователь.

В дверях появился Никитин с бутылкой и двумя стаканами. На лице старшего следователя по надзору над исполнением решений правительства подобающая моменту сочувственная гримаса.

— Только что узнал. Не повезло. Зашел бы ко мне, — разлил водку по стаканам. — Ты, правда, все держишь в себе. Я же тебе всегда говорил. Ладно, не волнуйся, что-нибудь найдем. Я кое с кем знаком — подыщем что-нибудь. Пей. Конечно, не на таком уровне, да ты снова поднимешься. Я что-нибудь для тебя придумаю. Никогда не считал тебя настоящим следователем.

Аркадию стало ясно, что он упустил из виду все важные ключи к разгадке, не обратил внимания на советы, которые бы подсказали более проницательному следователю, каким путем следовать, а с какого свернуть. Левин, Ямской, даже Ирина пытались его предостеречь. Когда глядишь против солнца, отчетливо видны все

достоинства правильного пути, он ярко освещен, а все, что ему не соответствует, либо отвергается, либо находит то или иное объяснение.

— …на моей памяти не было такого, чтобы старшего следователя сняли с работы, — продолжал Никитин. — Наша система как раз и славится тем, что никто не может потерять работу. Да положи ты на все это…

Никитин заморгал, Аркадий закрыл глаза. Старший следователь наклонился к нему.

— Как, по-твоему, воспримет это Зоя? — спросил он.

Аркадий открыл глаза, и его взгляд уперся в балансирующего на краешке стула Никитина. Тот ждал ответа. Он не понимал, зачем вообще здесь Никитин, по существу, не слушал, что тот говорил, но его поразило, что его бывший наставник, этот болтливый приспособленец с живым круглым лицом, неизменно появляется в подобных случаях. Кто-то умирает, кого-то увольняют. Никитин тут как тут, будто гробокопатель.

Зазвонил телефон, и Аркадий снял трубку. Из Министерства иностранных дел сообщали, что в январе и феврале никто икон или предметов религиозного или культового характера за границу не вывозил, но была выдана лицензия на

вывоз «церковного ларца», который направлялся Хельсинкскому партийному художественному совету в качестве подарка от клуба «Кожаный мяч» при немецком комсомоле. Ларец самолетом доставлен из Москвы в Ленинград, а там перегружен на поезд, следующий из Ленинграда в Финляндию через Выборг. Перевозка из Москвы до Финляндии состоялась 3 февраля. На квитанции есть имя — «Г.Унманн». Значит, ларец был, и посылал его Унманн.

Аркадий заказал разговор с Хельсинки, с ЦК Финляндской коммунистической партии, — никаких проблем, потому что позвонить по междугородной было значительно проще, чем дозвониться по местным телефонам. Из разговора с Хельсинки он узнал, что художественный совет упразднен больше года назад и ничего похожего на «церковный ларец» не ожидалось и не поступало.

— Чем-нибудь помочь? — предложил Никитин.

Аркадий выдвинул нижний ящик стола и достал полуавтоматический пистолет Макарова, который он получил, когда стал следователем, и которым ни разу не пользовался, и пачку 9-миллиметровых патронов. Он вынул из рукоятки

обойму, взял из пачки восемь патронов, зарядил и поставил обойму на место.

— Что ты делаешь? — глядя на него, спросил Никитин.

Аркадий поднял пистолет, снял с предохранителя и прицелился в голову Никитина. Тот в изумлении разинул рот.

— Мне страшно, — сказал Аркадий. — И я подумал, почему бы тебе не разделить этот страх со мной.

Никитин испарился. Аркадий надел пальто, опустил пистолет в карман и вышел на улицу.

* * *

Когда он появился в квартире, Ирина посмотрела, не вошел ли кто вслед за ним.

— Я думала, что вы меня сейчас арестуете, — сказала она.

— Зачем, по-твоему, мне тебя арестовывать? — Он подошел к окну и посмотрел на улицу.

— Рано или поздно это случится.

— Я же не дал им убить тебя.

— Это не трудно. Вы все еще считаете, что убить или арестовать — это две разные вещи. Вы как были, так и остались старшим следователем.

Одежда от носки приняла форму ее фигуры.

Она мягко шлепала по полу голыми ногами. Ему самому было интересно, занял ли Приблуда квартиру этажом ниже и не стоят ли они с Ириной на паутине микрофонных проводов.

Она как одержимая подметала полы. Квартира была чистая и пустая и от этого казалась лишенной красок и воздуха. Ирина была в ней словно пламя в вакууме.

— Сегодня еще вы, может быть, меня спрячете. Это всего лишь один день вашей жизни, — сказала она. — Но как только постучат в дверь, вы меня им сдадите.

Аркадий не стал ей говорить, почему же она тогда не ушла, так как боялся, что она и впрямь уйдет.

Она говорила со сдерживаемым презрением.

— Эх, следователь, следователь, как вам разобраться в нашей смерти, когда ничего не знаете о нашей жизни? Конечно, читаете в журналах статьи о Сибири, а иркутская милиция передала вам сведения о Косте Бородине. Но скажите мне, как могла еврейская девушка вроде Валерии связаться с таким уголовником, как Костя? Как мог такой умный парень, как Костя, попасться на обещания Осборна? Думаете, не попалась бы я, предложи их мне?

Она продолжала говорить, шагая из угла в угол и растирая ладонями руки.

— Мой дед был первым сибиряком в семье. Начать с того, что он был главным инженером Ленинградского водопровода. Он не совершал никакого преступления, но, как вы помните, в те дни считалось, что все инженеры — вредители, и его бросили в поезд и отправили на пятнадцать лет на каторгу. Он перебывал в пяти сибирских лагерях, прежде чем его освободили и оставили в бессрочной ссылке, одним словом, ему пришлось остаться в Сибири. Его сыну, моему отцу, учителю, даже не дали пойти добровольцем воевать с немцами, потому что он был сыном ссыльного. У него отобрали паспорт, чтобы он никогда не мог уехать из Сибири. Моя мать была музыкантом, и ей предлагали хорошее место в Кировском театре, но пришлось отказаться, потому что она была женой сына ссыльного.

— А как насчет Валерии?

— Давидовы были из Минска. В их квартал была спущена разнарядка на арест «еврейских извращенцев». Таким путем раввин и его семья стали сибиряками.

— А Костя?

— По сравнению с нами он был настоящим

сибиряком. Его прадеда еще при царе сослали за убийство. С тех пор Бородины работали на охрану лагерей, ловили беглецов. Они жили с юкагирами, оленеводами, потому что те первыми узнавали, когда заключенный появлялся в тундре. Когда Бородины настигали беглеца, они обращались с ним дружелюбно, делали вид, что помогают бежать. Давали ему ночью выговориться о том, что он будет делать на свободе, а когда уснет — убивали, давая тем самым час-другой вкусить иллюзию свободы. Вы даже этого не даете.

— По-моему, это жестоко, — возразил Аркадий.

— Вы же не сибиряк. Осборн знает нас лучше вашего.

При всем ее презрении она все же внимательно наблюдала за ним, словно он мог стать другим.

— На одной ловле беглецов Бородиным было не прожить, — заметил Аркадий.

— Они торговали с оленеводами, потихоньку мыли золото, нанимались проводниками к геологам. Костя охотился.

— На кого?

— На соболя, лисицу.

— Его же знали как бандита. Как же он тогда сбывал соболей?

— Он приезжал в Иркутск и передавал шкурки другим для продажи. Скажем, шкурка стоила сто рублей, он брал девяносто. Лишних вопросов не задавали.

— Теперь соболей разводят на фермах, зачем тогда охотники?

— Фермы — типичные коллективные хозяйства — сплошное бедствие. Соболям нужно свежее мясо. Поставки мяса фермам в Сибири обходятся очень дорого, а когда снабжение нарушается, а это постоянное явление, фермам приходится покупать в магазинах. Так что вырастить соболя государству в два раза дороже, чем купить шкурку у охотника. Но план все время увеличивают, потому что соболя приносят валюту.

— Тогда, должно быть, охотников очень много.

— Известно ли вам, что по соболю приходится бить с пятидесяти метров? И попасть в глаз, иначе испортишь шкурку. Таких охотников мало, а таких, как Костя, — ни одного.

* * *

Они поели жареных сосисок с хлебом, выпили кофе.

Аркадий чувствовал себя охотником, стараясь не вспугнуть добычу и в то же время подбрасывая

вопросы, как приманку, чтобы привлечь зверя на расстояние выстрела.

— Куда еще нам бежать, как не в Москву? — спросила Ирина. — На Северный полюс? В Китай? Единственное настоящее преступление, которое может совершить сибиряк, так это покинуть Сибирь. Вокруг этого и вертится ваше расследование. Как сюда попали эти сибирские дикари? Как им удалось выбраться из страны? Не пробуйте меня убедить, что все ваши хлопоты только из-за того, что нашли пару мертвых сибиряков. Мы родились мертвыми.

— Откуда вы взяли всю эту чепуху?

— Вы слыхали, что такое «сибирский выбор»?

— Нет.

— Это выбор между двумя способами замерзнуть насмерть. Однажды мы ловили на озере рыбу из-подо льда. Наш учитель провалился под лед. Он не утонул, воды было по шею, но мы понимали, что происходит. Если он останется в воде, то замерзнет насмерть за тридцать — сорок секунд. Если выберется наружу — мгновенная смерть. Он превратится в кусок льда. Помню, что он преподавал физкультуру. Он был эвенк, единственный учитель из коренных жителей, молодой, все его любили. Мы сгрудились вокруг

полыньи с удочками и рыбой в руках. Было около сорока градусов. День был яркий, солнечный. У него была жена, зубной врач. Ее с нами не было. Он посмотрел на нас — я никогда не забуду этот взгляд. Он не пробыл в воде и пяти секунд — выбрался наружу.

— И что?

— Умер, не успев подняться. Но он выбрался — вот. что важно. Он просто не стал ожидать смерти.

В ее глаза ударило солнце. Ночью она была бледнее, а глаза темнее.

— А теперь я расскажу о «сибирском выборе», — сказал Аркадий. — Осборн мог купить церковную утварь не менее чем у двух десятков продавцов в Москве. Как вы говорили, у Голодкина уже был для него один ларец. Тогда зачем ему рисковать и связываться с доведенными до отчаяния, скрывающимися от закона преступниками? Зачем утруждать себя заведомо лживыми обещаниями помочь им бежать за границу? Что такое могли предложить Костя и Валерия, чего не мог предложить никто другой?

— Что меня спрашивать? — пожала плечами она. — Вы говорите, что в Советский Союз нелегально переправили американского студента

Джеймса Кервилла. Зачем было Осборну идти на этот риск? Это же безумие.

— Так было нужно. Костя хотел иметь живое свидетельство, что Осборн может переправлять людей туда и обратно. Вот для чего понадобился Джеймс Кервилл. Кервилл к тому же был идеальной кандидатурой. Костя и Валерия не могли даже представить, что Осборн может обмануть американца.

— Раз Кервилл приехал сюда, значит, он считал, что сможет и выехать.

— Американцы считают, что могут все, — сказал Аркадий. — Осборн думает, что он все может. Он что, спал с Валерией?

— До этого не…

— Валерия была весьма мила. Хотя Осборн утверждает, что русские женщины уродливы, но Валерию он все-таки заметил. Он еще в Иркутске, в Доме пушнины, обратил на нее внимание. А как Костя смотрел на это? Он что, надеялся на пару с Валерией облапошить этого американского толстосума?

— Вы представляете это так, будто…

— Так что же они могли предложить Осборну? Секс? Что, Костя подначивал ее: «Давай, ни тебя, ни меня не убудет, а мы с него возьмем что надо»?

Так, что ли? И трое поплатились жизнью, потому что Осборн увидел, что его дурачат?

— Ничего-то вы не знаете.

— Я знаю одно — когда Костя и Джеймс Кервилл стояли рядом с Осборном, а потом умирали на снегу, ваша подруга была еще жива, но она не убежала и не стала звать на помощь. Вот вам и «сибирский выбор», и он подсказывает только одно — она знала, что Костю и Кервилла ждет конец, и была заодно с Осборном. Что ей сибирский бандит? Разве он мог сравниться с бизнесменом из Нью-Йорка? Вот и вся любовь! Наверно, Осборн сказал, что сможет вывезти только одного человека. Ей пришлось выбирать, а она была сообразительной девицей. Звать на помощь, когда она сама сговаривалась с Осборном убить их? Она собиралась переступить через их трупы об руку с американцем!

— Прекратите!

— Представляю ее удивление, когда он выстрелил в нее. Но звать на помощь уже поздно. Задним умом это кажется невероятным. Как же она не разглядела, что американец — хладнокровный убийца, а его обещания — пустой звук. Как бессердечно тащить из Сибири эту хорошенькую легкомысленную девицу, чтобы здесь

ее убить. И все же вы должны признать, что если она не убежала, когда на ее глазах убили ее дружка и ни в чем не повинного иностранца, то она настоящая дура и действительно заслуживала такой участи.

Ирина ударила его по щеке. Он ощутил вкус крови.

— Теперь-то вы знаете, что ее нет в живых, — сказал он. — Вы ударили меня, потому что поверили. Так вот!

В дверь постучали.

— Старшего следователя Ренко, — послышался мужской голос.

Ирина отрицательно покачала головой. Аркадий тоже не узнавал голоса.

— Следователь, мы знаем, что вы здесь и с вами девка, — повторил голос.

Аркадий махнул рукой Ирине, чтобы та шла в спальню, двинулся к пальто, сложенному на подоконнике, и достал пистолет. Он увидел, что она не отрывает от него глаз. «Макаров» не доставлял ему удовольствия. Он не хотел ни в кого стрелять и не хотел быть убитым в собственной квартире, особенно теперь, когда в ней даже не на что было присесть. Движения были спокойны, а мысли обгоняли одна другую. Стрелять ли сквозь дверь,

как делают шпионы? Выскочить ли на площадку и открыть огонь? Вместо этого он подкрался к двери, свободной рукой осторожно открыл замок и взялся за ручку.

— Входите, — сказал он.

Как только Аркадий почувствовал, что кто-то взялся за ручку с другой стороны, он рывком распахнул дверь. Одинокая фигура споткнулась и потеряла равновесие. Он поймал мужчину за воротник и, сбив шапку, приставил пистолет к голове.

Аркадий ногой захлопнул дверь и развернул пришельца лицом к себе. Это был здоровый веснушчатый парень лет двадцати двух. Он пьяно скалил зубы, потешаясь собственной шуткой. Это был Юрий Висков, тот самый, оправдания которого добился в Верховном суде прокурор Ямской; сын Висковых, работавших в кафетерии.

— Завтра в Сибирь уезжаю, — он достал из-под куртки бутылку водки, — и хочу с вами выпить.

Пока Висков хлопал его по плечам, Аркадию удалось убрать пистолет. Ирина в смущении вышла из спальни. Висков был безгранично доволен собой. Стараясь ступать твердо, он пошел с бутылкой к раковине, где стояли стаканы.

— Мы не виделись с тех пор, как вас отпусти-

ли, — сказал Аркадий.

— Мне давно нужно было прийти поблагодарить вас, — сказал Висков, подходя с налитыми доверху стаканами. — Да знаете, как бывает, когда выходишь из тюрьмы, набирается столько дел.

Он подошел только с двумя стаканами, хотя на кухне было еще два. Аркадий чувствовал, что Ирину намеренно оставляли в стороне, и видел, как она подалась назад в дверях спальни.

— Вы знакомы? — спросил он Вискова, когда они подняли стаканы.

— Не совсем, — ответил Висков. — Сегодня она звонила одному человеку и расспрашивала про вас, а он попросил меня поговорить с ней по телефону. Все очень просто. Я начал с того, что рассказал, как вы спасли меня от петли. Я дал вам высшую оценку — назвал героем советского правосудия, не меньше. И главное, что это правда.

— Я вас сюда не приглашала, — заметила Ирина.

— А я не к вам пришел. Я железнодорожник, а не диссидент, — Висков повернулся к ней спиной, шутливое настроение уступило место неумелой откровенности. Он положил ладонь на руку Аркадия. — Мой совет — отделайтесь от нее. Такие,

как она, что отрава. Кто она такая, чтобы расспрашивать про вас? Вы — единственный, кто мне помог. Я вам скажу, что если бы не было таких диссидентов, как она, то много добрых людей вроде моих родителей никогда бы не пострадали. Какая-то кучка мутит воду, а арестовывают множество честных людей. Я не только про себя. А таких, как вы, каждый хочет заиметь. — Он снова глянул на Ирину. Аркадий ясно представил, что видит Висков: Ирину, дверь в спальню и кровать. — Самый лучший яд тот, что самый сладкий, так ведь, следователь? Все мы люди, но когда сделаешь дело, отделайся от нее.

Они так и не выпили. Аркадий чокнулся.

— За Сибирь, — предложил он. Висков по-прежнему не отрывал взгляд от Ирины. — Пей, — более решительно сказал Аркадий и освободил руку. Висков передернул плечами, и они глотком осушили стаканы.

Алкоголь обжег ссадину во рту Аркадия.

— И зачем тебя туда несет? — спросил он.

— На новой байкальской магистрали нужны путевые механики, — Висков неохотно перешел на новый предмет разговора. — Платят в двойном размере, отпуск в три раза больше, дают квартиру, холодильник набит жратвой — что еще надо?

И там, конечно, будут партийные карьеристы, но не так много, как здесь. Начну новую жизнь, построю избушку в тайге, буду охотиться, рыбачить. Можете представить, отбывал срок за убийство, а тут со своим ружьем? Вот где будущее — там. Увидите, мои дети вырастут другими, чем мы. А может быть, через сотню лет мы пошлем Москву к черту, и у нас будет своя страна. Что скажете?

— Желаю удачи.

Говорить было больше не о чем. Минутой позже Аркадий смотрел в окно, как Висков, плечом вперед, с трудом шагал против ветра по двору в направлении огней Таганки. Облака в ночи, казалось, лежали на крышах. Дрожали оконные стекла.

— Я же просил вас не трогать телефон, — сказал он, глядя вслед исчезающему в воротах Вискову. — Не надо было ему звонить.

Он прижал ладонь к стеклу, оно перестало дребезжать, но рука чувствовала дрожь. В окне виднелось белое отражение Ирины. Если бы появился не Висков, а кто-то другой, то, может быть, ее не было бы в живых. Аркадий осознал, что дрожит не стекло, а его рука.

Он пристально посмотрел на себя в стекло. Что перед ним за человек? Он чувствовал, что

ему наплевать на Вискова, чью жизнь он спас всего несколько месяцев назад. Он желал одного — Ирину Асанову. Это желание было настолько откровенным, что его увидел даже пьяный Висков. Раньше Аркадий ничего не хотел — нечего было желать. То, что он испытывал, было больше чем простое вожделение. Жизнь так скучна и однообразна — унылое чередование сумерек. Она же горела так ярко в этом мраке, что зажгла даже его.

— Он заметил, — сказал Аркадий. — И не ошибся.

— О чем это вы?

— О себе. Меня не интересует Валерия. Мне наплевать, что Осборн по уши в крови. Никакого расследования нет. У меня на уме одно — удержать вас около себя. — Каждое слово было неожиданностью для него самого. Он и произносил их непохоже на себя. — Я ничуть не сомневаюсь в том, что с того момента, как я увидел вас, все мои действия сводились к тому, чтобы вы оказались здесь. Я не тот следователь, каким я представлялся вам, и не тот следователь, каким представлялся самому себе. Я не могу вас защитить. Если раньше они не знали, что вы здесь, то, прослушивая мой телефон, теперь-то

они знают. Куда вы пойдете?

Он повернулся к Ирине. На мгновение он увидел, как у нее в руке тускло блеснул пистолет. Не говоря ни слова, она положила его обратно на подоконник.

— А если я не хочу уходить? — спросила она.

Она прошла на середину комнаты и сняла с себя верхнюю одежду. Под ней ничего не было.

— Я хочу остаться, — сказала она.

Ее тело отливало фарфором. Руки опущены. Она не старалась прикрыться. Когда Аркадий приблизился к ней, губы слегка приоткрылись, а когда он коснулся ее, глаза, широко раскрылись.

Он овладел ею стоя, не целуя, приподняв и прижав к себе. При первом же его прикосновении она выделила влагу, и, когда они наконец поцеловались, она потянула его на себя. Он опьянел от вкуса поцелуя, который забивал вкус водки и крови во рту. Они, раскачиваясь, опустились на пол, и она обвила его ногами.

— Значит, и ты меня любишь, — прошептала она.

* * *

Потом, лежа в постели, он смотрел, как ее грудь вздрагивала от ударов сердца.

— Это физическое влечение, — она положила ладонь ему на грудь. — Я почувствовала с первого раза, как увидела тебя в студии. И все равно ненавижу тебя.

По окнам стучал дождь. Он провел рукой по ее белевшему в темноте бедру.

— Я все равно ненавижу то, чем ты занимаешься, не беру назад ни одного слова, — сказала она. — Но, когда ты во мне, ничего другого не существует. Мне кажется, будто ты уже давно мой.

И сверху, и снизу могли подслушивать, но страх только обострял чувства. Кончики ее грудей оставались твердыми.

— Насчет Валерии ты ошибаешься, — сказала она. — Валерии было некуда бежать. Осборн это знал, — она разгладила его волосы. — Ты мне веришь?

— Про Валерию — да, в остальном нет.

— А чему же ты не веришь?

— Ты знаешь, что Валерия и Костя делали для Осборна.

— Да, знаю.

— Мы все еще враги, — сказала она.

Ее взгляд прошел сквозь него, как камень сквозь воду.

— Это тебе, — он набросил на нее косынку.

— Это еще зачем?

— Вместо той, что ты потеряла в метро.

— Мне нужны платье, пальто и сапожки, а не косынка, — рассмеялась она.

— У меня хватило только на косынку.

Она поглядела на нее, стараясь разобрать в темноте, какого она цвета.

— Тогда это должна быть чудесная косынка, — сказала она.

— Неважно, насколько нелепа ложь, если эта ложь — твой единственный шанс спастись, — сказала она. — Неважно, насколько очевидна правда, если эта правда заключается в том, что тебе никогда не спастись.

15

Позвонил Миша. В голосе паника. Аркадий стал одеваться. Ирина еще спала. Рукой обнимала опустевшее после него место.

— Мне нужно встретиться с приятелем. Мы остановимся по дороге, — сказал Аркадий усаживающемуся в машину Кервиллу.

— У меня осталось всего четыре дня, а я, ожидая вас, вчера потерял целый день, — ответил Кервилл. — Или вы сегодня скажете мне, кто убил Джимми, или я убью вас.

Отъехав от «Метрополя» и разворачиваясь на площади Свердлова, Аркадий рассмеялся:

— У нас приходится все время стоять в строю.

На Серафимова, 2, они поднялись на второй этаж. На двери, вопреки ожиданиям Аркадия, не было ни замков, ни приклеенных объявлений. Он постучал, и ему открыла дверь пожилая женщина с младенцем на руках. На безволосой головке нежные прожилки вен. Женщина покосилась на удостоверение Аркадия.

— Я думал, что квартира будет опечатана, — объяснил он. — Здесь неделю назад погибли двое — владелец квартиры и сотрудник милиции.

— Я бабушка и ничего здесь не знаю, — она перевела взгляд с Аркадия на Кервилла. — А вообще, зачем пустовать хорошей квартире? Жилья-то не хватает.

Если смотреть, стоя в дверях, от Бориса Голодкина и следов не осталось. Исчезли принадлежавшие спекулянту ковры, проигрыватели и кучи заграничного барахла. На их месте появились диван, служащий постелью, расползающаяся коробка с посудой и допотопный самовар. Будто Паша и Голодкин погибли совсем в другой квартире.

— Вы здесь сундука не находили? — спросил Аркадий. — Может быть, в подвале, в кладовке? Похожего на церковный ларь.

— Зачем нам нужен церковный ларь? Что нам с ним делать? — Она отошла, уступая дорогу. — Смотрите сами. Мы люди честные, нам прятать нечего.

Перепуганный младенец прятался на груди у бабушки, вот-вот разревется. Аркадий улыбнулся, и тот настолько поразился, что заулыбался в ответ слюнявым беззубым ротиком.

— Вы совершенно правы, — сказал Аркадий. — Зачем пустовать хорошей квартире?

* * *

Аркадий встретился с Мишей в маленькой церквушке в конце улицы Серафимова. Это была церковь бог знает какого святого, одна из огромного большинства церквей, давно переименованных в «музеи», лишенных святых реликвий и умерщвленных реставрацией. Обваливающиеся стены обнесены гнилыми лесами. Аркадий толкнул дверь и ступил в темноту, успев разглядеть, прежде чем закрылась дверь, лужи и птичий помет на каменном полу. Вспыхнула спичка и зажглась свеча, осветив Мишу. Глаза Аркадия различили четыре центральные колонны, поломанный иконостас и льющийся со свода слабый свет. Капала и сочилась по колоннам дождевая вода. Когда-то церковь была украшена изнутри иконами с изображениями Христа, ангелов и архангелов. Теперь штукатурка потрескалась, краски поблекли и в свете свечи виднелась одна опалубка. В закрытых ставнями окнах свода шуршали крыльями голуби.

— Ты рано, — сказал Миша.

— Что-нибудь с Наташей? Почему нельзя было поговорить у тебя дома?

— Ты пришел на полчаса раньше.

— Ты тоже. Давай, рассказывай.

Миша выглядел очень странно, не причесан, одежда мятая, словно он в ней спал. Аркадий был рад, что уговорил Кервилла остаться в машине.

— Что-нибудь с Наташей? — спросил он.

— Нет, с Зоей. Ее адвокат — мой приятель, и я слышал ее заявление в суде. Разве ты не знаешь, что ваше дело слушается завтра?

— Нет, не знаю, — Аркадий не выразил удивления. Новость его не тронула.

— Все говорят о партии то же, что и ты, но не для того, чтобы повторять в суде. А ты старший следователь. А что ты говорил обо мне? — спросил Миша. — И ты говорил такие вещи обо мне, об адвокате? Она и об этом заявила. Теперь мне придется расстаться с партбилетом. Этот суд для меня конец, мне уже не подняться.

— Извини.

— Знаю, ты никогда не был настоящим членом партии. Я изо всех сил старался помочь тебе в продвижении по службе, а ты такое швырнул мне в лицо. Теперь твоя очередь помочь мне. Сюда подойдет Зоин адвокат. Ты должен отрицать, что когда-либо в моем присутствии допускал антипартийные высказывания. Может быть, в присутствии Зои, но не в моем. Или она, или я.

Кому-то ты должен все-таки помочь.

— Тебе или Зое?

— Будь добр, ради старой дружбы.

— Я бы сказал, что мы не просто старые друзья, а самые близкие друзья. Ну, а на бракоразводных процессах говорят всякое, только никто не принимает это всерьез. Уже поздно.

— Сделай это ради меня.

— Хорошо, говори, как его зовут. Я ему позвоню.

— Нет, он едет сюда, мы договорились встретиться здесь.

— Разве у него нет конторы или телефона?

— Сейчас его нет на месте, он едет сюда.

— И что, будем говорить здесь, в церкви?

— В музее. Видишь ли, он не хочет огласки, как-никак разговор с мужем клиентки и все такое. Он еще делает мне любезность.

— Я не могу ждать полчаса, — Аркадий вспомнил, что в машине ждет Кервилл.

— Клянусь, он будет раньше. Я бы не просил тебя без нужды. — Миша вцепился Аркадию в рукав. — Так подождешь?

— Хорошо, немного подожду.

— Он скоро будет.

Аркадий прислонился к колонне, пока не по-

чувствовал, что шея намокла от сочащейся сверху воды. Он прикурил от Мишиной свечи и зашагал вокруг колонн. Чем дольше он находился в церкви, тем больше можно было разглядеть. Он подумал, что старые росписи, пожалуй, лучше смотрятся в слабом свете. Многие изображенные на стене фигуры были с крыльями, хотя, по правде, он не мог отличить ангелов от архангелов. Крылья легкие, невесомые. Сами ангелы похожи на птиц, поблескивали их глаза и мечи. Алтаря не было. Надгробья выдраны с мест, на их месте ямы, похожие на разрытые могилы. Глаза и уши привыкли к обстановке. Он услышал, как пробежала вспугнутая мышь. Ему казалось, что он слышит не только, как капли ударяются о пол, но и как они отрываются от потолка. В свете свечи он заметил, что, хотя в церкви было холодно, Миша вспотел. Взгляд его остановился на синеватых очертаниях закрытой двери.

— Помнишь, — внезапно сказал Аркадий и увидел, как Миша испуганно вздрогнул, — когда мы были мальчишками, нам тогда было лет по десять, не больше, как мы однажды ходили в церковь.

— Нет, не помню.

— Мы пошли, потому что ты хотел доказать

мне, что Бога нет. Церковь была действующая, и мы вошли в самый разгар службы. Кругом стояли старики, длиннобородые священники. Ты подошел к ним и заорал: «Бога нет!» Все рассердились и, думаю, немножко испугались. Я-то впрямь перепугался. Потом ты заорал: «Если Бог есть, пусть он убьет меня. И Аркашу тоже». Я страшно испугался. Но нас не убило, и я считал тебя самым храбрым человеком на свете. И мы гордо прошествовали наружу, помнишь?

— Все равно не помню, — покачал головой Миша, но Аркадий видел, что он помнит.

— Возможно, это та самая церковь.

— Нет, не та.

На одной из стен Аркадий с трудом разглядел сидящую фигуру с поднятой рукой. Ангелы, казалось, струились из нее. Ниже две обнаженные фигуры, возможно, мужчины и женщины, стоящие на чем-то похожем на двуглавого пса. Может быть, на свинье. Или это было просто пятно. В одном месте толпой стояли мученики, в другом мужчина вел осла, и всюду царила непонятная суматоха.

— Никакого адвоката не будет, — сказал Аркадий.

— Он…

— Никакого адвоката нет.

Он прикурил одну сигарету от другой. Миша задул свечу, но Аркадий его видел. Оба смотрели на дверь.

— Никогда не думал, что это будешь ты, — сказал Аркадий. — Кто угодно, только не ты.

Прошла минута. Миша не произнес ни слова.

— Эх, Миша, — вздохнул Аркадий.

Он чувствовал, как падали капли, как от них расходились круги, пересекая друг друга. Снаружи льет сильнее, подумал он. Сквозь купол проникали, пересекаясь, слабые лучи света и блекли, не достигнув противоположной стены. Миша умоляюще глядел на Аркадия. Его черные кудри смешно растрепались. По щекам текли слезы.

— Беги, — прошептал он.

— Кто здесь будет? — спросил Аркадий.

— Быстрее, они забирают голову.

— Откуда они узнали про голову?

Аркадию показалось, что он слышит шаги. Он загасил сигарету, прижался к стене и достал пистолет. Миша, слабо улыбаясь, стоял на месте. В разбитой купели купался голубь. Он стряхнул воду и, громко хлопая крыльями, взлетел между колоннами под купол.

— Ты обойдешься? — спросил Аркадий. — Я тебе позвоню.

Миша кивнул.

Аркадий двинулся вдоль стены и распахнул дверь. Заливая строительные леса, шел дружный весенний дождь. Люди закрывались газетами и пряталась под зонтиками. Кервилл нетерпеливо ожидал в машине.

— Аркаша, я часто вспоминал об этой церкви, — произнес Миша.

Но Аркадий уже бежал к машине.

* * *

Набережную залило, и им пришлось объезжать вокруг Парка Горького. Подъезжая к Институту этнологии, он увидел, как от него, включив фары, отъезжает черная «Волга». Он узнал водителя. «Спасибо, Миша», — подумал про себя Аркадий. Он проехал мимо института, развернулся на Андреевском проспекте и поехал назад вдоль парка на расстоянии квартала от «Волги».

— Что мы собираемся делать? — спросил Кервилл.

— Я преследую машину, а вы выйдете у следующего светофора.

— Черта с два.

— Вон в той черной машине сидит офицер КГБ. Он похитил голову, которая была восстановлена для меня.

— Тогда остановите его и отберите голову.

— Хочу посмотреть, куда он ее везет.

— И что тогда?

— Тогда я явлюсь с парой милиционеров и арестую их за кражу государственной собственности и создание препятствий работе прокуратуры.

— Вы же сказали, что это КГБ. Их нельзя арестовать.

— Не думаю, что это операция КГБ. КГБ, если нужно, просто забирает "к себе дело: они не крадут вещественных доказательств. Квартира, в которой мы были, должна оставаться опечатанной в течение года — так положено в КГБ. Если бы это было дело рук КГБ, то трупы в парке были бы «обнаружены» в тот же день. Кому уроком могут служить старые трупы? По-моему, это частная операция одного майора КГБ и его подчиненных, которые за мзду хотят кого-то прикрыть. КГБ не терпит дельцов в своих рядах. Во всяком случае, московский городской прокурор не подчиняется КГБ, а я пока что его старший следователь. Можете здесь выйти.

Они остановились у светофора на Садовом

кольце через три машины от «Волги». Водитель, рябой парень, который преследовал Ирину в метро, смотрел на что-то стоящее рядом с ним на" переднем сиденье. Он не проверялся в зеркало заднего обзора. Такой парень не может даже представить, что его самого будут выслеживать, подумал Аркадий.

— Хочу покататься, — потянулся в машине Кервилл.

— Очень хорошо.

Светофор переключили. Аркадий с самого начала ожидал, что «Волга» свернет налево и направится к центру, где работал Приблуда. Но она повернула направо, на восток, в сторону шоссе Энтузиастов. Улицы были уже украшены лозунгами. «НИ ОДНОГО ОТСТАЮЩЕГО!» — призывал один из них. Аркадий держался в трех машинах позади «Волги».

— Почему вы так уверены, что голова у него? — спросил Кервилл.

— Пожалуй, это единственное, в чем я уверен. Хотелось бы знать, как он о ней узнал.

Чем больше они удалялись от центра, тем меньше движения на дороге, и Аркадию приходилось увеличивать интервал между обеими машинами. Остался позади завод «Серп и молот», потом

Измайловский парк. Они выезжали из Москвы.

«Волга» повернула на север, на кольцевую дорогу, служащую границей города. Сплошные облака сменились шапками грозовых туч с прогалинами чистого неба. Внезапно на обочине шоссе возникли бронетранспортеры, тяжелые грузовики со смотровыми щелями, танки размером с грузовики, зарядные ящики, закрытые брезентом угловатые трейлеры. Солдаты заглядывали в головные фары.

— К первомайскому параду, — объяснил Аркадий.

Подъезжая к Дмитровскому шоссе, он сбросил скорость. Изо всех передних машин одна «Волга» пошла на спуск к шоссе. Перед тем как съехать, Аркадий выключил фары. Патрульный мотоциклист, увидев служебный номер «Москвича», махнул жезлом: «Проезжай!» «Волга» была метрах в двухстах впереди.

И шоссе, и город остались позади. По сторонам дороги, сокращая видимость, пошли леса. Местность стала более холмистой, и задние огни впереди идущей машины то исчезали, то появлялись вновь, когда дорога выравнивалась. Мимо пролетали вороны.

— Что это за место? — спросил Кервилл.

— Серебряное озеро.

— И этот парень всего лишь майор?

— Да.

— Тогда мы явно едем не к нему.

Сквозь заросли рябины по обочинам проглядывала вода. К летним дачам вели раскисшие грунтовые дороги. Они проехали деревянный мостик. Слева появилось Серебряное озеро. Оно растаяло, только посередине остался островок льда, на котором паслись дикие гуси. Дорога снова пошла между деревьями. Задние огни «Волги» служили ориентиром изгиба дороги. Мимо машины проплывали дачные участки с перевернутыми столиками и поломанными беседками. Проехали площадку для стрельбы из лука.

Аркадий выключил мотор и остановился на боковой дорожке, которая упиралась в дачку с заколоченными ставнями. Лужайка перед ней переходила в заброшенный яблоневый сад, а за ним — поросший ивами берег озера.

— Почему мы здесь встали? — спросил Кервилл.

Аркадий приложил палец к губам и тихо открыл дверцу. Кервилл последовал за ним. Совсем близко они услыхали, как хлопнула дверца другого автомобиля.

— Значит, вы знаете, где они? — спросил Кервилл.

— Теперь знаю.

Ноги утопали в набухшей от воды земле. Пересекая лужайку, он слышал раздававшиеся из-за деревьев голоса, хотя не различал слов. Он двинулся через сад, придерживая ветки, пытаясь нащупать ногами путь в оставшихся с зимы мокрой листве и мусоре.

Голоса стали громче, собеседники о чем-то договаривались. А он все передвигался от дерева к дереву. Голоса смолкли. Он замер. Голоса послышались снова, теперь ближе. Он упал на землю и пополз в сторону низкого кустарника. Метрах в тридцати он увидел угол соседней дачи, черную «Волгу», «Чайку», рябого и прокурора Москвы Андрея Ямского. Рябой держал в руках картонную коробку. Ямской был в тех же подбитых волчьим мехом сапогах и шубе, как в тот раз, когда к нему приезжал Аркадий. На голом черепе шерстяная шапка. Продолжая говорить, он натягивал кожаные перчатки. Прокурор говорил негромко, и Аркадий не мог разобрать ни слова, но в голосе слышались знакомые властные самоуверенные нотки. Ямской полуобнял своего спутника и повел по тропинке к берегу, где Аркадий в прошлый

раз трубил в рожок, призывая гусей.

Аркадий, прячась за кустарником, следовал за ними. В свой первый приезд на дачу он не обратил внимания на поленницы дров, разбросанные по участку. Рябой остановился у одной из них, а Ямской направился в сарай. Аркадий вспомнил рожок, ведро рыбной муки и висевших в сарае гусей. Ямской вернулся с топором. Его спутник открыл коробку и вытащил голову Валерии Давидовой, вернее, ее идеальную, словно живую, реконструкцию, замечательное творение Андреева, и положил ее на дровяную плаху. Она лежала на боку с широко открытыми глазами, единожды казненная, в ожидании новой казни.

Ямской занес топор и расколол голову надвое. С аккуратностью деревенского умельца он снова уложил половинки на плаху и расколол их. Потом еще раз. С обстоятельностью любителя попотеть ради здоровья он продолжал крошить, пока от головы не остались мелкие осколки, затем перевернул топор и обухом размолол их в пыль, которую сгреб в коробку. Рябой пошел с коробкой на берег и высыпал пыль в воду. Ямской подобрал с земли два шарика, стеклянные глаза Валерии, и сунул в карман. Когда рябой вернулся и наложил в коробку дров, он поднял парик, и

они вдвоем вернулись на дачу.

Кервилл молча следовал за Аркадием.

— Пошли, — сказал он.

Кервилл знал, кто это. Он весело улыбался, не скрывая удовольствия.

— Не забывайте, что я следил за вашей конторой, — сказал Кервилл. — Я видел прокурора раньше. Думаю, вам надо спасать шкуру.

— А куда мне бежать?

Когда они добрались до сада, из трубы дачи Ямского валил дым. Сквозь окна Аркадий видел отблески огня. Он подумал, что если подняться повыше, то можно уловить запах жженых волос.

— Скажите, кто убил Джимми, — настаивал Кервилл. — Вам теперь до него ни за что не добраться. У вас нет улик, нет опознания. Вы теперь все равно что покойник. Дайте я достану его.

Аркадий присел на ствол дерева и стал размышлять. Он закурил, прикрыв сигарету ладонями от дождя.

— Если бы убийца вашего брата жил в Нью-Йорке и вы бы убили его, сошло бы вам это с рук?

— Я полицейский, мне все сойдет. Послушайте, я же вам помогал.

— Нет, — подался вперед Аркадий, — не помогали.

— Что вы имеете в виду? Я же сказал о его ноге.

— У него была покалеченная нога и его убили — кроме этого, я ничего не знаю. А рассказали ли вы мне, каким он был? Умным или глупым, смелым или трусливым, веселым или серьезным? Как же так — рассказать так мало о своем брате?

Стоявший перед Аркадием Кервилл возвышался над деревьями — игра перспективы: маленькие деревья вокруг огромного человека. С плеч его стекала вода.

— Бросайте, Ренко, вы больше не у дел. Теперь дело у прокурора и у меня. Как его зовут?

— Вы не любили брата.

— Я бы этого не сказал.

— А что бы вы сказали?

Кервилл посмотрел на дождь, потом на Аркадия. Он вынул руки из карманов, сжал в два огромных кулака и медленно разжал, как бы успокаивая себя. Бросил взгляд на дом. Что бы он сделал, если бы дача не была так близко, подумал Аркадий.

— Я ненавидел Джимми, — ответил Кервилл. — Удивлены?

— Если бы я ненавидел брата, то не отправился бы на другой конец света. Но мне все-таки любо-

пытно. Когда мы искали отпечатки в гараже, у вас была карточка с его отпечатками — полицейская дактилоскопическая карта. Вы что, арестовывали своего брата?

Кервилл улыбнулся. Он неохотно убрал руки в карман.

— Я подожду вас в машине, Ренко.

Он ушел, пригибаясь под деревьями, принимая во внимание его огромную фигуру, почти неслышно. Аркадий поздравил себя с тем, что лишился последнего, временного союзника.

Значит, Ямской. Теперь все сходится, сказал висельник, поднимаясь на эшафот, мысленно сострил Аркадий. Ямской, который не давал никому, кроме Аркадия Ренко, расследовать убийство в Парке Горького. Ямской, который вывел Аркадия на Осборна. Приблуда не выслеживал Пашу и Голодкина до квартиры Голодкина — у него не было времени убить их, отыскать ларец и увезти его. Чу-чин донес Ямскому, что он допрашивает Голодкина, и у Ямского было достаточно времени, чтобы утащить ларец и оставить в засаде убийц. А кто сказал Ямскому о голове Валерии? Не кто иной, как сам Аркадий Ренко. В конечном счете не Ямской, а он сам сделал открытие — до чего же он глуп и беспомощен как следователь,

слепой, глухой и безмозглый. Идиот, как верно заметила Ирина.

Дверь дачи открылась, и на крыльце появились Ямской и рябой. Прокурор переоделся в обычную коричневую форму и пальто. Пока прокурор запирал дверь, рябой отряхивал с себя сажу. Огонь в печи остался гореть.

— Значит так, — Ямской сделал глубокий энергичный вдох, — вечером доложишь.

Рябой махнул на прощание рукой, сел в «Волгу» и задним ходом выехал на дорогу. За ним на «Чайке» поехал Ямской. Подминая листья и ныряя на дорогу, лимузин, казалось, вздохнул полной грудью, удовлетворенный проделанной работой.

Как только машины отъехали, Аркадий обошел вокруг дачи. Это был четырехкомнатный финский домик. Передняя и задняя двери заперты на два запора, на окнах провода — жилища избранных обитателей Серебряного озера были подключены к системе сигнализации, выведенной непосредственно на пост КГБ и патрульные машины.

Он спустился к озеру. На дровяной колоде лежала перчатка, остались следы розового пластилина и несколько волосков. Розовая пыль лежала и на земле вперемешку с гусиным пометом. Еще боль-

ше пыли разносилось ветром. Он поскреб колоду. Там поблескивали крошечные крапинки золота.

Вот, оказывается, куда привезли ларец Голодкина. Он, наверное, уже был на даче во время первого приезда Аркадия. Вот почему его спешно повели кормить диких гусей. Потом сундук раскололи в щепки на этой колоде. Интересно, сумел ли он сжечь большой сундук за один раз, подумал он.

Он оглядел вею поленницу, но не мог найти следов ларца. Развалил поленницу — в самом низу увидел забытые Ямским щепки — тоненькие полосочки дерева и позолоты.

— Поглядите, Кервилл, — услышав за спиной шаги, сказал Аркадий. — Вот он, голодкинский сундук, или то, что от него осталось.

— Так оно и есть, — ответил незнакомый голос.

Аркадий увидел рябого, уехавшего на «Волге». Он направил на Аркадия тот же, что и тогда в метро, короткоствольный ТК.

— Забыл тут перчатку, — пояснил он.

Из-за спины рябого поднялась рука и выбила пистолет. Вторая рука схватила его за горло. Кервилл, обхватив рябого за руку и шею, потащил его к ближайшему дереву, одиноко стоящему

на берегу дубу, прижал за горло к стволу и стал бить. Рябой пробовал отбиваться ногами. Кулак Кервилла работал как кувалда.

— Нужно с ним поговорить, — вмешался Аркадий.

Изо рта рябого полилась яркая кровь. Глаза вылезли из орбит. Кулак Кервилла заработал еще быстрее.

— Оставьте его! — Аркадий пытался оттащить Кервилла.

Кервилл локтем сбил Аркадия наземь.

— Не надо! — схватил он за ногу Кервилла.

Кервилл двинул его ногой по все еще не зажившему ушибу на груди. Аркадий, задохнувшись, скорчился от боли. Кервилл продолжал колотить рябого о дерево. Изо рта потоком полилась пенистая кровь, ноги задергались в воздухе. Аркадий когда-то видел, как собака терзала птицу. Он не мог найти другого сравнения с нынешней расправой. Голова рябого, разбрызгивая кровь, болталась из стороны в сторону. Ноги колотились о дерево. Каждый новый удар был сильнее предыдущего, а тело под кулаком Кервилла все заметнее становилось обмякшим и безжизненным. Аркадий подумал, что Кервилл поломал противнику ребра уже в самом начале. С каждым

ударом лицо рябого все больше теряло цвет.

— Вы его убили, — Аркадий поднялся на ноги и стал оттаскивать Кервилла. — Он уже мертв.

Кервилл побрел прочь. Рябой упал на колени, ткнулся в землю посеревшим лицом и повалился на бок. Кервилл тоже упал и пополз, перебирая окровавленными руками.

— Он был нам нужен, — сказал Аркадий. — Надо было его расспросить.

Кервилл стал отирать руки о камни. Аркадий взял его за воротник и безучастного, как животное, отвел к воде. Потом вернулся к дубу и обшарил одежду убитого. Он нашел дешевый бумажник с небольшой суммой денег, кошелек с мелочью, нож со стреляющим лезвием и красную книжечку сотрудника КГБ. В удостоверении стояла фамилия Иванов. Он забрал удостоверение и пистолет.

Аркадий оттащил покойника в сарай. Когда он открыл дверь, его охватило теплом и неумолчным жужжанием. Под потолком во всю стену со связанными ногами рядами висели гуси, головы подвернуты под грязные крылья. Меж перьев, жужжа, ползали мухи. Воздух пропитан запахом разложения. Он бросил в сарай мертвеца и захлопнул дверь.

* * *

По дороге в Москву дул попутный ветер.

— Сначала он собирался стать монахом, — рассказывал Кервилл. — Одним из тех парней с постными лицами, которые пускают сопли над сорванными цветами, попадают в Рим, ненавидят итальянцев и лижут задницу французским иезуитам. Это уже противно, но еще куда ни шло. Ну, стал бы проповедником среди рабочих, это обычная головная боль. Потом он стал забирать выше — захотел стать мессией. У него не было ни ума, ни силы, но он хотел быть мессией.

— А как это делается?

— Католику нельзя. А вот если ты объявишь себя восточным йогом или гуру и станешь нести чушь, питаться куриными головами и не менять порток, то у тебя появится сколько угодно учеников. Но только не католику, ни в коем случае.

— Почему?

— Если ты католик, ничего не добьешься, кроме отлучения от церкви. Так или иначе, в Америке развелось слишком много мессий. Настоящий супермаркет мессий. Вы ни черта не понимаете, о чем я толкую, не так ли?

— Правда, не понимаю.

Они доехали до выставки. Вершина обелиска тонула в сумерках.

— Россия же для мессий — неосвоенная целина, — продолжал Кервилл. — Здесь у Джимми могло что-нибудь получиться, во всяком случае, был шанс. Дома-то у него ни хрена не получилось. Ему нужно было свершить что-нибудь громкое у вас. Он написал мне из Парижа, что едет к вам. Он писал, что в следующий раз я увижу его в аэропорту имени Кеннеди. Он собирался сотворить что-нибудь в духе святого Христофора. Знаете, что это такое?

Аркадий отрицательно покачал головой.

— Это значит, что он собирался вывезти кого-нибудь из России и устроить в аэропорту пресс-конференцию. Он собирался предстать спасителем, на худой конец, стать знаменитостью среди верующих. Я знаю, как он попал сюда. Когда он вернулся из первой поездки, то рассказывал, как легко найти чешского или польского студента, похожего на него. Они поменялись бы паспортами, и Джимми вернулся бы к вам под другим именем. Он рассказывал, что таким путем церковь через Польшу в большом количестве провозит к вам Библию. Кроме русского Джимми знал польский, чешский и немецкий, так что ему

было бы нетрудно. Труднее было не попасться у вас. И выбраться отсюда.

— Вы сказали, что у него ни хрена не вышло в Соединенных Штатах. А что там было?

— Он связался с еврейскими ребятами, которые доставляют беспокойство русским в Нью-Йорке. Поначалу мазали краской машины и проводили демонстрации. Потом стали посылать письма со взрывчаткой. Потом самодельные бомбы в представительстве Аэрофлота и обстрел окон советского представительства. В полицейском управлении есть отдел, который прозвали «красной бригадой», он ведет наблюдение за радикалами. Он стал следить за евреями. Говоря по правде, мы подсунули им партию капсюлей. А Джимми тем временем ездил в Джорджию и купил там для них ружья и взрывчатку. Он сделал две ездки, одну из партий он доставил в алтаре.

— А что с капсюлями?

— Они были неисправны. Я спас ему жизнь. Он должен был принять участие в изготовлении бомб. В то утро я пришел к нему домой и сказал, чтобы он никуда не ходил. Он не желал и слушать. Я швырнул его на кровать и переломил ногу о спинку кровати. Поэтому он не пошел. Евреи поставили неисправные капсюли, и бомбы

взорвались. Все погибли. Вот и выходит, что я спас ему жизнь.

— И что потом?

— Что вы хотите этим сказать?

— Скажем, не подумали ли евреи, которые остались в живых, что ваш брат осведомитель?

— Конечно. Я услал его из города.

— И у него не было возможности объясниться со своими друзьями?

— Я сказал, что, если он вернется, я сверну ему шею.

На проспекте Мира они попали под ливень. На тротуарах валялись газеты.

— Расскажу об одном случае в Нью-Йорке, — Кервилл взял сигарету. — Был у нас один уличный грабитель. Угрожая ножом, он получал что требовал, а потом резал свои жертвы просто ради забавы. Мы его знали — чернокожий парень, главным образом, снимал драгоценности. Я хотел от него избавиться и подстроил ему одну штуку. Знаете, что я сделал? У меня был перстень одной из жертв, я бросил его позади этого чернокожего и тут же схватил его. Этот болван достал пистолет, выстрелил и промахнулся. А я не промахнулся. Это было в Гарлеме. Собралась толпа, кто-то схватил пистолет этого подонка и удрал.

Из него сделали мученика, представили дело так, что добропорядочного гражданина убили по пути в церковь. По Сто двадцать пятой улице шествовали демонстрации. Все чернокожие священники, способные таскать ноги, сочли за должное явиться туда, а тут еще антивоенное сборище, и Джимми со своими «христианскими свидетелями» несли плакаты «Разыскивается убийца: сержант Киллвелл» («ловкий убийца»). Я выяснил, кто придумал «Киллвелла». Джимми мне не говорил, но я-то знал.

Река вздулась. Высокая темная вода несла последние льдины.

— Знаете, как еще ему нравилось меня называть, — спросил Кервилл. — Ему нравилось называть меня Исавом. «Брат мой Исав», — говорил он.

В Институт этнологии Аркадий поднялся один, чтобы рассказать Андрееву, что стало с головой. Из студии Андреева он позвонил Мише на квартиру и на службу, но безрезультатно. Потом он позвонил Лебедю, который сообщил, что нашел дом, где скрывались Костя Бородин, Валерия Давидова и Джеймс Кервилл. Женщина, которая провела Лебедя в дом, сказала, что каждый день продавала им свежих кур и рыбу. ”

Аркадий взял Кервилла с собой осмотреть дом, который оказался развалюхой, зажатой между заводскими корпусами в Люблинском районе, неподалеку от кольцевой дороги. Почти все там было знакомо Аркадию, словно раньше существовало в его воображении. Кервилл двигался молча как завороженный.

* * *

Они зашли в рабочую столовую. Кервилл взял бутылку водки и продолжил рассказ о своем брате, но говорил теперь иначе, словно о другом человеке. Он рассказывал Аркадию, как учил его кататься на коньках, водить машину, показывал, как накладывать позолоту на рамку, учил, как обходиться с монашками, как видели на бейсбольной площадке самого Роджера Мариса, как хоронили вырастившую их русскую бабушку. Одно воспоминание вызывало другое, кое-что Аркадий понимал, а что-то нет.

— Знаешь, когда я понял, что ты мужик что надо? — признался Кервилл. — Когда ты выстрелил в меня в гостинице. Ты целил мимо, но ненамного. Мог бы и убить. Тогда и тебе и мне было на все наплевать. У нас много общего.

— Теперь-то мне не всё равно, — сказал Ар-

кадий.

* * *

В полночь он подвез Кервилла к «Метрополю». Гигант плохо держался на заплетающихся ногах.

Ирина ждала его. Она ласкала его в постели, словно говоря: «Верь мне, будь со мной, можешь доверить мне свою жизнь».

Уже засыпая, он вспомнил, что рассказал Кервилл, когда Аркадий спросил, охотились ли они с братом когда-нибудь на соболя.

— Нет, не охотились. В штате Мэн и в Канаде водятся лесные куницы, которых там называют соболем, но они большая редкость. Чтобы добыть их, буравят дыры в стволе. Если охотник законченный негодяй, он бурит в стволе отверстие глубиной сантиметров двадцать пять. Довольно глубоко. Засовывает в дыру свежее мясо. Затем вбивает под углом два гвоздя, так что их острия почти сходятся ближе к заднему концу отверстия. Куница хорошо лазает по деревьям. Почуяв запах мяса, она по стволу лезет в ловушку. Она может едва просунуть голову между гвоздями, торчащими в сторону мяса. Хватает мясо — она всегда достает до мяса — но в этот момент гвозди вонзаются в нее. Она пытается высвободить голо-

ву, но чем сильнее она вырывается, тем глубже впиваются гвозди. В конце концов она истекает кровью или отрывается голова. Теперь их осталось мало. Ловушки сделали свое дело.

16

В четыре утра Аркадий позвонил в Усть-Кут.

— Якутский слушает.

— Говорит старший следователь Ренко из Москвы.

— О! Наконец-то позвонили в подходящее время, — отозвался Якутский.

В окне темно. Аркадий закрыл глаза.

— Чем питаются соболя? — спросил он.

— И ради этого вы мне звоните? Неужели не нашлось энциклопедии?

— На одежде Бородина обнаружены следы куриной и рыбьей крови. Он каждый день покупал кур и рыбу.

— Соболя и норки едят кур и рыбу. По-моему, люди тоже.

— Не каждый день, — отпарировал Аркадий. — Случались ли в ваших краях похищения соболей?

— Нет, ни разу.

— Какие-нибудь необычные происшествия в зверосовхозах?

— Ничего из ряда вон выходящего. В ноябре на ферме в Баргузине был пожар, погибло пять или

шесть соболей. За остальных, однако, полностью отчитались.

— Сильно ли они обгорели?

— Я же говорю, насмерть. Вообще-то ощутимый убыток, потому что баргузинские соболя самые ценные. Проводились расследования, но халатность не подтвердилась.

— Проводилось ли вскрытие животных, чтобы убедиться, что это действительно были баргузинские соболя и что они действительно погибли от огня и чтобы точно определить время гибели?

— Товарищ Ренко, до такого могли додуматься только в Москве!

Положив трубку, Аркадий тихо оделся и вышел из дому. Дойдя до Таганской площади, позвонил из автомата. Мишин домашний телефон так и не отвечал. Он позвонил и разбудил Лебедя и Андреева, затем вернулся домой. Прислонившись к стене, он смотрел на Ирину.

Пойти к генеральному прокурору и заявить, что прокурор Москвы — убийца? За два дня до Первого мая! Не имея никаких доказательств? Скажут, что пьян или рехнулся, и задержат до прибытия Ямского. Пойти в КГБ? Осборн — осведомитель КГБ. К тому же благодаря Кервиллу у него на руках кровь сотрудника КГБ.

Утренняя заря незаметно подкралась к Ирине. Бледное лицо на голубоватой подушке. Но он ощущал легкую теплоту, исходящую от ее спящей фигуры. Он смотрел, словно хотел навсегда запечатлеть в памяти ее образ. Лоб закрывали волосы, позолоченные восходящим солнцем.

Мир был пылинкой, беспорядочно взлетающей от дыхания девушки. Мир был трусливым существом, замышляющим убить ее. Он мог спасти ей жизнь. Да, он потеряет Ирину, зато спасет ей жизнь.

* * *

Когда она проснулась, он сварил кофе и положил ее одежду в ногах кровати.

— В чем дело? — спросила Ирина. — Мне казалось, ты доволен, что я здесь.

— Расскажи мне об Осборне.

— Все уже позади, Аркаша, — она, неодетая, села в постели. — Даже если я поверила тому, что ты сказал об Осборне, вдруг я ошибаюсь? Если Валерия жива и в безопасности, я выдам человека, который ей помог. Если же ее нет в живых, то ничего не изменишь.

— Пошли, — Аркадий швырнул ей одежду. — Уж слишком легко ты рассуждаешь о смерти. Я

покажу тебе мертвых.

* * *

По дороге в лабораторию Ирина то и дело оглядывалась на него. Аркадий чувствовал, что она хочет найти объяснение его внезапному превращению в следователи.

Аркадий вместе с ней зашел в лабораторию судебной экспертизы, где забрал у полковника Людина опечатанную сумку с вещественными доказательствами и еще одну пустую. Людин восхищенно поглядывал на Ирину — умелые руки и новая косынка мгновенно превратили афганскую куртку в эффектную одежку.

В машине она, отвернувшись, глядела в окно, показывая недовольство бесцеремонностью Аркадия. Обычная размолвка влюбленных, говорила она своим поведением. В машине появился странный запах. Она поглядывала на стоящую рядом с ней громоздкую опечатанную сумку с вещественными доказательствами. Запах был очень слабый, почти неощутимый, но привкус его оставался во рту. Когда они подъехали к реке, она открыла окно, чтобы проветрить машину.

В Институте этнологии Аркадий провел Ирину в студию Андреева. Испытывая облегчение, что

наконец-то покинула машину, она ходила от стенда к стенду, с любопытством разглядывая головы Тамерлана и Ивана Грозного. Аркадий тем временем разыскивал антрополога. Но Андреев исчез, хотя твердо обещал, что будет на месте.

Стоя в другом конце комнаты, Аркадий наблюдал за Ириной.

— И ради этого ты меня сюда привел? — она постучала пальцем по стенду с головой Ивана Грозного.

— Нет. Я надеялся увидеть профессора Андреева. К сожалению, его, кажется, нет. Прекрасный человек, ты наверняка о нем слышала.

— Нет, не слыхала.

— О его трудах говорится в лекциях на юридическом, — сказал Аркадий. — Должна была запомнить.

Ирина пожала плечами и направилась к экспонатам из области антропологии, пробегая глазами по лицам, глядящим стеклянными глазами из-под тяжелых надбровий. Она подошла поближе. Работа Андреева была волшебством. Аркадий видел, с каким восхищением Ирина разглядывает смешные ужимки одного обезьяньего лица и свирепый оскал другого. У края стола находился гончарный круг и высокий та-

бурет. Закрепленный проволочной подставкой, на круге стоял череп неандертальца, наполовину покрытый лентами розового пластилина.

— Теперь вижу, — она тронула открытую часть черепа. — Андреев их реконструирует… — она на полуслове отдернула руку.

— Все в порядке, — подошел к ней Аркадий. — Он ее нам оставил.

Аркадий держал за шпагат круглую шляпную картонку из розового глянцевого картона, какие вышли из моды лет шестьдесят назад.

— Я слышала об Андрееве, — Ирина вытерла пальцы.

Картонка болталась в руках Аркадия — низ ее был легче верха.

* * *

Каждый студент юридического факультета был знаком с андреевскими реконструкциями лиц убитых. Проезжая вдоль Парка Горького, бывшая примерная студентка Ирина Асанова почти задыхалась от запаха гниения, заполнившего машину. Смерть просачивалась из опечатанной сумки и гремела в шляпной картонке на заднем сиденье.

— Куда мы едем, Аркаша? — спросила Ирина.

— Скоро увидишь, — Аркадий выбирал самые

прозаические слова, словно отвечая арестованному.

Ни одного лишнего слова в утешение, чтобы отвлечь ее от тревожных мыслей, ни ободряющего пожатия руки, никакого выражения сочувствия. Человек не станет следователем, если не может быть жестоким, убеждал он себя.

Ирина даже не повернула головы, когда слева от них проезжала колонна автомашин с машущими им солдатами, и Аркадий понял, что она боялась, как бы при малейшем движении ее взгляд не упал на нелепо выкрашенную картонку. На небольшой выбоине коробка сдвинулась с места. Она как бы говорила с Ириной, для нее она была живой, врывающейся в память с заднего сиденья автомобиля.

— Теперь недолго, — сказал он, поворачивая машину. Картонка поползла, руки Ирины словно дернули за веревочку.

Красные первомайские полотнища протянулись вдоль корпусов завода «Шарикоподшипник», тракторного завода, электрозавода, текстильной фабрики. На полотнищах золотые профили, лавровые ветви, написанные золотом лозунги. Из труб валил серый дым. Он подумал, что теперь она, должно быть, знает, куда ее ве-

зут.

Они, не обменявшись ни словом, целый час ехали на юго-восток по Люблинскому району мимо больших заводов, потом заводов поменьше, мимо похожих на могилы серых блочных домов для рабочих, старых домов, снесенных под строительные площадки, мимо поля, размеченного геодезистами, подпрыгивали на комьях грязи, оставив позади конечную автобусную остановку. Они находились внутри границ разросшегося города, однако попали в другой мир — низенькие лачуги, покосившиеся плетни. Они проехали мимо привязанных к колышкам коз, выносящих помои женщин в фуфайках и сапогах, оштукатуренной церкви, стягивающего шляпу одноногого калеки, переходящих дорогу буренок, двора с колодой и топором и, медленно переехав глубокие ухабы, подъехали к стоящему на отшибе дому с поломанными стеблями подсолнухов во дворе. На двух пыльных окнах виднелись грязные занавески, на резном карнизе шелушилась краска. Позади дома — уборная и железный сарай.

Захватив сумку и картонку с заднего сиденья, он помог ей выйти из машины. У дверей дома достал из сумки три кольца с ключами, которые были обнаружены в сумке со дна реки. На всех

кольцах висели одинаковые ключи.

— Логично, не так ли? — спросил он Ирину.

Ключ подошел. Дверь разбухла, и Аркадий двинул ее бедром. Она распахнулась, и в нос ударило запахом плесени. Прежде чем войти, он надел резиновые перчатки и щелкнул выключателем. Электричество еще не отключалось. Над круглым столом зажглась единственная лампочка. Дом провонял дохлятиной. В нем было так холодно, будто здесь хранили зиму. Ирина, дрожа, стояла посреди комнаты.

Дом состоял из одной комнаты. Ставни на всех четырех трехрамных окнах были на запоре. В двух отгороженных углах стеганые одеяла. Под печкой на железном листе слой золы. Вокруг стола три разномастных стула. В шкафу кусок заплесневевшего сыра и давно лопнувшая от мороза молочная бутылка. По стенам одна фотография Брандо и множество вырванных из книг репродукций икон. В углу, прикрытые тряпкой, банки с красками, бутылки с болом и олифой, тампоны, плоские кисти, шила и щетки. Аркадий отодвинул занавеску, закрывавшую нишу. Там висели два мужских костюма, один среднего размера, другой больше, и три небольшого размера платья. На полу беспорядочно валялась обувь.

— Верно, — Аркадий по выражению лица видел, о чем думала Ирина, — будто в могиле.

У стены стояли три старомодных флотских рундучка. Аркадий отпер их, пользуясь на этот раз разными ключами с колец. В первом было нижнее белье, носки, экземпляры Библии и другая религиозная контрабанда. Во втором нижнее белье, заткнутый пробкой пузырек с золотым песком, презервативы, старый наган с патронами. В третьем женское белье, стеклянные украшения, импортные духи, спринцовка, ножницы, щеточки, губная помада, заколки для волос, кувшинчик, облезшая фарфоровая кукла и фотографии Валерии Давидовой в основном с Костей Бородиным, а одна с бородатым стариком.

— Наверное, ее отец? — он показал снимок Ирине. Та промолчала. Он закрыл рундучки. — Должно быть, Костя очень напугал соседей, пока обитал здесь. Представь себе, все это время никто сюда не входил. — Он обратил внимание на выгороженные для сна углы. — Костя, видно, был тяжелым человеком, ужиться с ним было трудно. Такова жизнь… Что же ты меня не остановишь, Ирина? Скажи-ка лучше, что они здесь делали для Осборна?

— Мне кажется, ты уже знаешь, — прошептала

она.

— Это все догадки. Нужен свидетель. Кто-то должен мне сказать.

— Я не могу.

— Нет, скажешь, — Аркадий поставил на стол картонку и сумку с вещдоками. — Мы поможем друг другу и решим пару загадок. Я хочу знать, что Валерия с Бородиным делали здесь для Осборна, а ты хочешь знать, где в данный момент находится Валерия. Скоро все станет ясно.

Он отодвинул один стул, оставив два около стола. Оглядел комнату. Она была так безнадежно убога, как перевернутая вверх дном картонная коробка, где поместились три судьбы, хрупкое хранилище личной жизни авантюристов, дующих от холода на руки.

В слабом свете лампочки лицо Ирины выглядело желтым, а щеки ввалившимися. Он посмотрел на себя ее глазами — тощий мрачный мужчина с растрепанной черной шевелюрой и лихорадочно заостренными чертами, склонившийся над розовой коробкой. Он глубже заглянул внутрь этого нелепого человека, этой марионетки Ямского, как с самого начала разглядела его Ирина. Однако, если хватит мужества, он может спасти ее от Ямского и Осборна, и даже от самой себя.

— Итак, — хлопнул в ладоши Аркадий, — мы в Парке Горького. Смеркается. Идет снег. Хорошенькая сортировщица пушнины Валерия, сибирский бандит Костя и американский парнишка Кервилл вместе с меховщиком Осборном катаются на коньках. Они покидают дорожку и углубляются метров на пятьдесят на поляну, где можно выпить и закусить. Вот они стоят. Костя здесь… — Аркадий указал на стул, стоящий у стола. — Кервилл там, — он указал на другой стул, — а Валерия посередине, — он положил руку на картонку. — Ты, Ирина, стоишь здесь, — он подвинул стул ближе к столу, — ты Осборн.

— Пожалуйста, не надо, — попросила Ирина.

— Это просто ради удобства, — сказал Аркадий. — Не могу изобразить снег или водку, так что потерпи. Постарайся представить обстановку, веселье. Трое из них верят, что вот-вот начнется новая жизнь — свобода для двоих, слава для третьего. Они пришли не просто покататься — отпраздновать! Должна ли была ты, то есть Осборн, дать последние указания? Вполне вероятно. Только ты знаешь, что через несколько секунд их не будет в живых.

— Я…

— Тебе наплевать на какие-то там церковные

ларцы — кто угодно достанет их тебе, скажем, Голодкин. Если бы эти трое занимались для тебя только этим — фальсификацией и контрабандой икон, ты бы не стала их убивать. Пускай болтают, пускай идут прямо в КГБ с доказательствами и фотографиями — твои дружки там их только осмеют и выставят на улицу. Но есть другое дело, не ларец, а то, настоящее, о котором они должны молчать — и в Москве, и где угодно.

— Не мучай меня, — взмолилась Ирина.

— Идет снег, — продолжал Аркадий. — Лица чуть раскраснелись от водки. Они тебе верят — ты ведь уже привезла этого американского дурачка, Кервилла, так ведь? После первой бутылки они в тебя влюблены. Ты для них — прибывший с Запада спаситель. Улыбки, тосты следуют один за другим. Слышишь музыку с катка? Чайковский. Давай еще бутылку. Господин Осборн, вы щедрый человек, привезли полную сумку водки, коньяку и всяческих закусок. Ты высоко поднимаешь сумку, словно шаря в ней руками, и достаешь… еще одну бутылку. Начинаешь с себя, притворяешься, будто делаешь хороший глоток. Дальше Костя, он, насколько я знаю, не отстанет. У Валерии уже слегка кружится голова, нелегко управиться с бутылкой, когда в одной

руке хлеб, в другой — сыр. К тому же она мечтает о том, где будет через неделю-другую, что будет носить, как там будет тепло. Хватит с нее Сибири — теперь заживет в раю. Кервилл тоже нетверд на коньках, не держит нога, да и он думает о возвращении домой, о вознаграждении за все его благие деяния. Неудивительно, что водка быстро расходится. Еще бутылку? Почему бы и нет? Снегопад усиливается, музыка становится громче. Ты поднимаешь сумку, перебираешь в ней, нащупываешь бутылку, нащупываешь пистолет. Отводишь предохранитель. Косте больше всех хочется выпить, ты поворачиваешься к нему и одариваешь известного бандита улыбкой.

Аркадий ударил ногой по стулу, и он упал спинкой на пол. Ирина удивленно моргнула и слегка отшатнулась.

— Очень хорошо, — продолжал Аркадий. — Автоматический пистолет бьет не так громко, как револьвер, к тому же звук заглушается кожаной сумкой, снегопадом и музыкой из динамиков. Вероятно, сначала не видно следов крови. Валерия и Кервилл толком не понимают, почему Костя валится на снег. Вы все друзья. Ты же пришла спасти их, а не причинять им вред. Поворачиваешься к американцу. Сумка около груди.

По метке на ее щеке прокатилась слезинка.

— Теперь никаких эмоций, — сказал Аркадий. Он повалил на пол второй стул. — Вот так. Очень просто. Осталась одна Валерия. Она смотрит на своего мертвого Костю, на мертвого американца, но не пытается бежать, звать на помощь, протестовать. Ты ее хорошо знаешь. Без Кости она ничто; ты избавишь ее от страданий. Жизнь так быстро все меняет. Ты только поможешь ей. — Аркадий рывком открыл сумку с вещественными доказательствами. Комната наполнилась зловонием. Он достал грязное, в крови, темное платье с дырой на левой стороне груди. Ирина посмотрела на открытую нишу и перевела глаза обратно. Он видел, что она узнала платье. — Приставь пистолет хоть к самой груди — Валерия не шелохнется, пуля для нее избавление. Цельсь прямо в сердце. Такая красота пропадает, а? — Аркадий уронил платье на стол, — такая красота. Убиты, все трое. Никто не появился, музыка все еще играет, снег скоро заметет трупы.

Ирину трясло.

— Они-то мертвы, — сказал Аркадий, — а у тебя еще много дел. Надо собрать закуску, она ведь заграничная, бутылки, забрать документы убитых. Рискнуть и сделать еще два выстрела, потому что

у американца заграничная пломба. Ты стреляешь и в Костю, чтобы тупые милиционеры подумали, что обоих добивали. Но их все еще можно опознать. Остались отпечатки пальцев. Ерунда! Берешь большие ножницы, какими разделывают кур, и хруп, хруп — отстригаешь все кончики пальцев. А что делать с лицами? Надеяться на разложение? Но они замерзнут, станут белее снега, однако останутся точно такими, как были. Намазать вареньем, чтобы зверьки, обитающие в парке, объели их? Нет, не годится — белки на зиму попрятались, а собак в Москве не много. Но меховщик, благодаря своей профессии, находит выход. Он обдирает их; с каждой головы снимает целиком лицо, как шкурку со зверька, — с Кости, с Кервилла и последнее, самое нежное, с Валерии. Какой незабываемый момент! Ни один меховщик такого еще не делал! Он выкалывает глаза — теперь дело сделано. Обрезки в сумку. Три жизни дважды стерты с лица земли. Все! А теперь в гостиницу, в самолет — и возвращаешься в свой мир. Полный порядок.

Аркадий расправил платье на столе, сложил рукава, опустил подол.

— Остался только один человек, который, по-твоему, может связывать тебя с тремя покой-

никами в Парке Горького. Правда, она ничего не скажет, потому что она самая близкая подруга Валерии и очень хочет, чтобы Валерия попала в Нью-Йорк, Рим или Калифорнию. Эта фантазия занимает самое главное место в ее жизни. Она готова пережить все до единого бессодержательные, тревожные, невыносимо скучные дни, лишь бы знать, что Валерия вырвалась на волю. Мысль о том, что Валерия где-то дышит воздухом свободы, помогает ее подруге пережить горькую тяжесть неволи. Можно попытаться убить и ее, все равно она никому не скажет. Да, ты действительно неплохо знаешь этих русских.

У Ирины подкашивались ноги. Он боялся, что она упадет.

— Итак, весь вопрос в том, где Валерия, — продолжал Аркадий.

— Аркаша, — сказала Ирина. — Ты этого не сделаешь.

— Вот Валерия.

Аркадий начал вынимать голову из картонки. Он проделывал это медленно, так что Ирина сначала увидела в его руках темные локоны, потом волосы распрямились и над коробкой появилась свежая кожа лба.

— Аркаша, — она зажмурила глаза и закрыла

их руками.

— Гляди.

— Аркаша, — она не отнимала рук от глаз. — Да, да, здесь жила Валерия. Поставь ее обратно в коробку.

— Валерия?

— Валерия Давидова.

— С…

— С Костей Бородиным и Кервиллом.

— С американцем по имени Джеймс Кервилл?

— Да.

— Ты их здесь видела?

— Кервилл постоянно прятался здесь. Валерия здесь бывала, без нее я сюда не приходила.

— Ты не ладила с Костей?

— Да.

— Что они делали в этом доме?

— Делали ларец, ты о нем знаешь.

— Для кого? — Аркадий замер, чувствуя, что она колеблется.

— Для Осборна, — наконец ответила она.

— Какого Осборна?

— Джона Осборна.

— Для американского торговца пушниной по имени Джон Осборн?

— Да.

— Они говорили тебе, что делают ларец для Осборна?

— Да.

— Это все, что они делали для Осборна?

— Нет.

— Заходила ли ты в сарай позади дома?

— Да, один раз.

— Ты видела, что они привезли Осборну из Сибири?

— Да.

— Пожалуйста, повтори свой ответ. Ты видела, что они привезли Осборну из Сибири?

— Я тебя ненавижу, — сказала она. Аркадий выключил лежавший на дне коробки портативный магнитофон и повернул голову на место. Ирина опустила руки. — Теперь по-настоящему ненавижу.

Вошел ожидавший за дверью Лебедь.

— Он отвезет тебя в город, — закончил разговор Аркадий. — Оставайся у него. Не заходи ко мне домой — опасно. Благодарю за содействие в расследовании. А теперь лучше уезжай.

Он надеялся, что она поймет и захочет остаться. Тогда бы он взял ее с собой.

Она задержалась в дверях.

— Я слыхала, что рассказывали про твоего отца,

генерала, — сказала она. — Его называли извергом, потому что во время войны он в качестве трофея отрезал уши у немца. Однако о нем не говорили, что он хвастался целой головой. По сравнению с тобой он ничто.

Она вышла. В последний раз Аркадий увидел ее уже в ехавшей по грязной дороге машине Лебедя, дряхлом «ЗИСе».

Аркадий пошел на задний двор мимо уборной к железному сараю, который он отпер одним из ключей убитых. Когда он входил, что-то коснулось его лица, — в центре потолка была закреплена планка, с которой свисал легкий шнур. Он потянул шнур, и в сарае стало светло как днем от множества мощных ламп. На стене он обнаружил часовой механизм. Вращая стрелку, он услышал слабое тиканье и заметил едва уловимое перемещение ряда ламп. Часовой механизм за двенадцать часов поворачивал планку почти на 180 градусов, имитируя восход и заход солнца. Еще один шнур тянулся к двум ультрафиолетовым лампам. В сарае не было ни одного окна.

Остатки круглого кирпичного горна давали представление, чем раньше служил сарай. На полу валялись спекшиеся от ржавчины груды отливок и железного лома. Свободное пространство

во всю длину сарая занимали две клетки. Каждая разделена деревянными перегородками на три отсека, в каждом отсеке деревянная конура. Бока и верх клеток обтянуты проволочной сеткой. На уровне пола сетка закреплена камнями и цементом, так что не выбрался бы самый юркий и настойчивый зверек.

Между двумя клетками скамья, вымазанная кровью и рыбьей чешуей. Под скамьей Аркадий нашел молитвенник. Он представил себе пару таких непохожих людей, как Джеймс Кервилл и Костя Бородин, охраняющих и кормящих свою тайну. Представил Кервилла, занятого святой молитвой, тогда как Костя гонял излишне любопытных.

Он зашел в клетку, собрал с проволоки тонкие волоски и поднял с полу катышки помета.

Вернувшись в дом, он наполнил пустую сумку вещами из рундучков. Когда он ставил сумку на стол, то опрокинул шляпную картонку и голова выкатилась наружу. Это была собранная на шарнирах лишенная всяких черт гипсовая голова без глаз, бровей и рта — всего лишь краска и грубые очертания лица, накрытые париком. Этим манекеном Андреев пользовался на занятиях. Когда Аркадий поднял голову, чтобы уложить ее

обратно, половинки лица распахнулись и на него злобно глянул обнаженный череп.

От андреевской реконструкции головы Валерии остались лишь розовая пыль да запах жженых волос на даче Ямского. Андреев подтвердил, что насчет головы ему звонил сам Ямской и прислал за ней рябого. В известном смысле уничтожение андреевского шедевра развязало руки Аркадию — только тогда он решил воспользоваться манекеном. Он никогда не решился бы показать Ирине подлинную реконструкцию, так же как был уверен, что у нее не хватит сил посмотреть на нее. Эта блестящая мысль родилась у него с отчаяния. Он ее обманул. Спас и потерял ее.

Входя в вестибюль «Украины», Аркадий заметил выходившего из лифта Ганса Унманна. Аркадий уселся в кресло и поднял брошенную газету. Он видел сообщника Осборна впервые. Немец был что огородное пугало — тонкие губы, костлявая фигура, под шляпой коротко постриженные светлые волосы. Из тех, кто взглядом приводит в замешательство стоящих на его пути людей. Слишком нахален, чтобы быть опасным, как Осборн или Ямской. Проводив его глазами, Аркадий бросил газету и протиснулся в лифт.

Он не ожидал никого увидеть в номере и был

весьма Удивлен, увидев сидящего за столом Фета с направленным на него пистолетом.

— Фет! — рассмеялся Аркадий. — Извините. Совсем о вас забыл.

— Я думал, что возвращается он, — сказал Фет. Его так трясло, что пришлось положить пистолет обеими руками. На бледном от страха лице неизменные очки в стальной оправе. — Он ждал вас. Потом ему позвонили и он убежал. Он вернул мне пистолет. Я чуть было не выстрелил.

Кругом перевернутые стулья, открытые ящики, повсюду разбросаны стенографические записи и ролики магнитной пленки. Давно ли, подумал Аркадий, они с Пашей и Фетом роскошествовали в этом номере? А поселил их здесь Ямской. Есть ли здесь микрофон? Слушает ли их кто-нибудь? Не важно — он не намерен здесь долго оставаться. Он порылся в разбросанных по полу записях и пленках и убедился, что все относящееся к разговорам Осборна и Унманна исчезло. За исключением записи разговора Осборна с Унманном второго февраля, которую Аркадий носил с собой.

— Он ворвался и стал здесь распоряжаться. — К Фету возвращался цвет лица. — Он меня не выпускал. Думал, что я предупрежу вас.

— Вы бы этого не сделали.

В разбросанных бумагах Аркадий нашел голубую книжечку с действующим расписанием воздушных рейсов, оставшуюся в номере от прежних обитателей. Все международные рейсы совершались из аэропорта «Шереметьево». Накануне Первого мая был всего один вечерний рейс авиакомпании «Пан Американ». Значит, Осборн и Кервилл полетят одним самолетом.

На столе валялся вскрытый пакет из Министерства торговли от Евгения Менделя. В нем была фотокопия постановления о награждении его труса-отца и, чтобы не оставалось никаких сомнений, был приложен скучный подробный отчет о героическом подвиге Менделя-старшего, подписанный и датированный 4 июня 1943 года. Неудивительно, что Унманн только вскрыл пакет, взглянул на него и бросил на стол. То же собирался сделать и Аркадий, если бы, вопреки разрушительному действию времени и несовершенству множительной машины, не разглядел на последней странице драгоценную подпись проводившего расследование младшего лейтенанта А.О.Ямского. Итак, молодой младший лейтенант Андрей Ямской, ему тогда, наверное, не было и двадцати, познакомился с молодым представителем американской дипломатиче-

ской службы больше тридцати лет назад и уже тогда покрывал его.

— Вы, видно, не слышали, — забросил пробный шар Фет.

— О чем?

— Час назад прокуратура объявила по городу о вашем розыске.

— В связи с чем?

— В связи с убийством. В музее близ улицы Серафимова обнаружен труп адвоката Микояна. На найденных там окурках есть отпечатки ваших пальцев, — Фет поднял трубку и стал набирать номер. — Может быть, поговорите с майором Приблудой?

— Пока не надо, — Аркадий забрал трубку и положил ее на место. — В данный момент о вас все забыли. Человек, о котором забыли, часто становится героем. Во всяком случае, человек, о котором забыли, остается в живых, чтобы рассказать, что произошло на самом деле.

— Что вы хотите сказать? — смутился Фет.

— Я хочу опередить события.

С Савеловского вокзала обычно ездят владельцы сезонных билетов — довольные жизнью служащие и добропорядочные граждане. Но этот поезд был особый, и владельцы сезонных биле-

тов обходили толпящихся у вагонов пассажиров, как прокаженных. Пассажиры этого поезда завербовались на три года работать на северные рудники, некоторые аж за Полярным кругом. Им придется работать в жаре и во льду, таскать на себе руду, когда вагонетки не выдержат мороза. Они будут погибать от взрывов, обвалов и переохлаждения или от руки соседа за пару сапог или рукавиц. Когда они приедут на рудник, у них отберут паспорта, дабы не передумали. На три года они исчезнут. Некоторым из них как раз того и нужно.

Аркадий замешался в толпе завербованных. Он двигался вместе с ними, в одной руке сумка с вещдоками, другая держит пистолет в кармане. В поезде его внесло в провонявшее потом и луком купе, уже набитое людьми. Его изучали две дюжины глаз. Обращенные к нему лица были такими же грубыми и безыскусными, как и у членов Политбюро, разве что несколько пообветрились на свежем воздухе. Их украшали синяки и замысловатые шрамы. Грязные руки, грязные воротники. Пожитки связаны в узлы. В основном это были преступники, которые разыскивались за хулиганство или кражи у себя в городе, а не по всей стране. Мелкая рыбешка, они считали,

что проскочили сквозь крупные ячеи большой социалистической сети, а на деле их засосало в воронку социалистических рудников на Севере. Была среди них и крупная рыба, урки, за которыми числились немалые дела. Народ с наколками и ножами. В новичке их прежде всего интересовали ботинки, одежка, часы. Аркадий потеснил сидящих на нижней полке.

Плотный ряд милиционеров затолкал в вагоны последних завербованных. В купе было не продохнуть, но Аркадий знал, что привыкнет. Проводники забегали по платформе, им хотелось побыстрее отправить с вокзала этот особый поезд. Объявленная по всему городу тревога могла закрыть беглецу дороги, аэропорты и обычные поезда, но здесь был целый поезд скрывающихся от закона. Аркадий увидел в окно старшего следователя по особым делам Чу-чина, спорившего с начальником станции. Чучин показывал ему фотографию. Он хотел лишь пройти в вагон. Начальник станции упрямо тряс головой. Тогда Чучин взмахом руки приказал милиционерам пройти по вагонам. В соседнем купе кто-то затянул: «До свиданья, Москва, до свиданья…» Одно дело, когда милиционеры толкают тебя на платформе; совсем другое, когда тебя вытаскивают из

купе собственного специального поезда. Угрозы и проклятия задерживали досмотр: «Не тронь, и так еду ко всем чертям!» Люди не поднимались с мест, встречали милиционеров плевками. В обычных условиях милиционер пустил бы в ход дубинку, но к завербованным особое отношение — ясно, что не ангелы вербуются на три года работы в преисподней. К тому же милиционеры были в меньшинстве. Они так и не дошли до купе, где сидел Аркадий, под дружное ржание им пришлось покинуть вагоны. Начальник станции отмахнулся от Чучина, и проводники, словно в пантомиме, снова забегали по платформе. Поезд дернулся, и Чучин с начальником станции проплыли мимо. Железные крыши платформ сменились дымовыми трубами и заборами с двумя рядами колючей проволоки, ограждающими оборонные заводы, — начались северные окраины Москвы. У следующей платформы поезд все еще набирал скорость. Ожидающие пригородных поездов пассажиры не обращали на него внимания, и он, оглашая воздух гудком, уверенно промчался мимо милицейского поста. Прощай, Москва. Аркадий глубоко вздохнул. Оказывается, и воздух в вагоне не такой уж спертый.

Поезд отличался еще тем, что он был самый

старый и самый грязный, какой только могло отыскать Министерство путей сообщения. Купе столько раз потрошили и уродовали, что в нем не осталось ничего, что можно было еще испортить или украсть. К тому же в нем негде было повернуться. На четырех деревянных полках и на полу разместились локтем к локтю пятнадцать человек. Проводник до конца поездки заперся у себя в служебном купе. Эту дорогу вряд ли можно было назвать кратчайшим путем в Ленинград. Поездка на «Красной стреле» с Ленинградского вокзала занимала полдня. Этот поезд, везущий по старой колее в своих обветшавших вагонах реабилитированных рабочих, как их называли в печати, покрывал расстояние за двадцать часов. В убежище у проводника были самовар, баранки и варенье. В купе, в котором ехал Аркадий, достали сигареты и водку. Потолок заволокло дымом. Кто-то предложил ему выпить, он выпил и в ответ угостил сигаретой.

Бутылку держал похожий на Сталина коренастый смуглый осетин, с такими же, как у того, бровями, усами и угрюмым взглядом.

— Знаешь, бывает, что в такие поезда сажают стукачей, — сказал он Аркадию. — Хотят поймать и вернуть обратно. Так вот, мы стукачей ловим и

ножом по горлу.

— В этом поезде нет стукачей, — ответил Аркадий. — Тебя не вернут. Попадешь туда, куда им нужно.

Осетин сверкнул глазами.

— Едрена вошь, правильно говоришь!

Колеса отмеряли полдень и вечер. Икша, Дмитров, Вербилки, Савелово, Калязин, Кашин, Сонкрво, Красный холм, Пестово. Не было смысла не пить. Позади оставался не день, а целых три года. Лучше чистый спирт, чем водка. Сколько умных глаз и умелых рук! А сколько разных языков! Купе подобралось многонациональное. Растратчик из Армении — понятно без слов. Пара грабителей из Туркестана. Вор из Марьиной Рощи. Сутенер из Ялты, загоревший, в темных очках.

— Что в пальто? — нагло спросил сутенер.

У Аркадия были с собой сумка с материалами из той лачуги, пистолет, удостоверения личности свое и сотрудника КГБ, которого насмерть забил Кервилл. Никто не осмелился бы задать такой вопрос Кервиллу; похоже, что его хотели обчистить.

— Коллекция хренов-недомерков, которую ты забыл на Черном море, — отрезал Аркадий.

Он хлебнул чифиря. Чифирь — это чай, зава-

ренный не в два, не в десять, а в двадцать раз крепче. В лагерях голодающий заключенный на нескольких чашках чифиря мог работать три дня подряд. Аркадию приходилось бодрствовать. Как только уснет, его обчистят. Кожа взмокла от адреналина; сердце, казалось, не помещается в груди. Но несмотря на все, он должен все хладнокровно обдумать. Кто-то убил Мишу. Унманн, это огородное пугало? Аркадий дважды упустил его. Тогда почему по подозрению в убийстве разыскивают его, Аркадия? Почему Ямской рискнул подключить к делу милицию? Значит, прокурор уже очистил лачугу, где жили погибшие в Парке Горького. Значит, он уверен, что его следователь погибнет при попытке избежать ареста. Или его сразу можно будет признать невменяемым. Возможно, уже признали.

Сердце качало больше крови, чем могли выдержать сосуды, поэтому он выпил водки, чтобы их расширить. Кто-то включил транзистор. Передавали о приготовлениях к празднованию Первого мая во Владивостоке.

— Железные рудники еще ничего, — просвещал кто-то из ветеранов. — Вот на золотых рудниках, когда выходишь из шахты, тебе в задницу загоняют пылесос.

Передали о приготовлениях к первомайским праздникам в Баку.

— Мой дом, — похвастался осетин Аркадию. — Я там пришил одного. Случайно.

— А зачем мне говоришь?

— Морда у тебя простая.

Аркадий приоткрыл окно. Повеяло запахом освободившейся от снега свежевспаханной земли, черной и суглинистой.

Он с тоской вспомнил о Мише. Любопытно, что он как бы слышал живой голос друга, дающий характеристики его попутчикам: «Вот тебе и полный коммунизм — собрали всех до кучи. Почти как в Организации Объединенных Наций, разве только переодеваются не так часто. Вот армянин — едет похудеть. Или может разделиться надвое, как амеба, и превратиться в двух армян. Будет получать вдвое больше. Я бы не стал проезжаться по адресу армянина. Погляди-ка на сутенера. Мы с тобой рассуждали о Гамлете, о Цезаре, а теперь вот смотрим на человека, у которого последний загар в жизни. Это тоже трагедия. Признайся, Аркаша, что все это слегка напоминает сумасшедший дом».

Водка кончилась. Когда поезд остановился набрать воды в маленьком городке — всего-то

вокзал и единственная освещенная улица, — рабочие хлынули из поезда и ворвались в магазин. Двое местных милиционеров беспомощно наблюдали, стоя поблизости. Когда все мародеры вернулись, поезд двинулся дальше.

Кабоза, Хвойная, Будогощ, Посадниково, Колпин. Ленинград, Ленинград, Ленинград. На параллельных линиях сыплют искрами утренние электрички. В Финском заливе отражалась заря. Поезд прибыл в город портфелей и каналов, кажущийся серым после бессонной ночи.

На Финляндском вокзале Аркадий на ходу соскочил с поезда, помахав красным удостоверением сотрудника КГБ, забитого насмерть Кервиллом. В громкоговорителях звучали марши. Был канун Первого мая.

17

В сотне километров к северу от Ленинграда на болотистой равнине между русским городом Лужайка и финским городом Иматра железная дорога пересекает границу. Никакой ограды. С каждой стороны сортировочные парки, помещения таможен и не бросающиеся в глаза радиопередатчики. На русской стороне грязный снег, потому что русские поезда на этой ветке ходят на низкосортном угле. На финской стороне снег почище — финны используют тепловозы.

Аркадий стоял с комендантом советского станционного погранпоста, глядя вслед финскому майору, возвращавшемуся на финский погранпост в пятидесяти метрах отсюда.

— Что твои швейцарцы, — плюнул комендант, — так и норовят перебросить на нашу сторону всякую дрянь. — Он без особой охоты пытался застегнуть воротник. Пограничные войска принадлежали к КГБ, но служили в них в большинстве ветераны армии. У коменданта была толстая шея, нос свернут на сторону, брови торчали вкривь и вкось. — Каждый месяц он донимает меня, что делать с этим проклятым

сундуком. А откуда, черт возьми, мне знать?

Он прикрыл ладонями зажженную Аркадием спичку, и оба они закурили. На колее стоял часовой, боевая винтовка болталась на плече, как ненужная железка. Всякий раз как часовой менял положение, винтовка бряцала на ветру.

— Вы, конечно, понимаете, что у старшего следователя из Москвы здесь столько же власти, как у какого-нибудь китайца, — сказал комендант Аркадию.

— Знаете, что такое Москва Первого мая, — сказал Аркадий. — Пока я соберу все печати, у меня на руках появится еще одно дело об убийстве.

По ту сторону границы майор с двумя пограничниками направился к таможне. Еще дальше за холмами начинался финский озерный край. Плоская как стол равнина поросла ольхой, рябиной, черничником. Удобное местечко для пограничников.

— Контрабандой ввозят кофе, — сказал комендант, — масло, иногда деньги — валюту. Известное дело, покупать в валютных магазинах. А от нас ничего не везут. Даже обидно. Большая редкость, если в наши края приезжают с такими делами, как у вас.

— Хорошо здесь, — сказал Аркадий.

— Тихо. Забываешь о суете, — комендант достал из внутреннего кармана железную фляжку. — Как насчет этого дела?

— Неплохо, — Аркадий отхлебнул из фляжки, и согретый человеческим теплом коньяк гладко прошел в желудок.

— Некоторым не по нутру охранять границу — видите ли, охранять воображаемую линию. Они буквально сходят с ума. Или поддаются на подкуп. Иногда даже сами бегут за границу. Надо бы таких стрелять, но я просто отправляю их проветрить мозги. Знаете, следователь, если бы мне повстречался здесь москвич, приехавший безо всяких документов мило поболтать с пограничниками, я бы тоже отправил его проветрить мозги.

— Если откровенно, — Аркадий встретил взгляд коменданта, — я бы сделал то же самое.

— Ладно, — лицо коменданта посветлело, и он хлопнул Аркадия по спине, — посмотрим, что у нас получится с этим финном. Он коммунист, но хоть ты изжарь финна в масле, он все равно останется финном.

Дверь таможни на той стороне границы открылась. Финский майор вернулся с конвертом в руках.

— Ну как, прав наш следователь? — спросил комендант.

Майор брезгливо сунул Аркадию конверт.

— Дерьмо. В шести отделениях сундука дерьмо маленьких зверьков. Откуда вы узнали?

— Сундук без ящика? — спросил Аркадий.

— Ящик открыли мы, — ответил комендант. — Вся упаковка открывается на советской стороне.

— А внутри сундука проверяли? — спросил Аркадий.

— Какой в этом смысл? — ответил финн. — При нынешних-то отношениях между Финляндией и Советским Союзом.

— А какова процедура востребования предметов со склада таможни? — спросил майора Аркадий.

— Очень простая. На таможне остается очень мало вещей, они, как правило, следуют поездом до Хельсинки. Никто не имеет права забрать вещи без предъявления документов, удостоверяющих личность и принадлежность вещи, а также уплату таможенной пошлины. Двери не охраняются, но мы бы увидели, попытайся кто-нибудь вынести сундук. Понимаете, чтобы избежать провокаций на границе с дружественным соседом, мы по соглашению с Советским

Союзом держим здесь очень незначительное подразделение. А теперь извините меня — у меня кончилось дежурство и мне далеко ехать домой. Завтра праздник.

— Праздновать Первое мая, — сказал Аркадий.

— Вальпургиеву ночь, — с удовольствием поправил его финн. — Шабаш ведьм.

* * *

От Выборга, близ границы, Аркадий долетел до Ленинграда, а оттуда вечерним рейсом вылетел в Москву. Большинство пассажиров были военные. У них два свободных дня, и они уже начали пить.

Аркадий написал отчет о расследовании. Он положил его в сумку с вещдоками, приложив к нему заявление коменданта погранпоста, конверт с экскрементами из ларца, волоски из Костиной клетки, личные вещи из рундучков троих убитых, пленки с показаниями Ирины и записью разговора Осборна с Унманном 2 февраля. Он поставил на мешке адрес генерального прокурора. Стюардесса раздала леденцы.

Через несколько часов Осборн и Кервилл сядут в самолет. Аркадий лишний раз оценил точность, с какой Осборн спланировал свои приезды и отъ-

езды. «Даже задержка…» — беспокоился Унманн за день до отправки из Москвы ларца с шестью соболями Кости Бородина. На какой срок можно без риска усыпить зверьков? На три часа? На четыре? Безусловно, достаточно для перелета в Ленинград. Потом Унманн даст им следующую дозу по пути из аэропорта на вокзал. Ларец нельзя было вывезти самолетом, потому что международный багаж проходит проверку рентгеном. Машины и их содержимое тщательно проверяются на контрольно-пропускных пунктах. Выход был найден — местный поезд, следующий через тихую пограничную станцию, где не хватало персонала. Осборн машиной вернулся из Хельсинки на финскую сторону границы до того, как ларец был выгружен с поезда. Советские пограничники уже вскрыли упаковочный ящик. Финны оказали Осборну любезность, разрешив оставить ларец в помещении неохраняемого склада. Видел ли кто, когда он заходил на склад? Было ли на нем специально пошитое пальто с большими внутренними карманами? Был ли у него сообщник среди финских пограничников? Какая разница, ведь Осборну ни разу не пришлось предъявить документы, и с начала до конца перевозки он не имел никакого отношения к ларцу.

Костя Бородин, Валерия Давидова и Джеймс Кервилл погибли в Парке Горького. А у Джона Осборна где-то за пределами Советского Союза появилось шесть баргузинских соболей.

На закате самолет прибыл в Москву. Когда приземлились, было уже темно.

Аркадий отправил посылку из аэропорта. Принимая во внимание праздники, его отчет поступит по назначению через четыре дня, что бы с ним ни случилось.

* * *

За двором наблюдали. Аркадий проулком прошел в подвал и оттуда поднялся в квартиру. В темноте он переоделся в форму старшего следователя. Форма была темно-синего цвета, на погонах четыре капитанские звездочки, на фуражке золотой шнур и красная звезда. Пока он брился, в квартирах сверху и снизу слышались звуки телевизоров. Оба были настроены на традиционное предмайское представление «Лебединого озера» из Кремлевского Дворца съездов. Во время увертюры он слышал голос диктора, объявившего о присутствии самых почетных и дорогих из шести тысяч гостей, но не мог разобрать имена. Он сунул пистолет в карман мундира.

На Таганской улице он двадцать минут ловил такси. Улицы в центре города были залиты светом прожекторов и украшены знаменами и транспарантами. Весь год Москва была подобна серому кокону, из которого только на одну эту ночь вылетала огромная сотканная из света бабочка. По сторонам всех больших зданий и поперек широких улиц были протянуты красные полотнища. Вдоль них шагали лозунги: «ЛЕНИН ЖИЛ, ЛЕНИН ЖИВ, ЛЕНИН БУДЕТ ЖИТЬ!». Такси обгоняло их. «ГЕРОИЧЕСКИЕ ТРУЖЕНИКИ… ВЕЛИКАЯ И БЕСПРИМЕРНАЯ… ПРИВЕТСТВУЕТ… СЛАВА…»

Вокруг Красной площади движение было закрыто. Аркадий отдал последние рубли водителю и вышел на площадь Свердлова как раз в тот момент, когда Уильям Кервилл с чемоданом в руке направлялся из гостиницы «Метрополь» к интуристскому автобусу. Он был в бежевом плаще и твидовой шляпе с узкими полями, ничем не выделяясь из дюжины американцев, выстроившихся у автобуса. Аркадий еще шел по скверу посреди площади, когда Кервилл, увидев его, дал знак не подходить. Аркадий остановился. Оглядевшись, он увидел позади автобуса машину с нарядом милиции, потом узнал сыщиков в кафе, на уг-

лах зданий. Кервилл опустил чемодан, на нем сохранились вмятины от ног Аркадия. Отъехал еще один автобус. Свет его фар как бы говорил, что и Кервиллу недолго оставалось быть здесь. Кервилл взглядом указал на каждого из сыщиков, на случай если Аркадий кого-нибудь упустил из виду. Из гостиницы неторопливо вышел водитель, бросил сигарету и открыл автобус.

— Осборн, — стоя посреди площади, беззвучно, одними губами, произнес Аркадий.

Уильям Кервилл в последний раз взглянул на следователя. Ясно, что он не разобрал имя. Он отчаянно хотел узнать это имя, но знал, что для этого ему придется перебить всех переодетых сыщиков, следящих за ним на площади, всех сыщиков, идущих следом, сокрушить все здания здесь, на площади, и по всему городу, но на это не хватило бы даже его богатырской силы.

Из автобуса неслись звуки «Лебединого озера». Кервилл вошел в автобус последним. К тому времени Аркадий уже ушел.

* * *

На площади Дзержинского разместились в ожидании утренней демонстрации сотканные из цветов молоты и космические корабли. Аркадий

вскочил на бронетранспортер и вместе с солдатами проехал мимо пустых трибун по Красной площади. Кремлевские стены парили в свете прожекторов, бойницы, похожие на ласточкины хвосты, казалось, вздрагивали.

По другую сторону Кремля, на Манежной улице, по диагонали друг к другу выстроились черные блестящие лимузины. Не какие-то простые «Чайки», а бронированные, с антеннами, «ЗИЛы» членов Президиума. Улицу оцепили пешие милиционеры, а мотоциклисты разъезжали по открытому пространству Манежной площади до Кутафьей башни. Аркадий соскочил там с бронетранспортера. Он был в форме и объяснил подошедшему сотруднику КГБ, что он с поручением к генеральному прокурору. Закуривая, он следил за руками и отошел подальше от света прожекторов из Александровского сада, заливающего короткий выбеленный мост между Кутафьей башней и Троицкими воротами Кремля. Он с непринужденным, видом перешел улицу и встал в тени Манежа, царской школы верховой езды. Отсюда поверх Кремлевской стены были видны мраморный фасад и крыша Дворца съездов. Из проезжавшей мимо машины с сотрудниками КГБ послышались звуки финаль-

ного вальса. Вдоль стены Манежа зашевелились тени — блеснули чьи-то глаза, кто-то переступил ногами.

Над Троицкими воротами до рубиновой звезды на верхушке башни поднялись тучи блестевших как хрусталь настоящих ночных бабочек. В воротах, освещенные сзади, возникли силуэты двух солдат. Миновав мост, они исчезли, как сгоревшие головки спичек. Из очередной машины КГБ раздавались аплодисменты. Балет закончился.

Чтобы поспеть в аэропорт, Осборну придется пропустить назначенный по окончании балета официальный прием. Однако еще предстояли вызовы под занавес, вручение букетов балеринам и членам Президиума и неизбежная давка в гардеробе. Шоферы неспешно направились к лимузинам.

Появились первые гости. Аркадий смотрел, как длинной цепочкой прошли китайцы, потом моряки в белой форме, за ними громко смеющиеся европейцы. Африканцы, смеющиеся еще громче, музыканты, женщины в форме билетеров с цветами в руках, идущий в одиночку известный сатирик. Лимузины под дипломатическими флагами увозили своих пассажиров. Первая толпа схлынула, и мост опустел. Аркадию не было

смысла выходить на улицу.

К Троицким воротам быстрыми шагами приблизилась изящная, как кортик, фигура. Она прошла сквозь поток света на мосту и обратилась в Осборна. Он натягивал перчатки и, не поворачивая головы, смотрел на настороженные лица сотрудников в штатском и на открытые дверцы лимузинов. На нем было неброское черное пальто и та самая соболья шапка, которую он дарил Аркадию. Темный мех оттенял его серебристые волосы. Внимание сотрудников в штатском переключилось на гостей, появившихся после Осборна. Он исчез в Кутафьей башне, появился на ее ступенях и направился к подаваемой машине. Тут он увидел Аркадия.

Аркадий уловил, как американец, узнав его, вздрогнул, но тут же взял себя в руки, разве что чаще забилось сердце. Они сошлись у машины, глядя друг на друга поверх крыши.

Осборн изобразил широкую улыбку уверенного в себе человека.

— Вы так и не пришли за шапкой, следователь.

— Не пришел.

— Ваше расследование…

— Завершено, — закончил Аркадий.

Осборн кивнул. У Аркадия было время полюбо-

ваться блеском золота и шелка, загорелой кожей, такими нерусскими чертами лица. Он заметил, что Осборн обшаривает глазами улицу, чтобы определить, не сопровождает ли кто Аркадия. С удовлетворенным видом американец обратился к Ренко.

— Я должен успеть на самолет, следователь. Через неделю Унманн принесет вам десять тысяч американских долларов. Если желаете, можете получить в другой валюте. Ганс эти мелочи уладит. Главное, чтобы все были довольны. Если Ямской пойдет на дно, а я благодаря вам останусь чистым, считайте, что эта услуга будет стоить еще больше. Поздравляю: вы не только выкарабкались, но извлекли для себя максимум возможного.

— К чему вы все это говорите? — спросил Аркадий.

— Вы здесь не для того, чтобы меня арестовать. У вас нет доказательств. К тому же я знаю, как работает ваш брат. Если бы пахло арестом, то я бы уже сидел в машине КГБ, мчащейся на Лубянку. Вы здесь один, следователь. Оглянитесь — кругом мои друзья и ни одного вашего.

Сотрудники в штатском пока не обращали особого внимания на задержку Осборна. Ес-

ли приглядеться поближе, эти крепкие как на подбор ребята были заняты тем, что отгоняли рядовых гостей от машин элиты.

— Неужели вы собираетесь арестовать иностранца именно здесь, именно в этот вечер, не имея подписанного КГБ ордера, даже не уведомляя прокурора, без чьей-либо помощи, собственными силами? Вы, которого разыскивают по обвинению в убийстве? Да вас посадят в сумасшедший дом. Я даже не опоздаю на самолет — его для меня задержат. Так что вы могли явиться сюда только ради денег. А почему бы и нет? Вы уже сделали прокурора богатым человеком.

Аркадий вынул пистолет и положил его на сгиб левой руки, так что только Осборн видел тускло блестевшее дуло.

— Нет, — ответил он.

Осборн огляделся вокруг. Сотрудники в штатском были поблизости, но их внимание отвлек увеличивающийся поток гостей, который потек из залитого светом перехода.

— Ямской предупреждал меня в отношении вас. Итак, деньги вам не нужны?

— Нет.

— И вы собираетесь меня арестовать?

— Задержать вас, — сказал Аркадий. — Для

начала не дать попасть на самолет. Ни здесь, ни сегодня я не буду вас арестовывать. Мы сядем в вашу машину и покатаемся. А завтра мы зайдем в управление КГБ какого-нибудь небольшого городка. Они не будут знать, как поступить, и сразу свяжутся с Лубянкой. В маленьких городах со страхом относятся к государственным преступлениям, хищениям государственной собственности в больших размерах, вредительству в промышленности, контрабанде, сокрытию государственных преступлений — я имею в виду убийство. Ко мне отнесутся с большим недоверием, с вами обойдутся очень вежливо, но вы же знаете, как мы работаем. Будет много телефонных звонков, тщательно обследуют клетки, доставят небезызвестный ларец. Так или иначе, вы уже опоздали на самолет. А ради этого уже стоило рискнуть.

— Где вы были вчера? — после минутного молчания спросил Осборн. — Вас нигде не могли найти.

Аркадий промолчал.

— Думаю, вчера вы ездили на границу, — сказал Осборн. — Вы, наверное, считаете, что знаете все. — Он взглянул на часы. — Я должен поспешить на самолет. Я не остаюсь.

— Тогда я вас убью, — сказал Аркадий.

— Секундой позже вас убьют вот эти люди.

— Знаю.

Осборн взялся за ручку дверцы. Аркадий начал жать на выемку спускового крючка «Макарова», одновременно подавая вперед рычажок предохранителя, который скользнул вдоль обоймы, освобождая лепесток пружины, которая толкнет боек в направлении находящегося в казеннике 9-миллиметрового патрона.

Осборн отпустил ручку.

— Какой смысл? — спросил он. — Неужели рисковать жизнью только ради торжества советского правосудия? Все же куплены, сверху донизу. Вся страна куплена — куплена по дешевке, по самой низкой цене в мире. Плевать всем на законы, дураков больше нет. Так ради чего тогда умирать? Может быть, ради кого другого? Скажем, Ирины Асановой?

Осборн указал пальцем на карман пальто, потом медленно опустил туда руку и вытащил разрисованный пасхальными яйцами красно-бело-зеленый платок, который Аркадий купил Ирине.

— Жизнь всегда сложнее и проще, чем мы себе представляем, — сказал он. — Это… Я вижу по

вашему лицу.

— Как она к вам попала?

— Предлагаю простой обмен, следователь. Меня за нее. Я скажу вам, где она, и у вас действительно нет времени на размышления, верить мне или нет, потому что ее скоро там не будет. Итак, да или нет?

Осборн положил платок на крышу машины. Аркадий подобрал его левой рукой и поднес к носу. Платок хранил запах Ирины.

— Поймите, — сказал Осборн, — у нас обоих свой вопрос жизни и смерти, ради которого мы готовы пойти на все. Вы готовы пожертвовать жизнью, карьерой, поступиться здравым смыслом ради этой женщины. Я скорее выдам сообщников, чем опоздаю на самолет. Мы оба теряем время.

Начали подавать лимузины. Стоявшие ближе сотрудники в штатском потребовали, чтобы Осборн садился в машину.

— Да или нет? — повторил Осборн.

Решение уже принято. Аркадий засунул платок под мундир.

— Говорите, где она, — сказал он. — Если поверю, вы свободны. Если нет, убью.

— Справедливо. Она у университета, в сквере

возле бассейна.

— Повторите, — подался вперед Аркадий, плотнее охватывая пальцем спусковой крючок.

— У университета, в сквере возле бассейна.

На этот раз Осборн непроизвольно выпрямился, ожидая выстрела, голова слегка откинулась назад, но глазами вцепился в Аркадия. Он впервые позволил следователю увидеть себя без маски. Глазами Осборна смотрел зверь, постоянно находившийся на привязи, существо, обитавшее в его одежде. В этих глазах не было ни капли страха.

— Я беру вашу машину, — Аркадий сунул пистолет в пальто. — А вы, надеюсь, купите соседнюю.

— Обожаю Россию, — прошипел американец.

— Убирайтесь домой, господин Осборн.

Аркадий сел в машину.

* * *

Университет был залит светом. Над шпилем и рубиновыми звездами в свете прожекторов возвышалась золотая звезда, обрамленная золотым венком. Тридцать два этажа пустовали — студенты разъехались на первомайские праздники. Вокруг боковых крыльев университета по Ленинским горам на полкилометра в ширину раскинулся огромный парк. По случаю Первого

мая парк освещался мягкими темно-зелеными огнями. В этом полумраке от несоразмерно больших фонтанов в разные стороны разбегались песчаные дорожки, пересекая живые изгороди, теряясь среди хвойных посадок или случайно упираясь в статуи.

Сквер перед главным фасадом с видом на Москву-реку украшал продолговатый декоративный бассейн, кипящий под бьющими с боков струйками воды и подсвеченный цветными лампочками. Ночной город освещался длинными, с милю, бегающими лучами зенитных прожекторов на набережной.

Осборн выскользнул без труда. Аркадий был потрясен до глубины души, стоило ему увидеть косынку Ирины. Однако Аркадий был уверен, что девушка здесь. Это была не ложь, а ловушка.

Игра прожекторов с набережных длилась полчаса. Наконец погасли и подсвечивающие бассейн цветные лампочки, а водяные струйки утихли, и на гладкой поверхности бассейна отразился шпиль университета.

Он ждал, стоя между елями. Самолет Осборна теперь уже в воздухе. Деревья шуршали, ветер разносил запах смолы. От дальнего конца бассейна в его сторону двигались две тени.

На полпути тени упали. Отражение на воде разбилось на куски. Аркадий кинулся туда, на ходу доставая пистолет. Он разглядел Унманна, навалившегося на человека, лежащего на краю бассейна, потом увидел Ирину, поднявшую голову из воды. Унманн толкал ее в воду, она, царапаясь, пыталась выбраться назад. Унманн, чтобы удержать ее, обернул вокруг руки ее длинные волосы. Он оглянулся на окрик Аркадия. У немца были глубоко посаженные глаза и выпирающие вперед зубы. Он выпустил Ирину. Она выбралась из воды и привалилась к краю бассейна, хватая воздух ртом. Лицо закрывали мокрые пряди.

— Встать, — приказал он Унманну.

Унманн, ухмыляясь, стоял на коленях. Аркадий почувствовал, как его затылка легко коснулся теплый металл.

— А почему бы вам, — Ямской вплотную подошел к Аркадию, — не бросить свой пистолет?

Аркадий подчинился, и Ямской ласково положил руку ему на плечо. Аркадий мог разглядеть розовые кончики пальцев.

Пистолет, той же марки, что и у Аркадия, уперся в шею.

— Не надо, — сказал он прокурору.

— Аркадий Васильевич, ничего не могу поделать. Если бы вы слушали, что вам говорят, то никого бы из нас здесь сейчас не оказалось. Не было бы этой достойной сожаления ситуации. Но вы неуправляемы. Я за вас отвечаю и должен уладить это дело не только ради себя, но и в интересах учреждения, которое мы оба представляем. Кто прав, кто виноват, не имеет значения. Я никоим образом не умаляю ваши способности. Я не знаю другого следователя, который обладал бы вашим чутьем, вашей находчивостью и профессиональной безупречностью. Я сильно полагался на них. — Унманн встал на ноги и медленно, украдкой, подался вперед. — Я думал у вас поучиться, а вы…

Ямской обхватил его руками, а Унманн ударил в живот, странно отдернув руку. Аркадий опустил глаза и увидел торчащую из живота тонкую рукоять ножа. Ощутил внутри ледяной холод. Перехватило дыхание.

— …а вы меня удивили, — продолжал Ямской. — Больше всего я удивился, когда вы явились сюда спасать какую-то бродяжку. Что весьма интересно, хотя Осборн ни капли не удивился.

Аркадий беспомощно смотрел на Ирину.

— Будьте честны перед собой, — посоветовал

Ямской, — и признайте, что я оказываю вам услугу. Кроме отцовской фамилии, вы ничего не теряете — у вас нет жены, детей, нет политической сознательности, нет будущего. Помните о предстоящей кампании против вронскизма? Вы стали бы одной из первых ее жертв. Такова судьба индивидуалистов. Сколько лет я вас предупреждал. Теперь видите, что бывает, когда не слушают советов. Поверьте, так-то будет лучше. Не хотите присесть?

Ямской и Унманн отступили, ожидая, что он упадет. У Аркадия задрожали колени и начали подкашиваться ноги. Он стал вытягивать нож. Казалось, этому острому, с двумя лезвиями, окрашенному кровью ножу не будет конца. Немецкая работа, мелькнуло в голове. Под одежду хлынуло что-то горячее. Он молниеносно взмахнул ножом и всадил его Унманну в живот, в то же место, что у самого. От удара оба свалились в бассейн.

Оба поднялись из воды. Унманн попытался его оттолкнуть, но Аркадий с силой вогнал нож еще глубже и повернул его кверху. Ямской метался возле бассейна, выбирая место для выстрела. Унманн бил Аркадия по голове, а он все теснее прижимал его к себе, отрывая от земли. У Унманна не хватало сил освободиться, и он попытался

укусить противника. Аркадий повалился на спину, увлекая Унманна за собой в воду. Немец оказался сверху и схватил Аркадия за горло. Лежа на дне бассейна, он открыл глаза. Лицо Унманна гримасничало, дрожало, двоилось, снова сходилось и переливалось как ртуть, становясь все менее отчетливым. Оно разделилось на несколько лун, а луны раскололись на дрожащие лепестки. Потом Унманна закрыло темное красное пятно, его руки обмякли, и он исчез из виду.

Аркадий выскочил из воды, хватая ртом воздух. Рядом на воде покачивался труп Унманна.

— Ни с места!

Аркадий слышал оклик Ямского, но у него и так не было сил двигаться.

Ямской, целясь в него, стоял на краю бассейна. В пустом парке оглушительно прозвучал выстрел крупного огнестрельного оружия, но Аркадий не увидел ожидаемой вспышки. Он лишь заметил, что с Ямского слетела шляпа и вместо нее на бритой голове возникла корона с неровными зубцами. Прокурор с недоумением стер со лба кровь, но она продолжала течь, хлынула фонтаном. За спиной Ямского с пистолетом в руках стояла Ирина. Она выстрелила еще раз. Голова Ямского дернулась. Аркадий увидел, как отлетело ухо.

Она выстрелила в третий раз, на этот раз в грудь. Прокурор зашатался. После четвертого выстрела он упал в воду и пошел ко дну.

Ирина вошла в бассейн, чтобы вытащить Аркадия. Она взваливала его на край бассейна, как вдруг рядом с ними из воды по пояс поднялся Ямской. Уже не видя их, он опрокинулся навзничь с нечеловеческим воплем:

— Осборн!

И снова плавно опустился на дно. А у Аркадия в ушах еще долго отдавался этот безумный крик.

Шатура

1

Он был трубопроводом. В одни трубки в него вливались кровь и физиологический раствор, через другие вытекали больная кровь и отбросы организма. Каждые несколько часов, когда вместе с сознанием возвращался страх, сестра вводила ему морфий, и он воспарял над кроватью, взирая сверху на этот неприглядный процесс удаления отходов.

У него не было ясного представления, как он сюда попал. Он смутно помнил, что кого-то убил, и равнодушно думал, что, видно, была кровавая резня. Он не мог с уверенностью сказать, был ли он преступником или жертвой. Его это беспокоило, но не очень. Большей частью он видел себя в дальнем верхнем углу комнаты, наблюдающим оттуда за тем, что происходит. Над кроватью то и дело склонялись и что-то шептали сестры и врачи. Врачи затем отходили и шептали сидевшим в дверях двоим мужчинам в обычной одежде и стерильных масках, а те, в свою очередь, открывали дверь и шептали другим в коридоре. Однажды приходила группа посетителей. Среди них он узнал генерального прокурора. Вся де-

легация стояла в ногах кровати и разглядывала лежащее на подушке лицо с видом туристов в чужой стране, которые пытаются разобрать, что там написано на придорожной вывеске, но безуспешно. Наконец они покачали головами, приказали врачам не дать умереть больному и удалились. В другой раз в палату для опознания пропустили капитана с пограничного поста. Аркадий никак не реагировал, потому что в этот момент у него началось кровотечение, изо всех отверстий побежала жидкость, полиэтиленовые отводные трубки внезапно окрасились в яркий красный цвет.

Позднее его привязали к кровати ремнями, а сверху соорудили полупрозрачный тент из синтетической пленки. Ремни не ограничивали его в движениях — он не думал двигать руками — но тент почему-то не давал ему парить в воздухе. Он чувствовал, что врачи уменьшают дозу морфия. Днем он смутно ощущал движущиеся вокруг него цветные пятна, а по ночам, когда открывалась дверь и в комнату проникал свет, он испытывал приступы страха. Страх имел реальную основу, и он это чувствовал. Среди всех галлюцинаций, вызываемых наркотиками, только страх был реальным. Время, измеряемое уколами, не дви-

галось — была только грань между забытьем и болью. Зато существовало ожидание, не его собственное, а ожидание людей в дверях и за дверью. Он знал, что они здесь ожидают его.

— Ирина! — вслух произнес он.

Тут же услышал скрип стульев и увидел спешащие к тенту тени. Когда откинулись стенки тента, он, закрыв глаза, с силой дернул рукой, пытаясь освободиться от ремня. Одна из трубок соскочила, и из руки хлынула кровь. От дверей послышались быстрые шаги.

— Говорила же вам, не троньте его, — сказала сестра. Она зажала вену и поставила на место трубку.

— Мы не трогали.

— Не сам же он это сделал, — сердито сказала сестра. — Он ведь без сознания. Посмотрите, что вы натворили!

Он закрыл глаза и представил, что творится на простынях и на полу. Сестра пришла в ярость, остальные, даже тупицы из КГБ, увидев столько крови, страшно перепугались. Он слышал, как они, ползая на коленях, вытирали на полу. Они не промолвили ни слова о том, что он просыпался.

Где сейчас Ирина? Что она им сказала?

— Все равно его расстреляют, — пробормотал

один из подтиравших пол.

Лежа под тентом, он слушал. Он будет слушать, пока хватит сил.

* * *

За те минуты, что оставались до прибытия милиции в парк, Аркадий наставлял Ирину, что ей следует говорить. Ирина никого не убивала, Ямского и Унманна убил Аркадий. Ирина знала, что Валерия, Джеймс Кервилл и Костя находились в Москве — все это записано на пленку, — но она ничего не знает о бегстве за границу или о контрабанде. Она жертва обмана, соблазна, но жертва, а не преступница. Если этой версии не поверят или концы не сойдутся с концами, то нужно будет в свое оправдание сказать, что все это сочинил он, пока Ирина зажимала ему рану. Кроме того, такая версия была ее единственным шансом.

* * *

Первый допрос начался с того, что ему зачитали, в каких преступлениях он обвиняется: преступления были известны — в основном те, в которых он обвинял Осборна и Ямского. Одна

стенка тента была откинута, чтобы трое допрашивающих могли сесть ближе к кровати. Несмотря на стерильные маски, он узнал круглое лицо майора При-блуды и даже разглядел улыбку.

— Вы же умираете, — сказал Аркадию сидящий к нему ближе всех, — и по крайней мере можете восстановить доброе имя неповинных людей. До этого случая у вас был отличный послужной список, и мы хотим, чтобы о вас вспоминали только в связи с заслугами. Восстановите доброе имя прокурора Ямского, человека, который был вашим другом и продвигал вас по службе. Ваш отец — старый больной человек, дайте хоть ему спокойно умереть. Снимите с себя этот позор и примите смерть с чистой совестью. Что вы говорите?

— Я не умираю, — сказал Аркадий.

— Дела у вас, знаете ли, идут чертовски хорошо. — Врач раздвинул портьеры. Солнечный поток хлынул на его белый халат. Он погладил теплые пятна света. Тент убрали. Под голову положили целых две подушки.

— Насколько хорошо?

— Очень хорошо, — ответил врач, достаточно серьезно, чтобы Аркадий понял, что тот не одну неделю боролся за то, чтобы услышать этот

вопрос. — Нож прошел через толстую кишку, желудок и диафрагму, зацепив печень. Ваш приятель упустил единственную вещь, хотя, возможно, и метил туда, — брюшную аорту. Тем не менее, когда вы поступили сюда, кровяное давление было на нуле; потом нам пришлось иметь дело с заражением, перитонитом, одной рукой накачивать вас антибиотиками, а другой откачивать всякую дрянь. Бассейн, в котором вы тонули, кишел заразой. Единственное, в чем вам повезло, так это то, что до ранения вы в течение суток ничего не ели, иначе инфекция распространилась бы по пищеварительному тракту, и тогда даже мы не смогли бы вас спасти. Поразительно, не правда ли, как иногда жизнь зависит буквально от крошки хлеба. Вам повезло.

— Теперь я знаю.

* * *

В следующий раз явились пять человек. Усевшись вокруг кровати, они по очереди задавали вопросы, стараясь запутать Аркадия. Кто бы ни задавал вопрос, он решил отвечать Приблуде.

— Асанова нам все рассказала, — сказал один из них. — Вы были инициатором сговора с американцем Осборном, обещая оградить его от

действий прокурора Ямского.

— У вас есть отчет, который я послал генеральному прокурору, — ответил Приблуде Аркадий.

— Вас неоднократно видели беседующим с Осборном, в том числе накануне Первого мая. Вы его не арестовали. Вместо этого вы отправились прямо к университету, куда заманили прокурора, и с помощью этой женщины убили его.

— У вас есть мой отчет.

— Чем вы можете объяснить свои контакты с Осборном? Прокурор после встреч со следователями всегда вел записи. В его записях ничего нет о ваших так называемых подозрениях в отношении американца. Если бы вы упомянули о них, он бы немедленно связался с органами безопасности.

— У вас есть мой отчет.

— Нас не интересует ваш отчет. Он только служит свидетельством вашей вины. Ни один следователь не установил бы факты похищения соболей в Сибири или вывоза их из страны на основании тех неубедительных улик, которыми вы располагали.

— Я установил.

Это был единственный раз, когда он изменил форму ответа. Его обвиняли в сговоре с Осборном

с целью получения денег; его развод приводился в подтверждение психического срыва; было известно, что он приставал к Осборну с просьбой подарить дорогостоящую шапку; Асанова рассказывала о его приставаниях к ней как к женщине; он поощрял замыслы Осборна, рассчитывая, если повезет, на сенсационный арест в разгар кампании против подобных ему карьеристов; свидетельством его необузданного характера служит нападение на секретаря райкома, друга его бывшей жены; его связь с иностранным агентом Джеймсом Кервиллом стала явной благодаря его сотрудничеству с братом агента Уильямом Кервиллом; он забил насмерть сотрудника КГБ на даче прокурора; Асанова показала, что он вступил в половую связь с ныне погибшей участницей банды Валерией Давидовой; он был моральным уродом благодаря славе своего отца — одним словом, о нем известно все. На все попытки вывести его из себя, запутать и запугать Аркадий предлагал Приблуде прочесть его отчет.

Не говорил один Приблуда. Его хватало лишь на угрожающее молчание да убогие мысли под прилизанными волосами. Аркадию он запомнился укутанным в пальто на снегу в то первое утро в Парке Горького. Он не представлял, какое

большое место он все это время занимал в мыслях Приблуды. Сосредоточенный взгляд Приблуды был поразительно красноречив. Всей правды не знали; вообще ничего не знали.

* * *

Охрану убрали, в комнату принесли телефон. Поскольку телефон ни разу не звонил и никто им не пользовался, Аркадий предположил, что это подслушивающее устройство. Когда ему впервые разрешили нормально питаться, он слышал, как тележка с едой долго ехала от лифта до его двери. Все остальные комнаты на этаже пустовали.

* * *

Еще два дня пятеро дважды в день являлись для допросов. Аркадий неизменно отвечал одной и той же фразой. В какой-то момент его удивительным образом осенило.

— Ямской был одним из вас, — прервал он. — Он служил в КГБ. Вы сделали своего человека прокурором Москвы, а он фактически оказался изменником. И вы вынуждены пустить мне пулю в голову только потому, что он выставил вас в таком дурацком свете.

Четверо из пяти переглянулись между собой, только Приблуда внимательно слушал Аркадия.

— Как говорил Ямской, — горько усмехнулся Аркадий, — все мы дышим воздухом и писаем водой.

— Заткнись!

Пятеро вышли в коридор. Аркадий, лежа в постели, размышлял о лекциях прокурора о справедливом распре-делении полномочий органов правосудия, выглядящих тем более забавными в свете происходящего. Пятеро не вернулись. Спустя некоторое время впервые за неделю появились охранники и отставили пять стульев к стене.

* * *

Как только ему разрешили ходить, опираясь на палку, он подошел к окну. Он обнаружил, что находится на шестом этаже, рядом проходит шоссе и совсем недалеко видна кондитерская фабрика. Он догадался, что это кондитерская фабрика «Большевик», расположенная на Ленинградском шоссе, хотя не мог припомнить ни одной больницы в этом районе. Он попробовал открыть окно, но оно оказалось запертым.

Вошла сестра.

— Мы не хотим, чтобы вы причинили себе вред, — сказала она.

Он не хотел ничего с собой делать, хотел лишь понюхать запах шоколада с фабрики. Он чуть не заплакал — так хотелось понюхать шоколад.

* * *

Он то ощущал прилив сил, то в следующий момент готов был расплакаться. Причиной этого отчасти было напряжение, вызываемое допросами. Те, кто допрашивал, обычно работали бригадами, сосредоточивая всю свою волю на одном человеке, запутывая его побочными вопросами и ложными обвинениями, чем нелепее, тем лучше, пугая его то одним, то другим, пока он не оказывался в их власти. Такой человек, которого поставили на колени, уже считался честным человеком. Как правило, в этом не видели ничего плохого, так что он ожидал, что и с ним так будут обходиться. Это было обычным делом.

Определенное неудобство причиняла изоляция. К нему не пускали посетителей, не разрешали разговаривать с охраной или сестрами, не давали читать книг и слушать радио. Он разбирал фабричные знаки на посуде и утвари или наблюдал из окна за движением по шоссе. Един-

ственная работа ума сводилась к размышлениям вокруг множества противоречивых вопросов и догадок про Ирину. Она жива. Она ничего не сказала, и она знала, что он тоже ничего не сказал. В противном случае допрос был бы точнее и опаснее. Почему он скрыл, что она знала о контрабанде? Когда он привел ее к себе домой? Что было потом?

После одного дня без допросов появился Никитин. Разглядывая своего коллегу и бывшего ученика проницательными глазами, старший следователь по связям с правительством огорченно вздыхал.

— Когда мы виделись в последний раз, ты целился в меня из пистолета, — сказал Никитин. — Это было почти месяц назад. Сейчас ты кажешься немного спокойнее.

— Я не знаю, как выгляжу. У меня нет зеркала.

— А как же ты бреешься?

— Мне приносят электробритву вместе с завтраком и уносят на подносе. — С кем бы он теперь ни говорил, даже с Никитиным, он не старался сдерживать себя. А ведь много лет назад, когда Никитин был старшим следователем по делам об убийствах, было время, когда между ними были близкие отношения.

— Знаешь, я спешу, — Никитин достал конверт. — Сам понимаешь, у нас там творится невероятное. Меня послали к тебе подписать вот это.

В конверте было три экземпляра заявления с просьбой об увольнении из прокуратуры по состоянию здоровья. Аркадий подписал, почти сожалея, что Никитину надо спешить.

— У меня создается впечатление, — прошептал Никитин, — что ты тут даешь им жару. Допрашивать следователя — дело нелегкое, так ведь?

— Думаю, что да.

— Слушай, ты же умница, не скромничай. Если бы ты в свое время лучше слушал, что говорил тебе дядя Илья! Я старался наставить тебя на правильный путь. Я сам виноват — с тобой надо было потверже. Если что нужно, помогу, только попроси.

Аркадий сел. Он был подавлен, на него навалилась страшная усталость, и он был благодарен Никитину за то, что тот задержался. Никитин уже сидел на кровати, хотя Аркадий не заметил, когда он успел сесть.

— Спрашивай, — предложил Никитин.

— Ирина…

— Что конкретно?

Аркадию стоило большого труда сосредоточиться. Не терпелось выложить все тайное и сокровенное сочувственно слушавшему Никитину. Сегодня у него была только сестра, которая перед приходом Никитина сделала ему укол.

— Только я могу тебе помочь, — сказал Никитин.

— Они не знают…

— Слушаю.

Аркадия подташнивало и кружилась голова. Маленькая пухлая, как у ребенка, ладошка Никитина лежала на его руке.

— Тебе сейчас нужен друг, — сказал Никитин.

— Сестра…

— Она тебе не друг. Она дала тебе что-то, чтобы ты заговорил.

— Знаю.

— Не говори им ничего, мальчик, — убеждал Никитин.

Аминат натрия, догадался Аркадий; вот что они ему вкололи. И довольно много.

Он знает, о чем я сейчас думаю, подумал про себя Аркадий.

— Это очень сильный наркотик. Ты не можешь отвечать за слова и поступки, если они не подвластны твоей воле, — заверил его Никитин.

— Не надо было приносить заявления, — Аркадию стоило усилия произнести эти слова отчетливо и громко. — Никому они не нужны.

— Тогда ты их даже как следует не посмотрел, — Никитин достал конверт и, открыв, передал Аркадию. — Видишь?

Удивленно моргая, Аркадий перечитал заявление. Это были признания во всех преступлениях, в которых его обвиняли на прошлой неделе.

— Это не то, что я подписывал, — сказал он.

— Под ними твоя подпись. Я видел, как ты их подписывал. Не беда! — Никитин порвал бумаги пополам, потом на четвертушки. — Я не верю ни одному написанному здесь слову.

— Спасибо, — от души сказал Аркадий.

— Я на твоей стороне, мы с тобой против них. Помни, что касается допросов, то лучше меня никого по этой части не было.

Аркадий помнил. Никитин доверительно наклонился к Аркадию и тихо прошептал на ухо:

— Я пришел тебя предупредить. Они собираются тебя убить.

Аркадий поглядел на закрытую дверь. Даже плоская поверхность ее таила в себе угрозу — она служила входом Для людей, находящихся по ту сторону.

— Когда тебя не будет, кто поможет Ирине? — спросил Никитин. — Кто будет знать правду?

— Мой отчет…

— Он для того, чтобы дурачить их, а не твоих друзей. Нечего думать о себе, подумал бы об Ирине. Без тебя она останется совсем одна. Подумай, как одиноко ей будет.

Они, наверное, даже не скажут ей, когда меня не будет, подумал Аркадий.

— Она поверит, что я ей друг, только если ты расскажешь мне правду, — втолковывал ему Никитин.

Никакого сомнения, что они собираются его уничтожить. Аркадий не видел выхода. Возможно, выбросят из окна, дадут лишнюю дозу морфия, сделают инъекцию воздуха. Кто тогда позаботится об Ирине?

— Мы же старые друзья, — продолжал говорить Никитин. — Я тебе друг и хочу остаться другом. Поверь мне, я тебе друг. — Он улыбался улыбкой Будды.

Тут под действием амината натрия сознание Аркадия затуманилось. Ему слышалось дыхание множества людей в коридоре. Пол был где-то далеко под ногами. На покойников надевают картонные тапочки; ему дали картонные та-

почки. Ноги бледные и худые, интересно, как выглядит он весь? Во рту гнездился страх. Он уткнулся лбом в кулаки. Не страх — безумие. Связно думать не было сил — лучше, пока он в состоянии, рассказать все как есть. Но он зажал рот, чтобы не вылетело ни слова. Под действием наркотика он покрылся потом. Теперь его охватил страх, что слова льются из пор вместе с потом. Он судорожно прижал колени к груди, чтобы не осталось ни одного отверстия. Когда он подумал об Ирине, слова, как змеи, попытались выползти наружу. Тогда он стал думать о Никитине, не о том Никитине, что сидел рядом на кровати, потому что этот настырный друг вырвал у него признание, а о прежнем Никитине. Прежний Никитин был неуловим, он ускользал из памяти, бередил больное сознание. Умопомрачение на короткое время брало верх над памятью. Сидящий рядом Никитин продолжал убеждать, что он единственный на свете, кому можно доверять. Не в состоянии унять дрожь, он закрывал руками глаза и уши и, отталкиваясь от последних слов Никитина, старался осознать предыдущие и таким нелепым путем отыскать в новом Никитине разгадку старого.

— Я твой самый верный, самый близкий, един-

ственный друг, — убеждал Никитин.

Аркадий опустил руки. Из глаз полились слезы, сознание прояснилось. Он поднял руку, словно в ней был пистолет, и нажал на воображаемый спусковой крючок.

— В чем дело? — спросил Никитин.

Аркадий молчал, потому что слова об Ирине все еще рвались изо рта. Но он улыбался. Никитину не следовало упоминать о случае с пистолетом, когда он вошел в комнату Аркадия. Это была связь между прежним и настоящим Никитиным. Он целил в лицо Никитину и изображал выстрел за выстрелом.

— Я же твой друг, — теперь уже менее убежденно говорил Никитин.

Аркадий отстрелял полную обойму невидимых пуль, перезарядил и выстрелил еще. Его безумие отчасти передалось Никитину. Сначала он бурно возражал, потом смолк. Отпрянув от пустой руки Аркадия, он тихо соскользнул с кровати и стал ретироваться. Как в прежние времена, чем ближе к двери, тем быстрее.

2

В начале лета Аркадия перевели в какое-то загородное имение. Это была старая дворянская усадьба с внушительным фасадом, украшенным белыми колоннами и французскими дверями, с галереями, ведущими в застекленные оранжереи, с собственной часовней, используемой под гараж, с земляным теннисным кортом, на котором охранники постоянно играли в волейбол. Аркадий мог бродить где хотел, лишь бы возвращался к ужину.

В первую неделю на посадочной дорожке приземлился небольшой самолет, доставивший двух следователей, майора Приблуду, мешок с почтой и свежее мясо и фрукты, которые молено было достать только в Москве.

Допрашивали дважды в день в оранжерее. Там не осталось никаких растений, если не считать огромных кривых каучуковых деревьев, таких же неуместных, как если бы там были лакеи в ливреях. Аркадий садился в плетеное кресло между следователями. Один из них был психиатром и задавал умные вопросы. Царила атмосфера фальшивого добродушия, которая возникает, когда

допрос ведется в дружелюбных тонах.

На третий день в обеденный перерыв Аркадий случайно увидел Приблуду. Пиджак висел на спинке металлического кресла. Майор в одиночестве чистил пистолет, ловко орудуя толстыми пальцами, перетирал ветошью шпильки и пружины. Он удивленно поглядел на Аркадия, когда он уселся напротив.

— Объясните, — попросил Аркадий. — Почему они не берут вас на допросы?

— Допрашивать вас — не мое дело, — ответил Приблуда. Его неприятный прямой взгляд служил Аркадию постоянной точкой отсчета. Он даже вносил известное разнообразие после утра, проведенного с присланными КГБ сотрудниками. — Они как-никак специалисты, знают что делают.

— Тогда зачем вы здесь?

— Захотел и приехал.

— Надолго здесь останетесь?

— Как они, так и я.

— Вы приехали с одной сменой белья, значит, ненадолго, — заметил Аркадий.

Приблуда кивнул и, вспотев на солнце, продолжал чистку. Он даже не засучил рукава, правда, работал так аккуратно, что можно было не опа-

саться, что он запачкает их смазкой.

— Если допрашивать меня — не ваше дело, тогда в чем заключается ваше дело? — спросил Аркадий.

Приблуда подал вперед ствол с кареткой и отделил от ствольной коробки. Из нее он с изяществом вынул сборный узел и ударный механизм. Разобранный пистолет всегда напоминал Аркадию голого калеку.

— Вы хотите сказать, что ваше дело — убить меня, майор. Говорите прямо — вызвались добровольцем.

— Очень легко говорите о своей жизни, — Приблуда, как таблетки от кашля, один за одним выдавил патроны из обоймы.

— Потому что с ней легко обращаются. Как же мне быть серьезным, если вы убьете меня, как только кончатся рубашки?

Аркадия не верил, что Приблуда его убьет. Никакого сомнения, что Приблуда с радостью вызвался на это дело. Он день за днем готовился к этому, но Аркадий не верил, что такое произойдет. Когда на следующее утро следователи и Приблуда спешно поехали на взлетную дорожку, Аркадий отправился туда пешком. Он подошел как раз вовремя. Приблуда, стоя на дорожке,

яростно спорил с сидящими в самолете следователями. Самолет улетел без него, и он вернулся в машину. Когда водитель предложил Аркадию подвезти его, он ответил, что в такой прекрасный день предпочитает пройтись пешком.

Окружающие окрестности были совершенно гладкими, только кое-где встречались неровности. Под утренним солнцем падающая от Аркадия тень была длиною метров тридцать, а тени редких деревьев протянулись более чем на сотню метров. Изредка встречались валуны и островки ягодников. В пестром разноцветье трав скакали ярко-зеленые кузнечики. Лежа в траве, Аркадий знал, что со смотровой площадки на верху главного дома за ним наблюдают в полевой бинокль. Он и не помышлял о том, чтобы бежать.

Аркадий и Приблуда ели за единственным накрытым столом. Остальная мебель в столовой была зачехлена. Майора раздражала грязная одежда, он ослабил ремень кобуры и выдернул рубаху. Аркадий с интересом наблюдал за ним. Человек, которого вот-вот должны убить, всегда с большим интересом рассматривает своего убийцу, а поскольку выстрел откладывался на неопределенное время, у Аркадия была возможность близко изучить своего потенциального

палача.

— Как вы собираетесь меня убивать? Сзади, в упор? В сердце или в голову?

— В рот, — сказал Приблуда.

— Во дворе? Или в доме? Лучше в ванной — проще вымыть.

Майор со злостью налил в стакан лимонаду. В этом доме водка была запрещена. Аркадий единственный от этого не страдал. После целого дня игры в волейбол охранники по вечерам перед сном еще играли в настольный теннис.

— Гражданин Ренко, вы больше не старший следователь, у вас нет никакого чина и звания, так что я могу просто сказать, чтобы вы заткнулись.

— Можно и по-другому, майор. Теперь, когда я ничто, мне нет нужды вас слушать.

Почти то же самое говорила ему Ирина, подумал он. Как легко меняются представления.

— Скажите, майор, — спросил он, — вас кто-нибудь пытался убить?

— Только вы, — Приблуда оттолкнул стул и ушел, не закончив есть.

С расстройства Приблуда стал работать на огороде. В нижней рубашке, подвернутых и подвязанных под коленями носовыми платками штанах он яростно дергал сорняки.

— Уже поздно сажать что-нибудь, кроме редиски, но, может быть, что и получится.

— Какая норма? — спросил с крыльца Аркадий. Он украдкой поглядывал на небо: не возвращается ли самолет из Москвы?

— Это удовольствие, а не работа, — пробурчал майор. — И я не дам разорить его. Понюхайте-ка, — он взял горсть торфянистой земли и поднес к своему лицу, напоминающему свиное рыло. — Земля нигде на свете не пахнет одинаково.

В небе было, пусто, и Аркадий снова обратил взгляд на Приблуду с пригоршней грязи. Этот жест заставил вспомнить, как Приблуда копался в трупах в Парке Горького. В памяти всплыла расправа майора на Клязьме. Однако сейчас они беседовали на деревенском огороде, Аркадий распполосован от ребер до низа живота, а Приблуда перед ним на коленях.

— Денежки Ямского нашли. Они-то и есть всему помеха, — сказал Приблуда. — Всю дачу разобрали по досточке, перекопали весь участок. Потом, слыхал, нашли под каким-то сараем, где он держал дохлых уток и гусей. Там было целое состояние, только не пойму, ради чего он так старался. На что он собирался его тратить?

— Кто знает?

— Я сказал, что вы невиновны. С самого начала я говорил, что на вас вины нет. Фет — дерьмовый осведомитель, так что могу похвастаться, что до всего дошел собственным чутьем. Все говорили, что ни один старший следователь не пойдет против прокурора и не станет проводить, как утверждали вы, собственное расследование. А я сказал, что вы пойдете, потому что один я знал, как вы старались меня доконать. Говорили, что, раз Ямской был такой продажный, как вы утверждали, значит, и вы такой же и что все дело в том, что два жулика не поделили между собой. Я сказал, что вы способны погубить человека безо всякой причины. Я-то вас знаю. Вы самый что ни на есть ханжа и лицемер.

— Как это?

— Я выполняю приказ, а вы объявляете меня убийцей. Какое мне дело до заключенных из владимирской тюрьмы? Лично я против них ничего не имел, я их даже не знал. Для меня они были только врагами государства, и мне было поручено от них избавиться. Не все на свете можно сделать при идеальном соблюдении законности, на то у нас и разведка. Вы должны были понять, что я действовал по приказу. А вы по своей прихоти, чтобы показать превосходство, хотите повесить

на меня дело, другими словами, убить меня за то, что я исполнял свой долг. Так что вы хуже убийцы, вы — выскочка и карьерист. Смейтесь, смейтесь, но признайте, что между долгом и голым эгоизмом — большая разница.

— В том, что вы сказали, есть смысл.

— Ага! Значит, вы знали, что я выполнял приказы…

— Нашептывания, — возразил Аркадий. — Вы делали то, что вам нашептывали.

— Да, нашептывали, что из того? А что станет со мной, если я не послушаю?

— Придется уйти из КГБ, с вами перестанут разговаривать родные, друзья будут сторониться вас, вы не сможете ходить в специальные магазины, учителя откажутся от ваших детей, и они провалят экзамены в университет, вас вычеркнут из очереди на автомашину, вам перестанут доверять на любой работе, куда бы вы ни поступили, и, кроме того, если бы их убили не вы, то убил бы кто-нибудь другой. У меня была дрянная семейная жизнь, не было детей, и я не особенно старался достать машину.

— Что я и говорил!

Аркадий снова стал следить за реверсным следом карабкающегося вверх реактивного само-

лета. Это к нему не относилось, если только они не намеревались его бомбить. Он слушал, как копал и шуршал семенами Приблуда. Пока он жив, жива и Ирина.

— Если я невиновен, то, может быть, вам не придется меня расстреливать.

— Абсолютно невиновных не бывает, — ответил майор, продолжая копать.

Самолет доставлял новых следователей, продукты и чистое белье для Приблуды. Иногда следователи были другие, иногда те же самые; некоторые применяли наркотики, другие прибегали к гипнозу, все они оставались на ночь и уезжали. Теперь, хотя у него была чистая одежда, Приблуда каждый день — когда не было видно следователей — повязывал голову платком и надевал свое огородное обмундирование — закатанные и подвязанные под коленями носовыми платками штаны, нижнюю рубашку и поношенные ботинки. Пистолет висел поблизости на колышке. Проклюнулись рядками упрямые ростки редиски, салата и моркови.

— По-моему, лето будет сухое, — говорил он Аркадию. — Приходится сажать поглубже.

Он обычно, ругаясь, тащился позади Аркадия, когда тот совершал свои длительные прогулки.

— Я не собираюсь убегать, — уверял его Аркадий. — Даю слово.

— Тут есть болота. Там опасно, — майор стоял в десяти метрах позади. — А вы даже не знаете, где ступить.

— Я не лошадь. Если сломаю ногу, вы же меня не пристрелите.

Аркадий впервые услышал, что Приблуда рассмеялся. Хотя майор и был прав. Иногда Аркадий отправлялся на прогулку, еще одурманенный пентоталом натрия, и тогда, не замечая, натыкался на дерево. Он выходил на прогулки, как обычно поступают люди, когда чувствуют, что это единственный способ прийти в себя. Прочь из дома, подальше от полотенец, брошенных на кровать на случай, когда от инъекций его начинало ломать. Допрос — это в значительной мере процесс следующих друг за другом родов, но с каждым разом все более неуклюжим способом, когда повивальная бабка пытается дюжину раз, но каждый раз по-новому, принять одного и того же младенца. Аркадий ходил до тех пор, пока кислород не нейтрализовал дневную дозу отравы, тогда он садился где-нибудь в тени дерева. Поначалу Приблуда настаивал на том, чтобы он сидел на солнце, понадобилась неделя, чтобы он

разрешил сидеть в тени.

— Я слыхал, что сегодня — ваш последний день, — ухмыльнулся Приблуда, — последний следователь, последняя ночь. Я приду за вами, когда будете спать.

Аркадий закрыл глаза и слушал насекомых. С каждой неделей становилось немного жарче, а насекомые трещали немного громче.

— Хотите, чтобы вас похоронили здесь? — спросил Приблуда. — Вставайте. Мне уже надоело, пошли.

— Ступайте на свой огород, — сказал он, не открывая глаз, надеясь, что майор наконец уйдет.

— Вы, наверное, здорово ненавидите меня, — помолчав, сказал Приблуда.

— У меня на это не осталось времени.

— Не осталось времени? У вас ничего не осталось, кроме времени.

— Когда я не сплю, не одурманен наркотиками и в состоянии думать, у меня нет времени беспокоиться из-за вас. Вот и все.

— Я же собираюсь вас убить.

— Не расстраивайтесь, не придется.

— А я и не расстраиваюсь, — повысил голос Приблуда. Овладев собой, добавил: — Я ждал этого целый год. Вы ненормальный, Ренко, — сказал

он с раздражением. — Забываете, кто здесь кто.

Аркадий промолчал. Над полем раздавался торжествующий писк пичуг, одолевающих ворону; он звучал в небе как музыкальный такт. По самолетам Антонова ближнего радиуса действия, по регулярной частоте полетов и по направлению на целительный юг он определил, что находится в часе езды от аэропорта «Домодедово», расположенного недалеко от Москвы. Все допрашивавшие его психиатры были из московской клиники КГБ имени Сербского, поэтому он предположил, что Ирину держат там.

— Ну и о чем же вы тогда думаете? — раздраженно спросил Приблуда.

— Я думаю о том, что раньше не знал, как думать, и чувствую, что теперь наверстываю упущенное. Не знаю, как сказать. По крайней мере впервые это не возносит меня. — Он открыл глаза и улыбнулся.

— Вы ненормальный, — серьезно сказал Приблуда.

Аркадий встал и потянулся.

— Рветесь к своим семенам, майор?

— Зачем спрашиваете, черт вас возьми!

— Тогда скажите, что вы человек.

— Что?

— Мы возвращаемся, — сказал Аркадий. — Только вам нужно сказать, что вы человек.

— И не подумаю. Что это еще за игра? Вы до того ненормальный, Ренко, что меня воротит.

— Не так уж трудно сказать, что вы человек.

Приблуда мелкими шажками быстро зашагал по кругу, будто ввинчиваясь в землю.

— Вы сами это знаете.

— Скажите вы.

— Я вас убью — только за это, — пригрозил Приблуда. — Но чтобы закончить с этим… — и монотонно произнес: — Я человек.

— Очень хорошо. Теперь пойдем, — и Аркадий направился к дому.

* * *

На этот раз его допрашивал врач с беспокойными руками, который однажды выступал на собрании в прокуратуре.

— Теперь позвольте изложить мои выводы, — сказал он в конце их беседы. — На каждое слово правды, услышанное от вас и от Асановой, приходится слово *лжи*. Ни вы, ни она непосредственно не участвовали в клике Ямского — Осборна, но косвенным образом были связаны с ней и, кроме того, были и до сих пор связаны между собой. С

вашим богатым опытом следователя и ее длительным опытом в качестве неблагонадежной вы надеетесь нас запутать и выиграть. Ваши надежды нереальны. Ни у одного преступника надежды не оправдываются. И вы, и Асанова страдаете синдромом патогетеродоксии. Вы переоцениваете свои личные возможности. Вы чувствуете себя изолированным от общества. Вы быстро переходите от возбуждения к унынию. Вы не доверяете людям, которые больше всего хотят вам помочь. Вы не признаете власть, даже когда сами ее представляете. Вы считаете себя исключением из любого правила. Вы недооцениваете коллективный интеллект. Правильное считаете ошибочным, ошибочное правильным. Что касается Асановой, то она представляет банальный классический случай, понятный любому и потому легко поддающийся лечению. Ваше заболевание значительно сложнее и опаснее. Вы родились в семье известного деятеля и пользовались большими благами. Несмотря на сильные проявления политического эгоизма, вы поднялись до видного положения в системе правосудия. После героической борьбы с могущественным вышестоящим лицом вы вступили в преступный сговор с этой женщиной с целью

скрыть от данного следствия важные факты. Какими были ее подлинные отношения с Осборном? Какие сделки были заключены между вами и агентом американской разведки Уильямом Кервиллом? Почему вы дали Осборну бежать? Я слышал ваши ответы. Думаю, что ваша здоровая сторона стремится дать правдивые ответы и при надлежащем лечении вы скажете правду. Но это было бы беспредметным. У нас есть подлинные ответы. Дальнейшие допросы в этом духе, по моему убеждению, лишь дадут пищу вашим нездоровым заблуждениям. Мы должны думать о высшем благе. Итак, я рекомендую, чтобы вы послужили примером и понесли высшую меру наказания в самое ближайшее время. У нас с вами будет еще одна встреча завтра утром перед моим отъездом в Москву. У меня к вам вопросов больше нет. Однако, если у вас появятся новые сведения, это будет вашей последней возможностью. В противном случае прощайте.

* * *

Приблуда аккуратно вылил воду из ведра. Сверкающая, как сосулька вода потекла по канавке в желобок между рядками салата, пока Аркадий не перегородил канавку землей, направив воду

в следующий желобок. Он ползал на коленях от рядка к рядку, переделывая множество крошечных плотинок, пока не оросил весь огород.

— Настощий Нил, — сказал он.

— Эх, как пересохла земля. Целая дюжина больших ведер на такой огородик, — покачал головой Приблуда. — Засуха.

— Уверен, что частный сельскохозяйственный сектор Комитета госбезопасности никогда не пересохнет.

— Еще смеетесь. Я родом из деревни. Засуха — дело серьезное, а я чувствую, что она наступает. Признаюсь, я пошел в армию, чтобы удрать из деревни, — Приблуда расправил плечи, — но в душе я все еще деревенский. Тут даже не надо думать, чутьем чую, что надвигается засуха.

— Каким образом?

— Три дня першит в горле. Пыль висит в воздухе. Есть и другие приметы.

— Например?

— Земля. Звонкая, как барабан. Не верите — послушайте. Когда барабан нагревают и сушат — что бывает? Он стучит звонче. То же и с землей. Слушайте, — Приблуда топнул ногой. — Словно пустая. Грунтовые воды уходят вниз. — Он стал притопывать между ведрами, радуясь новой заба-

ве, топая все сильнее под смех Аркадия. — Вот она, крестьянская наука. Слышите землю? Слышно, как пересохло у нее в горле. А вы, космополиты, считаете, что вам все известно, — Приблуда неуклюже приплясывал, поддавая ногами ведра, пока одной ногой не влез в ведро и завалился на землю с клоунской ухмылкой.

— Майор, — Аркадий помог ему подняться, — это вам, а не мне нужно показаться психиатру.

Ухмылка исчезла с лица Приблуды.

— Пора на последнее собеседование, — сказал он. — Вы что, не пойдете?

— Нет.

— Тогда придется мне, — сказал майор, не глядя на него. Он надел рубашку, расправил брюки, смахнул пыль с ботинок и надел пиджак, стараясь придать себе презентабельный вид. Оба одновременно увидели, что пистолет с кобурой остался висеть на колу посреди залитого водой огорода.

— Сейчас достану, — сказал Аркадий.

— Я сам.

— Не дурите. Вы в ботинках, а я босиком.

Хотя майор ругался, Аркадий прошел по грязи и снял кобуру с кола. Когда он возвращался на сухое место, майор замолк. Аркадий передал пистолет.

Приблуда замахал им перед носом Аркадия.

— Не троньте мой пистолет, — его душила ярость. — Неужели не видите, что здесь происходит, неужели ничего не знаете?

* * *

Аркадий с Приблудой больше не работали вместе на огороде. Овощи засыхали — не хватало воды. Под безоблачным небом луга пожелтели раньше времени. Дом стоял с распахнутыми окнами и дверями в надежде на дуновение ветерка.

Приехала Зоя. Она похудела, в глазах тоска, хотя и изобразила улыбку.

— Судья сказала, что мы должны попытаться восстановить семью, — объяснила она. — Она сказала, что, если я передумаю, решение не окончательное.

— А ты что, передумала?

Она сидела у окна, обмахиваясь платком.

Даже ее девичий локон золотистых волос казался не таким пушистым, поблек. Стал похож на парик, подумал он.

— Мы просто не ладили, — сказала она.

— А-а-а.

— Возможно, я виновата.

Аркадий улыбнулся. Зоя сказала это «возмож-

но, я виновата» таким тоном, каким бюрократ обсуждает изменения в работе вверенного ему отдела.

— Ты выглядишь лучше, чем я ожидала, — заметила она.

— Что ж, здесь больше нечего делать, как поправляться. Вот уже несколько недель меня не допрашивают. Интересно, что будет дальше.

— В Москве очень жарко. Здесь лучше, тебе повезло.

Зоя рассказала, что, хотя они никогда теперь не смогут вернуться в Москву, ее заверили, что ему нашлась бы подходящая работа в хорошем городе подальше от столичной суеты. Возможно, дадут работу учителя. Они могли бы вместе преподавать. Кроме того, может быть, время завести детей. Ей даже, возможно, разрешат приехать сюда еще раз как супруге и остаться подольше.

— Нет, — ответил Аркадий. — Будем откровенны, мы не женаты и не нужны друг другу. Что касается меня, я, безусловно, тебя не люблю. Я даже не чувствую себя виноватым за то, что с тобой стало.

Зоя перестала обмахиваться и, опустив руки на колени, тупо глядела мимо Аркадия на противоположную стену. Странное дело, от того, что

она похудела, утратила округлость, ее мышцы гимнастки стали крупнее, икры превратились в бицепсы.

— У тебя другая женщина?

Ясно, что вопрос подготовлен заранее.

— Зоечка, ты правильно сделала, что ушла от меня, а теперь держись от меня как можно дальше. Я тебе не желаю зла.

— Ты не желаешь мне зла? — Она, казалось, очнулась и повторила эти слова, но теперь с яростью и сарказмом. — Ты не желаешь мне зла? Посмотри, что ты со мной сделал, Шмидт меня бросил. Он потребовал перевести меня в другую школу, и кто его за это упрекнет? У меня отобрали партбилет, не знаю, что собираются с ним делать. Ты покалечил мне жизнь, добивался этого с первого дня, как мы познакомились. Думаешь, я сама решила приехать сюда?

— Нет. Ты по-своему всегда была довольно правдива, поэтому я удивился, увидев тебя.

Зоя прижала кулаки к глазам и крепко, до белизны, сжала губы, спустя мгновение она отняла руки и попыталась улыбнуться, но когда заговорила, в ее голубых глазах блестели слезы.

— У нас были всего лишь семейные неурядицы, Я была недостаточно внимательна. Давай нач-

нем заново.

— Оставь, пожалуйста.

Зоя схватила его за руку. Он забыл, что от упражнений ее пальцы покрыты мозолями.

— Мы так давно не спали вместе, — прошептала она. — Я могла бы остаться на ночь.

— Нет, — Аркадий с трудом освободил ладонь.

— Подонок, — она расцарапала ему руку.

Зою отправили самолетом, не дожидаясь ужина. Зрелище того, как женщина, которая когда-то была твоей женой, выворачивается перед тобой наизнанку, оставило довольно гнетущее впечатление.

Этой ночью он проснулся от охватившего его желания владеть Ириной. В комнате был полнейший мрак, только в окне мерцали звезды. Он голый стоял у окна. Прикосновение, легчайшее трение простыни вызвало бы вспышку наслаждения и облегчения, и он даже не испытал бы стыда. Но исполнить желание — значило бы стереть из сознания ее образ, видение Ирины, спящей в голубой постели. Оно было в мечтах, возникло в комнате, потом проникло сквозь окно и парило снаружи. Он чувствовал тепло ее тела сквозь стекло. Это была встряска, возвращавшая его к жизни.

Не обыденной жизни. Обыденная жизнь была бесконечной вереницей спин, дыханием стоящего позади человека. В обыденной жизни люди ходили на службу и творили ужасные вещи, возвращались домой и в толчее коммунальных квартир пили, ругались, занимались любовью, воевали за остатки собственного достоинства и каким-то чудом выживали. Ирина возвышалась над этой толпой. Она была отчаянно красива в своей потрепанной куртке, метка на щеке служила знаком целомудрия, ее не устраивало жалкое существование. Во многих отношениях она была не от мира сего. Аркадий хорошо разбирался в людях — на то и дар следователя. Но он не понимал Ирину, и ему казалось, что он никогда не сможет проникнуть в область присущего только ей непонимания многих элементарных вещей. Она возникла как еще одна планета и вовлекла его в свою орбиту. Он следовал за ней, но не знал ее. И именно он, а не она, поменял идеалы, которым служил.

За последние месяцы он почти превратился в мертвеца — своего рода защитная апатия перед лицом попыток следователей залезть в душу. Это было необходимое самоубийство, его вынужденная уступка убийцам. Но все равно это была

смерть. Теперь, когда перед ним возник ее образ, он ожил, пусть только на одну ночь.

* * *

Потом загорелся торф. Целыми днями вся северная сторона горизонта была затянута багровой мглой. Однажды днем самолет с провизией повернул обратно, а на следующий день и южную сторону затянуло дымом. Появилась пожарная машина с офицером-сапером и пожарниками в резиновых касках и накидках, что делало их похожими на средневековых ратников. Сапер приказал покинуть дом. В Москву эвакуироваться было нельзя — дороги отрезаны или блокированы, все физически годные лица были мобилизованы на борьбу с пожаром.

Это было настоящее сражение. Всего в тридцати километрах от дома находился командный пункт, где сотни пожарных, саперов и «добровольцев» формировались в группы, сопровождавшие поливочные машины, экскаваторы и тракторы. Из обитателей дома сюда входили Аркадий, Приблуда, два десятка охранников, работающие по дому и повара, сформировали резервную цепь, вооруженную лопатами. Аркадий находился посередине. Но едва они пересекли первую про-

тивопожарную полосу и принялись за работу, цепь стала распадаться. Уничтожая широко раскинувшийся подлесок, приходилось растягивать и ломать цепь. Ветер внезапно менял направление и ослепленные и задыхающиеся от дыма люди разбредались порой в противоположные стороны. В лесу оставались старые канавы, в которые проваливались люди, а то и целые тракторы. Остаток цепи, следуя за двумя тракторами, уперся в новую стену дыма, не зная, за каким из тракторов идти дальше. Неожиданно возникали люди в обгоревшей одежде, спасающиеся бегством или, наоборот, мужественно расчищающие проход, двигаясь навстречу огню. Изо всех людей, с которыми он отправился в путь, Аркадий узнавал одного Приблуду.

Огонь возникал непредсказуемо. Один куст занимался медленно, как толовая шашка, другой вспыхивал факелом. Все дело в торфе. К этому времени Аркадий ясно представлял, что он находится вблизи Шатуры. Шатура была известна тем, что здесь построили первую после революции электростанцию. Топливом для нее служил торф. Горела сама земля, под ее поверхностью горели пласты торфа, так что, даже если пламя сбивали наверху, каждый очаг как по волшебству рождал

новые кольца огня. В покрытый дерном выгоревший пласт торфа рухнул экскаватор. Выброс метана рванул в рядах боровшихся с огнем. Пекло невыносимо. Все кашляли пеплом и кровью. Летающие над головами вертолеты выливали тонны воды, которая превращалась в удушливую смесь пара и дыма. Люди со слезящимися от дыма глазами, словно слепые, образуя цепь, держали друг друга за пояс.

Все средства были направлены на то, чтобы локализовать пожар, но торфяные поля были слишком велики и противопожарные полосы бесполезны против врага, который атаковал из-под земли. После сдачи очередной линии обороны люди все больше попадали в ловушку. Аркадий уже не знал, куда отходить. Со всех сторон в дыму раздавались панические возгласы. В конце вспаханной полосы горел трактор, кругом разбросаны лопаты. Приблуда с измазанным сажей лицом, задыхаясь, в полном изнеможении сидел, вытянув толстые ноги. Пистолет вот-вот выпадет из рук. Голос настолько слаб, что Аркадий с трудом понимал, что он говорил.

— Смывайтесь отсюда. Спасайте шкуру, — с горечью говорил он. — Такого случая больше не будет. Возьмите бумаги какого-нибудь покой-

ника, если только сами не сгорите. Это случай, которого вы ждали. Правда, мы все равно вас поймаем — я бы пристрелил вас, если бы не был в этом уверен.

— А что вы сами собираетесь делать? — спросил Аркадий.

— Вот что, я не такой дурак, чтобы ждать, пока поджарюсь. Я не трус.

Правда, Приблуда больше всего был похож на резаного поросенка. Ветер повернул, и их накрыло стеной дыма. Аркадий всегда считал, что Приблуда не станет его убивать, но он не мог ручаться, что не погибнет в огне. Ну что же, по крайней мере помрет своей смертью, а не от девяти граммов свинца, полученных в затылок от своего же соотечественника.

— Бегите! — закашлялся Приблуда.

Аркадий поставил майора на ноги и взвалил его на плечо. Он больше не видел ни трактора, ни деревьев, ни солнца. Он повернул налево, на последнюю запомнившуюся ему свободную тропу.

Шатаясь под весом Приблуды, спотыкаясь о кучи валежника, он скоро потерял представление, идет ли он налево, направо или ходит по кругу, но знал одно — если остановится, они погибнут. Он вдруг, помимо воли, испугался дышать, не мог от-

крыть рот, словно кто-то зажал его рукой. Пустые легкие всасывали в себя гортань. Щелками глаз он различал только красные огоньки. Когда не было сил идти дальше и дым становился настолько густым, что приходилось зажмуривать глаза, он приказывал себе сделать двадцать шагов, а когда дым становился еще гуще, еще двадцать шагов, потом еще десять и еще пять. Он свалился в канаву с тухлой водой. Канава была глубиной в рост человека, воды было мало, и между ней и краем канавы была прослойка влажного, пахнущего гнилью воздуха. У Приблуды посинели губы. Аркадий перевернул его в воде на спину и стал делать искусственное дыхание. Приблуда ожил, но припекало еще сильнее.

Аркадий повел его по канаве. На них сыпались, застревая в волосах и прожигая рубашки, горящие угольки. Канава стала мельче и кончилась совсем. Поначалу во мгле Аркадию показалось, что он вернулся на поле, с которого они начали свой путь утром. Потом он увидел, что землеройная техника, автоцистерны и пожарные машины стояли черные и растерзанные, некоторые перевернуты взрывами горючего, а бесформенные бугорки на обугленном поле оказались трупами людей, погибших накануне. Некоторые из них,

видно, искали спасения от дыма в траншее торфоразработок — от них остались одни скелеты. Торф представляет собой анаэробный компост, настолько древний продукт органического распада, что в нем израсходован весь кислород. В торфе выживает мизерное количество микробов — скажем, двадцать — тридцать на кубометр. Получив доступ к воде и воздуху, микробы мгновенно размножаются, образуя кишащий многими миллионами ненасытный сгусток голодных живых существ, как щелок разъедающих живую плоть. Поврежденные стенки траншеи служили свидетельством попыток попавших в беду людей выбраться из этого коварного убежища. Из-под резиновой накидки высовывалась полуразложившаяся рука. Около двух лежавших на земле трупов Аркадий подобрал нетронутые сосуды с водой, сделал из рубашки маски, намочил и повязал их себе и Приблуде. Они двинулись дальше, уходя от надвигающегося дыма.

Они двигались, оставляя дым позади себя. В одном месте Аркадий споткнулся о край траншеи. Двигавшийся впереди Приблуда обернулся и схватил за руку, не дав ему упасть. Они продолжали брести по горящим равнинам, были свидетелями беспорядочно разбросанных щед-

рой рукой картин беды и героизма, гибели в бою, о чем не сообщила ни одна газета, за исключением, может быть, короткого абзаца о том, что где-то в Московской области ветром разнесло несколько горящих угольков.

Наконец они добрели до палисадника из обгоревших деревьев.

— Деваться некуда, всюду дым, — заныл Приблуда, вглядываясь в окружающую темноту. — Зачем вы привели сюда? Видите, деревья и здесь горят.

— Это не дым, а ночь. А вон звезды, — сказал Аркадий. — Мы спасены.

* * *

Огонь не тронул дом. Через несколько дней пошли дожди, страшные грозы погасили пожар. Снова играли в волейбол охранники, самолет привозил свежий провиант, даже мороженое. Кроме того, самолет доставил генерального прокурора, который так и не снял плаща и говорил, опустив голову и заложив руки за спину.

— Вы хотите, чтобы перед вами склонилась вся система правосудия. Вы всего лишь один человек, следователь, к тому же не из самых важных. Тем не менее ни доводы, ни убеждения не возымели

на вас никакого действия. Нам в полном объеме известно о соучастии Асановой в преступной деятельности иностранного агента Осборна и изменников Бородина и Давидовой. Мы знаем, что вы утаиваете сведения об Асановой и своих отношениях с ней. Следователь, намеренно поступающий так, плюет в лицо своей стране. Но терпение кончается, и вы увидите, что на вас обрушится справедливый гнев.

На следующей неделе вернулся врач из клиники имени Сербского. Он далее не приглашал Аркадия, а отправился с Приблудой туда, что когда-то было огородом. Аркадий наблюдал из окна верхнего этажа. Доктор что-то говорил Приблуде, спорил с ним и наконец стал на чем-то настаивать. Он открыл портфель, показал Приблуде шприц, какими пользуются ветеринары, вручил ему портфель и сразу же вернулся на взлетную дорожку. Майор куда-то ушел.

Днем Приблуда постучался к Аркадию и пригласил его пойти по грибы. Несмотря на жару, он был в пиджаке, в руках два больших лукошка для грибов.

Меньше чем в получасе ходьбы находилась нетронутая огнем небольшая рощица. После дождей там как по волшебству появилась трава,

расцвели цветы и почти за одну ночь появились грибы. Там было много столетних дубов, прикрывавших своей тенью покрытую мхом землю. Глаз грибника замечал каждый листок, выцветший кусочек коры, стебельки полевых цветов, неутомимых насекомых. Грибы уподоблялись животным, на которых охотятся, — маскировались, замирали, как зайчишки, заслышавшие шаги охотника. Они на мгновение высовывались и тут же исчезали из виду. Лучше всего их видно уголком глаза — там скромная коричневая шляпка, а тут среди листьев целая куча оранжевых шляпок, вот еще один морщинистый, как крошечный динозавр, а там еще один прячет свою красную головку. Их больше называли не по именам, а говорили, какие лучше мариновать, а какие солить, сушить, жарить, есть сырыми, с хлебом, в сметане, под водочку, да еще под какую — чистую, анисовую, тминную, с вишневой косточкой. У грибника таких разговоров хватало на весь год.

Приблуда с удовольствием ковырял землю, а Аркадий разглядывал его узкий лоб, челку седеющих каштановых волос, русский нос пятачком, покрытый бородавками подбородок, квадратную колоду фигуры, плохо пошитый пиджак, выпи-

рающую из-под него кобуру. В лесу появились длинные тени, и Аркадий вспомнил, что они пропустили обед.

— Ничего, — успокоил Приблуда, — зато завтра попируем грибами. Смотрите, сколько набрал, — он открыл свое лукошко, полное самых разных грибов, подробно объясняя Аркадию, какой гриб на что годится и по каким праздникам его лучше всего подавать. — А что у вас?

Аркадий открыл свое лукошко и высыпал на землю свою дневную добычу — сплошь зеленовато-бледные грибы на тонких ножках.

Приблуда аж подскочил.

— Да это же поганки! Вы что, с ума сошли?

— Доктор приказал убить меня, — сказал Аркадий. — Вы не сделали этого по пути сюда, значит, убьете на обратном пути? Ждете, когда стемнеет? Как это будет — выстрел в голову или игла в руку? А почему бы не грибы?

— Прекратите!

— Не будет завтра пиршества, майор. Меня не будет в живых.

— Он не приказывал, а только советовал.

— Он что, сотрудник КГБ?

— Такой же майор, как и я.

— Он передал вам портфель.

— Я его спрятал. Так человека не убивают.

— Неважно как. Такое предложение является приказом.

— Я потребовал письменного приказа.

— Вы?!

— Да, я, — с вызовом ответил Приблуда. — Не верите?

— Тогда завтра поступит письменный приказ, и вы меня убьете. Какая разница?

— Сдается мне, что вокруг этого решения идут споры. Врач слишком торопится. Мне нужны конкретные письменные указания. Я не убийца. Я такой же человек, как и вы, — Приблуда поддал ногой поганки. — Я человек.

На обратном пути Приблуда выглядел более несчастным, чем Аркадий. Аркадий дышал полной грудью, словно хотел выпить до дна свежий ночной воздух. Он размышлял о свое старом враге, устало шагавшем рядом. Приблуда убьет его, как только получит письменный приказ, но он все же взял на себя риск, отказавшись исполнить его по первому слову. Для обреченного человека это была мелочь, но для Приблуды она имела значение — как-никак пятно на послужном списке.

— Венера, — показал Аркадий на яркую звезду у горизонта. — Вы из деревни, майор, должны

знать звезды.

— Сейчас не время глядеть на звезды.

— А там Плеяды, — показал Аркадий. — Вот Цефей, над ним Рыбы, а вот Водолей. Чудесная ночь. Если не считать пожара, это первая ночь с тех пор, как я здесь, когда я не в доме, а вот там хвост Тельца.

— Вам бы надо было стать астрономом.

— Возможно.

Некоторое время они шли молча. Только звуки шагов, хруст обгоревшей земли да шелест травы. Появился дом, ярко озаренный желтыми огнями. Аркадий различал бегущих от дома людей с карманными фонарями и винтовками. Он отступил в тень, чтобы лучше видеть ночь.

— Мы все сходим с орбиты, майор. Все вместе. Кто-то притягивает меня, я притягиваю вас, кого притягиваете вы?

— Я должен знать одну вещь, — сказал Приблуда. — Если бы мы знали друг друга год назад, вы бы все равно не давали мне жизни?

— За двоих убитых на Клязьме?

— Да, — Приблуда серьезно посмотрел на Аркадия.

Аркадий слышал крики, хотя трудно было разобрать слова. Собственное затянувшееся мол-

чание смущало его, а для Приблуды было просто невыносимым.

— Может быть, — ответил Приблуда на собственный вопрос, — если бы мы тогда были друзьями, я бы так не сделал.

Аркадий повернулся в сторону приближавшихся шагов, и ему в лицо ударил свет фонаря.

— Всякое бывает, — сказал он.

Один из охранников ударом приклада привычно сбил Аркадия с ног.

— У вас новые посетители, — сообщил другой Приблуде. — Обстановка меняется.

3

В октябре Аркадия самолетом доставили в Ленинград и привезли в здание, похожее на огромный музей. Это был Дворец пушнины. Его провели в обрамленный белыми колоннами амфитеатр, уставленный рядами столов и стульев. На сцене на возвышении ждали пять офицеров КГБ в форме — генерал и четыре полковника. Во Дворце стоял запах несвежего мяса.

Генерал принял иронический тон.

— Говорят, что здесь пахнет любовью, — он вздохнул. — А я бы предпочел поговорить о национальных интересах. Дело в том, Аркадий Васильевич, что каждый год сюда съезжаются коммерсанты со всех стран мира и, сидя за этими столами, тратят семьдесят миллионов долларов на советскую пушнину. Советский Союз — главный экспортер пушнины. И всегда им был. И дело здесь не в норках, они хуже американских, и не в рысях, их слишком мало, и не в каракуле, это в конечном счете всего лишь овчина. Дело в советском соболе. Соболь идет дороже золота, если брать грамм за грамм. Как, по-вашему, советское правительство должно отнестись к утрате моно-

полии на соболя?

— У Осборна всего шесть соболей, — заметил Аркадий.

— Я поражен, и уже давно, как мало вы знаете! Как могло получиться, что так много людей — прокурор Москвы, немец Унманн, сотрудники госбезопасности и милиции — благодаря вам поплатились жизнью, а вы так мало знаете, — генерал задумчиво подергал ресницу. — Шесть соболей? С помощью помощника заместителя министра торговли Менделя мы установили, что в сговоре с его покойным отцом, заместителем министра торговли, американец Осборн лет пять назад похитил еще семь соболей. Это были обыкновенные соболи из подмосковных зверосовхозов. Мендели надеялись что Осборну не удастся развести зверьков высокой породы. Младший Мендель никогда не осмелился бы помочь американцу завладеть баргузинскими соболями. Он говорил об этом сам, и я ему верю.

— Где он сейчас?

— Он покончил с собой. Слабый был человек. Однако дело в том, что Осборн заполучил семь обыкновенных соболей целых пять лет назад. По нашим самым скромным оценкам, средний приплод составляет пятьдесят процентов в год,

так что у него сейчас имеется примерно полсотни соболей. Его сговор с сибиряком Костей Бородиным дал ему еще шесть. Шесть самцов баргузинского соболя. Если придерживаться тех же оценок, через пять лет у Осборна будет минимум двести высокопородных соболей, а через десять лет — более двух тысяч. К тому времени, боюсь, нам придется забыть о нашей исторической монополии на соболя. Гражданин Ренко, почему, по-вашему, вы все еще живы?

— А Ирина Асанова жива? — спросил Аркадий.

— Да.

Аркадий начал кое-что понимать. Он не вернется в загородный дом и его не убьют.

— В таком случае мы к вашим услугам, — сказал он.

— Хорошо. Вы нам нужны.

— Где она?

— Вам нравится путешествовать? — мягко, словно боясь причинить боль, спросил генерал. — Хотелось ли вам когда-нибудь побывать в Америке?

Нью-Йорк

1

Первым впечатлением от Америки были ходовые огни танкера и сигнальные огни на клотиках рыболовных траулеров.

Уэсли, рослый лысеющий молодой человек, с гладкими, как булыжник, чертами лица, с которого не сходило ни к чему не обязывающее выражение любезности. На нем был синий костюм-тройка. Рот, щеки и подмышки Уэсли испускали лимонно-мятный аромат. В течение всего полета он, скрестив ноги, курил трубку и, бормоча под нос, отвечал на вопросы Аркадия. В нем было что-то от неуклюжего теленка-сосунка.

Они занимали в самолете целый отсек. Большинство остальных пассажиров составляли «заслуженные артисты», гастролирующие музыканты, шумно обсуждавшие часы и парфюмерию, которые они успели купить во время стоянки в аэропорту Орли. Аркадия там не выпустили.

— Вы понимаете, что означает слово «ответственность»? — спросил по-английски Уэсли.

Пассажиры сгрудились на одну сторону — самолет подлетал к суше: темные массивы полей рассекались тускло светящимися полосами.

— Это означает, что вы будете мне помогать? — спросил Аркадий.

— Это означает, что данную операцию проводит ФБР. Это означает, — серьезно добавил Уэсли, будто продавал что-то Аркадию, — что мы за вас отвечаем.

— Перед кем?

Всех пассажиров охватило детское возбуждение, когда самолет пролетел над первым американским населенным пунктом. Казалось, что он сплошь состоял из автомашин. Машины забили улицы и прижимались к домам, которые на вид были слишком велики для людей.

— Я рад, что вы задали этот вопрос. — Уэсли выбил трубку о пепельницу в подлокотнике. — Высылка — дело сложное, особенно в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Нам и без того хватает осложнений. Вы понимаете, что такое «осложнение»?

Крутой спуск создавал иллюзию возрастающей скорости. Показалась скоростная автомагистраль — бесконечная вереница цветных дорожных огней — и исчезла в лабиринте обыкновенных автострад. Не верилось, что может быть столько мощеных дорог. Куда все они вели? Сколько же на них автомашин? Казалось, все население там,

внизу, или просто ехало, или переезжало, или эвакуировалось.

— В Советском Союзе осложнением является все, что нежелательно, — ответил Аркадий.

— Вот именно!

Цепочки огней слились в торговые центры, улицы, лодочные стоянки. «РАСПРОДАЖА ПО СЛУЧАЮ ДНЯ БЛАГОДАРЕНИЯ» — гласила огромная вывеска. Над жилыми кварталами самолет снизился еще больше. В иллюминаторах появились подсвеченные изумрудные травяные площадки для игр. Позади домов голубели опустевшие плавательные бассейны. Теперь можно было разглядеть первого американца, глазевшего вверх, стоя в освещенных дверях дома.

— Позвольте сказать вам о нежелательном для нас осложнении, — сказал Уэсли. — Вы не можете перебежать. Если бы операцию проводил КГБ, тогда пожалуйста. Вы могли бы явиться к нам, и мы бы с радостью предоставили вам убежище. К примеру, любой на этом самолете может перебежать.

— А если они не хотят, а я захочу?

— Так вот, им можно, а вам нельзя, — ответил Уэсли.

Аркадий услышал толчок выпускаемых шасси.

Он искал в улыбке Уэсли хотя бы частицу юмора.

— Вы, конечно, шутите, — заметил он.

— Ничуть, — ответил Уэсли. — Существует закон. Прежде чем разрешить перебежчику остаться в Соединенных Штатах, его дело рассматривается и решается в нашем бюро. В отношении вас уже принято решение, согласно которому вы не можете остаться в стране.

Аркадий подумал, что у него могут возникнуть трудности с языком.

— Но я же пока еще не пытался перебежать.

— В таком случае бюро с радостью возьмет на себя ответственность, — сказал Уэсли. — Пока вы не попытаетесь перебежать.

Аркадий приглядывался к агенту. С таким человеком он сталкивался впервые. Внешность была вполне человеческая — брови, ресницы, губы двигались как надо, но Аркадий подозревал, что под черепом, в коре головного мозга, помещался геометрически правильный рисунок складок.

— Если вы перебежите, то только к нам, — сказал Уэсли. — К кому бы вы ни перебежали, вас передадут в наши руки. И мы, разумеется, сразу вернем вас в Советский Союз. Так что пока вы в наших руках, совершенно бессмысленно перебегать к нам, не правда ли?

Авиалайнер пролетал над рядами ветхих домов, освещенных ужасными уличными фонарями. Улицы остались позади, и самолет сделал широкий вираж над заливом, а затем все небо закрыл залитый огнями остров. Из воды поднимались тысячи расточительных, как звезды, башен из света. Пассажиры по достоинству оценили это зрелище.

— Значит, вы не окажете мне содействие, — сказал Аркадий.

— Наоборот, помогу всем, что в моих силах, — ответил Уэсли.

За окнами замелькали посадочные огни. Самолет коснулся земли и стал тормозить.

К тому времени, когда самолет подрулил к стоянке «Пан Американ», проход был забит музыкантами, их инструментами, свертками с подарками и авоськами с провизией. Русские напускали на лица безразличие к американской технике, и, хотя все проходили мимо Аркадия и Уэсли, никто на них не взглянул. Теперь, когда они были всего в нескольких шагах от потрясающего перехода, напрямую соединяющего самолет со зданием аэровокзала, никто не желал подвергнуться пагубному влиянию Америки. Все оглядывались друг на друга.

Когда все пассажиры покинули самолет и обслуживающий персонал, проникнув в самолет через хвостовую дверь, рассыпался по салонам, Уэсли по служебному трапу вывел Аркадия на бетонированную площадку под хвостовыми двигателями «Ильюшина». Свистели двигатели, мерцали красные хвостовые огни. Неужели самолет сразу возвращается в Москву, удивился Аркадий. Уэсли тронул его за плечо и указал на автомобиль, направляющийся к ним по взлетной полосе.

Они не проходили американскую таможню. Машина выехала через ворота прямо на скоростную автостраду.

— Мы с вашими людьми обо всем договорились, — сказал Уэсли, удобно устраиваясь на заднем сиденье рядом с Аркадием.

— С моими людьми?

— С КГБ.

— Я не из КГБ.

— КГБ утверждает то же самое. Другого мы и не ожидали.

По сторонам дороги мелькали брошенные машины. Не оставленные недавно, а развалины, словно со времен давно прошедших войн. На одной было написано: «Свободу Пуэрто-Рико». По

шоссе мчались машины бесчисленных марок и цветов. Водители тоже были всех цветов кожи. Впереди виднелся все тот же потрясающий городской силуэт, что был виден из самолета.

— О чем же вы договорились с КГБ? — спросил Аркадий.

— Договорились, что операцию будет проводить бюро, если только вы не перебежите на сторону бюро, — ответил Уэсли. — Но поскольку вы можете перебежать только к нам, то будете не в состоянии этого сделать.

— Понятно. А вы, значит, считаете, что поскольку КГБ утверждает, что я не их человек, то я на самом деле работаю на них.

— А что еще им остается говорить?

— Но если бы вы поверили, что я не работаю на КГБ, то все коренным образом изменилось бы?

— Несомненно! Тогда то, что утверждает КГБ, оказалось бы правдой.

— А что они утверждают?

— Они говорят, что вы осуждены за убийство.

— Никакого суда не было.

— Они и не говорили, что был суд. Так вы кого-нибудь убили? — спросил Уэсли.

— Да.

— Вот видите. Иммиграционные законы Соеди-

ненных Штатов запрещают въезд преступников. Закон очень строг, и мы вряд ли разрешим остаться, если кто-нибудь явится в бюро и заявит, что он убийца.

Уэсли покачивался в машине в ожидании дальнейших вопросов, но Аркадий молчал. Машина нырнула в туннель, ведущий на Манхэттен. В зеленоватом свете туннеля из грязных стеклянных будок полицейские следили за движением. Машина выехала на другую сторону. Улицы оказались уже, чем ожидал Аркадий, и были так далеко внизу по сравнению с ярко освещенным силуэтом, что, казалось, они находились под водой. Тускло светились уличные фонари.

— Я хочу, чтобы вы ясно представляли свое положение, — наконец произнес Уэсли. — Вы не находитесь здесь на законном основании. Но в то же время вы не въехали нелегально, так что и этой зацепки у вас нет. Вас здесь просто нет, и другое невозможно доказать. Я знаю, что это кажется безумием, но для вас это закон. Кроме того, так хотели ваши люди. Если у вас есть претензии, обращайтесь в КГБ.

— А я встречусь здесь с сотрудниками КГБ?

— Я постараюсь, чтобы этого не произошло.

Машина остановилась у стеклянных дверей

отеля на углу Двадцать девятой улицы и Мэдисон-авеню. По сторонам козырька с надписью «БАРСЕЛОНА» горели светильники в виде газовых рожков. Уэсли передал Аркадию ключ с пластмассовой пластинкой с названием отеля, но на мгновение задержал руку.

— Ключ от ее номера. — Уэсли отпустил руку. — Везет же вам.

Выходя из машины, Аркадий ощутил странное головокружение. Уэсли остался на улице. Аркадий толкнул стеклянные двери. В вестибюле отеля темно-бордовый ковер, колонны розового мрамора и бронзовые люстры с лампочками в виде свечей. Мужчина с темными мешками под глазами поднялся с кресла и помахал газетой, увидев Уэсли. Потом взглянул на Аркадия и снова уселся в кресло. Аркадий поднялся в лифте с выцарапанной на двери нецензурной надписью.

Номер 518 был в конце коридора на пятом этаже. У него за спиной приоткрылась дверь 513-го, но, едва он обернулся, тут же захлопнулась. Он дошел до 518-го, отпер дверь и вошел.

Она сидела в темноте на кровати, поджав босые ноги. Во что одета — в русское или американское — не разглядеть. — Это я заставила их привезти тебя, — сказала Ирина. — С самого начала я не

упрямилась отвечать на вопросы, потому что они мне сказали, что иначе тебя убьют. В конце концов я решила — пока ты там, считай, это все равно что ты мертвый. Я отказалась выходить из номера, пока не увижу тебя…

Она обратила к нему лицо. В глазах стояли слезы. Это в конечном счете все, что мы можем дать друг другу, подумал Аркадий. Он дотронулся до ее губ, и она прошептала в руку его имя. Он заметил на тумбочке телефон. Опять Ямской подслушивает, мелькнула нелепая мысль, нет, Уэсли, поправился он. Он сорвал со стены телефонный провод.

— Ты так им и не сказал, — прошептала она, когда он вернулся к ней. — Ты так и не сказал, кто убил Ямского.

Она изменилась, похудела, глаза от этого казались больше.

— И как только они могли подумать, что ты такой же, как они? — удивлялась она.

* * *

Полы здесь были мягче, постели жестче. Она опрокинулась, увлекая его.

— Вот ты где, — прошептала она, целуя его.

— Вот мы где, — Аркадий почувствовал, что

внутри него копится необузданная сила.

— Почти на свободе, — прошептала она.

— И живы. — Он рассмеялся.

2

Уэсли и еще трое агентов ФБР принесли в номер завтрак в бумажных пакетах — кофе и пончики. Аркадий выпил чашку. Ирина переодевалась в ванной.

— Насколько мне известно, от нью-йоркской городской полиции для связи выделен лейтенант Кервилл, — сказал Рей. Небольшого роста расторопный человечек мексиканского происхождения, Рей, единственный из агентов, не клал ноги на кофейный столик. — Что-нибудь не так?

— Нет, — ответил Уэсли, — просто небольшие проблемы личного характера.

— Говорят, псих, — заметил Джордж. Джордж был тем самым человеком с темными кругами под глазами, которого Аркадий видел накануне вечером в вестибюле. Другие иногда звали его «греком». Он ковырял в зубах бумажной спичкой.

Английский язык, на котором говорил Уэсли, походил на новый вид латыни, непроизвольно двусмысленный, до того прозрачный, что его можно было толковать как угодно.

— Нужно разбираться в истории социалисти-

ческого радикализма в Нью-Йорке, а также в восхитительных традициях американцев ирландского происхождения, служащих в полиции. Иначе ничего не поймете, — сказал Уэсли, — ибо если что и имеет значение, так это стремление Кервилла отстоять «красную бригаду».

— А что такое «красная бригада»?

На мгновение наступило замешательство. Затем Уэсли милостиво объяснил:

— У нью-йоркского департамента полиции есть своего рода Красная площадь. Раз лет в десять они меняют название — то это бюро проблем радикализма, то отдел общественных отношений, отдел общественной безопасности. В данный момент он называется отделом расследований, связанных с безопасностью. Но его всегда называют «красной бригадой». Лейтенант Кервилл в «красной бригаде» занимается русскими делами. А вы — красный.

— А чем занимаетесь вы? — спросил агентов Аркадий. — Зачем нас привезли в Америку? И надолго ли?

Эл прервал молчание, переменив тему разговора. Этот старший по возрасту, весь усыпанный веснушками агент обращался с другими, как добрый дядюшка.

— Его братец чем-то оскандалился, и Кервилла вышибли из бригады. Правда, брат погиб в Москве, и Кервилл вернулся в бригаду.

— Кервилл постарается укрепить свое положение за наш счет, — подхватил Уэсли. — У нас с департаментом полиции отношения отличные, но при случае они всадят нам нож в спину, да и мы, представься случай, не растеряемся.

— Десять лет назад «красная бригада» состояла из самых отборных детективов. — Эл смахнул с живота сахарную пудру от пончиков. — Они лезли всюду. Помните, когда евреи стреляли в советское представительство? «Красная бригада» прихлопнула их. А пуэрториканцы, которые хотели взорвать статую Свободы? Бригада внедрила к ним своих агентов.

— Да, тогда им многое удавалось, — согласился Уэсли. — Бригада приложила руку и к убийству Малкольма Икса. Телохранитель Малкольма оказался агентом бригады.

— А что стало потом с «красной бригадой»? — спросил Рей.

— Уотергейт, — лаконично ответил Уэсли.

— Дерьмовое дело, и они сами дерьмо, — проворчал Джордж.

Все согласно замолчали. Потом Эл пояснил:

— Во время слушаний по делу об Уотергейте выяснилось, что специальным помощником Никсона по вопросам безопасности, который нанимал других парней делать грязную работу, был Джон Коулфилд. Коулфилд был из «красной бригады» — он был телохранителем Никсона, когда тот жил в Нью-Йорке, еще до того как стал президентом. Когда Коулфилд попал в Белый дом, он перетащил с собой еще одного старого приятеля из «красной бригады» — парня по имени Тони Уласевич.

— Это тот толстяк, что шпионил за Маски? — спросил Джордж. Уэсли подтвердил.

— Тот самый чудак? — переспросил Джордж. — Это у него на поясе был разменный автомат для монет, чтобы поговорить по телефону. Ну, конечно, он!

— Так вот, Уотергейт положил конец славным денькам «красной бригады», — сказал Эл. — Изменился политический климат.

— Политический климат всегда выходит боком, — заметил Джордж.

— Мы, что, арестованы? Вы нас боитесь? — спросил Аркадий.

— А чем сейчас занимается «красная бригада»? — заполнил паузу Рей.

— Гоняются за нелегальными иммигрантами. — Уэсли посмотрел на Аркадия. — С Гаити, Ямайки, одним словом, кого могут поймать.

— Гаитянцы и ямайцы? Довольно трогательно, — заметил Джордж.

— Если вспомнить, чем была бригада, — вздохнул Уэсли. — Если вспомнить, что у них в картотеке были миллионы фамилий, что на Парк-авеню был собственный штаб, что они тайно готовили кадры совместно с ЦРУ.

— С ЦРУ? — переспросил Джордж. — Да это же незаконно.

Двое сотрудников советского представительства, Ники и Рюрик, настояли на том, чтобы встретиться с Аркадием. Они были не похожи на сотрудников КГБ, с которыми он имел дело раньше. Оба были в прекрасно пошитых костюмах, пожалуй, лучших, чем носили поздоровавшиеся с ними сотрудники ФБР, имели отличные манеры, хорошо владели языком и держались с американской непринужденностью. Они были большими американцами, чем сами американцы. Их выдавала только округлость в талии — память о «картофельном детстве».

— Я буду говорить по-английски, — Ники дал прикурить Аркадию, — чтобы все было в откры-

тую. Потому что У нас сейчас разрядка в действии. Наши две страны в лице соответствующих ведомств объединили усилия, чтобы воздать по заслугам гнусному убийце. Этого безумца постигнет справедливая кара, и вы можете в этом помочь.

— А ее-то зачем сюда привезли? — спросил Аркадий по-русски. Ирина все еще находилась в ванной и не слышала разговора.

— Пожалуйста, по-английски, — попросил Рюрик. Он был ростом выше Ники. Рыжие волосы подстрижены высоко, по-американски. Агенты ФБР звали его Рик. — Ее привезли по просьбе наших друзей из бюро. У них много вопросов. Вы должны понять, что американцам в диковинку все эти истории о продажных коммунистах и сибирских бандитах. Выдача — дело щекотливое.

— Особенно выдача состоятельного человека с большими связями, — взглянул Ники на Уэсли. — Верно, Уэс?

— По-моему, там, у вас, у него было не меньше друзей, чем здесь, — под общий смех ответил Уэсли.

— Будем считать, что у вас все хорошо, — сказал Рюрик Аркадию. — Как наши коллеги, заботятся о вас? Чудесный номер, гостиница на фешенебель-

ной улице. Из окна видно Эмпайр стейтбилдинг. Отлично. Будем считать, что и девушке будет с вами хорошо. Чтобы она стала спокойнее, уступчивее. Одним словом, работать будет приятно.

— Вам очень повезло, что вам дали еще один шанс, — сказал Ники. — Когда вернетесь, все пойдет по-другому. Через пару дней вам вернут квартиру, подыщут работу, может быть, что-нибудь связанное с Центральным Комитетом. Везучий вы человек.

— Что мне для этого нужно делать? — спросил Аркадий.

— То, что я сказал, — ответил Рюрик. — Чтобы ей было хорошо.

— И перестать задавать вопросы, — добавил Уэсли.

— Правильно, — согласился Рюрик, — перестать задавать вопросы.

— Позвольте напомнить вам, — сказал Ники, — что вы больше не старший следователь. Вы — советский преступник и живы лишь по нашей милости. Кроме нас, вам не на кого полагаться.

— Где Кервилл? — спросил Аркадий.

Разговор прервался — из ванной вышла Ирина. На ней черная габардиновая юбка и шелковая блузка. На открытой шее — янтарное ожерелье.

Каштановые волосы заколоты на одну сторону золотой застежкой. На руке золотой браслет. Аркадий был поражен вдвойне: во-первых, богатым убранством Ирины; во-вторых, что ее разглядывали, как вещь, принадлежащую им по праву. Он заметил, что метка на правой щеке, этот голубоватый знак боли, исчезла, замаскирована косметикой. Она была само совершенство.

— О'кей, — поднялся Уэсли, и все присутствующие забрали пальто и шляпы, разбросанные по кровати. Эл достал из шкафа черную шубку и помог Ирине одеться. А шубка-то соболья, осенило Аркадия.

— Не беспокойся, — уходя, нарочито громко сказала Ирина, сопровождаемая всей компанией.

— Кого-нибудь пришлем починить эту штуку, — сказал Джордж, указывая на телефон. — И не распускайте руки. Это собственность гостиницы.

— Частная собственность, — изрек Ники, беря под руку Уэсли. — Это то, что мне больше всего нравится в свободной стране.

* * *

Оставшись один, Аркадий внимательно осмотрел номер, который походил на сон, в котором

все несколько нереально. Ноги утопали в ковре. На кровати мягкий косой подголовник. Кофейный столик из проминавшегося под пальцами пластика под дерево.

Вернулся Рей и починил телефон. Когда он ушел, Аркадий обнаружил, что по телефону можно только отвечать. В арматуре потолка ванной он нашел еще один микрофон. Телевизор был на подставке, наглухо привинченной к полу, — а вдруг он стащит. Дверь, ведущая в коридор, заперта снаружи.

Дверь распахнулась, и в номер, подталкиваемый чьей-то рукой, задом влетел агент ФБР Джордж.

— Данное лицо находится под защитой федеральных властей, — протестовал Джордж.

— Я для связи от полиции и должен убедиться, тот ли у вас русский, — весь дверной проем заполнила фигура Кервилла.

— Привет, — откликнулся Аркадий из противоположного угла комнаты.

— Лейтенант, данную операцию проводит бюро, — предупредил Джордж.

— Это Нью-Йорк — запомни, дубина, — он легко отстранил Джорджа. Кервилл был одет точно так же, как в их первую встречу в гостинице «Метро-

поль», только плащ был черный, а не бежевый. Та же самая шляпа с узкими полями сдвинута на затылок, обнажая широкий, в складках, лоб и седые волосы. На шее болтался повязанный галстук. Лицо Кервилла пылало от алкоголя и возбуждения. Он, расплывшись в улыбке, удовлетворенно хлопнул своими огромными ладонями, в то же время цепко оглядывая комнату своими голубыми глазами. В сравнении с сотрудником ФБР он выглядел неряшливо и казался абсолютно неуправляемым. Он наградил Аркадия свирепой улыбкой.

— Ах, сукин сын, это все-таки ты.

— Как видишь.

На лице Кервилла застыло забавное выражение удовольствия и огорчения.

— Признайся, Ренко, что хреново сработал. И всего-то нужно было мне сказать, что это Осборн. Я бы там, в Москве, о нем и позаботился. Несчастный случай — никто бы и не догадался. Его бы не было в живых, я был бы доволен, а ты бы по-прежнему оставался старшим следователем.

— Не спорю.

Джордж, не набрав номера, говорил по телефону.

— Ты для них очень опасный человек, — Кер-

вилл ткнул пальцем в направлении Джорджа. — Убил собственного босса. Зарезал Унманна. Они думают, что и того, на озере, тоже прикончил ты. Принимают тебя за маньяка. Осторожней с ними, чуть что — и они стреляют.

— Но я же под охраной ФБР.

— Об этом я и толкую. Это все равно что общаться с деловыми людьми из клуба «Ротари», только эти, случается, убивают.

— Что такое «Ротари»?

— Не забивай себе голову, — Кервилл безостановочно расхаживал по комнате. — Черт подери, куда же они тебя поместили! Это же притон блядей. Погляди, весь ковер рядом с кроватью прожжен сигаретами. Пощупай, какими цветиками украшены обои. По-моему, они тебе на что-то намекают, Ренко.

— Ты говорил, что здесь для связи, — Аркадий перешел на русский. — Теперь у тебя есть что просил. Дело в твоих руках.

— Я на связи для того, чтобы они не потеряли меня из виду, — Кервилл держался английского. — Вот ты не назвал мне Осборна, а обо мне разболтал всем. Ты меня здорово подставил.

— Что ты хочешь сказать?

— Я в тебе немного разочаровался, — продол-

жал Кервилл. — Не думал, что ты на это пойдешь, даже ради того, чтобы попасть сюда.

— На что я пошел? Эта выдача…

— Выдача? Это они, что ли, тебе сказали? — Кервилл изумленно раскрыл рот и расхохотался во всю мочь.

В комнату ворвались три агента ФБР, которых Аркадий раньше не видел, и вместе с Джорджем они, набравшись храбрости, выставили Кервилла в коридор. Детективу было не до них — он вытирал слезы от смеха.

* * *

Аркадий снова подергал дверь. Она была по-прежнему заперта, но на этот раз два голоса из коридора потребовали оставить ручку в покое.

Он вышагивал по комнате. От юго-западного угла шаг до ванной, шаг от ванной до кровати и ночной тумбочки, шаг от тумбочки до северо-западного угла, два шага до пары окон в одну раму, выходящих на Двадцать девятую улицу, три шага вдоль окон до столика с телефоном, полшага до северо-восточного угла, шаг до двери в коридор, шаг от двери до дивана, два шага от другого конца дивана до юго-восточного угла, полшага до дверцы шкафа, полшага от дверцы до комода и

еще шаг от комода снова к юго-западному углу. В комнате два деревянных стула, кофейный столик из пластика под дерево, телевизор, корзина для мусора и ведерко для льда. В ванной, где с комфортом мог поместиться человек небольшого роста, имелись туалет, раковина и душ. Все предметы в розовом цвете. Ковер оливково-зеленый. Обои нежно-голубых тонов расцвечены шершавыми розовыми пятнами. Выкрашенные в кремовый цвет комод и стулья испещрены следами потушенных сигарет. На постели розовато-лиловое покрывало.

Аркадий недоумевал, что ожидать от Кервилла. Он считал, что в Москве они были близки к человеческому взаимопониманию, однако здесь, как представлялось, они снова стали врагами. Но даже при этом Кервилл, в противоположность Уэсли, был настоящим, без притворства. Аркадию казалось, что в любой момент номер отеля прогнется и рухнет, как плохие декорации. Он был взбешен поведением Кервилла и в то же время хотел, чтобы тот вернулся.

Он в сердцах метался по комнате. В стенном шкафу висело всего два платья. Не было даже лишней пары туфель. Блузка пьяняще пахла Ириниными духами. Он прижал ее к лицу.

* * *

Дневной свет отдавал желтизной, перемежающейся зыбкими волокнистыми тенями и полосами.

Если поглядеть направо, то дальше всего, на той стороне Мэдисон-авеню, он мог разглядеть вывеску со словами «УДАЧНЫЙ МОМЕНТ». Прямо напротив отеля магазин китайских бумажных зонтиков. Над магазином тринадцать этажей, занятых под конторы. Поглядев налево, он различил истоптанную множеством ног траву и серые камни кладбища. Ветер гнал по улицам сухие листья.

В окнах контор на другой стороне улицы секретарши печатали на машинках, а мужчины в рубашках и галстуках говорили по телефонам. Конторы украшены плющом и картинами. В коридорах с металлических тележек разбирали стаканчики с кофе. Прямо против окна Аркадия двое чернокожих красили стены помещения. На окне у них стояло что-то похожее на транзисторный приемник размером с небольшой чемодан.

На запотевшем стекле отпечатались следы пальцев.

* * *

Эл принес Аркадию сэндвич и включил телевизор.

— Вам нравятся телевизионные конкурсы?

— Не особенно.

— Но от того, что показывают сейчас, не оторваться.

Сначала Аркадий не мог понять, в чем смысл конкурса. Это был не конкурс — все, что требовалось от участников, так это угадать, сколько стоят призы — тостеры, кухонные плиты, поездки на курорт, дома. Исключалось все — знания, ловкость, даже элементарное везение. Над всем господствовала алчность. Примитивность замысла потрясающая.

— Вы, я вижу, примерный член партии, — отметил Эл.

* * *

Тени снаружи двигались только в том случае, если он отводил глаза в сторону. Тогда они перемещались с одной стороны карниза на другую или все сразу перескакивали на другое здание. Кто знает, где они окажутся в следующее мгно-

вение?

* * *

Под вечер вернулась Ирина. Смеясь, она швыряла на кровать пакеты и свертки. Тревоги Аркадия исчезли. С ее приходом комната ожила, она даже снова казалась вполне привлекательной. Самые банальные слова обретали смысл.

— Я соскучилась по тебе, Аркаша.

Она принесла с собой в картонных коробках спагетти с мясом, моллюсками и белым соусом. Глядя на закат, они уписывали пластмассовыми вилками сие экзотическое блюдо. Ему вдруг пришло в голову, что впервые в жизни он живет в доме, где совсем не пахнет капустой.

Она развернула свертки и с гордостью продемонстрировала гардероб, который она накупила ему. Как и платья в шкафу, Аркадий никогда не видел одежды такого цвета, покроя и качества. Тут были брюки, рубашки, носки, галстуки, пиджак спортивного покроя, пижама, пальто и шляпа. Они с любопытством разглядывали шитье, подкладки, французские фирменные знаки. Ирина завязала волосы в пучок и, сделав серьезное лицо, демонстрировала ему каждую вещь.

— Это что, я? — спросил Аркадий.

— Нет, нет. Американский Аркадий, — решила она, беззаботно расхаживая по комнате с напускной важностью, надвинув шляпу на одну сторону.

Когда она стала демонстрировать пижаму, Аркадий потушил свет.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Нам будет хорошо.

Аркадий расстегнул верхние пуговицы пижамы и осыпал поцелуями ее груди, шею и губы. Шляпа свалилась с головы и закатилась под стол. Ирина сбросила с себя пижаму. Аркадий овладел ею стоя, как в тот самый первый раз у себя дома, так же, но не спеша, глубже, нежнее.

Ночь стерла со стен все безвкусные краски.

В постели он заново привыкал к телу Ирины. Женщины, которых он разглядывал из окна, не шли с ней в сравнение. Ирина была крупнее, в ее чувственности было что-то животное. Ребра уже, как было в Москве, не выпирали, вызывая щемящее чувство жалости. Ногти длиннее и накрашены. Однако в остальном — от мягких губ до ямки на шее и твердых темных кончиков ее грудей, от вогнутого живота до холмика влажных завитков — она оставалась такой, как прежде. Ее зубки прикусывали, как и раньше. На висках те

же капельки пота.

— В камере я представляла себе твои руки, — она взяла его руку, — здесь и здесь. Не видела, а ощущала их. От этого я чувствовала себя живой. Я полюбила тебя за то, что ты дал мне почувствовать себя живой, а тебя там даже не было. Сперва они говорили, что ты все им рассказал. Раз ты следователь, значит, был обязан. Но чем больше я о тебе думала, тем больше убеждалась, что ты им ничего не скажешь. Они спрашивали меня, в своем ли ты уме. Я отвечала, что не встречала более здравомыслящего человека. Они спрашивали, преступник ли ты. Я отвечала, что не встречала более честного человека. В конце концов они стали ненавидеть тебя больше, чем меня. А я любила тебя еще больше.

— Я преступник, — сказал он, ложась на нее. — Там я был преступником, а здесь я заключенный.

— Осторожнее, — она помогла ему.

* * *

Она принесла маленький транзистор, заполнивший комнату напористой, с обилием ударных, музыкой. Коробки и одежда разбросаны по полу. На столе из картонных коробок торчали пластмассовые вилки.

— Ради бога, не спрашивай, как давно я здесь и что, собственно, происходит, — попросила Ирина. — Все делается на разных уровнях, на таких уровнях, о которых мы даже не подозревали. Не спрашивай. Главное, мы здесь. Я только и мечтала, что попасть сюда. И со мной ты. Я люблю тебя, Аркаша. Но ты не должен задавать вопросов.

— Нас отправят обратно. Они говорят, через пару дней.

Она прильнула к нему, поцеловала и жарко зашептала на ухо.

— Все кончится за день-два, но нас не вышлют. Никогда!

* * *

Она погладила его пальцами по лицу.

— Тебе пойдет ковбойский загар, отрастишь баки, повяжешь на шею платок, наденешь ковбойскую шляпу. Мы будем много ездить. Здесь у каждого машина, увидишь.

— Если уж быть ковбоем, то лучше на лошади.

— Можно и лошадь. Я сама видела ковбоев в Нью-Йорке.

— Хочу отправиться на Запад. Ехать куда глаза глядят и разбойничать, как Костя Бородин. Хочу учиться у индейцев.

— Или можно поехать в Калифорнию, в Голливуд. Можно жить в бунгало у моря, с газоном, с апельсиновым деревом. Никогда в жизни не видела бы этого снега. Могла бы всю жизнь проходить в купальном костюме.

— Или вообще в чем мама родила, — он погладил ее ногу, положил на нее голову, она пальцами ласкала его грудь. Из-за микрофона им только и оставалось, что предаваться фантазиям. Он не мог спросить, почему она так уверена, что они не вернутся. Она умоляла его ни о чем не спрашивать. К тому же во всем, что относилось к Америке, их мысли не шли дальше игры воображения. Он чувствовал, как ее пальцы пробежали вдоль шва, протянувшегося во весь живот.

— Я привяжу своего скакуна к апельсиновому дереву позади бунгало, — сказал он.

* * *

— Вообще-то, — сказала Ирина, прикуривая от его сигареты, — не Осборн пытался уничтожить меня в Москве.

— Что?

— Все это — дело рук Ямского с Унманном. Они действовали заодно, а Осборн об этом ничего не знал.

— Осборн дважды пытался тебя убить! Мы же оба были там, как ты не помнишь? — Аркадий невольно вспылил. — Кто тебе сказал, что Осборн тут ни при чем?

— Уэсли.

— Уэсли — лжец, — и повторил по-английски: — Уэсли — *лжец*!

— Тсс, уже поздно, — Ирина приложила палец к его губам. Она переменила тему разговора, проявила терпение и, несмотря на его вспышку, была удовлетворена собой.

Но Аркадий был обеспокоен.

— Почему ты прячешь метку на щеке? — настойчиво спросил он.

— Так захотелось. Здесь хорошая косметика.

— В Советском Союзе тоже есть косметика, но там ты ее не прятала.

— Там было безразлично, — пожала она плечами.

— А почему здесь не безразлично?

— Разве не понятно? — рассердилась в свою очередь Ирина. — Это советская метка. Я не стала бы прятать советскую метку советской косметикой, но американской косметикой — да. Я избавлюсь от всего советского. Если бы нашелся такой врач, который бы удалил из моих мозгов память о всем

советском, я бы пошла на это.

— Тогда зачем я здесь тебе?

— Я люблю тебя, а ты меня.

Ее забила дрожь, она не могла говорить. Он обернул ее простыней и одеялом и прижал к себе. Ему не следовало сердиться на нее, сказал он себе. Что бы она ни делала, было ради них обоих. Она спасла ему жизнь и вызволила вместе с собой в Соединенные Штаты бог знает какой ценой для самой себя, и он не имел права спорить. Он, как теперь все напоминали ему, больше не следователь, а обыкновенный преступник. Оба они были преступниками, и только вместе они могли выжить. Он нашел ее сигарету, упавшую на ковер и прожегшую новую дыру, и поднес к ее губам. Теперь они оба смаковали добрый вирджинский табак. До чего поразительна чувствительность любящего человека, если одним упоминанием о скрываемой метке он так легко причинил ей боль.

— Только не говори мне, что Осборн не пытался тебя убить, — сказал он.

— Здесь так все по-другому, — ответила она и снова задрожала. — Я не могу ответить ни на один вопрос. Ради бога, не спрашивай меня ни о чем.

* * *

Они сидели в постели и смотрели цветной телевизор. На экране похожий на профессора тип, сидя за столом рядом с плавательным бассейном, читал книгу. Из кустов выскакивает молодой человек со стреляющим водой пистолетом.

— Боже мой, как вы меня напутали, — читавший книгу чуть не свалился со стула, а книга упала в бассейн. Он указал пальцем на книгу и произнес. — У меня и без того нервы взвинчены, а тут еще вы со своими глупыми шутками. Хорошо еще, что книжка в мягкой обложке.

— Никак Чехов? — рассмеялся Аркадий. — Та же сцена, что вы снимали на «Мосфильме», когда мы встретились.

— Нет.

За человеком с водяным пистолетом гонялись девушки в купальниках, какой-то человек волок за собой парашют, появился танцевальный оркестр.

— Да, это не Чехов, — согласился Аркадий.

— Хорошая передача.

Он думал, что она шутит, но Ирина была целиком поглощена происходящим на экране. Не то чтобы она следила за развитием сюжета, да

в этом и не было необходимости — экран сам поставлял взрывы хохота. Он видел, что она поглощена созерцанием яркой голубизны бассейна, пышной зелени листьев авокадо, ярко-красных соцветий бугенвилий у подъезда, разноцветья огней на скоростном шоссе. Она, в отличие от него, сразу определила, что имеет значение на экране. Яркие краски выпирали из экрана, заполняя комнату. На экране рыдала женщина, а Ирина разглядывала ее одежду, кольца, прическу, плюшевые подушечки на плетеной мебели, увитую виргинским можжевельником веранду и закат над Тихим океаном.

Она обернулась и заметила смятение Аркадия.

— Аркаша, я знаю, что, по-твоему, все это ненастоящее. Ты не прав — здесь это настоящее.

— Нет.

— Да, и я хочу все это.

Аркадий уступил.

— Тогда нужно, чтобы у тебя это было, — он положил голову ей на колени и под шум голосов и смех, раздававшийся с экрана, закрыл глаза. Он заметил, что Ирина сменила духи. В России небольшой выбор духов, и у всех у них стойкий запах, которого хватало на день. У Зои любимыми были «Подмосковные вечера». Это был

подлинный тяжеловес среди духов. Сначала «Подмосковные вечера» назывались «Светланой», в честь любимой дочери Сталина. Но потом она сбежала со смуглым индийцем. Так что «Подмосковные вечера» были реабилитированным ароматом.

— Можешь простить мне, Аркаша, что я всего этого хочу?

Он уловил беспокойство в ее голосе.

— Я тоже хочу, чтобы у тебя это было.

Ирина выключила телевизор, и в комнату ворвалась темнота. Здание напротив гляделось решеткой из темных пустых окон.

Чтобы успокоить Ирину, он засмеялся и включил купленный ею транзистор. Самба. Она взбодрилась, и они стали танцевать на сером ковре. По стенам следом за ними двигались серые тени. Он поднял ее на руки и закружил. Оба глаза, зрячий и незрячий, широко раскрылись от удовольствия. Значит, и в незрячем глазе сохранилась душа, хотя метка и исчезла.

* * *

Когда она была сверху, ее волосы покрывалом падали на оба лица, колеблясь, когда он поднимался.

Когда она была внизу, то была как лодка, уносящая их вдаль.

— Мы никому не нужные изгнанники, — сказал Аркадий. — Ни одна страна не примет нас.

— Мы сами себе страна, — ответила Ирина.

— Со своими джунглями, — Аркадий показал на разрисованные цветами обои. — Со своей музыкой, — он показал на приемник и на спрятанные микрофоны, — и шпионами.

3

Коричневый паук попал в солнечный луч и стал белым.

Ирина с Уэсли и Ники уехали рано.

В прозрачном воздухе парила белая нитка паутины.

— Как вы, русские, можете курить до завтрака? — спросил Уэсли.

Паук поднялся к висящей в углу паутине. Аркадий раньше ее не замечал, пока именно под этим углом на нее не упал косой луч утреннего солнца. Разумеется, пауки обожают солнце.

— Я люблю тебя, — сказала перед уходом Ирина по-русски.

Паук забегал взад и вперед по нитям паутины, мгновенно ощупывая все на своем пути. Никто не воздает им Должное, а ведь они такие совершенные существа.

Аркадий в ответ сказал «я тебя люблю» тоже по-русски.

Сильно ли отличается американский паук от русского?

— Пошли, сегодня много дел, — сказал Ники, открывая дверь.

Плетут ли они паутину в том же направлении? Чистят ли они зубы таким же образом?

При этой мысли Аркадию стало вдруг страшно.

Общаются ли они между собой?

* * *

На тротуарах толпы хорошо одетых людей. Солнце у них за спиной отсчитывало секунды, оставшиеся до начала работы.

«Давно ли Ирина приехала в Нью-Йорк? — размышлял Аркадий. — Почему в шкафу так мало одежды?»

В Москве, наверное, идет снег. Если бы светило такое солнце, как здесь, они бы были где-нибудь на бережку, раздетые по пояс, нежась, как тюлени.

В доме напротив маляры снова принялись за работу. Служащие на следующем этаже время от времени поднимали телефонную трубку, говорили не более одного-двух слов и клали на место. В московских учреждениях телефон был орудием распространения слухов, заботливо предоставляемым государством. Им почти не пользовались по делам, но он был всегда занят.

Он включил телевизор, чтобы не было слышно, как он ковыряет в замке шпилькой для волос.

Замок добротный.

Почему маляры работают с закрытыми окнами?

На церковном дворе двое грязно одетых стариков не спеша отхлебывали из одной бутылки.

По телевизору демонстрировали главным образом моющие средства, дезодоранты и аспирин. В промежутках пускали короткие интервью и скетчи.

Эл принес кофе и сэндвич с ветчиной и сыром. Аркадий спросил его, кого из американских писателей он предпочитает — Джека Лондона или Марка Твена? Эл пожал плечами. Джона Стейнбека или Джона Рида? Натаниэля Хоторна или Рэя Брэдбери? Это все, кого я знаю, сказал Аркадий, и Эл удалился.

Конторы опустели — начался обеденный перерыв. Всюду, где на тротуар падал луч солнца, кто-нибудь останавливался и ел из бумажного пакета. Между зданиями на уровне верхних этажей парили бумажные обертки. Аркадий поднял раму и высунулся наружу. Прохладный воздух пахнул сигарами, выхлопными газами и жареным мясом.

Он заметил, как одна женщина в черно-белой искусственной шубке входила в отель и выходи-

ла из него с тремя разными мужчинами.

Машины были огромных размеров, помятые, с синтетическим глянцем. Стоял ужасный шум от перетаскиваемых, поднимаемых или сколачиваемых предметов, словно где-то рядом сносили город и беспрерывно производили небрежно изготовленные автомашины.

Машины выкрашены в самые нелепые цвета, словно их позволили раскрашивать маленькому ребенку.

К какой категории отнести людей, околачивающихся на церковном дворе? Социальные паразиты? «Тройка» пьяниц? Что они там пьют?

Лондон писал об эксплуатации Аляски, Твен о рабовладении, Стейнбек об экономических неурядицах, Хоторн о религиозной истерии, Брэдбери о межпланетном колониализме, а Рид о Советской России. Вот и все, что я знаю, подумал Аркадий.

В руках у людей множество бумажных пакетов. У этих людей не только деньги, но и есть что на них купить.

Он принял душ и оделся в новое. Одежда пришлась как раз впору, была невероятно удобной, а его собственные туфли в сравнении с ней тут же стали уродливыми. У Ники и Рюрика, вспомнил

он, были часы «Ролекс».

В комоде лежала Библия. Что еще удивительнее — телефонный справочник. Аркадий вырвал адреса еврейских и украинских организаций, сложил и сунул в носки. Уличное движение регулировали чернокожие полицейские в коричневой форме. Белые полицейские в черной форме были вооружены пистолетами.

Ирина прятала преступников Костю Бородина и Валерию Давидову. Она была замешана в государственных преступлениях — контрабанде и подрывной деятельности в промышленности. Она знала, что московский городской прокурор был офицером КГБ. Что ожидало ее в Советском Союзе?

Такси были желтые. Птицы серые.

Заглянул по пути Рюрик. Подарил несколько миниатюрных бутылочек водки. Сказал, «бутылочки авиакомпаний».

— У нас есть новая версия. Но прежде чем я ее выложу, — он поднял руки, — мне хочется, чтобы вы знали, что я руководствуюсь одним голым расчетом. Как и вы, я украинец. К тому же романтически отношусь к жизни. Признаюсь еще в одном. Я рыжий, оттого что еврей. Моя бабушка перешла в православие — у нее была целая копна

рыжих волос. Так что я могу причислить себя к разным национальностям. Но в определенных кругах считают, что вся эта афера с соболями — часть общего сионистского заговора.

— Осборн не еврей. Куда вы гнете?

— Зато Валерия Давидова была дочерью раввина, — ответил Рюрик. — Джеймс Кервилл был связан здесь с сионистскими террористами, которые стреляли в ни в чем не повинных служащих советского представительства. Вся розничная торговля пушниной и готовым платьем в Соединенных Штатах практически в руках сионистов, и именно они в конечном счете выгадают от интродукции соболя в здешнюю фауну. Видите, как все сходится!

— Я не еврей, Ирина тоже не еврейка.

— Подумайте об этом, — посоветовал Рюрик.

* * *

Эл забрал все миниатюрные бутылочки.

— Я не из КГБ, — сказал Аркадий.

Пойманный на месте, Эл смутился.

— Кто вас знает.

— Я не оттуда.

— Какая разница?

Смеркалось, конторы опустели, а Ирина все

не возвращалась. В церкви началась вечерняя служба. У проституток началась самая работа — они одного за другим водили в отель мужчин. Аркадий размышлял об этих женщинах и их занятии — перед глазами проходила последняя волна деловой жизни этого дня.

Час спустя темнота между уличными фонарями стала непроницаемой. Движущиеся по улице фигуры походили на животных, ведущих ночной образ жизни. Люди оборачивались на звуки полицейских сирен.

Почему все-таки смеялся Кервилл?

* * *

Аркадий привык к появлению каждый раз других агентов. Ему не показалось странным, что новичок был в темном костюме, при галстуке и в фуражке. Он был рад хотя бы тому, что наконец-то получил возможность выйти из номера. Никто их не остановил. Они спустились на лифте, пересекли вестибюль, вышли на Двадцать девятую улицу и, перейдя Пятую авеню, подошли к темному лимузину. Только оказавшись в одиночестве на заднем сиденье, он понял, что его провожатый — шофер. Машина внутри отделана серым плюшем, стеклянная перегородка отделяла шофера

от пассажира.

Авеню Америк — темная пустая улица, если не считать освещенных витрин, за которыми была своя жизнь — жизнь роскошных манекенов, такая же неземная, как жизнь всего города в эту первую поездку за пределы отеля. На Седьмой авеню они свернули к югу, и через несколько кварталов лимузин повернул в переулок, ведущий на грузовой двор. Шофер помог Аркадию выйти из машины, провел к открытому лифту и нажал кнопку. Лифт остановился на четвертом этаже. Они вышли в ярко освещенный коридор, просматриваемый размещенными по углам миниатюрными телевизионными камерами. В конце коридора со щелчком открылась дверь.

— Дальше пойдете один, — сказал шофер.

Аркадий вошел в длинное, плохо освещенное рабочее помещение. Во всю длину размещались сортировочные столы и ряды вешалок, как сначала показалось, с ворохами одежды или кусков ткани. Когда глаза привыкли к освещению, он увидел, что это груды пушнины. Вешалок, возможно, были сотни, большинство из них были увешаны узкими темными шкурками — соболей или норок, но были и вешалки с крупными плоскими шкурами — судя по всему, рысьими или

волчьими. Терпко пахло дубильной кислотой. Над каждым белым столом низко висела люминесцентная лампа. Посреди комнаты зажглась одна из ламп, л Джон Осборн положил на стол шкурку.

— Известно ли вам, что северокорейцы тоже торгуют мехами? — спросил он Аркадия. — Собачьими и кошачьими шкурами. Поразительно, что только не покупают люди!

Аркадий направился по проходу к столу.

— Видите, эта шкурка уже сама по себе стоит около тысячи долларов, — сказал Осборн. — Баргузинский соболь, вы, наверно, догадались. Должно быть, стали в известной мере специалистом по соболям. Подойдите поближе. Видите легкую изморозь на ости? — Он погладил шкурку против шерсти и тут же направил на Аркадия маленький пистолет. — Хватит, можно ближе не подходить. Прекрасная будет шубка, в полную длину, шкурок на шестьдесят, — он еще раз погладил шкурку пистолетом. — Думаю, такая шубка потянет на полтораста тысяч долларов. Верно, большая разница по сравнению с кошачьими и собачьими шкурами?

— Вам лучше знать, — Аркадий остановился, не доходя одного стола до Осборна.

— Тогда поверьте мне, — лицо Осборна оставалось в тени, — потому что это здание и два квартала вокруг — крупнейший пушной рынок в мире. Поэтому признаюсь, что как невозможно сравнивать вот это, — он погладил лоснящуюся шкурку, — с кошачьей шкурой, точно так же нет никакого сравнения между Ириной и обыкновенной женщиной, а также между вами и обыкновенным русским. — Он повернул лампу, и Аркадий поднял руку, закрываясь от слепящего света. — А вы хорошо выглядите, следователь, очень хорошо. И прилично одеты. Я искренне рад видеть вас живым.

— Скажите, что искренне удивлены, увидев меня живым.

— Признаюсь, и это тоже, — Осборн опустил лампу. — Когда-то вы сказали, что, даже если спрячетесь от меня на дне Москвы-реки, я все равно вас разыщу. Тогда я не верил, но вы оказались правы.

Осборн закурил, оставив пистолет на столе. Аркадий уже не обращал внимания на темный, почти как у араба, загар, на стройную элегантную фигуру, на серебристые волосы. И, разумеется, на блестевшие золотом портсигар и зажигалку, перстень, браслет и запонки, на желтое пламя в

глазах и ослепительную улыбку.

— Вы же убийца, — сказал Аркадий. — Почему в таком случае американцы позволили вам встретиться со мной?

— Потому что русские разрешили мне встретиться с вами.

— Зачем нам это надо?

— Откройте глаза, — ответил Осборн. — Что вы здесь видите?

— Пушнину.

— Не просто пушнину. Голубую норку, белую норку, обычную норку, голубого песца, чернобурую лису, рыжую лису, горностая, рысь; каракуль. И, конечно, баргузинского соболя. Только в этом помещении на два миллиона долларов пушнины, а на Седьмой авеню еще полсотни таких заведений. Так что дело не в убийстве, а в соболях, и всегда упиралось в них. Я не хотел убивать Кервилла, Костю и Валерию. После того как они помогли мне, я был бы только рад, если бы они без лишнего шума уехали куда-нибудь подальше. Но что оставалось делать? Кервиллу позарез нужна была популярность — он был просто одержим идеей рассказать о своих похождениях после триумфального возвращения в Нью-Йорк. Возможно, на первой пресс-конференции он бы не

сказал о соболях, но непременно проговорился бы, скажем, на десятой. Я вел войну со старейшей мировой монополией, положил на это годы трудов, многим рисковал. И все для того, чтобы подставить себя из-за непомерного тщеславия какого-то религиозного фанатика? Что оставалось трезвомыслящему человеку? Признаюсь, я был не прочь разделаться и с Костей. Оказавшись здесь, он тут же начал бы тянуть с меня деньги. Правда, сожалею, что так получилось с Валерией.

— Вы колебались?

— Да, — Осборну понравился вопрос. — Вы правы, я колебался, прежде чем выстрелить. Знаете, эта исповедь прибавила мне аппетита. Давайте съездим куда-нибудь перекусить.

Они спустились на лифте. Машина ожидала во дворе. Они направились к северу по авеню Америк. Судя по оживленному уличному движению, Нью-Йорк в этот час, в отличие от Москвы, еще бодрствовал. За Сорок восьмой улицей по бокам авеню потянулись прямоугольные стеклянные башни административных зданий, почти как на проспекте Калинина.

На углу Пятьдесят шестой улицы они вышли из машины, и Осборн повел Аркадия в ресторан. Их встретил метрдотель и, обращаясь с

Осборном как со старым знакомым, провел к столику и креслам красного бархата. На каждом столике свежесрезанные лилии, в нишах огромные композиции из цветов, на стенах полотна французских импрессионистов, хрустальные канделябры, столы под розовыми скатертями и подобострастно склонившийся вышколенный официант. Среди посетителей преобладали пожилые мужчины в костюмах в тонкую полоску в сопровождении молодых женщин с ухоженными лицами. Аркадий все еще продолжал надеяться, что в ресторан вот-вот ворвутся Уэсли или полицейские и арестуют Осборна. Осборн спросил, что будет пить Аркадий, — тот отказался, а Осборн заказал себе «Кортон-Шарлеман» семьдесят шестого года. Не голоден ли Аркадий? Аркадий солгал, сказав, что не голоден, а Осборн заказал себе лососину на вертеле в укропном соусе с картошкой во фритюре. Столовое серебро поражало своим великолепием. «Так бы и всадил ему нож в сердце», — думал Аркадий.

— Знаете ли, через Нью-Йорк прямо-таки хлынул поток русских эмигрантов, — начал разговор Осборн. — Они пишут, что едут в Израиль, но в Риме поворачивают направо и оказываются здесь. Кое-кому из них, по мере возможности, я

помогаю; вообще-то многие хорошо разбираются в пушном деле. А некоторым я ничем не могу помочь. Скажем, тем, кто в России были официантами. Разве кто-нибудь возьмет к себе русского официанта?

Вино отливало золотом.

— Вы и в самом деле не хотите отведать? Во всяком случае, эмигрантов здесь больше чем нужно. Многих из них очень жаль. Грустно видеть, как члены-корреспонденты советской Академии наук подметают школьные коридоры или дерутся за крупицы переводов. Они живут в Куинзе или Нью-Джерси, обзаводятся домиками и огромными автомобилями, которые им не по карману. Я их не осуждаю — они стараются как могут. Не каждому дано стать Солженицыным. Мне хотелось бы надеяться, что лично я кое-что сделал для популяризации русской культуры в нашей стране. Вы знаете, я финансировал целый ряд культурных обменов. Где бы был американский балет без русских танцовщиков?

— Как насчет танцовщиков, о которых вы доносили в КГБ? — спросил Аркадий.

— Не я, так донесли бы их друзья. Поразительная вещь: в Советском Союзе доносят друг на друга, начиная с ясельного возраста.. У всех руки

в грязи. И называют это «бдительностью». Во всяком случае, такова цена, которую приходилось платить. Если я приглашал советских артистов в Соединенные Штаты ради доброй воли и взаимопонимания, то Министерство культуры требовало от меня информации о приглашенных. Я действительно предупреждал о потенциальных невозвращенцах, но вообще-то старался отсеять как можно больше плохих танцовщиков. У меня высокие требования. Возможно, я оказал положительное влияние на русский балет.

— У вас-то руки не в грязи, а в крови.

— Прошу вас, мы же за столом.

— Тогда объясните мне, как это американское ФБР позволяет вам, убийце и осведомителю КГБ, свободно разгуливать по городу и сидеть в ресторанах с такой публикой.

— Знаете, Ренко, я питаю огромное уважение к вашему интеллекту. Задумайтесь на минуту и, я уверен, все поймете.

С других столиков доносились обрывки разговоров. Тихо позвякивала тележка с пирожными и тортами. Осборн был в полной уверенности, что Аркадий сам найдет ответ на собственный вопрос. Понимание пришло поначалу еле ощутимо, постепенно приобретая все более определенную

форму, а потом поразило Аркадия своей неотразимой логикой и бросающейся в глаза ясностью, словно глаз антилопы вдруг увидел фигуру вышедшего на солнце льва, доселе притаившегося в тени. Когда он заговорил, всякая надежда на то, что это ошибка, исчезла.

— Выходит, вы к тому же и осведомитель ФБР, — сказал Аркадий. Мысль приобрела окончательные очертания. — Вы служили и КГБ, и ФБР.

— Я не сомневался, что, кроме вас, мало кто это поймет, — заулыбался Осборн. — Было бы глупо помогать КГБ и оставлять без информации ФБР. Не расстраивайтесь — от этого Америка вряд ли становится хуже России. Это всего-навсего метод работы бюро. Как правило, бюро полагается на преступный мир, но я практически не участвую в такого рода делах. Я лишь передавал, что слышал. Я знал, что, если тот или иной слух получил высокую оценку в Москве, его по достоинству оценят и в бюро. Только для бюро эти слухи были еще нужнее. Гувер до того боялся ошибиться, что в последние десять лет жизни практически отошел от русских дел. У КГБ был свой человек в центральной картотеке, но Гувер даже не посмел провести там чистку, потому что боялся, что

новость выплывет наружу. Я твердо решил сотрудничать только с нью-йоркским отделением ФБР. Как любая национальная фирма, оно держит лучших людей в Нью-Йорке, а они до умиления добропорядочные средние американцы, и им так нравится мое общество. А почему бы и нет? Я не какой-нибудь «мокрушник» из мафии и не просил у них денег. Наоборот, они знали, что всегда могут прийти ко мне, когда у самих появятся денежные затруднения. Их жены покупали мои шубы по весьма выгодным ценам.

Аркадий вспомнил рысью шубу Ямского и соболью шапку, которую хотел подарить ему Осборн.

— Я такой же патриот, как любой другой, — сказал Осборн, кивнув на столик позади Аркадия. — Или, скорее, как любой другой, который волей случая оказался председателем компании по торговле зерном, создал подставной спиртзавод в Осаке и перекачивает свое зерно в Советский Союз через тихоокеанские порты. Я даже больший патриот.

Перед Осборном появилась тарелка с лососиной, а сбоку блюдо с аппетитными ломтиками жареной по-домашнему картошки. Аркадию сводило живот от голода.

— Вы в самом деле не хотите поужинать со

мной? — осведомился Осборн. — Невероятно вкусно. Ну хоть чуточку вина? Нет? Любопытно, — продолжал он, проглатывая кусочек за кусочком, — что раньше, как только русские эмигранты приезжали в Америку, они тут же открывали ресторан. Чего только там не подавали — бефстроганов, котлеты по-киевски, пасху, блины, икру, заливную осетрину. Правда, это было пятьдесят лет назад. Новые эмигранты совсем не умеют готовить, они даже не знают, что такое хорошая еда. Коммунизм вычеркнул из памяти русскую кухню. Одно из непростительных преступлений.

Осборн заказал кофе, взял с тележки кусочек торта. На десерт были взбитые сливки с цветными кристалликами сахара.

— Не хотите? А ваш бывший прокурор, Андрей Ямской, не удержался бы попробовать все, что на тележке.

— Жадный был человек, — заметил Аркадий.

— Именно. Он только этим и был занят. Еще с войны мне то и дело приходилось платить ему то за то, то за другое — знакомства с нужными людьми, мелкие промахи. Он знал, что я не вернусь в Советский Союз, и решил напоследок сорвать солидный куш — вот почему он вывел вас на

меня в бане. Каждый раз, когда мне казалось, что я отделался от вас, он чуточку вас подстегивал. Правда, вы не очень-то нуждались в этом. Он говорил мне, что вы не следователь, а фанатик, и оказался прав. Видный был человек, но жадный, правильно сказали.

Они вышли из ресторана и пошли по улице. Машина Осборна следовала за ними, точно так же, как другая машина следовала за ними по набережной Москвы-реки. Через несколько кварталов они подошли к паре конных статуй, возвышающихся над входом в парк. Сентрал-парк, подумал Аркадий. Они вошли. Лимузин следовал за ними, в свете фар кружили редкие снежинки. Собираются ли его прикончить в парке, думал Аркадий. Нет, легче было сделать это в мастерской Осборна. Мимо простучал ярко раскрашенный конный экипаж со старинными фонарями. Чтобы заглушить голод, Аркадий курил.

— Дрянная русская привычка, — Осборн тоже закурил. — Она нас когда-нибудь доконает. Знаете, почему он вас ненавидел?

— Кто?

— Ямской.

— Прокурор? За что ему было меня ненавидеть?

— Было одно дело с опротестованием решения Верховного суда, когда его фотография попала в «Правду».

— Дело Вискова, — подсказал Аркадий.

— Вот-вот. Оно-то его и погубило. КГБ посадил одного из своих генералов в кресло московского городского прокурора не для того, чтобы отстаивать права осужденных. Во всяком случае, КГБ похоже на любое бюрократическое учреждение, и у могущественного человека, к тому же делающего быструю карьеру, появляются могущественные враги. А вы как раз дали им в руки оружие, в котором они так нуждались. Ямской клеветал на советское правосудие, утверждали они, насаждал культ собственной личности, или был психически болен. Вокруг этого дела готовилась большая кампания. Этот протест его погубил, а втянули его именно вы.

Интересно, подумал Аркадий, в Сентрал-парке бывший старший следователь узнает, почему его ненавидел покойный главный прокурор Москвы. И тем не менее слова Осборна звучали вполне правдоподобно. Он вспомнил разговор в бане, который вели Ямской, секретарь генерального прокурора, академик и судья. Намеки на предстоявшую кампанию против вронскизма

были направлены против Ямского, а не против Аркадия!

Послышалась рок-музыка, и сквозь ветви глаза различили вдали цветные огни катка. Он даже видел движущиеся фигуры.

— Надо видеть парк в снегу, — сказал Осборн.

— Так сейчас идет снег.

— Люблю снег, — признался Осборн.

Снежинки беспорядочно кружились в свете ламп и автомобильных фар. С пьедестала Аркадия приветствовал бронзовый силуэт.

— Скажу вам, почему люблю снег, — сказал Осборн. — Никому еще не говорил. Потому что он прячет трупы.

— Имеете в виду Парк Горького?

— О, нет! Вспоминаю Ленинград. Я впервые попал в Советский Союз юным идеалистом. Как младший Кервилл, может быть, еще хуже. Никто больше меня не старался ради поставок по ленд-лизу. Я представлял Америку, старался не отставать от русских, делать даже больше, спал по четыре часа в сутки, месяцами ходил полуголодный, брился и переодевался, только когда приходилось летать в Москву, в Кремль, умолять какого-нибудь секретаря Сталина, зажравшегося пьяницу, чтобы он разрешил мне добавить к

грузовикам, которые мы пытались доставить в Ленинград, сколько-нибудь продовольствия и медикаментов. Разумеется, блокада Ленинграда была одной из великих битв, одним из поворотных моментов в истории человечества, в ходе которой армия одного убийцы миллионов отбросила армию такого же убийцы миллионов. Моя роль, роль американца, состояла в том, чтобы как можно дольше продлить эту бойню. Так что и мы приложили руку. Погибло шестьсот тысяч ленинградцев, но город выстоял. Война шла за каждый дом — утром мы теряли улицу, а ночью ее возвращали. Или возвращали год спустя, находили всех, кто погиб год назад. Научились ценить глубокий снег. Когда прекращалась стрельба, стороны переговаривались между собой через громкоговорители. Русский громкоговоритель призывал немецких солдат перестрелять своих офицеров, немецкий громкоговоритель советовал русским перестрелять своих детей. «Лучше убить их, чем дать умереть с голоду. Сдавайтесь, приносите винтовку, и каждый получит по курице», — вещали немцы. Или: «Андрей такой-то, ваших двух дочерей съели соседи по дому». Меня это оскорбляло, ведь я же отвечал за снабжение города продовольствием. Когда

взяли в плен офицеров вермахта, мы с Менделем взяли шоколада и шампанского и повезли их на пикник. Мы собирались позднее их освободить, чтобы, вернувшись к себе, они рассказали о том, как хорошо питаются в городе. Немцы подняли нас на смех. Они могли рассказать о тысячах умерших людей, которых видели в занятых ими частях города. Особенно они смеялись надо мной. Им было любопытно поглядеть на американца, который кормил русских. Неужели я всерьез считаю, спрашивали они, что несколько пайков, сброшенных с самолета или доставленных на санях, поддерживают жизнь миллиона людей? Они закатывались хохотом. Неужели я не могу придумать ничего умнее? И я придумал — перестрелял немецких офицеров. Это был мой ответ.

Они вышли из парка на Пятую авеню — линию, разделяющую простой люд и богачей. В окнах мерцали роскошные люстры, под навесами стояли привратники. Лимузин встал в переулке, а Осборн повел Аркадия в ближайшее здание. Лифтер в ливрее поднял их на пятнадцатый этаж. Там была всего одна дверь. Осборн отпер ее и провел Аркадия внутрь.

Света из окон было достаточно, чтобы разглядеть, что они стоят в фойе огромной квартиры.

Осборн щелкнул выключателем, но безрезультатно.

— Сегодня были электрики, — сказал он. — Видно, не закончили.

Аркадий вошел в комнату с длинным обеденным столом и всего двумя стульями и, миновав буфетную с открытыми пустыми горками и сервантами, попал в кабинет с еще нераспакованным телевизором и снятой со стены легкой арматурой. Он насчитал восемь комнат, все почти пустые, за исключением, может быть, ковра или стула, означавших, что привезут что-то еще. Чувствовался запах знакомых духов.

Он прошел в гостиную, где через окно был виден парк, куда более красивый с высоты. Он увидел черные пятна озер и прудов и белый овал катка. Парк окружал частокол многоквартирных домов и отелей. Над ними — купола облаков.

— Ваше мнение? — спросил Осборн.

— Пустовато.

— Видите ли, в Нью-Йорке самое важное — вид из окна, — Осборн достал еще одну сигарету. — Я продал свои парижские салоны. Куда-то нужно было вложить деньги, а еще одна квартира здесь — вложение не хуже любого другого. Откровенно говоря, в Европе мне просто опасно. Гарантия

физической безопасности — самая трудная сторона сделки.

— Какой сделки?

— С соболями. К счастью, я украл такое, что выгодно вернуть.

— Где соболи?

— В Америке занимаются пушным звероводством главным образом вокруг Великих озер. Но, возможно, я им солгал — мои соболи в Канаде. Канада вторая по величине страна на земле — так что им придется немного поискать. А может быть, они у меня в Мэриленде или Пенсильвании, там есть зверофермы. Дело для них усложняется еще и тем, что весной от моих баргузинцев появится на свет новое потомство, и тогда придется отвечать за большее число соболей. Вот почему русским приходится соглашаться на сделку уже сейчас.

— К чему вы мне это говорите?

Осборн тоже подошел к окну.

— Я могу вас спасти, — сказал он. — Вас с Ириной.

— Вы же пытались убить ее.

— Это Ямской с Унманном.

— Вы пытались убить ее дважды, — настаивал Аркадий. — Я же там был.

— Вы вели себя героически, следователь. Этого

у вас не отнять. К тому же я направил вас к университету, чтобы спасти Ирину.

— Вы послали меня на смерть.

— Мы ее спасли, мы с вами.

— Вы убили троих ее друзей в Парке Горького.

— А вы убили троих моих друзей, — отпарировал Осборн.

Аркадию стало холодно, будто раскрылись окна. Осборн был не в своем уме либо вовсе не был человеком. Если бы деньги могли превращаться в кости и плоть, так этим человеком стал бы Осборн. Он носил бы точно такой же дорогой костюм, точно так же причесывал свои серебристые волосы, на лице была бы точно такая же скупая маска иронии и превосходства. Они находились высоко над улицей. Квартира пуста. Вот где, несомненно, можно покончить с Осборном. Не нужно больше лишних слов.

Словно прочтя мысли Аркадия, Осборн снова достал пистолет.

— Мы должны простить друг друга. Коррупция — неотъемлемая часть каждого из нас, наша суть. Она была в Ямском, неважно, была ли русская революция или ее не было. Она в вас и во мне… Но вы еще не видели всей квартиры.

Сопровождаемый Осборном, Аркадий через

холл прошел в комнату, в которую еще не заходил. Окна и здесь глядели в парк. В комнате стояли комод с зеркалом, стул, ночная тумбочка и большая неубранная кровать. Здесь сильнее всего чувствовался запах духов, который он распознал, войдя в квартиру.

— Откройте второй ящик комода, — сказал Осборн.

Аркадий открыл. Там, аккуратно сложенные, лежали мужское нижнее белье и носки.

— Значит, кто-то собирается здесь жить, — отметил он.

Осборн указал на раздвижные двери стенного шкафа.

— Откройте правую дверцу.

Аркадий отодвинул дверцу. На вешалках висела дюжина новых пиджаков и брюк. Несмотря на слабый свет, он разглядел дубликат пиджака с брюками, которые были на нем.

— Лишняя пара не помешает, — заметил Осборн.

Аркадий открыл другую дверцу. Шкаф был набит платьями, домашними и купальными халатами, висело две шубы, а пол был уставлен дамскими туфлями и сапожками.

— Сюда переедете вы с Ириной, — сказал Ос-

борн. — Я возьму вас к себе на службу и буду хорошо платить, лучше, чем хорошо. Квартира записана на меня, но все оплачено за год вперед. Любой житель Нью-Йорка, не раздумывая, поменялся бы с вами местами. Начнете новую жизнь.

Такой разговор невозможен, подумал Аркадий, он принял совершенно неестественный поворот.

— Хотите, чтобы Ирина осталась жива? — спросил Осборн. — Предлагаю сделку — соболя в обмен на вас с Ириной. Ирину, потому что я ее хочу, а вас, потому что она не хотела ехать без вас.

— Я не собираюсь делить Ирину с вами.

— А вы уже делите ее со мной, — ответил Осборн. — Вы делили Ирину со мной в Москве и делите ее со мной с момента, как приехали сюда. Когда вы в Москве разговаривали с ней около ее дома, я был в ее постели. Прошлой ночью она спала с вами, а сегодня днем — со мной.

— Здесь? — Аркадий уставился на разбросанные в красноречивом беспорядке мятые простыни.

— Не верите, — сказал Осборн. — Начнем с того, что вы слишком опытный следователь, чтобы так сильно удивляться. Как бы я познакомился с Джеймсом Кервиллом, если бы не Ирина? Или с Валерией и Костей? А не казалось вам странным,

что мы с Ямским не нашли вас двоих, когда вы прятали ее у себя дома? Нам не нужно было искать — она сама мне позвонила. Как, по-вашему, я нашел ее, когда вы ездили на финскую границу? Она сама пришла ко мне. Вы не задавали себе таких вопросов? Да потому, что у вас уже были ответы. Я исповедался — теперь ваша очередь. Но вам это не нравится. Вы хотите одного — чтобы в конце расследования налицо был изверг и разложенные по полочкам трупы. Избави вас бог познать самого себя. В конце концов вы научитесь уживаться с собой. Это я вам обещаю. Русские просто вышвырнут вас из страны, включив в еврейскую квоту, — таким путем часто избавляются от трудных проблем.

Осборн положил пистолет на ночную тумбочку.

— Вы мне не нужны, но Ирина не оставалась без вас. Можно было сойти с ума. То ее единственным желанием было попасть сюда, а то вдруг она пригрозила вернуться обратно. Теперь я рад, что вы здесь, — все встает на свои места. — Он открыл тумбочку и достал бутылку «Столичной» и два стакана. — Ситуация довольно соблазнительная. Кто лучше знает друг друга, чем убийца и занимающийся его делом следователь? Уже в силу

своего положения вы обязаны определить состав преступления, определить личность преступника. Я приобретаю определенные черты в вашем воображении еще до того, как мы встречаемся, а поскольку я от вас скрываюсь, это в свою очередь держит меня в страхе перед вами. Таким образом, мы постоянно связаны одним преступлением.

Он налил водки выше краев и протянул один стакан Аркадию.

— А какой убийца и следователь могут быть ближе, чем те, которые делят одну женщину? Значит, мы связаны одной страстью, — Осборн поднял стакан. — За Ирину.

— Почему вы убили тех троих в Парке Горького?

— Вы же знаете почему — эту задачу вы решили, — Осборн продолжал стоять с поднятым стаканом.

— Я знаю, как вы их убили, но почему?

— Как вы знаете, из-за соболей.

— Зачем вам захотелось иметь собственных соболей?

— Чтобы делать деньги. Вы это тоже знаете.

— Но у вас и без того их много.

— Чтобы было еще больше.

— Просто больше денег? — переспросил Ар-

кадий. Он вылил водку, на ковре остались узоры. — В таком случае вы вовсе не человек больших страстей, господин Осборн, а просто бизнесмен-убийца. Вы глупец. Ирина продается вам и отдается мне. Бизнесмену положена только шкура, не так ли? Вам известно лишь, как снимать шкуру. Мы будем жить здесь за ваш счет и смеяться вам в лицо. Кто знает, когда мы исчезнем? Тогда у вас не останется ни соболей, ни Ирины, ничего.

— Значит, вы принимаете мою помощь, — сказал Осборн. — Сегодня среда. В пятницу мы с Советами будем совершать сделку — менять на соболей вас с Ириной. Вы позволите мне спасти вас?

— Да, — ответил Аркадий. Другого выбора не было. Только Осборн мог спасти Ирину. Как только они окажутся в безопасности, они могут сбежать. Если Осборн попытается их задержать, Аркадий его убьет.

— Тогда я пью за вас, — сказал Осборн. — В Ленинграде мне потребовался год, чтобы узнать, на что способны люди, чтобы выжить. Вы здесь всего два дня и уже стали другим человеком. Еще два дня, и вы станете американцем. — Он одним глотком осушил свой стакан. — Я с удоволь-

ствием предвкушаю грядущие годы, — сказал он. — Хорошо будет иметь друга.

Оставшись в лифте, Аркадий сник под бременем правды. Ирина — продажная тварь. Она спала с Осборном и бог знает с кем еще, лишь бы заработать себе на дорогу из России. Она раздвигала ноги, будто крылышки. Лгала Аркадию вперемешку с упреками и поцелуями, называла его идиотом, а потом сама превратила в идиота. Хуже того, он об этом знал. Знал с самого начала, знал все время, и чем больше знал, тем больше любил ее. Теперь и он и она — оба продажные твари. И он, одетый с иголочки, больше не старший следователь, не преступник — кто же он тогда? Три трупа в Парке Горького? А как же с ними? — спрашивал Осборн. А как же с Пашей? Он был потрясен тем, сколько раз он шел на обман. Сперва обманом вел следствие, чтобы сбыть его Приблуде. Второй раз обманул, чтобы обладать Ириной, и вот теперь, на этот раз, чтобы ею обладал Осборн.

Дверь лифта распахнулась, и он прошел через вестибюль. Выходит, я заодно с Осборном, ответил он себе. Как только он появился на тротуаре, лимузин тронулся. Он машинально сел, и машина направилась к югу, в сторону отеля.

Тем не менее он все еще ее любил. Он забудет о трупах в Парке Горького. Она торговала собой, чтобы попасть в Америку, он станет торговать собой, чтобы помочь ей остаться. Отель «Барселона» — подходящее место для такой парочки. Он откинул голову на сиденье. Сквозь стекло в движущихся тенях мелькали снежинки. Она умоляла не задавать вопросов. Он не задавал, не перегружая себе голову. Сколько у нее шкафов с одеждой? Как давно она в Нью-Йорке?

Мысли вернулись в прошлое. Он ни разу не сломался, ничего не сказал. Однако и КГБ, и ФБР, и все другие знали об Ирине и Осборне. Кто, кроме Ирины, мог им рассказать? А если еще раньше? Сколько лет она спала с Осборном? Нет, другого мужчины здесь не было. Осборн слишком самолюбив для этого.

На Бродвее они проехали мимо обезьяньих ужимок на киноафишах. Порнографические театры вытравили увеличенные картонные силуэты обнаженных тел. «Подлинные акты!» — гласила вывеска. Двери приняли чернокожую женщину в белокуром парике, белую женщину в рыжем парике и парнишку в ковбойской шляпе. На Таймс-сквер на каждом углу стояло по паре полицейских. Рекламные щиты взрывались огнями и

дымом. Над толпой, подобно пеплу, падал снег. «Пастух» расхаживал между проститутками, взбадривая их.

И все же Ирина любила его. От него зависит, вернется ли она в Россию или останется в Америке. Он вспомнил ее на «Мосфильме», в афганской куртке и рваных сапогах. С Осборном-то она спала, но подарков не принимала. Даже денег, хотя большую часть времени голодала. Она соглашалась принять только один подарок — Америку. А что дал ей Аркадий? Платок с пасхальными яйцами. Только Осборн мог дать ей Америку, только Осборн сказал ему правду. Осборн имел возможность делать подарки.

Америка, Россия, Россия, Америка. Америка — самая лучшая из иллюзий. Она ни во что не ставила возлагавшиеся на нее надежды. Даже сейчас, залитая светом огней, когда у тебя в руках вот-вот захрустят доллары, она оставалась иллюзией. Он бы не приехал, если бы знал о связи Ирины с Осборном, сказал он себе. Но тут же ответил, что всегда знал об этом. Кто он такой, чтобы рассуждать об иллюзии?

Она вернется, если так скажет Аркадий, — даже Осборн признал это.

А каковы Ирина с Осборном в постели?

Ирина, Осборн, Осборн, Ирина. Он мог представить их в постели, как оба переплелись между собой. Нет, трое.

Он очнулся от дум, когда машина вдруг остановилась у обочины. Он заметил, что они находятся намного южнее Двадцать девятой улицы. Обе задние дверцы резко распахнулись. С обеих сторон в машину наклонились молодые негры, одной рукой приставив к голове Аркадия пистолет, другой предъявляя знаки детектива. Стеклянная перегородка, отгораживающая водителя от заднего салона, опустилась. За рулем сидел не кто иной, как Кервилл.

— А что с шофером? — спросил Аркадий.

— Один плохой человек стукнул его по башке и украл машину, — ухмыльнулся Кервилл. — Добро пожаловать в Нью-Йорк!

* * *

Кервилл поглощал горячие сэндвичи с говядиной, сдабривая их виски и пивом. Два чернокожих детектива в противоположной кабине пили ром с кока-колой. Аркадий сидел напротив Кервилла с пустым стаканчиком. Он все еще был далеко, еще не освободился от пережитого, перед глазами все еще стояла постель с разбросанными

простынями. Он сидел с Кервиллом как человек, задумавшийся перед камином.

— Осборн может заявить: «Да, их убил я», — объяснял Кервилл. — Он даже может сказать: «Я застрелил их в Парке Горького в три часа первого февраля. И рад этому». И его не выдадут. Если нанять приличного американского адвоката, дело затянется лет на пять. На то, чтобы выслать нацистского военного преступника, уходит двадцать лет. Скажем, пять лет до первого слушания, еще пять лет на рассмотрение апелляции. В конце он еще может подать апелляцию в федеральный суд и купить признание в нарушении закона в ходе процесса. Хоть выиграет, хоть проиграет, а пятнадцати лет как не бывало. Соболя размножаются, и через пятнадцать лет русская монополия на соболя отойдет в область истории. А это пятьдесят миллионов долларов в валюте. Так что о выдаче можно забыть. Другие два варианта — это пришить Осборна или выкрасть у него соболей. Иначе надо идти на сделку. Бюро опекает Осборна, а русские не знают, где соболя, так что они пойдут на сделку. Знаешь, надо отдать ему должное. Осборн наплевал на КГБ, а потом растер. Теперь он, черт возьми, американский герой. А кто ты? Жалкий подрывной элемент из

России. Но я тебе помогу, Ренко.

Кервилл и двое его детективов были похожи на экзотических разбойников и уж, конечно, никак не вязались с представлениями о московской милиции. Украденный лимузин стоял всего в нескольких кварталах.

— Тебе надо было помогать мне в Москве, — заметил Аркадий. — Тогда я мог бы задержать Осборна. Теперь ты мне не поможешь.

— Я могу тебя выручить.

— Выручить меня? — комизм положения взбодрил Аркадия. Еще вчера он, может быть, и поверил бы Кервиллу. — Меня без соболей не спасешь. А соболи, что, у тебя?

— Нет.

— Выручить меня тебе не по силам. Надеяться не на что.

— Брось девку — пускай КГБ спишет все на нее.

Аркадий протер глаза. Чтобы он остался в Америке, а Ирина вернулась в Россию? Глупее не придумаешь.

— Нет.

— Я так и думал.

— Ну что же, спасибо за добрые намерения, — Аркадий стал подниматься из-за стола. — Может быть, подбросишь меня до отеля?

— Минутку, — Кервилл усадил его за стол. — Давай-ка выпьем ради старого знакомства. Он налил Аркадию полный стакан, пошарил в карманах и бросил на стол целлофановые мешочки с земляными орешками. Билли и Родни с нескрываемым любопытством глядели на Аркадия, будто тот собирался пить носом. Оба рослые, черные как смоль, в ярких рубашках, с бусами на шее. — Если бюро смогло одолжить тебя заведомому убийце, оно может позволить одолжить тебя на пять минут департаменту полиции Нью-Йорка, — подвел итог Кервилл.

Аркадий передернул плечами и залпом выпил виски.

— Что-то стакан маловат, — заметил он.

— Это одна из пыток, придуманная монахами, — сказал Кервилл. Он обернулся к своим детективам. — Эй, к орешкам требуется посудина. Может кто-нибудь из вас оторвать задницу от стула? — Билли направился к бару. Кервилл, обращаясь к Аркадию, заметил: — Хорош скребок?

— Скребок?

— Скребок, ниггер, красавчик, пижон, кокосовый орех. Эй, Родни, — обратился Кервилл к хохочущему детективу, — если этот парень когда-нибудь станет американцем, то ему придется

выучить всю эту грамоту.

— Почему ты не любишь ФБР? — спросил Аркадий.

Кервилл чуть повернул свою могучую фигуру. На лице появилась ухмылка.

— Ну, для этого много причин. Если из профессиональных соображений, то потому что ФБР не занимается расследованием, а содержит стукачей. Какие бы дела ни проходили — шпионаж, гражданские права, мафия — все, что они знают, так только от осведомителей. Большинство американцев недолюбливает доносчиков, так что бюро приходится якшаться с особым сортом людей. Их доносчики — или психи, или последние сволочи. Когда бюро сталкивается с подлинной жизнью, неожиданно выплывает какой-нибудь выродок, который умеет задушить человека струной от пианино. Поймали, скажем, такого выродка, и он готов заложить всех своих дружков. Он говорит бюро, что тому хочется услышать, а если и не знает, то присочинит. Видишь теперь, в чем разница. А сыщик идет на улицу и сам копает информацию. Он готов запачкаться, потому что его призвание — быть детективом. А агент бюро — это же адвокат или бухгалтер. Ему хочется сидеть в кабинете, прилично одеваться и

при случае заниматься политикой. Такой сукин сын покупает по выродку в день.

— Не все доносчики — выродки, — буркнул про себя Аркадий. Перед глазами встал Миша, каким он его видел в церкви. Он выпил еще, дабы избавиться от наваждения.

— Когда этот выродок все выложит, ему дают другое имя и отправляют в другое место. Если такой выродок пристукнет кого-то еще, бюро найдет, куда его переправить. Есть психопаты, которые поменяли четыре, пять мест, — и до них совершенно не добраться. Я, скажем, не могу их арестовать — у них больше привилегий, чем у Никсона. Вот как бывает, когда не делают дело сами, а живут за счет выродков.

Детектив вернулся с пластмассовой корзиночкой для орешков. Кервилл высыпал туда орешки.

— Пока не садился, Билли, — попросил он, — позвонил бы чернильницам и узнал бы, отпустили ли уже нашего приятеля Крысу.

— Де-ерьмо, — сказал Билли, но звонить пошел.

— Что он сказал? — не понял Аркадий.

— Две лопаты дерьма, — пояснил Родни.

— Осборн говорит, что он осведомитель ФБР, —

сказал Аркадий.

— Ага, знаю. — Кервилл поднял очи кверху, словно посмотрел на луну. — Представляю себе ту минуту, когда Джон Осборн прошествовал в бюро. Там все, небось, наступили на собственные яйца — так быстро повскакивали с мест. Такие, как он, — вхож в Кремль, в Белый дом, в высшее общество — не возьмут ни пенса, наоборот, если нужно, с потрохами купят любого сотрудника бюро. Запанибрата со всеми розовыми здесь и красными там. О таком осведомителе можно только мечтать.

— А почему же он не подался в ЦРУ?

— Потому что котелок хорошо варит. У ЦРУ тысячи источников информации о России, сотни людей мотаются туда и обратно. А ФБР пришлось закрыть московскую контору. У них только и есть что Осборн.

— Но он мог снабжать их только слухами, не больше.

— А им другого и не надо. Им всего-то и нужно, чтобы подсесть к кому-нибудь из конгрессменов и прошептать на ушко, что из собственных секретных источников им известно, что у Брежнева сифилис. Точно так же, как они нашептывали о братьях Кеннеди и о Кинге. На такие вещи

конгрессмены готовы раскошелиться, для того и федеральный бюджет. А теперь бюро придется расплачиваться — Осборн требует платить по векселям. Он хочет, чтобы бюро взяло его под защиту, и не собирается менять фамилию или прятаться. Он взял бюро за нежные яички и только еще начинает их крутить.

Под разглагольствования Кервилла Аркадий умял все орешки. Налил себе еще.

— Но он украл соболей и должен их вернуть.

— Да ну? А Советский Союз вернул бы, если бы их украл КГБ? Он теперь герой.

— Он же убийца.

— Это ты говоришь.

— Я не КГБ.

— Я говорю. В этом мире мы не в счет.

— Его не отпустили, — вернулся от телефона Билли. — Теперь хотят задержать его за непристойное поведение в пьяном виде. Приговор через час.

Голос Билли напоминал Аркадию звук саксофона.

— Вот эти двое, — он внимательно посмотрел на Билли и Родни, — не они ли красят контору напротив моего номера?

— Смотрите-ка, — сказал им Кервилл. — Я вам

говорил, что он не дурак.

Они вышли из бара. Билли и Родни уехали на красной машине с откидным верхом. Кервилл и Аркадий пошли пешком по беспорядочно пересекающимся улицам района, который Кервилл называл Деревней. Шел не очень густой снег, освежавший ночной воздух. На Бэрроу-стрит они остановились перед увитым лозой трехэтажным кирпичным домом с мраморными ступенями, зажатым между почти такими же домами. Аркадий без слов понял, что это был дом Кервилла.

— Летом с этой глицинией никакого сладу — сущий ад, — У Большого Джима и Эдны одно время жил русский, который был слабоват в английском. Когда приглашали друзей, он говорил им, пусть ищут дом, «увитый истерией». Довольно похоже.

В темноте дом казался парящим в воздухе.

— У нас бывало много русских. Бабушка, которая приглядывала за мной, бывало, играла со мной в поросяток. Она перебирала мои пальчики, приговаривая: «Этот маленький Рокфеллер пошел на базар, маленький Меллон остался дома, этот маленький Стэнфорд ест ростбиф…» День и ночь напротив дома в машине сидели два парня из бюро. Они подключались к телефону, ставили

жучки в стены соседних домов, допрашивали всякого, кто подходил к двери. На крыше анархисты делали бомбы. Не во всяком доме была такая вот атмосфера тревоги, ожидания неприятностей. Позднее на верхнем этаже поселился Джимми. Поближе к Богу. Он соорудил там алтарь — распятия, иконы. Христос послужил бомбой. Большой Джим и Эдна вышли из себя, Джимми взорвался, я тоже не выдержал, ушел к одному из русских.

— И вы все еще здесь живете?

— Да, в этом проклятом доме, полном призраков. Вся эта страна — проклятый дом, полный призраков. Поехали, нам нужен один человек.

Старая голубая машина Кервилла была вычищена до блеска. Они ехали в южном направлении. Проезжая мимо, он небрежно приветствовал патрульных полицейских. Аркадия осенило, что к этому времени Уэсли, должно быть, уже знает о том, что он пропал, и в отеле «Барселона» сейчас поднялась паника. Передали ли сводку в полицейские машины? Могут ли подозревать Кервилла?

— Даже если Осборн такой важный осведомитель, не понимаю, почему ФБР разрешило ему встретиться со мной, — сказал Аркадий. — Несмотря на его положение, он все-таки преступник,

а они — орган правосудия.

— В других городах действуют по правилам, а в Нью-Йорке никаких правил нет. Если дипломат стукнет твою машину, пристрелит твоего пса, изнасилует твою жену, он спокойно уедет домой. Здесь есть маленькая израильская армия, маленькая палестинская армия, кастровские кубинцы и кубинцы антикастровские. А мы, как горничная, только собираем битую посуду. Проезжая по этому странному ночному городу, Аркадий в своем воображении населял его знакомыми ему предметами. Он помещал во мраке трубы завода имени Лихачева, стены Манежа, переулки близ Новокузнецкой улицы.

— Правда, на этот раз бюро затеяло странную игру, — сказал Кервилл. — У них надежные номера в «Уолдорф». Зачем им нужно было селить вас в «Барселоне»? Нам даже лучше, потому что от службы безопасности много вони, а здесь я поместил Билли и Родни прямо у тебя над головой. Правда, вызывает подозрение, что Уэсли не хочет, чтобы в бюро остались какие-нибудь следы твоего пребывания здесь. Что тебе говорил Осборн? Он упоминал о какой-нибудь сделке?

— Нет, мы просто говорили о том о сем, — ответил Аркадий. Ложь была абсолютно естественной,

словно исходила из другой головы и из других, более бойких, уст.

— Он, конечно, насколько я его знаю, говорил о себе и об этой девке. Он из тех, кто с удовольствием прижмет любого к стенке. Оставь его мне.

В нижней части Манхэттена общественные здания в ночи представляли собой смесь архитектуры Древнего Рима, колониальных времен и модерна, за одним исключением — ярко освещенной громадой, занимавшей весь квартал и чем-то знакомой Аркадию. Здание в стиле сталинской готики, только без сталинских вычурных украшений в восточном вкусе, гробница попроще, без рубиновой звезды, которая потерялась бы в свете прожекторов. Кервилл остановил машину у входа.

— Что это? — спросил Аркадий. — Да еще открыто в такое время.

— Это «Гробница» — городская тюрьма, — ответил Кервилл. — А сейчас работает ночной суд.

Через бронзовые двери они вошли в вестибюль, на-полненный нищими, изукрашенными багровыми кровоподтеками, в пиджаках с оторванными карманами и бортами. В Москве тоже были нищие, но их можно было увидеть только на вокзалах или во время милицейских облав.

А здесь весь вестибюль принадлежал им. Справочная по пояс завалена мусором. На одной стене вестибюля помещены расписания судебных слушаний, другая увешана рядами алюминиевых телефонных аппаратов. Двое пожилых людей в поношенных пальто с портфелями в руках смотрели в сторону Аркадия.

— Адвокаты, — пояснил Кервилл. — Надеются получить клиента.

— Они должны бы лучше знать своих клиентов.

— Они не знают своих клиентов, пока те не войдут в эту дверь.

— Клиентов обычно принимают в конторах.

— А это и есть их контора.

Кервилл, расталкивая толпу, провел его через двойные бронзовые двери, как понял Аркадий, в помещение суда. Было около полуночи — как в такое время мог заседать суд?

Перед деревянной плитой, над которой были выгравированы слова «Положимся на Бога», и обернутым пластиком американским флагом за высокой кафедрой сидел единственный судья в мантии. За конторками пониже сидели стенограф и секретарь. Еще один чиновник расположился за столом, раскладывая стопки голубых папок с

обвинительными заключениями. Между столом с папками и судьей бродили прокуроры, подходя иногда к боковым скамьям, на которых в ожидании слушаний сидели обвиняемые. Среди обвиняемых были лица обоего пола, всех возрастов и в большинстве чернокожие. Все прокуроры были молодые белые мужчины.

Бархатный канат отгораживал эту часть зала от переднего ряда стульев, на котором сидели мужчины в кожаных куртках и джинсах. На ремнях полицейские значки, на лицах смертельная скука. Некоторые спали, у других глаза просто закрыты. Родственники обвиняемых находились в задних рядах среди нищих, которые пришли сюда вздремнуть. Усталость брала верх над буйством и беззаконием, осиливала наигранные проявления цинизма. Будь то судья, обвиняемый, приятель — у всех вялые, сонные лица. Рядом с Аркадием мирно сидела молодая кофейного цвета мулатка с младенцем. В глазах младенца отражались яркие квадраты светильников. Шторы на окнах задернуты. Время от времени смотритель выставлял из зала храпуна, нарушавшего тишину, которая царила в суде, потому что, когда нарушителя и арестовавшего его полицейского приглашали к столу, прокуроры разговаривали с судьей так

тихо, что ничего было не разобрать. Затем судья называл цену. Иногда это была одна тысяча долларов, иногда — десять тысяч. Судья не поднимал головы, только поворачивался в сторону того или иного прокурора. Они же торгуются, понял вдруг Аркадий. Приговор занимал минут пять, а то и минуту. В Москве, он слыхал, быстро рассматриваются дела о пьянстве, но здесь-то разбирались дела о грабежах или разбойных нападениях. Как только вызывали следующего обвиняемого, предыдущий с ухмылкой подныривал под бархатный канат, не дожидаясь арестовавшего его полицейского.

— Что такое «залог»? — спросил Аркадий.

— Это то, что платят, чтобы не сидеть в тюрьме, — ответил Кервилл. — Считай, что это долговая расписка, деньги взаймы или налог.

— И это справедливо?

— Конечно, нет, но таков закон. Крысу пока не привели — это хорошо.

Некоторые детективы заходили в зал и с уважением здоровались с Кервиллом. Это были большие небритые парни, мускулы и жиры выпирали из-под форменных рубашек и ремней со значками детективов — ничего общего со стройными агентами ФБР. Один из них, показав

пальцем на следующего обвиняемого, стоявшего перед судьей, рассказывал: «Этот хрен напал на женщину в Бэттери-парк, и его задержала бригада по борьбе с грабежами. Потом они сочли, что ее изнасиловали, и передали его девчатам из бригады по борьбе с изнасилованиями, те подумали, что она помрет, и передали нам — мы занимаемся убийствами. Но она не умерла и ее не изнасиловали, так что ее вернули в бригаду по грабежам. А у них закончилась смена, бумаги надо собирать по всему этому чертову заведению, так что, если через минуту не соберут, парень преспокойно отсюда уйдет». «А это псих, — сказал второй детектив. — Еще подростком совершил убийство за то, что живьем сожгли его мать. Приходится брать под защиту всякого, кто напоминает ему о матери». «Так в чем дело? — спросил первый детектив. — В чем, черт побери, заключается это проклятое дело?» Аркадий пожал плечами, он не знал. Кервилл тоже пожал плечами. Он пользовался уважением всех детективов, был символом их знаний, силы, их залитыми алкоголем, но зоркими глазами. «Все дело в том, — подытожил он, — что здесь нет никакого дела». Кервилл с Аркадием вернулись из зала в вестибюль.

— Куда теперь? — спросил Аркадий.

— Пойдем выручать Крысу из предвариловки. Можешь предложить что-нибудь получше?

Кервилл позвонил в железную дверь. В прорезь глянули два глаза, и дверь в манхэттенскую тюрьму предварительного заключения отворилась. В тюрьме содержались ожидающие суда. Если смотреть под углом, зеленые прутья казались сплошной стеной, из которой высовывались руки. Если встать прямо перед ними, то глазам открывались отделанные желтой плиткой камеры, в каждой из которых более дюжины неподвижных фигур покорно ожидали своей очереди, провожая взглядом проходивших мимо Аркадия и Кервилла. Кервилл остановился у камеры, где находился белый заключенный, одетый в шерстяные перчатки с обрезанными пальцами, грязные ботинки, пальто со множеством карманов и шерстяную шапку, натянутую на свалявшиеся волосы. Грязное лицо от злоупотребления спиртным и постоянного пребывания на холоде напоминало кусок мяса. Он пытался сдержать дрожь в левой ноге. У камеры стояли усатый детектив и худосочный юнец в костюме при галстуке.

— Поехали домой, Крыса? — спросил Кервилл заключенного.

— Вы никуда не заберете господина Ратке, лейтенант, — сказал чиновник в галстуке.

— Это помощник окружного прокурора, он собирается подрасти и стать дорогим адвокатом, — пояснил Аркадию Кервилл. — А это очень робкий детектив.

И действительно, детектив словно собирался спрятаться за своими усами.

— Мистеру Ратке через несколько минут будет предъявлено обвинение, — сказал помощник прокурора.

— За непристойное поведение в пьяном виде? — рассмеялся Кервилл. — Вы что, считаете, он пьян?

— Мы хотим получить от мистера Ратке некоторые сведения, — помощник прокурора держался с храбростью испуганной собачонки. — Я хотел бы привлечь внимание лейтенанта к тому факту, что недавно в районе Гудзонова залива совершена крупная кража и виновники до сих пор неизвестны. У нас есть основания полагать, что мистер Ратке пытался продать украденные вещи.

— Где доказательства? — спросил Кервилл. — Вы не можете его задерживать.

— Не воровал я! — завопил Крыса.

— Во всяком случае, он задержан за непристойное поведение в пьяном виде, — сказал помощник прокурора. — Лейтенант Кервилл, я о вас слышал и не возражал бы переговорить с глазу на глаз.

— Ты притащил его за непристойное поведение в пьяном виде? — Кервилл прочел фамилию на значке детектива. — Кейси, верно? Не твоего ли отца я знал? Был такой детектив.

— Крысу уже вызывали, но вместе с ним хотели поставить еще кого-то, — сказал Кейси, не глядя в глаза Кервиллу.

— Я мог бы понять патрульного полицейского, а ты-то как влез в это дело? — спросил Кервилл. — Что, трудно с деньгами? Ищешь сверхурочных? Алименты, что ли?

— Детектив Кейси помогает мне из любезности, — ответил помощник прокурора.

— Ради твоего отца одолжу тебе, — сказал Кервилл. — Готов на все, лишь бы хороший ирландский парень не лизал чужой зад. Не дай бог, другие узнают. — Лейтенант Кервилл, зря стараетесь, — вмешался помощник прокурора. — Детектив согласился предъявить обвинение, как офицер, производивший арест. Мне неизвестно, чем вызван ваш интерес, но мы определенно

задерживаем мистера Ратке. В сущности, нам уже пора в суд…

— Клал я на это, — Кейси, махнув рукой, ушел.

— Куда вы? — воскликнул прокурор.

— Меня здесь нет, — бросил, не оглядываясь, детектив.

— Стойте! — помощник прокурора побежал вслед и хотел встать в дверях, но детектив даже не остановился.

— Разбирайтесь сами с этими ирландскими остолопами, — крикнул он и хлопнул дверью.

Помощник прокурора вернулся.

— У вас все равно ничего не выйдет, лейтенант. Если мы даже не предъявим ему обвинение, он не в состоянии сам добраться до дому, никто не придет забрать его.

— Я его забираю.

— Зачем? Лейтенант, для чего вам все это нужно? Вы вмешиваетесь в судебное дело, запугиваете своего коллегу, противопоставляете себя окружной прокуратуре — и все ради какого-то пьяницы! Если офицер позволяет себе такое, то зачем тогда нужен суд?

— Значит, незачем.

Кервилл и Аркадий протащили Крысу через главный вестибюль, и тут он завопил, охвачен-

ный приступом белой горячки. Он разбудил и напугал всех спавших в вестибюле нищих. Кервилл зажал Крысе рот, а Аркадий потащил его дальше. Крыса был первым американцем, от которого по-настоящему воняло.

Они втолкнули его в машину. На Милбери-стрит Кервилл зашел в магазин кулинарии и принес бутылку виски, портвейна и кульки орешков.

— По закону в кулинарии не полагается продавать выпивку, — сказал Кервилл. — Оттого-то она там такая вкусная. Крыса осушил бутылку портвейна и моментально уснул на заднем сиденье.

— К чему все эти хлопоты, — спросил Аркадий, — ради какого-то пьянчужки? Уэсли и ФБР, наверное, уже ищут меня, а может быть, и КГБ. Тебе тоже достанется. Какой смысл?

— А почему бы не помочь?

Орешки оставляли во рту приятный привкус соли, а виски теплом растекалось по телу. Аркадий видел, что Кервилл страшно доволен собой. Только сейчас до него стал доходить комизм положения.

— Ты хочешь сказать, что действительно проделал все это безо всякой цели?

— Не здесь и не в это время. Дай мне показать

тебе наши места.

— А если нас найдут до того как ты привезешь меня обратно?

— Ренко, тебе нечего терять и, знает бог, мне тоже. Мы отвезем Крысу домой.

Аркадий взглянул на покрытую коркой грязи фигуру, спящую на заднем сиденье. Он обедал с Осборном, видел в действий американское правосудие, встречаться с Ириной еще не хотелось.

— Что ж, давай.

— Это мой парень.

Над Канал-стрит мелькали снежинки и раскачивались позолоченные китайские иероглифы.

— Что я не могу понять с самого начала, — начал было Кервилл, — так это как ты стал ищейкой.

— Хочешь сказать, следователем.

— Ищейкой.

— Ладно, называй как хочешь, — Аркадий почувствовал, что это был пусть необычный, но комплимент, возможно, даже извинение. — В детстве я был свидетелем случая, который мог быть и убийством и самоубийством, — он замолчал, удивившись тому, что сказал, потому что не собирался говорить об этом. Следователь заучивает ответ на данный вопрос наизусть, говорит об отеческой заботе известных ему следователей, о

необходимости ставить на место уклоняющихся от выполнения обязанностей, пресекать саботаж и защищать революцию. Но сегодня в голове была чертовщина. — Дело было сразу после войны и затрагивало репутации очень больших людей, — продолжал Аркадий. — Я никогда еще не слышал, чтобы так много людей выбалтывали правду. Потому что сама жертва была такой неотвратимой правдой и потому что следователи получили особые полномочия по-своему толковать правду.

Они проехали мимо загадочных витрин с названиями вроде «Все удовольствия», «Рыцари Колумба», «Головная мастерская».

— Тебе не совсем понятно, о чем речь, — сказал Аркадий.

— Давай поясней.

— Скажем, однажды ночью заслуженный артист просит жену выйти из машины и убрать с дороги стекла, а затем сбивает ее машиной. Девушка, комсомолка, должна скоро выйти замуж, укладывает в постель бабку и деда, плотно закрывает окна и, уходя на вечеринку, открывает газ. Трудяга — селянин, почетный агроном, убивает смазливую бабенку из Москвы. Это хуже, чем преступления, — это то, что никогда не должно произойти. Но это правда. Эти факты — правда

о новой разновидности русских: мужчине, который может позволить себе содержать любовницу и иметь машину; девушке, которой, если она приведет мужа, придется жить в одной комнате с двумя стариками; о сельском жителе, которому суждено всю жизнь оставаться в деревне за тысячу верст от остального мира. Мы не пишем об этом в своих отчетах, но считается, что мы об этом знаем. Поэтому у нас особые полномочия толковать правду. Разумеется, мы вольно обращаемся и со статистикой.

— Занижаете число убийств? — спросил Кервилл.

— Конечно.

Кервилл передал бутылку и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Какой смысл? — спросил он. — У нас убийство — удовольствие. Главная причина смертности молодежи в Америке — убийства. Не успеет покойник упасть на землю, как уже становится телезвездой. Всякий имеет шанс стать звездой. Можно посмотреть войны и еще хлеще — психов, ищеек, кто-то насилует, кого-то перепиливают цепной пилой. Выйдешь на улицу — убьют, лучше сиди дома и смотри телевизор. Мы сейчас говорим об искусстве. Оно больше, чем Детройт,

лучше, чем секс и промышленность, вместе взятые, все равно что Ренессанс в Италии, палочки для еды у китайцев, Гамлет без затянутых сцен — мы здесь говорим о погоне в автомобиле, дорогой Аркадий. Если кого-нибудь просто убивают, никто в суете и не заметит. В жизни нет каскадеров. Что тут интересного, когда можно посмотреть куда более эффектное убийство, да еще показанное в замедленном темпе и в особом ракурсе, с пивом под рукой и бабой в кресле? Куда интереснее, чем настоящие ищейки. Теперь все настоящие ищейки в Голливуде, все остальные — подделка.

По Холланд-туннелю они проехали под Гудзоном. Аркадий понимал, что ему следует беспокоиться, потому что уж теперь Уэсли и вправду думает, что он бежал; однако он был в странно приподнятом настроении, словно обнаружил, что говорит на языке, который в жизни не учил.

— В Советском Союзе сведения об убийстве держат в секрете, — сказал он. — Что касается гласности, то здесь мы отстали. Даже несчастные случаи держат в секрете. Наши убийцы обычно хвастаются только тогда, когда их поймали. Свидетели лгут. Порой мне кажется, что свидетели боятся следователей больше, чем убийцы. — Со стороны Нью-Джерси они оглянулись на

Манхэттен. На краю миллиона огней в ночи возвышались две белые башни. Он не удивился бы, увидев над каждой из них по луне. — Одно время мне казалось, что я хочу стать астрономом, но потом решил, что астрономия — скучное занятие. Звезды интересны только тем, что очень далеки от нас. Знаешь, что действительно заинтересовало бы нас? Убийство на другой планете.

Указатели показывали направление па Нью-Джерси, бульвар Кеннеди, Байанну.

В горле Аркадия пересохло, и он сделал большой глоток.

— Знаешь, в России не так много дорожных знаков, — он рассмеялся. — Если не знаешь, куда ведет дорога, лучше не езди по ней.

— А здесь мы живем по дорожным указателям. Мы буквально поглощаем карты. И никогда не знаем, где находимся.

Виски кончилось. Аркадий аккуратно положил пустую бутылку на пол.

— У тебя была бабушка! — воскликнул он, словно Кервилл только что о ней сказал.

— Ее звали Нина, — сказал Кервилл. — Так и не стала американкой. До самой смерти. В Америке ей нравилась единственная вещь.

— Что же это такое?

— Джон Гарфилд.

— Я такого не знаю.

— Ничего общего с тобой, пролетарская косточка.

— Это что, комплимент?

— Никто не любил, как он. До смертного дня.

— Что за человек был твой брат?

Кервилл некоторое время ехал молча. Аркадий умиротворенно следил, как в свете фар вспыхивали полоски дорожных разметок.

— Очень добрый. Девственник. Ему трудно было с такими родителями. И с живыми, и особенно с мертвыми. Лакомый кусочек для попов. Сунули ему в руку Святую Чашу и прикрепили на заднице пропуск на небеса. Я, когда бывал дома, вдребезги разносил его алтарь. Насильно заставлял читать Марка Твена и Вольтера. Но это было все равно что швырять камни в святого Себастьяна. Не могу простить себе, что из-за меня он поехал в Россию.

Байонна была застроена серебристыми, ярко освещенными нефтехранилищами и нефтеперегонными колоннами, ну прямо поселение космонавтов на Луне.

— Мы, бывало, ездили на рыбалку на Аллагаш в штате Мэн. Только Джимми и я. Местность

принадлежала лесозаготовительной компании — всего одна дорога. Рыбалка отменная — щука, окунь, форель. Ловили когда-нибудь с каноэ? Мы даже зимой туда ездили. Я брал старый «паккард» Большого Джимма и ставил покрышки большого размера. В нем мы словно плавали по снегу. Слыхали когда-нибудь о подледном лове? Пробиваешь дырку во льду и опускаешь леску. — У нас так ловят в Сибири.

— Конечно, пьешь, чтобы согреться. Не заваливало снегом? Не страшно. В хижине консервы, очаг, плита, а дров сколько угодно. Водятся олени, лоси, и всего по одному егерю на тысячу квадратных миль. Никого вокруг, кроме лесорубов и канадских французов, да и те говорят по-английски хуже, чем ты.

По мосту пересекли реку Килл-Ван-Калл. Внизу в сторону моря двигался танкер, его путь прослеживался только по немерцающему красному огню.

— Статен-айленд, — объявил Кервилл. — Мы снова в Нью-Йорке.

— Это не Манхэттен?

— Нет, разумеется, не Манхэттен. Так близко и в то же время так далеко.

Они ехали мимо тянущихся рядами домов. На

газоне возвышался гипсовый святой.

— Аркадий, а мог Джимми вывезти их оттуда? Только правду.

Аркадий вспомнил лежавшие рядком под снегом трупы, никто не сделал и шагу, чтобы спастись, вспомнил избу, занавески, отгораживавшие уголки для сна, где Джимми Кервилл читал Библию, тогда как Костя катался на Валерии.

— Конечно, — солгал он. — Он был смелый парень. Почему бы и нет?

— Верю, — помедлив, сказал Кервилл.

Они вернулись в Нью-Джерси по мосту через узкую полоску воды, которая на дорожном указателе называлась Артур-Килл. Вдоль нее протянулись причалы и подъездные пути, горели факелы нефтеперегонных установок. Аркадий уже не понимал, в какую сторону они едут, но луна светила слева, и он определил, что они направляются к югу. Интересно, включили ли его в сводку по Нью-Йорку? Ищут ли и Кервилла? Что думает Ирина?

— Далеко нам ехать?

— Почти приехали, — ответил Кервилл.

— И твой приятель Крыса живет здесь? Тут не видно никаких домов.

— Кругом болота, — сказал Кервилл. — Раньше здесь водились цапли, скопы, болотные совы. Много моллюсков собирали, давно уже. Лягушки по ночам давали оглушительные концерты.

— И ты здесь бывал?

— Приплывал на лодке с одним анархистом. Он был без ума от подвесных моторов. И любил водоросли. Естественно, в основном бездельничали. По мне, это типично русское времяпровождение.

Теперь они ехали мимо заводов и фабрик по подъездным путям. В свете фар болото расцвечивалось отвратительной палитрой зеленого, желтого и красного оттенков.

— Вижу, ты беспокоишься, — заметил Кервилл. — Не волнуйся. Осборном займусь я.

Что же тогда будет со мной и Ириной? — сразу подумал Аркадий. — Как нелепо, что твоя судьба зависит от Осборна. Приходится надеяться, что он жив.

— Поворачивай здесь, — подскочил на заднем сиденье Крыса. Он уже проснулся.

Кервилл свернул на покрытую гудроном полоску, которая вела к каналу.

— Дело касается не только вас с Осборном, — сказал Аркадий.

— Имеешь в виду бюро? Они смогут уберечь

Осборна где угодно, только не в Нью-Йорке.

— Нет, я имею в виду не бюро.

— КГБ? Им тоже нужна его голова.

— Стоп! — скомандовал Крыса.

Они вышли из машины. С одной стороны болота простирались до далекого шоссе, на котором слабо мелькали огни машин; с другой они опускались к лодочным стоянкам. Они пошли за Крысой по упруго прогибавшейся под ногами тропинке.

— Вам я покажу, — оглянулся Крыса. — Я не вор.

На берегу у лодочных стоянок на деревянных подставках стояло небольшое суденышко для ближних поездок. Под фонарем залаяли собаки, к ним присоединились другие, охранявшие соседний причал, где высились штабеля пропитанной дегтем древесины. По каналу двигалась баржа. С нее по ночам подбирали с воды мусор. По другую сторону канала, на Статен-айленд, светилось несколько фонарей, в одном окне горел свет, между деревьями голубела цистерна, а вдоль берега громоздились силуэты домов, лодок, грузовиков и кранов.

Аркадий с Кервиллом наконец оказались на относительно твердом месте — встали на уложенные в грязи доски. На листьях осоки и тростника

мерцали снежинки. Крыса энергично направился к сооруженной из толя лачуге с торчащей сверху трубой. По пути Аркадий наступил на торчавшие из грязи мелкие косточки. Крыса открыл дверь, зажег керосиновую лампу и пригласил внутрь.

Аркадий колебался. Впервые за время пребывания в Америке его не окружал яркий свет. Только слабые огни на шоссе, отдаленное зарево за Статен-айленд, а над головой темный купол и мерцание снежинок. Ощущение полной пустоты.

— Зачем мы сюда приехали? — спросил он Кервилла. — Что тебе от меня надо?

— Хочу тебя спасти, — ответил Кервилл. — Послушай, «Барселона» кишит проститутками, бюро не уследить за всеми, кто входит и выходит. Завтра к вечеру Билли и Родни поселятся в номере над вами. Когда стемнеет, они выбросят над твоим окном лестницу. Ты и девчонка оденетесь во что-нибудь неброское и, когда будете готовы, стукнете в потолок. На служебном лифте они спустят вас в Подвал. Простая операция — наверх и наружу. «Красная бригада» не раз проворачивала такие штуки.

— Красная что?

— «Красная бригада». Они же тебе о нас рас-

сказывали.

— Откуда ты знаешь, что они мне рассказывали о «Красной бригаде»? — Не дождавшись ответа, Аркадий сказал: — Вы поставили в номере микрофон. Так вот чем занимаются твои детективы Родни и Билли в здании напротив — у них на окне приемник.

— Да, в вашем номере всякий, кому не лень, установил передатчик.

— Но они-то не считают меня за своего друга. Если ты друг, разве будешь смаковать каждое слово? Разве можно подслушивать, не причиняя вреда? Извини меня, может быть, я действительно дурак, но скажи, что вы делали в квартире; в которую меня приводил Осборн? Почему было отключено электричество? Поправь меня, если я ошибаюсь, но вы вдоль проводки понатыкали микрофонов во все комнаты. Так? Да, лейтенант, у вас было много дел. Спальню, конечно, не пропустили?

— Они готовят тебе ловушку, Аркадий. Бюро вместе с КГБ. Я проверял — не имеется никаких следов твоего пребывания в вашей стране. Ни в стране, ни в «Барселоне», нигде. Все, что я делаю, — только ради тебя.

— Лжешь! Ты сломал ногу родному брату тоже

ради него самого. Тебе все известно об отношениях между Осборном, Ириной и мной.

— Но я могу тебя выручить. Я могу увезти вас обоих, Уэсли до утра ничего не узнает. Недалеко от отеля вас будет ждать машина с деньгами, новыми документами и картами. Через девять часов вы будете в штате Мэн. Наша хижина еще цела. Я пополнил ее припасами, а «паккард» заменил «джипом». Там есть лыжи и ружья. Если станет туго, можно податься в Канаду — там недалеко.

— Чушь. Спасти нас ты не можешь.

— Нет, могу. Потом, если получится, оправдается мечта Джимми. Он вывезет двух русских. Иначе вся его жизнь и смерть были напрасными. А так выйдет, что Джимми все-таки прожил не зря.

— Бессмысленно. Да и его уж нет.

— О чем мы спорим? Тогда дай мне возможность сделать это ради тебя. Мы же друзья.

— Нет, не друзья. Свези меня в отель.

— Подожди, — придержал Аркадия за руку Кервилл.

— Я ухожу, — Аркадий освободил руку и направился к машине.

— Ты сделаешь, как я говорю, — снова схватил

его Кервилл.

Аркадий его ударил. Кровоточащий уголок рта приподнялся то ли от удивления, то ли от удара. Кервилл все еще держал другую руку Аркадия.

— Пусти, говорю, — предупредил Аркадий.

— Нет, тебе придется…

Аркадий снова ударил его, и кровь размазалась по губе Кервилла. Аркадий ожидал испытать на себе легендарную ярость и профессиональное искусство лейтенанта — удары могучих рук, ломающие ребра и останавливающие сердце, удары ногой, дробящие колени. Но со времени событий в Парке Горького он кое-чему научился и надеялся, что даже и на этот раз, возможно, поучится еще чему-нибудь. В груди нарастало желание драться насмерть, и для этого Кервилл — «Убийца-отличник», как прозвал его родной брат — подходил, как никто другой.

— Бей же, — потребовал Аркадий. — Помнишь, мы уже так начинали.

— Не буду, — ответил Кервилл, но рук Аркадия не выпускал.

— Дерись же, — он сбил Кервилла на колени.

— Прошу тебя, не нужно, — попросил Кервилл.

В этом было что-то чудовищно нелепое — Кервилл, валяющийся в грязи и умоляющий не

начинать драку.

— Пусти, — заорал Аркадий. Кервилл отпустил руки. — Отпусти меня отсюда. Никакого спасения в хижине из твоей сказочки не получится. Ты же знаешь, прячься мы хоть десять лет, КГБ, если не получит соболей, все равно нас отыщет и убьет. Без соболей нас ни за что не отпустят. Они передадут нас Осборну в обмен на соболей. Так что не рассказывай мне сказок — никого ты не спасешь.

— Погляди-ка, — сказал Кервилл.

Аркадий взглянул на хибарку. Крыса по-прежнему стоял в дверях, слишком перепуганный, чтобы убежать.

— Загляни внутрь, — сказал Кервилл.

Аркадий чувствовал, как по груди заструился пот. Лицо замерзало. С каждым шагом земля чавкала под ногами.

Крыса поднял лампу. Аркадий, нагнувшись, вошел внутрь, отодвинув рукой свисающую сверху ленту липкой бумаги от мух. Стены и потолок хижины были из досок и листов пластика, утепленных газетами и тряпьем. Вместо пола беспорядочно постеленные доски. У одной стены лежали коврик и одеяла. Посреди хижины пузатая плита. На ней сковорода с холодной фасолью.

В хижине — ни окошка. Оттого запах тухлого мяса был просто невыносим.

— Я не ворую, — Крыса отступил назад, он боялся Аркадия. — По-английски понимаешь? Я охочусь, ставлю капканы. Вот кто я такой. Этим и занимаюсь.

На полке, сделанной из ящика из-под апельсинов, выстроились жестяные банки с топленым салом. Была полка с лекарствами: дигиталис, нитроглицерин, ампулы амилнитрита, аспирин с содой…

— Ондатры, мускусные крысы — хорошая еда, натуральное мясо. Люди не едят только из-за названия. А мех — высший класс. Глупые — шубы-то почти все из ондатры. Каждую неделю продаю штук десять-двадцать. Я при деле, у меня есть на что прожить. Зачем мне воровать, да и не воровал я.

Крыса споткнулся о плиту, и сковорода с фасолью свалилась на картонную коробку с металлической посудой, моющими средствами и тряпками. Он переставлял с места на место бесчисленные ящики и коробки, даже заглянул под приколотую к толю открытку с изображением Джона Гленна. Стеклянные банки с вазелином, быстрорастворимым кофе, раствором дубильной

кислоты, изготовленным из чая сорта «Красная роза». Высокие резиновые сапоги и сеть.

— Это моя, из моего капкана. Никогда такую не видал. Не норка, нет, какая-то другая. Потому и взял с собой, узнать, что это.

Он двинулся обратно мимо пластиковых пакетов с зефиром, сухарями и молочным порошком. На веревке грязное белье. На крючке куртка военного покроя, дальше рекламный календарь «Ситибэнк», снова ленты липучки для мух. На бельевой верёвке подвешенные за плоские голые хвосты лоснящиеся шкурки ондатр. Головы и короткие, с перепонками ножки еще не удалены.

— Там, на рынке, человек мне сказал, что это даже не американский. Может, и вправду ваш. Я только говорю, что попался он мне, не украл я его. Я покажу где, сразу на той стороне. Я всем доволен и не хочу неприятностей.

Крыса снял с крючка шкурку.

— Если ваша, берите.

На крючке висела шкурка, значительно длиннее и уже, чем ондатровая, блестящий черный с синевой мех с характерным «инеем» на кончиках, пушистый округлый хвост, кожа жесткая и хорошо продубленная, только вот одна лапка была почти отгрызена, видно, зверек отчаянно

стремился освободиться из капкана. Соболь.

— Поехали прямо сейчас, — сказал Крыса стоявшему в дверях Кервиллу. — Как только рассветет. Только вы да я. — Он захихикал, бегая глазами от одного к другому. — Я знаю секрет. Знаете, где я его достал? Там их столько!

* * *

Уэсли дернул ручку аварийной остановки, и лифт повис между четвертым и пятым этажами «Барселоны». В кабине были Аркадий, Уэсли, Джордж и Рэй. Три часа утра.

— Мы получили ежечасную сводку, — сказал Уэсли. — Лейтенант Кервилл в полностью невменяемом состоянии напал на гражданского водителя и забрал у него машину. Представляете, какой опасности вы подвергались? Потом я понял, что можно не беспокоиться, — ведь вы ничего не предпримете, пока мисс Асанова в наших руках. Пока она у нас, вы тоже у нас. Так что мы стали ждать, и вот вы тут. Так где вы были? — Он отпустил ручку тормоза. — Обещаю не придавать значения.

Джордж и Рэй потащили его по коридору пятого этажа, пока он не вырвался и угрожающе не повернулся в их сторону. Они оглянулись на

Уэсли, ожидавшего у лифта.

— Полегче, — сказал он.

До конца коридора Аркадий шел уже сам. Внутри номера ждал Эл. Аркадий вышвырнул его за дверь и подпер ее стулом.

Ирина, измученная и испуганная, сидя на кровати, следила за происходившим. Он никогда еще не видел ее такой испуганной. Он обратил внимание, что она завернулась в простыни, несмотря на то что на ней был зеленый шелковый халат. Длинные волосы беспорядочно рассыпались по плечам. Руки дразняще оголены. Глаза широко раскрыты. Бледная голубая метка на щеке на сей раз не закрашена, признак невнимания к себе. Она не решалась говорить, едва осмеливалась дышать. Идиот, не надо нагонять страху, подумал Аркадий. Он сел рядом с ней на постели, стараясь удержать трясущиеся руки.

— Ты спала с Осборном в Москве. Здесь тоже. Он мне показывал постель. Расскажи-ка мне об этом. Ведь ты собиралась когда-нибудь рассказать мне об этом, не так ли?

— Аркаша, — сказала она так тихо, что он почти не разобрал, что она сказала.

— Значит, одного мужчины тебе мало? — сказал Аркадий. — Или Осборн делает тебе так, как я

не умею? Как-нибудь по-особому, может, в другом положении? Спереди, сзади? Поделись-ка, пожалуйста. Или он обладает таким сексуальным притяжением, что тебе не устоять? Или тебя тянет к человеку, у которого руки в крови? Погляди, у меня сейчас на них тоже кровь. Но только не кровь твоих друзей, а кровь моего друга.

Он показал ей окровавленные руки.

— Что, — он видел ее испуг, — этого мало, не возбуждает? Правда, Осборн пытался убить тебя — видно, в этом вся разница. Вот в чем дело! Женщина спит с убийцей, потому что ей хочется испытать боль. Как же иначе? — Он запустил пальцы ей в волосы, скрутил их и поднял ее за голову. — Что, так лучше?

— Мне больно, — прошептала Ирина.

— Сдается, что тебе не нравится, — он выпустил волосы из рук. — Тогда не это. Может быть, тебя возбуждают деньги. Понимаю, они возбуждают многих. Осборн провел меня по нашей новой квартире. Какими богачами мы там будем. Куча подарков и барахла. Ты-то их заработала. Расплатилась жизнями своих друзей. Неудивительно, что тебя осыпали подарками, — он тронул пальцем воротник халата. — Это подарок? — он разорвал воротник и, рванув книзу, располосовал

халат, обнажив грудь. Над левой грудью часто пульсировало сердце, точно так же, как когда они занимались любовью. Он легко провел ладонью по животу: его и Осборна подушка.

— Ты продажная тварь, Ирина.

— Я же тебе говорила, что пойду на все, лишь бы попасть сюда.

— Теперь я тоже здесь и тоже продажная тварь, — сказал Аркадий.

Прикосновение к вей вызвало в нем двойственное чувство ярости и бессилия. Он заставил себя встать и отвернуться. И тут словно опрокинулась полная до краев чаша — из глаз, заливая лицо, хлынули слезы. Либо убью ее, либо разревусь, — подумал он, глотая горячую соль.

— Я говорила тебе, что пойду на все, лишь бы попасть сюда, — сказала Ирина, встав за спиной. — Ты мне не верил, но я предупреждала. Я не знала, что случилось с Валерией и остальными. Боялась за них, но ничего не знала. Потом, когда я могла бы рассказать тебе про Осборна? После того как я полюбила тебя, после того как мы были у тебя дома? Прости меня, Аркаша, за то, что, когда я тебя полюбила, не сказала тебе, что я продажная тварь.

— Ты там с ним спала.

— Один раз. Чтобы он увез меня оттуда. Ты тогда появился в первый раз, и я испугалась, что ты меня арестуешь.

Аркадий поднял руку. Она бессильно упала.

— Ты спала с ним и здесь.

— Один раз. Чтобы он взял тебя вместе со мной.

— Зачем? Ты хотела быть свободной, иметь собственную квартиру, хорошо одеваться — при чем тут я?

— В России тебя хотели убить.

— Возможно. Но пока не убили.

— Да потому, что я тебя люблю!

— Мое место там! Там мне было лучше.

— А мне нет, — сказала Ирина.

Он даже не подозревал, что может так плакать. Он вспомнил торчавший из живота нож Унманна — единственный раз, когда из него лилось столько влаги. Что до боли, то она мало чем отличалась.

— Мне и с тобой там не было лучше, — Ирина села. Разорванный халат свалился.

Интересно, слушают они? Аркадий подумал о всех этих миниатюризованных ушах в кровати, в диване, в аптечке. Штора на окне, как уродливый закрытый глаз. Он поднял ее и выключил свет.

— Если ты вернешься, я поеду с тобой, — сказала в темноте Ирина.

Его горячие, как кровь, слезы были слезами ярости. Мысленным взором он видел Висковых в своем кафетерии у Павелецкого вокзала, старика с тарелкой паюсной икры, обнажившего в улыбке стальные зубы, его онемевшую жену, которая светилась от радости. Они воплощали собой миллионы добрых страдающих людей.

— Тебя-то наверняка убьют, — сказал он.

— Как ты, так и я.

Он опустился на колени перед кроватью.

— Не надо было продавать себя из-за меня.

— А что еще я могла продать? — спросила Ирина. — Не за пару же сапог я продалась. Я продала себя, чтобы вырваться оттуда, начать жить. Мне не стыдно, Аркаша. Я бы стыдилась, если бы поступила иначе. И никогда не буду об этом сожалеть.

— Хотя с Осборном…

— Я тебе скажу. После этого я не ощущала себя грязной, как, говорят, в этом случае должны чувствовать себя девушки. У меня было ощущение ожога, словно с меня сошла кожа.

Она притянула его голову к груди. Он обнял ее. На нем была тяжелая, насквозь промокшая

одежда. Он содрал ее с себя. Как и память.

По крайней мере, у них есть эта постель, подумал он. Пусть больше ничего на свете, но эта постель с брошенными на нее разорванным халатом и тяжелым, как труп, пальто и этот покров ночи принадлежали ям по праву. Так или иначе, но они любили друг друга еще больше. Недавно они были до предела обессилены, мертвы, но теперь в. постели шлюхи, в чужой ночи они заново ожили.

Ирина крепко спала у него под боком.

Утром Крыса покажет Кервиллу, где соболи.

— Они на Артур-килле, — сказал ему Кервилл на обратном пути, — и, скажу тебе, куда разумнее прятать их здесь, чем за тысячу миль. Во-первых, все, как само собой разумеющееся, считают, что он держит их в тех краях, где разводят норок. Во-вторых, они у него под надзором, ему нет нужды расспрашивать кого-то еще по междугородному телефону. В-третьих, хотя вокруг Великих озер территория в сто тысяч квадратных миль, но в тех краях великое множество норковых ферм. Там, знаешь ли, по существу, один гигантский кооператив по разведению норок. Соболям нужно свежее мясо. Крупным кооперативам известно о поставках этого корма в любой уголок их лес-

ных владений. А Нью-Йорк — мясная столица Вселенной, здесь невозможно уследить, куда что направляется. Западная часть Статен-айленда сплошь покрыта лесами и болотами. Кроме этого, лишь пара нефтеперегонных заводиков, несколько обитателей, которые не суют нос в чужие дела, и совсем нет полицейских. Единственная оплошность — дыра в клетке. Соболь убежал, кто-то его поймал и пытается продать, меховщик с Манхэттена приглашает ищейку, и именно я узнаю об этом. Одна-единственная оплошность. Судьба к тебе благосклонна, Аркадий. Сейчас у тебя полоса везения.

Ближе к вечеру Билли и Родни поселятся в номере над ними. Когда стемнеет, Аркадию и Ирине останется только взобраться по лестнице, сброшенной к их окну. Нужно только выбрать момент, когда на улице будет пусто, и постучать в потолок. Из опустевших контор их никто не увидит. А там они на служебном лифте спустятся с шестого этажа в подвал и через черный ход выйдут к оставленной им машине. В «бардачке» будут ключи, деньги и детально размеченные карты. Когда они уже будут в пути, Кервилл свяжется с КГБ и предложит Ники и Рюрику ту же сделку, что и Осборн: соболей за Ирину с Аркадием. Что

останется делать Рюрику и Ники? Пленники уже скрылись. Как только ФБР обнаружит бегство, старая сделка станет недействительной и Осборн постарается запрятать соболей куда подальше. Все дело в соболях! КГБ придется быстро договориться с Кервиллом и поспешить на Статен-айленд.

Он закурил, загораживая огонек спички от Ирининого лица.

Ирина не знала. Как можно рассказать о планах побега, когда они обложены микрофонами? К тому же Она жила надеждами на сделку с Осборном — для нее она была дневным светом, виднеющимся со дна колодца. Не было смысла пугать ее, пока не вступит в действие новый план, тогда останется только махнуть ей рукой, чтобы она следовала за ним. Прежде чем она опомнится, они будут в машине.

Все зависело от пьянчужки. Что, если Крыса просто нашел соболью шкурку и сочинил всю эту историю? Или его опять хватит белая горячка и он не сможет проводить Кервилла к соболям? Осборн, должно быть, знает, что один соболь убежал. Не перепрятал ли он остальных?

Дальше. Возможно, они с Ириной не смогут выбраться. Возможно, ФБР ведет непрерывную

слежку за их окнами. Аркадий никогда не водил американские автомобили, кто их знает, как они работают. Можно и заблудиться. Карты, особенно в Советском Союзе, бывают намеренно неточными. А может быть, они с Ириной выглядят настолько русскими, что каждый узнает в них беглецов? К тому же он находился в совершенно незнакомой стране.

По крайней мере, не нужно больше верить Осборну. Как говорила Ирина, веришь тому, чему приходится верить. Она не кривила душой — все, что она хотела от Осборна, так это попасть в Америку. Следователь требовал от убийцы большего — воскрешения в памяти темных намерений, зрелища простыней, связи с пороком. У Осборна все это было.

Под потолком дым, как и мысли, собирался в облака.

Русский-следователь — убийца-американец. Никто не знал Осборна лучше, чем он, даже Ирина или Кервилл. Аркадий знал, что Осборн, чтобы тайно вывезти соболей из Советского Союза, потратил состояние. Он ни за что их не отдаст. Если они останутся у него, он станет героем Америки. Единственным преступлением Осборна было убийство в Парке Горького, а единственный

человек, который связывает его с этим преступлением, — Ирина. Он уже пытался убить ее в Москве. С тех пор ничего не изменилось, разве что теперь требуется уничтожить и Аркадия. Осборн направит Ники и Рюрика по ложному следу, а сам убьет Аркадия и Ирину, как только они выйдут из-под опеки ФБР. В этом Аркадий был твердо убежден. Но Осборн на один день опоздает.

Ирина во сне прижалась лицом к его груди. Словно вдувает в меня жизнь, подумалось Аркадию. Он погасил сигарету.

Засыпая, он пытался представить, как они будут жить в хижине Кервилла. Что за природа в штате Мэн? Тундра? Надо купить пальто и чаю — как можно больше чаю. И сигарет. Аркадий улыбнулся при мысли о будущем. Ему не очень нравилась охота, но он любил рыбалку, хотя никогда не видел каноэ, Чем еще они там будут заниматься? Он уговорит Ирину рассказать о своей жизни с малых лет, ничего не утаивая. Когда ей надоест, он станет рассказывать о себе. Их жизнь будет состоять из двух историй. Он не имел никакого представления о том, как долго они будут там оставаться. Осборн будет стараться их разыскать, но ему в то же время придется прятаться от Кервилла — они могут и подождать.

Возьмут с собой книги — американских писателей. Если там есть генератор, то у них будет свет, радио, проигрыватель. Семена для огорода: свекла, картошка, редиска. Работая на огороде, можно слушать музыку — Прокофьева, блюзы Нового Орлеана. В жаркую погоду можно купаться, а в августе пойдут грибы.

Ему снилось, что он на берегу Клязьмы. Сумерки. Вдали вдоль длинной лестницы к причалу и клумбам с пионами протянулась цепочка китайских фонариков. Плот на оранжевых бочках словно приглашает купальщиков.

Все ушли с причала на высокий берег — гости, музыканты, адъютанты. Отец с приятелями на лодке кругами гребут посередине реки. Вдруг отец берет нож и ныряет в воду.

Хотя вода абсолютно черная, Аркадий отчетливо видит мать, потому что она одета в свое лучшее белое платье. Она, кажется, парит в воде, ноги в чулках почти у поверхности, одной рукой она тянется ко дну. Когда ее вытащили, он увидел, что отец повредил ей запястье, но в конце концов так и не освободил от обрывка веревки. Аркадий впервые в жизни видел покойника. Мать была молода. Отец тоже, хотя уже был знаменитым генералом.

Как всегда в таких снах, он мучительно анализировал преступление. Сначала он думал, что ее убил отец. Она танцевала и смеялась, выглядела веселее, чем раньше, правда, временами, когда она оставалась одна, у нее кружилась голова. Но она была крепкой женщиной и плавала лучше всех, почти как русалка. Нельзя было утверждать, чтобы кто-то топил ее, — лодки на воде не было, не было и повреждений на теле. Постепенно до него дошло, что оказавшаяся на дне реки деревянная бочка, наполненная камнями, и веревка с легко затягивающейся петлей — дело ее рук. Летом она каждый день добавляла в бочку по камню для надежности. И когда пришло время — в разгар вечернего веселья, она, внешне веселая, спустилась к реке ниже по течению, подплыла к своей веревке и нырнула.

В детстве он ничего не знал о чистках среди инженеров, в армии, среди поэтов, в партии, о самоубийстве жены Сталина, но даже тогда он ощущал ужас того времени, когда белое превращали в черное. Любимые дядюшки объявлялись изменниками. Словно без причин плакали женщины. Одни фотографии рвали на клочки, другие сжигали. Ее не постигла судьба исчезнувших бесследно, потому что она была там, в воде, у всех

на виду. Вот почему отец так отчаянно пытался уничтожить следы страшной для него веревки и представил ее смерть как несчастный случай или — вслед за Сталиным — даже как убийство. В темной воде она была как восклицательный знак в конце брошенного ею обвинения. Уйдя под воду, она обретала спасение, по крайней мере в его снах.

4

Аркадий проснулся. Снег за окном мело почти горизонтально, и оттого казалось, что комната вращается. Над кроватью стояли Уэсли, Джордж и Рэй. Все в теплых пальто. Стул, которым он подпер дверь, валялся на полу. Рэй держал в руках чемодан. Джордж не выпускал пистолета. Ирина, проснувшись, накрылась простыней.

— Что надо? — спросил Аркадий.

— Одевайтесь, приказал Уэсли. — Едем.

— Куда?

— Сегодня срок, — пояснил Уэсли.

— Сделка с Осборном предполагается на завтра, — запротестовал Аркадий.

— Передвинули. Едем прямо сейчас, — сказал Уэсли.

— Но она не предполагалась до завтрашнего дня, — снова сказал Аркадий.

— Произошли изменения.

— Аркаша, какая разница? — Ирина села, прикрываясь простыней. — Нас могут освободить сегодня.

— Вы уже свободны. Делайте, что я говорю, — бросил Уэсли.

— Вы везете нас к Осборну? — спросил Аркадий.

— Разве вы хотели другого?

— Вставайте, — сказал Джордж.

— Оставьте нас. Нам нужно одеться, — сказал Аркадий.

— Нет, — ответил Уэсли, — мы должны удостовериться, что вы ничего не прячете.

— Она не встанет, пока вы здесь, — заявил Аркадий.

— Тогда я вас пристрелю, — Джордж навел пистолет на Аркадия.

— Хорошо, встаю, — Ирина удержала Аркадия за руку.

— Мера предосторожности, — заметил Уэсли.

— Вот ваша новая одежда, — Рей поставил чемодан в ногах кровати и открыл его. В нем был полный комплект одежды для обоих.

— Какой размер яиц у агента КГБ? — спросил Аркадия Джордж.

Ирина встала с постели голая, не сводя глаз с Аркадия. Она прошла вдоль окна и, расставив руки, медленно повернулась вокруг себя.

— Я не из КГБ, — сказал Аркадий.

— Думаю, что размер подойдет, — сказал Рэй Ирине.

— Теперь товарищ Ренко. — Уэсли жестом приказал Аркадию встать.

Аркадий стоял, глядя на Ирину. Если у него и были отложения жира, он потерял их во время болезни, а живя за городом под опекой Приблуды, он нарастил мышцы. Джордж нацелил свой короткоствольный револьвер в середину шрама, который начинался у ребер и терялся в шерсти лобка.

— Собираетесь прихлопнуть меня сразу и дело с концом? — спросил Аркадий.

— Такая процедура освобождает нас от беспокойства, не спрятали ли вы что-нибудь в одежде или обуви, — пояснил Уэсли. — Так проще для всех.

Ирина оделась, не обращая внимания на американцев, словно они о Аркадием были одни в номере.

— Я и сам волнуюсь, — сказал Уэсли Аркадию.

В чемодане были нижнее белье, бюстгальтер, блузка, брюки, свитер, носки, туфли и теплая куртка для Ирины и нижнее белье, рубашка, брюки, свитер, носки, туфли и теплая куртка для Аркадия.

— Наш первый снег в Америке, — сказала Ирина.

Все, как и говорил Рэй, оказалось впору. Когда Аркадий протянул руку за своими часами, Уэсли вручил ему новые.

— Точное время: шесть сорок пять, — Уэсли застегнул часы на запястье Аркадия. — Пора ехать.

— Мне бы причесаться, — сказала Ирина.

— Это вам от меня, — Рэй протянул свою расческу.

— Куда мы едем? — спросил Аркадий.

— Скоро увидите, — ответил Уэсли.

Интересно, нашел ли уже Кервилл соболей, подумал Аркадий. Как можно найти что-нибудь в такой снегопад?

— Я хотел бы кое-что сообщить лейтенанту Кервиллу, — сказал он.

— Прекрасно. Передайте мне, — предложил Уэсли.

— Я хотел бы поговорить с ним по телефону.

— Обойдетесь. Убежден, что вы хотите еще больше охмурить нас, особенно принимая во внимание ваши ночные похождения. Стоит ли?

— Какое теперь это имеет значение, Аркаша? — заметила Ирина. — Мы же на свободе.

— Дама совершенно права, — сказал Джордж и в доказательство убрал револьвер.

Рэй помог Аркадию надеть куртку.

— А перчаток-то нет, — сказал он, ощупывая карманы. — О перчатках забыли.

Агенты растерянно поглядели друг на друга.

— Купите после, — ответил Уэсли.

— После чего? — спросил Аркадий.

— У нас уже нет времени, — сказал Уэсли.

Прошлой ночью шел мелкий колючий снег. Теперь он валил крупными мокрыми хлопьями. В Москве убирать его на улицы уже вышли бы батальоны старух. Аркадия с Ириной вместе с Джорджем усадили на заднее сиденье маленькой машины. Уэсли — впереди с Рэем, который сел за баранку.

Вьюга нарушила уличное движение: словно в клубах пара, включив верхние фары, рядами двигались оборудованные снегоочистителями мусороуборочные машины, полицейские размахивали оранжевыми жезлами, уличные фонари едва пробивали снежную мглу. Скрипели колесами еле движущиеся машины. Сгорбившись, двигались пешеходы. Стекла машины запотели. Из-за теплой одежды было тесно. Аркадию, чтобы выйти, пришлось бы перелезать через Уэсли. Джордж с револьвером сидел с другого бока Ирины.

— Хотите сигарету? — открыл пачку Уэсли и

предложил Аркадию. У него, будто у девушки, от волнения покраснело лицо.

— А я думал, вы не курите, — заметил Аркадий.

— Никогда не курил. Это вам, — ответил Уэсли.

— Нет, спасибо.

— Они же пропадут, если не возьмете, — расстроился Уэсли.

Джордж сердито забрал сигареты.

Они ехали по западной стороне под эстакадой, которая частично закрывала их от снега. Внезапно возникли силуэты кораблей, стоящих у причалов.

— Куда же все-таки вы ездили с Кервиллом прошлой ночью? — спросил Уэсли.

— Не из-за этого ли вы переносите это дело на сегодня? — спросил в ответ Аркадий.

— Кервилл — опасный человек. Удивляюсь, как это вы еще остались живы, — заметил Уэсли и повторил, обращаясь к Ирине: — Удивляюсь, как он еще остался жив.

Ирина сжала руку Аркадию. Время от времени в разрывы в эстакаде врывались снежные заряды. Ирина, будто в санях, прижималась к нему.

Жесткая рубашка под курткой терла, будто тапочки на покойнике. Сигареты-то палачи

предусмотрели, подумалось ему, а вот о перчатках забыли.

Стоит ли сказать Ирине? — думал он. Но вспомнил, как она рассказывала о Костином отце, о негодяе, который выслеживал в Сибири беглецов, о том, как он выдавал себя за простого охотника, входил к беглецу в доверие, вместе ужинал и выпивал, а когда тот засыпал в сладких мечтах, гуманно перерезал ему горло. Ирина, вспомнил Аркадий, одобряла. Лучше умереть с иллюзией свободы, считала она, чем без всякой надежды. Что может быть более жестоким, чем отобрать даже ее?

А что, если он ошибается? Что, если Осборн действительно собирается поменять своих соболей на них с Ириной? Аркадий обманывался лишь секунду.

Стрелять будет Осборн, решил он. Агенты не станут марать рук, захотят остаться чистенькими и невинными. Кем представят Аркадия с Ириной? Правонарушителями? Вражескими агентами? Вымогателями? Какая разница! Осборн специалист по этой части. В сравнении с ним Уэсли мелкая сошка.

Эстакада осталась позади, открыв небо, извергавшее лавины снега. Ирина в возбуждении

крепко сжала руку Аркадия. Она была так прекрасна, что он испытывал неуместную здесь гордость.

А вдруг что-нибудь, да случится; может быть, они будут вот так бесконечно ехать. Потом он вспомнил, что в номере есть передатчик Кервилла. А вдруг Билли и Родни все слышали и теперь следуют за ними? Он вспомнил, что Кервилл с Крысой собирались пересечь канал в маленькой лодке. В такую погоду у них не получится. Если Кервилл отказался от этой затеи, то, может быть, он сейчас вместе с Билли и Родни.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Ирина.

— Я обнаружил у себя неизлечимую болезнь, — сказал Аркадий.

— Это даже интересно, — вмешался Уэсли. — Что же это за болезнь?

— Надежда.

— Я так и думал, — заметил Уэсли.

Машина встала. Рэй купил билет в будке перед зеленым зданием, на котором написано «ДЕПАРТАМЕНТ МОРЕХОДСТВА И АВИАЦИИ». Сквозь нижнюю часть здания Аркадий увидел черную воду гавани. Значит, они приехали к краю Манхэттена. По одну сторону в снежной пелене проступали изящные чугунные колонны

старого паромного причала. Сзади них остановилась машина. Сидевшая за рулем женщина в одной руке держала закрывавшую ее лицо газету, в другой — чашку кофе и сигарету.

— Что будете делать, если паромы не пойдут? — спросил Аркадий.

— Когда ураган, бывает трудно закрепить въездные настилы. А снег парому не помеха, — объяснил Уэсли. — Отправляемся точно по расписанию.

Паром причалил раньше и быстрее, чем ожидал Аркадий. Раскрылись ворота и, наклоняясь против ветра, лавируя в снегу между съезжающими с парома машинами, на причале появились пассажиры всех мастей с зонтами и портфелями в руках. Затем стали въезжать ожидавшие машины. Машина Уэсли оказалась в середине первого из трех рядов и направилась прямо к противоположному концу парома. Пешие пассажиры разместились на верхних палубах. Паром все еще прижимался к причалу, деревянные настилы подрагивали от работающих моторов. Паром быстро заполнялся. Большинство водителей поднялись в пассажирские салоны. После второго звонка матрос в бушлате вытащил и сбросил на палубу стержень, крепивший рулевое перо.

Машины, удерживающие паром у причала, заглохли; заработали моторы с противоположной стороны. Паром, отделился от причала и пошел по чистой воде.

По расчетам Аркадия видимость не превышала километра. Паром входил в безмолвную снежную пелену, которая, казалось, глушила шум его собственных машин. Отовсюду валил снег. Он словно сливался с водой. На пароме наверняка был радар, так что столкновение с другим судном не грозило. Возникла высокая волна, возможно, от идущего поблизости судна: паром, рассекая ее, лишь чуть заметно вздрогнул. Где же Кервилл? Аркадий вспомнил, как гнался за ним по замерзшей Москве-реке.

Рэй опустил стекло и глубоко вздохнул.

— Устрицы, — сказал он.

— Что? — переспросил Джордж.

— Пахнет устрицами, — пояснил Рэй.

— Ты что, хочешь есть или хочешь?.. — сострил Джордж, мельком взглянув на Ирину. — Я вот знаю, что хочу.

Паром изнутри выкрашен в ярко-оранжевый цвет. Между рядами машин черный якорь, швартов, куски соли и трубы, над головами ящики со спасательными поясами, а на верхних

палубах спасательные шлюпки. Большие красные буквы гласили: «К СВЕДЕНИЮ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ОСТАНОВИТЕ МОТОР, ПОСТАВЬТЕ ТОРМОЗА, ВЫКЛЮЧИТЕ СВЕТ, НЕ ПОДАВАЙТЕ ЗВУКОВЫХ СИГНАЛОВ, НЕ КУРИТЕ — ИЗ ПРАВИЛ БЕРЕГОВОЙ ОХРАНЫ США». Кроме слабо натянутого каната, машину от воды ничто не отгораживало. Створки ворот открыл бы и ребенок.

— Вы не против, если мы выйдем? — спросил Аркадий Уэсли.

— Зачем? Холодно.

— Полюбоваться видом.

Уэсли безмятежно склонил голову набок.

— Вид, бесспорно, прекрасный. Мне особенно нравится смотреть на окрестности в такие дни, как сегодня, когда вряд ли что увидишь. В этом случае такое занятие приобретает определенный смысл, — сказал он. — Знаете ли, я фаталист. Некоторым, наоборот, противопоказаны солнечные дни. К тому же я пессимист. Известно ли вам, что палуба этого парома — одно из излюбленных самоубийцами мест в Нью-Йорке. Правда. А вдруг вы случайно поскользнетесь и свалитесь в воду? Ворота-то хилые. Смотрите, как сыро на палубе. Попадете еще под винт или замерзнете

в воде. Так что, пока я отвечаю, давайте лучше побережемся.

— Тогда я закурю, — сказал Аркадий.

Снег был словно дома, густой, как вата. Вьюга то сплошь заволакивала все вокруг парома, то распадалась на отдельные шквалистые порывы, которые, крутясь, пробегали по поверхности воды. Перегораживающий нос парома канат, осыпаемый водяными брызгами, обледенел.

Валерия, Костя-Бандит и Джеймс Кервилл не знали, что их ждет в Парке Горького. По крайней мере, они в неведении катались на коньках до самой смерти. Даже если бы он и сказал Ирине, что они могут вдвоем? Разве справишься с тремя вооруженными агентами? Начать суматоху? Кто, да еще в такую вьюгу, посреди нью-йоркской гавани обратит внимание на сидящих в машине двух пассажиров из пяти. И поверила ли еще ему Ирина, даже если он ей скажет? Поверили ли бы ему Валерия, Костя и Джеймс Кервилл, проезжая мимо?

Вьюга сдвинулась к западу. Мимо них проплыла покрытая патиной колоссальная фигура на каменном пьедестале с высоко поднятым факелом и солнечной короной вокруг чела, хорошо знакомая даже Аркадию. Снова замело, и она

исчезла из виду.

— Ты видел? — воскликнула Ирина.

— Всего мгновение, — ответил Аркадий.

— Не уходить, — Уэсли вышел из машины и исчез на ступенях трапа.

Вода в заливе перекатывалась тяжелыми валами. Буксир толкал баржу с железнодорожными вагонами. С плававшего мусора взлетели чайки.

Аркадий заметил, что Рэй озабоченно уставился в боковое зеркало. Он явно кого-то разглядывал. Значит, за ними кто-то следовал. Аркадий поцеловал Ирину в щеку и посмотрел назад, за цепочку автомашин. На другом конце парома стояли две фигуры, трудно различимые за снежными вихрями. Когда Аркадий оглянулся еще раз, их уже не было. Но он все же узнал — один был Уэсли, а другой — рыжий агент КГБ Рюрик.

Сверху лавина снега, снизу черная вода, посредине, звоня в колокол, плясал красный буй. Вдали появился городок, разбросанный по холмистому острову. Вернулся Уэсли.

— Вот мы и приехали, — сказал он Ирине, усаживаясь в машину.

— Где мы? — спросила она.

— Городок называется Сват-Джордж, — ответил Уэсли.

— Это Статен-айленд, — сказал Аркадий.

— В общем, да, — заметил Уэсли. — Но, что бы ни говорили, это часть Нью-Йорка.

Аркадий видел, что ветхие причалы и заваленные снегом крыши казались Ирине чуть ли не тропическим островом, заросшим пальмами и орхидеями. А море было украшено взбитыми сливками. Путешествие к заветной цели для нее благополучно заканчивалось.

Волна выплеснулась на слип. Матросы закрепили пандусы на носу парома. Сбросили канат, распахнулись ворота, и машины стали съезжать на берег.

Сент-Джордж был фактически русской деревней. Улицы утопали в снегу, и движение почти остановилось. Старые заржавевшие машины. Плохо одетые прохожие в куртках с капюшонами и сапогах. Маленькие домишки с настоящими трубами, из которых шел настоящий дым. Статуя со снежными погонами на плечах. Но в магазинах свежее мясо, птица, рыба.

Расчищенный от снега проспект вел в пригород новой застройки — блочные дома, отделенные друг от друга легкими сетчатыми оградами. Церковь была похожа на взлетающую космическую ракету, а банк выглядел как бензозаправочная

станция.

Они выехали на шоссе, на котором Аркадий был прошлой ночью. Машин на шоссе было мало. За ними следовали три машины, в одной из них Аркадий разглядел Ники и Рюрика. Детективов Кервилла он не видел.

Дворники сметали снежинки. Падал ли снег или же навстречу ему, как живое существо, взлетала машина? Аркадию казалось, что он как живую ощущает прохладную кожу автомобиля, чувствует каждый оборот колес. Во рту перегар виски, под мышками пот. Он видел, что у Джорджа вспотели руки, чувствовал, как напряглись все сидящие в машине, как их тяжелое дыхание гоняло по машине прокуренный воздух.

Рэй свернул, не доезжая моста через Артуркилл. Следом пошла только одна машина. Они ехали вдоль канала, прокладывая себе путь по занесенной снегом узкой дороге мимо газгольдеров, высоковольтных линий и посеребренных снегом зарослей тростника на болотистой обочине.

Аркадий понял, что жизнь упрощается, обе ее половинки соединились. Внешние элементы, вроде Билли и Родни, теперь отсутствовали. Дорожные указатели были на чужом языке, но дорога вела в неизбежное.

Аркадий все понял. Осборн рассчитывает убить их с Ириной, когда уведет КГБ за тысячу миль от своих соболей. Но Ники с Рюриком ехали следом за ними. Не надо было даже строить догадки — все было перед глазами. От двойных осведомителей по взаимному согласию всегда можно и избавиться. Тем более от человека, который оказал обеим сторонам слишком много услуг и требовал взамен слишком многого. Что оставалось делать Уэсли? Осборн отказался скрыться. Бюро придется охранять не только его самого, но и растущее соболиное хозяйство. Наконец Аркадий нащупал симметрию. Так же определенно, как два глаза и две руки, существовали две похожие друг на друга и равные по силе активные армии. Сначала Осборн убьет их с Ириной, а потом Уэсли-Джордж-Рэй-Ники-Рюрик убьют Осборна.

Они проехали мимо загона для скота, где в снегу одиноко глядела на них гнедая лошадь.

Пальцы Ирины переплелись с его. Хотя петля туго затянулась вокруг запястья матери, ее ладонь была раскрыта, словно ей хотелось захватить еще больше воды.

У сарая для машин ржавели грузовики, оставляя на снегу рыжие клочья.

Даже самый безумный убийца, каким был Ос-

борн, — всего лишь человек, непредсказуемый и в конечном счете уязвимый. Политика, как и снег, выделяла в мире самое главное. Там, в поле, как неразборчивые каракули, валялось какое-то сельскохозяйственное орудие, ряд изогнутых лемехов.

В низком поклоне склонились отяжелевшие деревья.

Вторая машина далеко отстала. Однако Аркадий чувствовал ее, словно капельку пота у себя на спине.

Пот был холоднее снега.

Рэй свернул в ворота свалки металлического лома. Словно из канала выплеснулось море снега, оставив после себя все, что сделано из металла. Разоренные корпуса судов, плывущие по белым волнам локомотивы. Автобусы, валяющиеся поверх грузовиков, стоящие торчком вагоны нью-йоркской надземки, якоря на крышах прицепных домиков. Повсюду крупными буквами предупреждающие объявления: НЕ ВХОДИТЬ. ОСТОРОЖНО, СОБАКИ. Конторка с прибитыми к ней табличками с текстами лицензии. Но оттуда никто не вышел навстречу. Аркадий заметил, что они едут по шинному следу трех-четырехчасовой давности. Рэй вел машину таким образом, будто

без него он потерял бы дорогу. Машина неуверенно лавировала между островами товарных вагонов, крановых противовесов, самих кранов, горами засыпанных снегом беспорядочно наваленных деталей турбин и гребных винтов, мимо рыхлых откосов из цепей и всякого лома. Колея вела дальше, мимо платанов и лип, в поле с подъемными кранами, шла мимо виноградников. Между деревьями, будто упали туда с неба, тоже виднелись брошенные автомобили и автобусы.

На фоне снега внезапно возникла ограда из панцирной сетки с тремя рядами колючей проволоки поверху. Все высокие деревья на двадцать метров вглубь вырублены под корень. Аркадий не сомневался, что забор стоял на бетонном фундаменте. На столбах изоляторы — значит, по проволоке пропускают ток. Глаз заметил коричневую пичужку, порхавшую с ограды на изолятор и обратно. Ток отключен. На телефонной будке объявление: СТОРОЖЕВЫЕ СОБАКИ! НЕ ВЪЕЗЖАТЬ, НЕ ПОЗВОНИВ! Ворота широко распахнуты, как бы приглашая въезжать.

Дорога, скорее всего, намеренно петляла между деревьями. На одном из поворотов колея, по которой они ехали, раздвоилась. Машина, которая прошла раньше, продолжала двигаться по до-

роге, другая повернула, прокладывая путь через кустарник.

У следующего поворота их “сдал Кервилл. Он стоял лицом к ним под большим вязом, подняв руку. Рэй остановил машину в метре от него. Кервилл не двигался, неподвижный взгляд направлен сквозь машину. На плечах, на шляпе и манжете поднятой руки толстый слой снега. У его ног вытянулись трупы двух огромных серых псов. Аркадий увидел, что из-под распахнутого пальто выступал комок припорошенных снегом внутренностей. Снег запорошил и два розовых отверстия на груди. Лицо совершенно белое. Тут Аркадий заметил на поясе и запястьях веревки, которыми Кервилл был привязан к дереву. Выйдя из машины, они увидели, что все вокруг забрызгано кровью. Псы схожи с сибирскими лайками, но более поджарые и длинноногие, больше походили на волков. У одного размозжена голова. Глаза Кервилла светлее обычного, радужная оболочка провалилась. На лице выражение усталости, словно он приговорен всю жизнь нести на себе дерево.

— Боже! — воскликнул Рэй. — Это же не предусматривалось.

— Не трогайте его, — предупредил Джордж.

Аркадий закрыл Кервиллу глаза, застегнул пальто и поцеловал в холодную щеку.

— Отойдите от него, пожалуйста, — сказал Уэсли. Аркадий отошел. Ирина была белее Кервилла, резко обозначилась потемневшая метка на щеке. Поняла ли она наконец? Вспомнила ли Костю, увидев Кервилла? Догадалась ли, кому уготована участь Валерии? Поняла ли она наконец, как недалеко они ушли от Парка Горького?

Сзади из-за деревьев вышел Осборн с ружьем в руках. У ног — третий серый пес с черными пятнами у глаз и вокруг шеи. Морда в засохшей крови.

— Он убил моих собак, — пояснил он Аркадию, взмахом ружья указывая на Кервилла. — За это я ему выпустил кишки. Потому что он убил моих собак.

Он разговаривал с Аркадием, словно рядом никого не было. На нем был охотничий костюм, сапоги со шнуровкой, зеленая егерская шляпа и перчатки из свиной кожи. Ружье спортивной модели с оптическим прицелом. На поясе в ножнах тяжелый нож. Аркадий заметил, что снег перестал — не падало ни снежинки, даже с гнувшихся под снегом ветвей. Место действия обрамляла фарфоровая белизна.

— Вот вам ваши друзья, — сказал Уэсли.

Осборн, однако, продолжал разглядывать покойника.

— Вы обязались держать Кервилла от меня подальше. — бросил он Уэсли. — Вы обещали обеспечить мне охрану. Если бы не собаки, он бы меня достал.

— Но не достал же, — возразил Уэсли. — А теперь он не помеха.

— Не ваша заслуга, — отрезал Осборн.

— Главное, — сказал Уэсли, — что мы доставили ваших друзей. Теперь они полностью в вашем распоряжении.

— И сотрудников КГБ, — добавил Аркадий.

Уэсли, Джордж и Рэй, которые начали было отходить в сторону от Аркадия с Ириной, остановились.

— Ловкий ход, — сказал Уэсли Аркадию. Потом обернулся к Осборну. — Вы правы, а я ошибался. Этот русский действительно умен, но он доведен до безрассудства и потому лжет.

— Зачем ты это сказал, Аркаша? — спросила Ирина. — Ты же все испортишь!

Нет, подумал Аркадий, она все еще не понимает.

— Откуда вы это взяли? — спросил Осборн Аркадия.

— Уэсли встречался с одним из них на пароме. Он выходил из машины поговорить с ним, — ответил Аркадий.

— Когда мы были на пароме, шел снег, была метель, — Уэсли старался говорить как можно убедительнее. — Он вряд ли вообще мог видеть что-либо из машины, не говоря уж о том, чтобы засечь тайную встречу.

— Вы кого-нибудь узнали? — спросил Осборн Аркадия.

— Видимость, верно, была плохая, — признал Аркадий.

— Стоит ли его вообще спрашивать? — вмешался Уэсли.

— Но я даже в метель узнаю рыжего антисемита — офицера КГБ, — сказал Аркадий.

— Извините, — ответил Уэсли Аркадию, — но вам никто не поверит.

Но ни Аркадий, ни Осборн не замечали Уэсли. Они вполне могли остаться один на один. Кто больше других заслуживает этого, как не убийца и следователь? Два человека, которые сошлись с противоположных сторон убийства. А также с противоположных сторон постели. Это была интимность вдвойне, которой не удостоиться даже Ирине. Кто, кроме них, был способен физи-

чески ощущать вес снега, пока висящего в небе, и чуть ли не слышать звучащую в воздухе музыку Чайковского? Осборн испытующе смотрел на Аркадия, тот не отводил глаз. Поверяй мои слова, думал Аркадий, обнюхивай, пробуй на вкус. Я чувствую, как ты ступаешь внутри меня, подобно волку на снегу. Попробуй на ощупь мою ненависть — она в сердце. А вот неотвратимость возмездия требует мужества, которое всегда в желудке. Всего этого не хватило Кервиллу. У меня их в достатке. Теперь-то ты знаешь?

Уэсли не сводил с них глаз и в последний момент сделал знак Рэю.

Осборн выстрелил, почти не целясь. Голова Уэсли дернулась. Половины его гладкого лба как не бывало. Он упал на колени и затем рухнул грудью на землю. Пока Рэй пытался освободить пистолет из кобуры, спрятанной под пальто и курткой, Осборн движением затвора выбросил гильзу, вставил в казенник свежий патрон и выстрелил снова. Рэй сел на землю, глядя на окровавленную руку. Он медленно поднял ее, посмотрел на дыру в груди и завалился на бок. Пес Осборна бросился на Джорджа. Джордж выстрелил, когда тот был в воздухе. Пес замертво упал на землю. Плечо Осборна окрасилось кровью. Аркадий сообразил,

что издали стрелял еще кто-то. Джордж откатился за дерево. Аркадий повалил Ирину в снег, Осборн исчез за деревьями.

Они лежали, уткнувшись лицом в снег. Услышали, как мимо пробежал Джордж, а потом кто-то еще. По-английски перекликались голоса, некоторые с русским акцентом. Он узнал голоса Рюрика и Ники. Аркадий подполз к Рэю и вытряхнул из его пальто револьвер. Из кармана выпали и ключи от машины.

— Можно захватить машину, — сказала Ирина, — и уехать.

Он вложил ей в руку ключи, оставив себе револьвер.

— Уезжай, — сказал он, а сам кинулся в лес вслед за другими. Нащупал и освободил предохранитель с левой стороны барабана. Следы на снегу легко различались: Джорджа, Осборна и еще две пары с противоположной стороны. Он слышал впереди возбужденные крики и треск веток. Раздался ружейный выстрел, за ним беглый огонь из пистолетов.

Звуки борьбы отдалялись. Аркадий крадучись двинулся дальше. В снегу на спине со странно подогнутыми ногами лежал мертвый Ники. Немного дальше увидел следы Осборна, который в

этом месте сделал петлю и устроил засаду.

Перестрелка прекратилась. Наступила тишина. Аркадий перебегал от дерева к дереву. Дыхание, казалось, было слышно по всему лесу. Изредка от ветра на землю шлепались комья снега, заставляя его испуганно подпрыгивать. Он услышал другие звуки, которые поначалу принял за птичий щебет, резкий возбужденный писк, то усиливавшийся, то ослабевавший в зависимости от порывов ветра. Лес заканчивался второй, внутренней оградой из панцирной сетки и парусины. В проломе, опутанная парусиной и изоляторами, застряла машина Кервилла. Водитель находился внутри. Вокруг отверстия на заднем стекле разбегались трещины. На переднем сиденье выпрямившись сидел Крыса. Он был мертв. На лице из-под порванной шапочки лентами запеклась кровь.

Аркадий подошел к другим воротам. Они были открыты, въезд пересекали почти засыпанные снегом отпечатки шин и свежие следы бежавших людей. Внутри ограды обитали соболи Осборна.

Огороженный участок имел прямоугольную форму, примерно сто метров на шестьдесят. Простая планировка. У ворот располагались баки из гофрированной стали для отходов и конура для

собак, с кольца свисали три цепи. Следы колес вели к дальнему концу, где у одноэтажного бетонного здания стояла автомашина Осборна. Здание казалось достаточно большим, чтобы разместить там холодильники, кухню и карантинный отсек. Человеческие следы вели к навесу с соболями. Генералы во Дворце пушнины просчитались — Аркадий насчитал десять поднятых на сваи открытых навесов под деревянными крышами, каждый длиной двадцать метров, в которых размещалось по два ряда клеток, разделенных проходом. В каждом ряду четыре клетки — выходит, всего около восьмидесяти. Восемьдесят соболей в Нью-Йорке! Отчетливо разглядеть зверьков было невозможно — они возбужденно метались в клетках. Не видно и Осборна, Джорджа и Рюрика, хотя укрыться практически негде — только пластмассовые контейнеры у каждого навеса и забетонированные дренажные желоба под каждым рядом клеток. Американский револьвер необычной модели, с коротким стволом, явно не годился для прицельной стрельбы. Да и сам он был не ахти какой стрелок. Вряд ли кого поразишь, если стоять у служебного здания или у конуры. Он побежал к ближайшему навесу.

Сначала он услышал выстрел, а уж потом свист

пули. Должно бы быть, наоборот, подумал он. Он споткнулся, но удержался на ногах. Из пистолета вряд ли попадешь в грудь припавшего к земле человека, подумал он. А вот ружейный заряд достал бы. Он нырнул под клетки. Больно царапнуло по ребрам.

Над ним яростно верещали соболи. Они безостановочно метались по стенкам из оцинкованной сетки. Зверьки больше походили на кошек, нежели на животных своей породы, пушистые ушки тревожно вздрагивали, хвосты сердито ощетинились, движения были настолько быстрыми, что в клетках мелькали только их темные очертания. Поразительный заряд жизненной энергии! Это были дикие, не ручные, звери, разъяренные до предела. Злобно шипя, они пытались достать его сквозь серебристые ячейки. Лежа на спине, Аркадий поглядел сквозь ряды навесов и разглядел две пары ног. Между одной парой ног возникло перевернутое лицо с угрюмым взглядом темных глаз. Рядом с лицом появился револьвер. Это был Джордж. Он выстрелил. Аркадия обдало жидкими фекалиями из желоба. Аркадий прицелился. Нет, слишком далеко. Он перевалился через желоб к следующему навесу, ближе к Джорджу, и, когда прицелился снова, раздался ружейный выстрел.

Аркадий увидел, как попятились назад ноги Джорджа, голова все еще опущена, револьвер болтался на пальце. Другой рукой Джордж, казалось, пытался достать до спины. Ноги двигались все более неуверенно, голова опустилась еще ниже. И вот он спиной свалился на пластмассовый контейнер в конце навеса. Контейнер перевернулся. По снегу разлился розовый суп из рыбьих голов и конины. Джордж остался лежать в луже.

— Аркадий Васильевич, — послышался голос Рюрика.

Рюрик вышел из-под навеса, в котором прятался Аркадий, и остановился над ним. В руке автоматический пистолет Макарова. Теперь они вместе пойдут на Осборна, подумалось Аркадию, но Рюрик судил о противниках иначе и не привык колебаться. С ироническим сочувствием высшего судьи — все мы люди, особенно мы, украинцы, — офицер КГБ поднял пистолет двумя руками и направил на Аркадия. Но выстрелить не успел, рыжие волосы вместе с кожей и серыми хлопьями мозга снесло пулей. Рюрик ничком упал в снег. На этот раз звук выстрела раздался, как положено, после.

Все еще лежа на спине, Аркадий посмотрел вдоль навесов и увидел ноги Осборна, по край-

ней мере через шесть навесов от себя. Ружье с оптическим прицелом. Оттуда Осборн просматривал всю линию навесов и выбирал себе цели. Аркадий перекатился еще на один па-вес ближе к Осборну и вскочил на ноги.

Он пробежал еще два навеса, мимо трупа Джорджа, валяющегося в луже соболиной похлебки. У следующего навеса, когда Осборн, увидев его, поднял ружье, Аркадий нырнул в деревянный проход между рядами клеток. Часть соболей попряталась в своих конурах, остальные, преследуя Аркадия, метались по клеткам, прыгали на сетку. На каждой клетке, заметил он, своя диаграмма, свое окошечко для подачи корма и отдельный замок. Пока он двигался, а соболи метались по клеткам, у него оставался шанс. Подобраться бы поближе, и тогда у него было пять-шесть выстрелов из револьвера против ружья, которое нужно каждый раз перезаряжать. Пробегая мимо клеток, он ударял по ним ладонью, вспугивая Соболей. Он ощущал тщетные усилия стрелка поймать его в прицел, не задев мечущихся зверьков.

Аркадий в два прыжка добежал до следующего навеса и заскочил в проход, стуча по сетке и пугая соболей криком. Длиннохвостые зверьки прыгали со стен на потолок, оттуда на пол, яростно

брызгая слюной и пуская струйки мочи. Одна рука кровоточила — один из них укусил его сквозь сетку. И он упал на пол — пуля попала в бедро. Огляделся — не страшно, сквозное ранение в мякоть. Снова вскочил на ноги. Он понял, что Осборн выстрелил, когда он пробегал, мимо пустой клетки. Очевидно, пуля изменила направление, иначе бы конец. Крыша навеса забита свежими досками, сетка заново покрашена, в проходе ломик и ящик с инструментом. Должно быть, клетка, из которой убежал соболь. Выскочив из-под навеса, он увидел бегущего навстречу Осборна. Аркадий нырнул под клетки в дренажный желоб и выстрелил первым. Но забыв о раненой ноге, он потерял равновесие из-за пронзившей ее боли.

Тут он услышал голос Ирины. Она стояла в воротах и, не видя его, громко звала. Осборн приказал ей не двигаться.

— Следователь, выходи! — заорал Осборн. — Револьвер можешь оставить себе. Я отпускаю вас обоих. Выходи, или я убью ее.

— Беги, — крикнул Аркадий Ирине.

— Ирина, я отпущу вас обоих, сказал Осборн. — Берите машину и уезжайте. Следователь ранен. Ему нужна медицинская помощь.

— Я без тебя не поеду! — крикнула Ирина Аркадию.

— Аркадий, можете ехать вместе, — убеждал Осборн, — Даю вам слово. Но выходите немедленно, иначе я ее убью. Немедленно.

Аркадий вернулся к пустой клетке. Он поднял ломик, вставил узким концом в дужку замка, запиравшего соседнюю клетку. Соболь в клетке затих, следя за его движениями. Аркадий всей тяжестью навалился на ломик и дужка с треском лопнула. Не успела распахнуться дверь, как соболь прыгнул Аркадию на грудь, мелькнул в проходе и выскочил из-под навеса. Аркадию еще не приходилось видеть такого стремительного бега. Соболь стрелой летел по снегу на своих мягких пушистых лапках, взметая хвостом снег. Аркадий вставил ломик в следующий замок и снова нажал на него.

— Нет! — завопил Осборн.

Аркадий поймал выскакивавшего из клетки соболя и держал перед собой. Тот царапался, пытаясь вырваться. Осборн стоял в конце прохода с вскинутым ружьем. Аркадий швырнул в него соболя. Осборн, шагнул в сторону, снова вскинул ружье и выстрелил. Аркадий упал — опять подвела нога — и открыл стрельбу. Две первых

пули попали Осборну в живот. Осборн загнал в казенник еще патрон. Следующими двумя выстрелами Аркадий поразил Осборна в сердце. Пятая попала ему в горло, когда он уже падал. Шестая пролетела мимо.

Аркадий, шатаясь, выбрался из-под навеса. Осборн лежал на спине, все еще сжимая ружье. Внешне было незаметно, что в него только что всадили пять пуль. Странно, но Аркадий не видел в нем мертвеца, ему даже казалось, что он не в охотничьем костюме, а в более изысканной одежде с налетом элегантности. Аркадий сел рядом. Глаза Осборна были закрыты, словно у него было время принять достойный вид. Аркадий видел, как тепло покидало тело убитого и оно начинало коченеть. Он устало снял с Осборна ремень и перетянул рану на ноге. Постепенно до него дошло, что над ним стоит Ирина. Она смотрела, не отрывая глаз. Чудилось, что на лице Осборна застыло выражение торжества, словно победа осталась за ним.

— Как-то он мне сказал, что любит снег, — произнес Аркадий. — Может, так оно и есть.

— Куда мы теперь?

— Уезжай.

— Я пришла за тобой, — сказала Ирина. — Скро-

емся отсюда и останемся в Америке.

— Я не хочу оставаться, — Аркадий взглянул на него. — И никогда не хотел. Я приехал только потому, что знал, что Осборн тебя убьет, если я не приеду.

— Тогда вместе вернемся домой.

— Ты уже дома. Теперь ты американка, Ирина, как тебе всегда хотелось, — улыбнулся он. — Ты больше не русская. Мы всегда были разными людьми, и теперь я понял, в чем эта разница.

— Ты тоже станешь другим.

— Я русский, — он постучал себе в грудь. — И чем дольше я здесь, тем больше чувствую себя русским.

— Нет, — она гневно потрясла головой.

— Взгляни на меня. — Аркадий поднялся. Нога онемела. — Не плачь. Видишь, кто я такой: Аркадий Ренко, бывший член партии и старший следователь. Если ты меня любишь, скажи по правде: какой из меня американец? Говори же! — воскликнул он. — Согласись, разве я не русский?

— Мы же все это время были вместе. Я не отпущу тебя одного, Аркаша…

— Пойми же, — он зажал ее лицо в ладонях, — я не такой смелый, как ты. Мне не хватает смелости остаться. Пожалуйста, дай мне вернуться. Ты

будешь той, что ты уже есть, а я останусь таким, какой я есть. Я всегда буду тебя любить, — он осыпал ее поцелуями. — Так беги же.

— Соболи…

— Оставьте это мне. Поезжай, — он слегка подтолкнул ее. — Обратно будет ехать легче. Не появляйся в бюро. Ступай в полицию, в госдепартамент, куда угодно, только не в ФБР.

— Я люблю тебя, — она попыталась удержать его руку.

— Что мне, гнать тебя камнями? — спросил он.

Ирина выпустила руку.

— Так я пошла? — сказала она.

— Будь счастлива!

— Будь счастлив, Аркаша!

Она перестала плакать, откинула волосы, посмотрела вокруг и глубоко вздохнула.

— По такому снегу не помешали бы валенки, — сказала она.

— Верно.

— Я хорошо вожу машину. И погода, кажется, проясняется.

— Да.

Она прошла несколько шагов.

— Ты не пришлешь весточку? — оглянулась она. Измученный взгляд, в глазах слезы.

— Обязательно. Ведь письма доходят, не так ли? Времена меняются.

В воротах она снова остановилась.

— Как я могу тебя покинуть?

— Это я тебя покидаю.

Ирина вышла за ворота. Аркадий отыскал в одежде Осборна портсигар, закурил, слушая, как шумят под ветром ветки. Наконец он услышал урчание заработавшего мотора. Услышали и соболи — у них острый слух.

Итак, подумал Аркадий, налицо три сделки. Первая с Осборном, вторая с Кервиллом, а теперь с ним. Он вернется в Советский Союз, чтобы КГБ разрешил Ирине остаться в Америке. Он поглядел на Осборна. Но что я могу предложить, кроме самого себя? Соболей, разумеется. От них надо избавиться.

Он взял ружье из рук Осборна и заковылял к навесам. Интересно, сколько у него патронов? Погода прояснялась. Соболи успокоились, внимательно следили за ним, прижавшись к сетке.

— Прошу меня простить, — произнес вслух Аркадий. — Я не знаю, что с вами сделают американцы. Жизнь показала, что доверять никому нельзя.

Они, прильнув к сетке, настороженно смотрели

на него. Черные как уголь шкурки.

— Мне выпала доля палача, — сказал Аркадий: — Ведь они добьются от меня правды. Это не те люди, что поверят неправде, сказочкам или небылицам. Жаль, но…

Он слышал, как бешено бились их сердечки в унисон с его собственным.

— Итак…

Аркадий отшвырнул ружье и взял в руки ломик. Неуклюже, стоя на одной ноге, он сломал замок. Соболь выскочил из клетки и через секунду уже был на заборе. Потом наловчился — машинально вставлял ломик и нажимал на него. И так клетка за клеткой. Сигареты действовали, как аспирин. Каждый раз, когда открывалась дверца очередной клетки, он с восторгом следил, как оттуда стремглав выпрыгивал дикий зверек и мчался по снегу — черное на белом, черное на белом, черное на белом, — и наконец исчезал.